Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2021 – № 4 (27)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2021

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – № 4 (27) – 237 с. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2021-4-27

2021, № 4 (27). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран(германский языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021

© Авторы статей, 2021

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2021. – № 4 (27). – 237 pages. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2021-4-27

2021, № 4 (27). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, professor of russian language, Middleberry college (USA); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **Jef Verschueren**, doctor of philology, professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **E. I. Goroshko**, doctor of philological sciences, doctor of socialogical sciences, professor, head of department of cross-cultural communication, Kharkov polytechnical institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; G. E. Kreidlin**, doctor of philological sciences, professor, department of russian language, Institute of linguistics, Russian state university for humanities; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, doctor of philological sciences, professor, department of english language, Military university of Ministry of defence (Moscow); **Ivo Pospishyl**, doctor of philology, professor, head of Institute of slavic philology of philosophy faculty of Masayk university, Brno (Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of social communications, Mariupol state university (Ukraine); **Renate Rathmayr**, doctor of philology, professor, head of department of slavic languages, Vienna university of economics (Austria); **I. B. Rubert**, doctor of philological sciences, professor of department of language theory and theory of translation of humanitarian faculty of Saint-Petersburg state university of economics and finance; **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, doctor of philological sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, director of center of communicative researches, professor of department of general linguistics and stylistics of Voronezh state university; **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Evelyne Enderlein**, doctor of philology, professor Emeritus of Strasburg university, vice-president of russian philology association in France (France); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky ; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:
5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)
Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts
Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/
Mass media registration:
The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media
PI № FS 77 75453, 05.04.2019
Conditions for the publishing article in the scientific journal
«Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2021
© Authors of the articles, 2021

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 4 (27) – 2021

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Иванов Н. Н., Макеева С. Г. Мотивы сверхбессознательного и бессознательного в русской литературе: сумеречные сцены и образы 8

Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха как литературный памятник XI–XII в. и политическое послание Руси 17

Левшун Л. В. Рациональное и эмоциональное в творчестве Симеона Полоцкого 28

Леденев А. В., Руденко М. С. Роман Алексея Иванова «Тени тевтонов» на фоне его прежних произведений 37

Патрикеева М. В. Актуализация в русской поэзии воспоминаний об Отечественной войне 1812 года в контексте Крымской войны 1853–1856 годов 45

Медиакоммуникации и журналистика

Тельнова И. Н. Коммуникационная стратегия продвижения научных проектов в медиасреде: прагматический подход 55

Цветкова О. Л. Сторителлинг как инструмент бренд-коммуникации 66

Русский язык

Голосова Е. А. Идиостилевые особенности использования антропонимов в повести Н. С. Дашевской «Вилли» 75

Фокина М. А. Костромские топонимы в воспоминаниях Александра Зиновьева «В медвежьем углу» 86

Николина Н. А., Петрова З. Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы 93

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Мишенькина Е. В. Ритм и его национальная специфика в политической публичной речи 102

Воронцова И. А., Комолова Е. С. Особенности трансляции фигур ритма при переводе публицистических текстов 108

Шляхтина Е. В. Функционально-семантическая специфика диакопы (на материале англоязычных и русскоязычных твитов) 119

Воробьева С. Н. Речевой акт ‘молчание’в структуре коммуникации в сакральной сфере _____ 128

Пром Н. А. Метод субъектного позиционирования как способ выявления аксиологических характеристик (на примере медиатекста)_____ 135

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Цыбова И. А. О лексической синонимии в романских языках _____ 144

Бахвалова Л. Е., Ухова Л. В. Структурно-семантические характеристики французского молодежного арго_____ 150

Барушкова С. Б., Комиссарова А. Р. Лексико-семантический анализ образа России (на материале современной французской прессы) _____ 158

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Старостина Ю. С. Роль заглавий в формировании лингвоаксиологической специфики англоязычного драматургического дискурса_____ 165

Никулина М. А. Специфика семантического компонента англоязычных неологизмов периода пандемии COVID-19 _____ 176

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

Хренов Н. А. Концепт «Другого» в конструировании цивилизационной идентичности_____ 187

Кочешков Г. Н., Гребенщиков А. В. Репрезентация образа целинника в советском художественном кинематографе_____ 197

Ерохина Т. И. «Кому на Руси жить хорошо»: парадоксы поэмы Н. А. Некрасова на сцене современного театра_____ 205

Ильгова Д. А. Визуальная поэзия как игра _____ 214

Воробьева О. Ю. Исторический город в современной культуре: культурологический дискурс и юридический статус _____ 220

Чирскова И. М. Коты на государевой службе в России XVIII века _____ 231

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 4 (27) – 2021

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

Ivanov N. N., Makeeva S. G. Motives of the super unconscious and the unconscious in russian literature: twilight scenes and images 9

Philippovsky G. Yu. «Testament» by Vladimir Monomakh as a literary landmark of the XI–XII centuries and the political message to Russia 17

Levshun L. V. The rational and emotional in the works by Simeon of Polotsk 28

Ledenev A. V., Rudenko M. S. Alexei Ivanov's novel «Shadows of the Teutons» against the background of his earlier works 37

Patrikeeva M. B. Actualizing memories of the 1812 Patriotic War in the context of the Crimean War of 1853–1856 45

Media communications and journalism

Telnova I. N. Communication strategy for promoting scientific projects in the media environment: pragmatic approach 56

Tsvetkova O. L. Storytelling as a tool of brand communication 66

Russian language

Golosova E. A. Idiostyle features of using anthroponyms in N. S. Dashevskaya's «Willie» 75

Fokina M. A. Kostroma toponyms in Alexander Zinoviev's memoirs «In Godforsaken Place» 86

Nikolina N. A., Petrova Z. Y. Key figurative fields in modern russian prose 93

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Mishenkina E. V. Rhythm and its national specificity in political public speech 102

Vorontsova I. A., Komolova E. S. Reproduction of rhythmic devices in the translation of publicistic texts 108

Shlyakhtina E. V. Functional and semantic specificity of diakopa (on the material of tweets in english and russian) 119

Vorobyeva S. N. The speech act 'silence' in the structure of sacred communication 128

Prom N. A. The method of subject positioning to identify axiological characteristics of a media text 135

Languages of foreign countries (romance languages)

Tsybova I. A. On lexical synonymy in romance languages _____ 144

Bakhvalova L. E., Ukhova L. V. Structural and semantic characteristics of french youth argot _____ 150

Barushkova S. B., Komissarova A. R. Lexical-semantic analysis of Russia's image in the modern french press _____ 158

Languages of foreign countries (germanic languages)

Starostina Y. S. The role of titles in forming linguistic axiological features in english drama discourse _____ 165

Nikulina M. A. The peculiar nature of the semantic component of english «Coronavirus» neologisms _____ 176

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

Khrenov N. A. The concept of the «Other» in the construction of civilizational identity _____ 188

Kocheshkov G. N., Grebenshchikov A. V. Presenting the image of a virgin lands worker in soviet cinematography _____ 197

Erokhina T. I. Who is Happy in Russia?: paradoxes of N. A. Nekrasov's poem in contemporary theater _____ 205

Ilgova D. A. Visual poetry as a game _____ 214

Vorobyeva O. Yu. The historic city in modern culture: culturological discourse and legal status _____ 220

Chirskova I. M. Cats' state service in the 18th century Russia _____ 231

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-8-16

Мотивы сверхбессознательного и бессознательного в русской литературе: сумеречные сцены и образы

Николай Николаевич Иванов[1]✉, Светлана Григорьевна Макеева[2]

[1]Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

[2]Доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

[1]Claus758@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-6292-2903

[2]vvmaketi@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9851-5971

Аннотация. Целью работы стала актуальная научная историко-литературная проблематика: выявление и анализ так называемых *ночных* мотивов и образов, *сумеречных* сцен в русской литературе XIX–XX веков. Внимание исследователей традиционно привлекают иные стороны художественного сознания и творческих поисков русских писателей, те, символом которых являются свет, солнце. Не умаляя их значения, авторы остановились на сторонах менее изученных, но не менее интересных – ночных, лунных, погружённых в мистические тайны, небесный свет, как и свет душевных глубин, и потому особенно властных над душой, разумом как гранями личностного духовного бытия.

О персоналиях: М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, А. М. Горький, М. М. Пришвин. Выбранные творческие личности далеко стоят друг от друга, представляют разные эпохи, направления, индивидуальные стили письма. Не остался в стороне и историко-литературный контекст: востребованные русской литературой мотивы, образы немецкого романтизма, мифологии. Это позволило, думается, проиллюстрировать объективность поставленной проблемы и решить поставленные в работе задачи в соответствии с принятыми подходами к изучению историко-литературных явлений: типология мотивов и её реализация в художественном сознании эпохи, индивидуальных авторских поисках. Конечно, это потребовало и уточнения, прояснения ряда дефиниций, конкретизации контекста, анализа творчества, конкретных текстов с позиций художественной семантики, онтологии, поэтики.

В числе наиболее значимых результатов работы отметим следующие. Мотивы сверхсознательного и бессознательного в русской литературе представлены, осмыслены как закономерность историко-литературного процесса и как проявление индивидуальных поисков, личностных устремлений. Сделаны наблюдения в области изучения философии, эстетики и поэтики прозы, выразительности сочинений названных писателей и поэтов. Дневники, документ учтены как полноценное звено художественного наследия. Использованные подходы к материалу обусловили оригинальный взгляд на проблему мастерства и позволили раздвинуть сложившиеся представления о типах художественного мышления. В работе даны новые оценки ряду известных произведений, уточнена, показана связь авторской позиции с мифологией и фольклором, компонентами внешней и внутренней формы.

Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XX века.

Ключевые слова: мотивы и архетипы в русской поэзии и прозе XIX–XX веков; М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, А. М. Горький, М. М. Пришвин; творческая индивидуальность и литературный процесс

Для цитирования: Иванов Н. Н., Макеева С. Г. Мотивы сверхбессознательного и бессознательного в русской литературе: сумеречные сцены и образы // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 8–16. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-8-16

© Иванов Н. Н., Макеева С. Г., 2021

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Motives of the super unconscious and the unconscious in russian literature: twilight scenes and images

Nikolai N. Ivanov[1]✉, Svetlana G. Makeeva[2]

[1]Doctor of philological sciences, professor, department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

[2]Doctor of pedagogical sciences, professor, dean of the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

[1]Claus758@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-6292-2903

[2]vvmaketi@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9851-5971

Abstract. The aim of the work is topical scientific historical and literary problems: identification and analysis of the so-called night motifs and images, twilight scenes in Russian literature of the XIX–XX centuries. The researchers' attention is traditionally attracted to other sides of the artistic consciousness and creative pursuits of Russian writers, those symbolized by light, the sun. While not diminishing their importance, the authors concentrate on the aspects less studied, but no less interesting – night, moonlight, mystical secrets, heavenly light, as well as the light from the depths of the soul, and therefore especially powerful over the soul and mind as facets of personal spiritual being.

About the personalities: M. Y. Lermontov, N. A. Nekrasov, A. M. Gorky, M. M. Prishvin. The creative personalities chosen are far apart, representing different eras, directions, and individual writing styles. The historical and literary context has not been left aside: the motifs demanded by Russian literature, images of German Romanticism, mythology. This allowed us to illustrate the objectivity of the raised problem and solve the tasks set in the work in accordance with the conventional approaches to studying historical and literary phenomena: the typology of motives and its implementation in the artistic consciousness of the epoch, individual author's searches. This also requires clarification of some definitions, specification of context, analysis of the writers' work and specific texts from the standpoint of artistic semantics, ontology and poetics.

Among the most significant results of the work are the following: the motives of the superconscious and unconscious in Russian literature are presented and interpreted as a pattern of the historical and literary process and as a manifestation of individual searches and personal aspirations. Observations are made in the field of philosophy, aesthetics and poetics of prose, the expressiveness of the works by the writers and poets chosen. Diaries and documents are considered as a valuable link in the artistic heritage. The adopted approaches to the material determined the original view of the problem of mastery and allowed to expand the existing ideas of the types of artistic thinking. The work gives new insights into a number of well-known works, clarifies and shows the relationship of the author's position with mythology and folklore, with the components of the external and internal form.

The work is meant for philologists, literary critics, and researchers of Russian literature and XX century culture.

Key words: motives and archetypes in Russian poetry and prose of the XIX–XX centuries; M. Y. Lermontov, N. A. Nekrasov, A. M. Gorky, M. M. Prishvin; creative individuality and the literary process

For citation: Ivanov N. N., Makeeva S. G. Motives of the super unconscious and the unconscious in Russian literature: twilight scenes and images. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):8–16. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-8-16

Введение

Постановка вопроса. Анализ, интерпретация архетипов, сквозных мотивов в литературном процессе XIX–XX веков соответствуют современным научным подходам к историко-литературным явлениям. При этом произведение литературы, литературные творчество, процесс предстают в системе, единстве, а связи и отношения текстов, образов, трактовок раскрываются изнутри – со стороны творческой индивидуальности.

В данной статье сделана попытка анализа, интерпретации мотивов сверхсознательного и бессознательного в русской литературе XIX–XX веков в их надземной, стихийной, даже ночной версии. Поэтому была актуализирована этиологическая (объяснительная) функция литературы,

обусловленная давним взаимодействием словесного искусства с мифом и фольклором. Она мощно заявила о себе в поэзии и прозе при создании художественных концепций личностного бытия, сознания и обобщении нравственных, ценностных, бытийных поисков персонажей – этой проблематике и посвящена данная работа. В означенном контексте изучение мотивов сверхсознательного, стихийных и ночных представляется перспективным.

Актуальность

Научное изучение мотивов обогащает знания истории литературы. В этой статье мотивный анализ охватил сочинения Лермонтова, Некрасова, Горького, Пришвина – поэтов, писателей, принадлежащих к разным эпохам, обладавших неповторимой творческой индивидуальностью. Выделенные мотивы в творчестве каждого из них воплотились уникально, но возможны и типологические черты, которые предстояло выявить в структуре текстов, установить связи между ними по линии сходств и различий, прежде всего, в семантике и поэтике. При этом уточнялись дефиниции *мотив*, *система мотивов*, *мотивы в прозе и поэзии*, *мотив и архетип*.

Научная литература по теме имеет две части. Первая: мотив, мотивы сверхсознательного. Вторая – означенные мотивы в творчестве взятых нами авторов.

Не связанные напрямую с нашей проблематикой труды описывают символы бессознательного, подсознательного [Юнг, 2006], бессознательное в русской литературе в виде сна [Барковская, 2004; Карасев, 1993; Лотман, 2000]. В них же пограничные состояния разума даны как состояния онейрические, уточняются онирические мотивы и онейросфера, сон представлен как разновидность онейро [Болдырева, 2012; Савельева, 2013; Панкратова, 2015а, 2015б]. Добавим, что оппозиция *сверхсознательное – бессознательное* не актуализируется.

В работах более конкретных сон, не в виде мотива сверх или бессознательного, осмыслен как одно из авторских средств характеристики героя, как способ создания, раскрытия персонажа у Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева, писателей XX века [Нагорная, 2003; Пушкин и сны, 2004; Панкратова, 2016].

Вторая часть научной литературы – об означенных мотивах в творчестве указанных писателей и поэтов – будет краткой. Объяснение: Лермонтов, Некрасов, Пришвин, Горький в одном ряду по выделенному основанию не рассматривались. Интересны работы о мотиве сна в творчестве Лермонтова, в творчестве Некрасова; применительно к творчеству Горького такие крайне редки, применительно к творчеству Пришвина – единичны.

Наше исследование развивает традицию следующих работ. Мифопоэтика, мотивы, архетипы и становление творческой индивидуальности писателей [Иванов, 2017; 2019]. Интеллигенция и народ, стихия народной жизни [Иванов, 2020]. Рецепция немецкой культурной традиции в художественном мире русских писателей-неореалистов [Иванов, 2018; Иванов, Зимина, 2020].

Цель работы – проанализировать мотивы сверх- и бессознательного преимущественно в виде *ночных*, *надземных* образов, *сумеречных* сцен, стихийных начал личностного бытия и народного сознания в русской литературе XIX–XX веков. **Задачи работы**. Уточнить дефиниции *мотив*, *система мотивов* в тексте поэзии и прозы. Показать архетипические основы сверхсознательного и бессознательного в произведениях Лермонтова, Некрасова, Горького, Пришвина. Показать художественную типологию сверхсознательное на уровнях авторского сознания оценочном, когнитивном, стилевом.

Основная часть статьи

Охват разного по методу, жанру, стилю материала обусловил достоверность полученных результатов.

Материалом исследования стали:

Биография, творчество, наследие М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, М. Горького, М. М. Пришвина в проявлении выделенных нами мотивов.

Наследие М. Ю. Лермонтова [Соч.: Лермонтов М. Ю. Сочинения : [в 4 томах]. Москва : Правда, 1969].

Наследие Н. А. Некрасова [Соч.: Некрасов Н. А. : Собрание сочинений : Lib.Ru/Классика].

Наследие М. Горького [Соч.: Горький М. Собрание сочинений : [в 30 томах]. Москва : ГИХЛ, 1949–1955].

Публицистика, переписка М. Горького :

Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре // Литературное обозрение. 1989. №№9,10,12.

Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.

Архив А. М. Горького. Т.III. Повести, воспоминания, публицистика, статьи о литературе. Москва: Гослитиздат,1951. 297 с.

Архив А. М. Горького. Т.XIV. М. Горький. Неизданная переписка. Москва : наука,1976. 532 с.

Наследие М. М. Пришвина [Соч.: Пришвин М. М. Собрание сочинений : [8 томах]. Москва : Художественная литература,1982–1986].

Отдельные издания художественных произведений, писем, дневников М. М. Пришвина :

Пришвин М. М. «Мирская чаша» // Роман газета для юношества. 1990. № 2.

Пришвин М. М. «Мирская чаша», 2006. Бесплатная электронная библиотека Royallib.ru.

Пришвин Михаил. Дневник, 1929. Электр. http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/prishvin/pri-1929.htm.

Пришвин М. М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909–1952 годов // Наше наследие. 1990. № 1, 2.

Пришвин М. М. Наши берега/из книги «Искусство как образ поведения» ЦГАЛИ. ф. 2569 /Н. Н. Замошкина/. оп.1. ед.хр.535. л. 3.

Публицистика русских философов : Булгаков С. Н. Моя Родина // Новый мир.1989. № 10.

Научные труды по теме :

Барковская Н. В. «Сумерки речи»: опыт изображения сна в русском модернизме начала XX века // Пушкин и сны: сновидения в фольклоре, литературе и в жизни человека. СПб.: КПО «Пушкинский проект», 2004. С. 39–47.

Болдырева Е. М. Генетическое досье романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» : формирование автобиографической поэтики в мемориальном авантексте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т.1 (Гуманитарные науки). С.226–229.

Волкова Е. В. Концепции мотива в современном литературоведении // Преподаватель. XXI век. 2008. № 1. С. 89–94.

Иванов Н. Н. «Надо удерживаться от интеллигентского стремления осознать жизнь прежде, чем сам пожил: надо просто жить» (проблема интеллигентского сознания в творческом поиске М. Пришвина: интеллигенция и народ. Христос. Фауст // Filologos, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина. Выпуск 4 (47). 2020. С. 21–27.

Карасев Л. В. Метафизика сна // Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения (Москва, 1993). Milano : Edizioni Gabriele Mazzotta, 1994. С. 134–142.

Лотман Ю. М. Сон – семиотическое окно // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. С. 123–126.

Нагорная Н. А. «Второе пространство» и сновидения в романе Андрея Белого «Петербург» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 3. С. 41–58.

Панкратова М. Н. Мотивная структура литературной онейросферы // Инновации и инвестиции. 2015. № 7. С. 194–196 .

Панкратова М. Н. Проблема взаимодействия онирической мотифемы и постмодернистского логоцентризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 56–58.

Панкратова М. Н. Структура онирического мотива и её функции в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел» // Филологические науки. 2016. № 1. С. 41–47.

Пушкин и сны: сновидения в фольклоре, литературе и в жизни человека. Санкт-Петербург : КПО «Пушкинский проект», 2004.

Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: Монография. Алматы : Жазушы, 2013. 520 с.

Методологией исследования стали литературоведческий, культурологический синтез, дискурсивные практики. В изучении мотивов предпочтение отдано мотивному анализу, структурно-семантическому, семиотическому, метатекстуальному методам, в характеристике творческих индивидуальностей – историко-литературному, сравнительно-историческому биографическому.

Описание проведённого **анализа**.

Проясним дефиниции *мотивы сверхсознательного, бессознательного, система мотивов*. Выделенные в русской литературе мотивы могут пониматься как разновидность индивидуальных поисков, личностных устремлений писателей и поэтов; с другой стороны, как закономерность историко-литературного процесса. В последней функции это ещё и расширение внутренней формы художественного слова. Филология допускает широкую, но не общеупотребительную трактовку *мотива*: побудительная причина, повод, довод в пользу чего-либо. Мотив в филологии – это простейшая единица сюжета, например, змееборческий мотив в мифе, сказке или мотив похищения невесты там же, или мотив обретения чудесных даров. Анализ, деление сюжета до ми-

нимальной когнитивной единицы образуют мотив [Волкова, 2008, с. 93], так было и у А. Н. Веселовского. Мотив – простейшая динамическая смысловая единица повествования в мифе, сказке, мельчайшая единица действия. Допускается и расширительное толкование мотива: тема, сюжет произведения искусства, идея в творчестве конкретного автора. При этом один и тот же мотив может проявляться множественно. Сохраняя основные признаки, имея различные оценочные, смысловые, стилистические оттенки, мотивы могут образовывать сюжет, структуру. Мотив – компонент текста, стремящийся к повторению, может тяготеть к символичности, иметь повышенное значение. Мотив *просит*, чтобы рядом был архетип.

Выявление функциональных аспектов мотива сверхсознательного.

Данный мотив охватывает многие произведения М. Ю. Лермонтова, но обратимся только к четырём в порядке их написания. Стихотворение 1831 года «Ангел». Ангел летит по «небу полуночи», несёт «душу младую» на землю и поёт «тихую песню» [Лермонтов, 1969, Т. 1, с. 171]. Это ещё не падший ангел – Люцифер. Это посланник Неба, и песней он связан мирозданием, «песне святой» внимают «и месяц, и звёзды, и тучи толпой». Песня ангела заполнила пространство. Душе, которую несёт ангел, «звуков небес заменить не могли <…> скучные песни земли» [Лермонтов, 1969, Т. 1, с. 171]. Небо и земля противопоставлены не в пользу земли. Земля – «мир печали и слёз», тогда как есть мир идеальный, наделённый «кущами райских садов» и другими атрибутами. Здесь сверхсознательное – некий модус мира идеального, Неба, которые были утрачены.

Через восемь лет, в поэме «Демон» (1839), Лермонтов мотив воспроизведёт, усилит, но даст ему иной вектор. Странничество Ангела дополнено изгнанием Демона. «Печальный Демон, дух изгнанья, Летал над грешною землей» [Лермонтов, 1969, Т. 2, с. 413]. Имеем одну сверхчеловеческую (сверхсознательную) сущность – ангел, но две её ипостаси, реализуемые через два мотива – странничества, изгнания. О причине изгнания не говорится, она пропускается, потому что хорошо известна. В стихотворении «Ангел» мотива изгнания нет. Душевные порывы обоих ангелов раскрываются ночью, в ночном свете. «И над вершинами Кавказа Изгнанник рая пролетал: Под ним Казбек, как грань алмаза, Снегами вечными сиял» [Лермонтов, 1969, Т. 2, с. 414]. Напрашиваются, мыслятся дополнительные мотивы: утрата рая, разочарование в творении. «И дик и чуден был вокруг Весь божий мир; но гордый дух Презрительным окинул оком Творенье бога своего, И на челе его высоком Не отразилось ничего» [Лермонтов, 1969. Т. 2, с. 414, 415].

Образ «тьмы ночной» вновь будет воспроизведён в созданном через год стихотворении, формально называемом «Из Гёте» («Горные вершины»), 1840 [Лермонтов, 1969, Т. 1, с. 311]. У обоих поэтов звучит философский мотив конца земного бытия. В стихотворении Гёте нет образа тьмы ночной. Слышны умиротворение, покой, но тьмы нет. Приведём стихотворение Гёте в оригинале, hier das Original, и наш авторский перевод с минимумом экспрессии.

Johann Wolfgang von Goethe.

Uber allen Gipfeln ist Ruh,
In allen Wipfeln spurest du
Kaum einen Hauch;
Die Voglein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch [Goethe, 1996, Band1].

Над всеми вершинами покой, Во всех вершинах деревьев едва ли ощутишь какое-либо дыхание; Птицы (птички) молчат в лесу. Подожди только, скоро Ты тоже успокоишься.

Лермонтов осознание, переживание финала сделал медитативным, погрузил во «тьму ночную» и завершил пренебрежением, иронией по отношению к жизни: «отдохнёшь и ты» [Лермонтов, 1969, Т. 1, с. 312].

Самым же глубоким и сильным, полагаем, в развитии означенного мотива стало созданное в год трагической гибели Лермонтова стихотворение «Выхожу один я на дорогу», 1841 год. Осознание смерти – акт мистический, переводит лирического героя в состояние надмирное, пограничное между жизнью и смертью. Мотив сверхсознательного развивается параллельно с мотивами ухода из дома, мира, жизни. Читатель не знает, откуда, почему ушёл лирический герой, что он кинул, но мыслимый контекст рождает аллюзивные смыслы, ассоциации, аналогии внутри поэтического мира Лермонтова. Строка «Спит земля в сиянье голубом» разрешает думать, что лирический герой как бы выше поверхности земли : он словно возносится. Ночной пейзаж – «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу» [Лермонтов, 1969, Т. 1, с. 342] – усиливает наши вер-

сии прочтения. *Тёмный дуб* здесь, вечно зеленеющий, подобен древу жизни из трагедии Гёте «Фауст», которое также вечно зеленеет.

В первом из четырёх стихотворений, в поэме «Демон» движение Ангела, Демона, а вслед за ними и лирического героя, определялось как путь с неба на землю. В последнем стихотворении – всё иначе: мотив ухода в ночь и движение от земли к небу. Богословие знает апофатический путь познания Творца – путь отрицания всего лишнего. В стихотворении Лермонтова : людей нет, никого нет, но есть туман, кремнистый путь, пустыня, ночь. И всё это на фоне Божественного мрака. Душа лирического героя расширена. Он наполнен жаждой встречи с Творцом.

Итак, обнаружились основные свойства, признаки мотива: оценочные, смысловые, стилистические оттенки имели множественность проявлений. Мотивы связали разные тексты, придали им внутреннюю динамику. Сверхсознательное, бессознательное, повторяясь, получили символичность, повышенное значение.

Иначе выбранные нами мотивы звучат в середине XIX века, и совсем иначе в XX веке – в творчестве русских писателей-неореалистов. В качестве иллюстрации сошлёмся на характерные эпизоды из проведённого исследования. В поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», создававшейся с 1863 по 1877 год, третья глава из первой части называется «Пьяная ночь». Применительно к нашей проблематике, обратимся к этой главе, чтобы, подчёркивая её художественную уникальность, показать её же типологическую перекличку с произведениями М. Горького и М. Пришвина.

В 1910 году С. Булгаков написал А. Белому: «Сокровенные тайны народной души – в её натуралистической и <…> демонической стихии» [Булгаков, 1989, с. 238]. Наблюдение С. Булгакова удивительным образом подтверждается данной главой поэмы Некрасова, рассказом М. Горького «В ущелье» (1913), главой «Чан» из повести М. Пришвина «Мирская чаша», начатой в 1922 году.

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
– «В Кузьминское скачу
За становым. Оказия :
Там впереди крестьянина
Убили...» – «Эх!..Грехи!..» [Некрасов, 1880, с. 67].

Глава из поэмы Некрасова и рассказ Горького, повесть Пришвина отстоят более чем на полувек. Рассказ написан до апреля 1913 г., о чём свидетельствуют письма Горького [Архив А. М. Горького, 1951; Архив А. М. Горького, 1976]. Действие рассказа относится к осени 1891 г., когда Горький (Пешков) служил ночным сторожем на строительстве железной дороги Бесланн-Петровск. И в поэме Некрасова, и в рассказе Горького, и в повести Пришвина действие разворачивается ночью. Во всех трёх произведениях сначала пьют, затем – убивают. В повести Пришвина убийство *отложенное*. У всех трёх авторов связь между событиями не причинно-следственная, но глубинная, уходящая, повторяя Булгакова, к сокровенным тайнам народной души, к её натуралистической и демонической стихии. Стихия подчинила разум человека, увела его в бездну бессознательного. Контрастно звучит на фоне тезисов Горького о человеке «с солнцем в крови», но это художественно реализованная истина. Попробуем лишь наметить глубинные истоки бессознательного, описанные Горьким, Пришвиным, как будто шедшими за Некрасовым.

Мотив бессознательного у Горького *подтягивает* архетип тьмы, мрака жизни как мрака человеческого безрассудства, тёмной стихии бытия. Горький постоянно варьировал и углублял этот мотив. В рассказе «В ущелье» тёмная стихия обнаружилась в незначительном, сюжетно локальном эпизоде – разговоре двух лиц о жизни и смерти. «Убили человека, – крикнул я, не веря в это, только для того, чтоб напугать, остановить людей, мешавших мне <…> Верно, убили, помер… Я не поверил словам» [Горький, 1987, Т. 4, с. 485]. Через две страницы читаем:

«– Это вот шестого убивает на моих глазах…
– Как это: убивает? Убивают!..
Помолчав, он спросил:
– Чего ты сказал? Не пойму…
Я объяснил:
– Убивают люди друг друга…
– Ну, это все равно! Люди ли, машина ли, молонья али так что-нибудь <…> Ну, все едино <…> Всех – не сосчитать, которые вот так – по случаю – пропадают <…> Изорванная полоса неба над ущельем была похожа на синюю реку, течёт она тихонько над землей, окутанной ночью, и плывут в её гладких волнах яркие звезды. Становится все тише, ночнее… И как будто не случилось ничего особенного…» [Горький, 1987, Т. 4, с. 488, 489].

«Убивает» или «убивают»? Недоступная разуму тайна обнажена в грамматической форме: какое число предпочесть – единственное или множественное ? Или как-то связать их, подчеркнув многоликость Невидимого: «… люди ли, машина ли, молонья али так что-нибудь». Смерти предшествуют слова о ней, и лишь затем вдруг все узнают, что молодой, полный сил Василий Силантьев (сила подчеркнута в фамилии героя) – убит. Гибель спровоцирована словами. «Неосторожное слово» – так уместно определить случившееся, используя фольклорный архетип.

Описание полученных **результатов**. В работе были получены следующие научные результаты. Конкретизированы дефиниции *мотив, система мотивов*. Показаны связи мотивов бессознательного и архетипов в произведениях Лермонтова, Некрасова, Горького, Пришвина. Показаны на уровнях оценочном, когнитивном, стилевом индивидуального авторского сознания и художественной типологии. Мотивы сверхсознательного и бессознательного раскрыты на оригинальном историко-литературном материале. Выявлена художественная специфика означенных мотивов, намечены перспективы обновленного прочтения отдельных произведений. Интерпретированы сведения биографического, историко-литературного характера.

Заключение. Это перспективное научное направление: предложена концепция мотивного анализа художественных явлений, относящихся к разным историко-литературным эпохам.

Библиографический список

Архив А. М. Горького. Т. III. Повести, воспоминания, публицистика, статьи о литературе. Москва : Гослитиздат,1951. 297 с.

Архив А. М. Горького. Т. XIV. М. Горький. Неизданная переписка. Москва : Наука, 1976. 532 с.

Барковская Н. В. «Сумерки речи»: опыт изображения сна в русском модернизме начала XX века // Пушкин и сны: сновидения в фольклоре, литературе и в жизни человека. Санкт-Петербург : КПО «Пушкинский проект», 2004. С. 39–47.

Болдырева Е. М. Генетическое досье романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: формирование автобиографической поэтики в мемориальном авантексте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 226–229.

Булгаков С. Н. Моя Родина // Новый мир. 1989. № 10.

Волкова Е. В. Концепции мотива в современном литературоведении // Преподаватель. XXI век. 2008. № 1. С. 89–94.

Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре // Литературное обозрение. 1989. № 9, 10, 12.

Горький М. Собрание сочинений : [в 30 томах]. Москва : ГИХЛ, 1949–1955.

Горький М. Собрание сочинений : [в 12 томах]. Москва : Современник, 1987.

Иванов Н. Н. М. Горький – путешественник и философ: мифопоэтическая парадигма художественного мира : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 107 с.

Иванов Н. Н. Мифопоэтическая парадигма художественных поисков в литературе русского неореализма // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. № 1. С. 28–31.

Иванов Н. Н. «Надо удерживаться от интеллигентского стремления осознать жизнь прежде, чем сам пожил: надо просто жить» (проблема интеллигентского сознания в творческом поиске М. Пришвина: интеллигенция и народ. Христос. Фауст // Filologos, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина. Выпуск 4 (47). 2020. С. 21–27.

Иванов Н. Н. Фаустианские мотивы в русской литературе серебряного века // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. № 1. С. 26–29.

Иванов Н. Н., Зимина Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. 2020. № 2. С. 43–48.

Карасев Л. В. Метафизика сна // Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения (Москва, 1993). Milano : Edizioni Gabriele Mazzotta, 1994. С. 134–142.

Лермонтов М. Ю. Сочинения : [в 4 томах]. Москва : Правда, 1969.

Лотман Ю. М. Сон – семиотическое окно // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. С. 123–126.

Нагорная Н. А. «Второе пространство» и сновидения в романе Андрея Белого «Петербург» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 3. С. 41–58.

Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо : поэма. Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1880.

Некрасов Н. А. Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/ (дата обращения: 21.10.21)

Панкратова М. Н. Мотивная структура литературной онейросферы // Инновации и инвестиции. 2015. № 7. С. 194–196.

Панкратова М. Н. Проблема взаимодействия онирической мотифемы и постмодернистского логоцентризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 56–58.

Панкратова М. Н. Структура онирического мотива и её функции в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел» // Филологические науки. 2016. № 1. С. 41–47.

Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.

Пришвин Михаил. Дневник, 1929. URL: http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/prishvin/pri-1929.htm.

Пришвин М. М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909–1952 годов // Наше наследие. 1990. № 1, 2.

Пришвин М. М. «Мирская чаша» // Роман газета для юношества. 1990. № 2.

Пришвин М. М. «Мирская чаша», 2006. Бесплатная электронная библиотека Royallib.ru.

Пришвин М. М. Наши берега/из книги «Искусство как образ поведения» ЦГАЛИ. ф. 2569 / Н. Н. Замошкина / оп.1. ед.хр.535. л. 3.

Пришвин М. М. Собрание сочинений : [в 8 томах]. Москва : Художественная литература, 1982–1986.

Пушкин и сны: сновидения в фольклоре, литературе и в жизни человека. Санкт-Петербург : КПО «Пушкинский проект», 2004.

Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей : монография. Алматы : Жазушы, 2013. 520 с.

Юнг К. Г. Человек и его символы. Санкт-Петербург, 2006. 316 с.

Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.

Reference list

Arhiv A. M. Gor'kogo. T. III. Povesti, vospominanija, publicistika, stat'i o literature = A. M. Gorky's archive. V. III. Novels, memoirs, journalism, articles on literature. Moskva : Goslitizdat,1951. 297 s.

Arhiv A. M. Gor'kogo. T. XIV. M. Gor'kij. Neizdannaja perepiska = A. M. Gorky's archive. V. XIV. M. Gorky. Unpublished letters. Moskva : nauka, 1976. 532 s.

Barkovskaja N. V. «Sumerki rechi»: opyt izobrazhenija sna v russkom modernizme nachala HH veka = «The twilight of speech»: depiction of dreams in early 20th century Russian modernism // Pushkin i sny: snovidenija v fol'klore, literature i v zhizni cheloveka. Sankt-Peterburg : KPO «Pushkinskij proekt», 2004. S. 39–47.

Boldyreva E. M. Geneticheskoe dos'e romana I. A. Bunina «Zhizn' Arsen'eva» : formirovanie avtobiograficheskoj pojetiki v memorial'nom avantekste = Genetic file of I. A. Bunin's novel «The Life of Arsenyev»: the formation of autobiographical poetics in the memorial avantext // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. № 2. T. 1 (Gumanitarnye nauki). S. 226–229.

Bulgakov S. N. Moja Rodina = My motherland // Novyj mir. 1989. № 10.

Volkova E. V. Koncepcii motiva v sovremennom literaturovedenii = Concepts of motive in contemporary literary criticism // Prepodavatel'. XXI vek. 2008. № 1. S. 89–94.

Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli. Zametki o revoljucii i kul'ture = Untimely thoughts. Notes on revolution and culture // Literaturnoe obozrenie. 1989. № 9, 10, 12.

Gor'kij M. Sobranie sochinenij : [v 30 tomah] = Collected works: [in 30 vols.]. Moskva : GIHL, 1949–1955.

Gor'kij M. Sobranie sochinenij : [v 12 tomah] = Collected works: [in 12 vols.]. Moskva : Sovremennik, 1987.

Ivanov N. N. M. Gor'kij – puteshestvennik i filosof: mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennogo mira = M. Gorky as a traveler and philosopher: the mythopoetic paradigm of the artistic world : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 107 s.

Ivanov N. N. Mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennyh poiskov v literature russkogo neorealizma = Mythopoetic paradigm of artistic search in the Russian neo-realistic literature // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik : nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. № 1. S. 28–31.

Ivanov N. N. «Nado uderzhivat'sja ot intelligentskogo stremlenija osoznat' zhizn' prezhde, chem sam pozhil: nado prosto zhit'» (problema intelligentskogo soznanija v tvorcheskom poiske M. Prishvina: intelligencija i narod. Hristos. Faust = «One must refrain from the intellectual desire to understand life before one has lived: one must simply live» (the problem of intellectual consciousness in M. Prishvin's creative search: the intellectuals and the people. Christ. Faust // Filologos, Eleckij gosudarstvennyj universitet imeni I. A. Bunina. Vypusk 4 (47). 2020. S. 21–27.

Ivanov N. N. Faustianskie motivy v russkoj literature serebrjanogo veka = Faustian motifs in Silver Age Russian literature // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik : nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. № 1. S. 26–29.

Ivanov N. N., Zimina L. I. Carstvo «nebesno-zemnoe, duhovno-plotskoe: recepcija motivov Gjote v tvorcheskoj jevoljucii M. Prishvina = The kingdom of «heavenly-earthly, spiritual and material: the reception of Goethe's motifs in M. Prishvin's creative evolution // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik : nauchnyj zhurnal. 2020. № 2. S. 43–48.

15. Karasev L. V. Metafizika sna = Metaphysics of dreams // Son – semioticheskoe okno. Snovidenie i sobytie. Snovidenie i iskusstvo. Snovidenie i tekst. XXVI-e Vipperovskie chtenija (Moskva, 1993). Milano : Edizioni Gabriele Mazzotta, 1994. S. 134–142.

Lermontov M. Ju. Sochinenija : [v 4 tomah] = Works: [in 4 vols.]. Moskva : Pravda, 1969.

Lotman Ju. M. Son – semioticheskoe okno = Dream is a semiotic window // Lotman Ju. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhih mirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPB, 2000. C. 123–126.

Nagornaja N. A. «Vtoroe prostranstvo» i snovidenija v romane Andreja Belogo «Peterburg» = «The second

space» and dreams in Andrei Belyi's novel Petersburg // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 2003. № 3. S. 41–58.

Nekrasov N. A. Komu na Rusi zhit' horosho = Who is Happy in Russia : pojema. Sankt-Peterburg : Tipografija M. Stasjulevicha, 1880.

Nekrasov N. A. Sobranie sochinenij = Collected works. URL: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/ (data obrashhenija: 21.10.21)

Pankratova M. N. Motivnaja struktura literaturnoj onejrosfery = The motive structure of the literary oneurosphere // Innovacii i investicii. 2015. № 7. S. 194–196.

Pankratova M. N. Problema vzaimodejstvija oniricheskoj motifemy i postmodernistskogo logocentrizma = The problem of oneiric motifeme and postmodernist logocentrism interaction // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2015. № 8. S. 56–58.

Pankratova M. N. Struktura oniricheskogo motiva i ejo funkcii v romane V. Ja. Brjusova «Ognennyj angel» = The structure of the oneiric motif and its function in V. Brusov's novel «The Fiery Angel» // Filologicheskie nauki. 2016. № 1. S. 41–47.

Perepiska M. Gor'kogo : [v 2 tomah]. = M. Gorky's correspondence : [in 2 volumes]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986.

Prishvin Mihail. Dnevnik, 1929 = Prishvin Mikhail. Diary, 1929. URL: http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/prishvin/pri-1929.htm (data obrashhenija: 21.10.21)

Prishvin M. M. Lesa k «Osudarevoj doroge». Iz dnevnikov 1909–1952 godov = Prishvin M. M. Woods to the «sovereign's road». From the diaries of 1909–1952 // Nashe nasledie. 1990. № 1, 2.

Prishvin M. M. «Mirskaja chasha» = «The Worldly Chalice» // Roman gazeta dlja junoshestva. 1990. № 2.

Prishvin M. M. «Mirskaja chasha», 2006.

Prishvin M. M. Nashi berega = Our shores / iz knigi «Iskusstvo kak obraz povedenija» CGALI. f. 2569 / N. N. Zamoshkina / op.1. ed.hr.535. l. 3.

Prishvin M. M. Sobranie sochinenij : [v 8 tomah] = Collected works: [in 8 volumes]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982–1986.

Pushkin i sny: snovidenija v fol'klore, literature i v zhizni cheloveka = Pushkin and dreams: dreams in folklore, literature and in human life. Sankt-Peterburg : KPO «Pushkinskij proekt», 2004.

Savel'eva V. V. Hudozhestvennaja gipnologija i onejropojetika russkih pisatelej = Artistic hypnology and oneuropoetics of Russian writers : monografija. Almaty : Zhazushy, 2013. 520 s.

Jung K. G. Chelovek i ego simvoly = Man and his symbols. Sankt-Peterburg, 2006. 316 s.

Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 26.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 82
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-17-27

«Поучение» Владимира Мономаха как литературный памятник XI–XII в. и политическое послание Руси

Герман Юрьевич Филипповский
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
fil.gerr@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6765-8451

Аннотация. Статья концентрирует внимание на жанровой масштабности «Поучения» Владимира Мономаха в связи с форматом личности автора – крупного государственного и политического деятеля Руси XI–XII в. В плане текстологии внимание привлечено к эпизоду экспозиции «Поучения» о встрече Мономаха с послами южнорусских князей «на Волге», то есть в Северной Руси, старинной вотчине Мономашичей (со времён Ярослава Мудрого). Привлечено новое исследование А. А. Гиппиуса (2003), где акцент сделан на путях Мономаха к Ростову, на Север Руси. Академик пришёл к заключению, что автор «Поучения» не случайно акцентировал эти пути Мономаха на Север с Киевского Юга, выстраивая своё контрастное, негативное отношение к князьям Юга Руси (Киева, Чернигова, Юго-Запада Руси), от которых автор «Поучения» пострадал и сам, и Русская Земля в целом. Эти князья, например, Олег Святославич – «Гориславич» Черниговский, которому посвящены важные эпизоды 2 и 3 частей «Поучения», приводили на Русь враждебных ей половцев (а позже спровоцировали гибельное монголо-татарское нашествие). Как итог, статья утверждает жанр «Поучения» не только как автобиографии-исповеди Мономаха, но и как литературного послания, а также политического послания Руси, своего рода стратегический завет, урок, предупреждение на будущее.

Ключевые слова: «Поучение» Владимира Мономаха, жанровая идентичность, Мономах как выдающаяся литературная и историческая личность, академик А. А. Гиппиус, «Ростов» и «Волга» как знаки северных ориентиров деятельности Мономаха, «Поучение» как литературный текст и политическое послание Руси, предупреждение о враждебности и интригах южнорусских князей

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха как литературный памятник XI–XII в. и политическое послание Руси // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 17–27. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-17-27

Original article

«Testament» by Vladimir Monomakh as a literary landmark of the XI–XII centuries and the political message to Russia

German Yu. Philippovsky
Doctor of philological sciences, professor of russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
fil.gerr@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6765-8451

Abstract. The paper focuses on the wide range of genre textual identity in Monomakh`s «Testament», as well as on the outstanding literary and historical personality of the author. Special attention is paid to the scientific observations made by academician A. A. Gippius (2003), concerning the words «Rostov» and «Volga» in the «Testament» as the signs of northward determination in Monomakh's state activity. Vladimir Monomakh suffered a lot from the hostility and intrigues of Kievan and other rulers of South and South-West Rus. In his «Testament» he describes the evil actions of Oleg Svyatoslavich (prince of Chernigov) as a source of misfortunes for the whole Russian Land. Monomakh's «Testament», though autobiographical, sends the literary and political message to the future Rus', contains predictions on the dangerous misdealings of the southern princes, not only the lesson but a warning of the hostility and intrigues from the rulers of South Rus'.

© Филипповский Г. Ю., 2021

Key words: Vladimir Monomakh's «Testament», genre identity, Monomakh as an outstanding literary and historical personality, academician A. A. Gippius, «Rostov» and «Volga» as signs of northward orientation in Monomakh's state activity, «Testament» as a literary text and political message to Rus, lesson and warning of the hostility, intrigues from the South Rus rulers

For citation: Philippovsky G. Yu. «Testament» by Vladimir Monomakh as a literary landmark of the XI–XII centuries and the political message to Russia. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):17–27 (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-17-27

Введение

Данный материал служит продолжением статьи в «Верхневолжском филологическом вестнике» 2017 № 2, посвященной проблемам поэтики жанра «Поучения» Владимира Мономаха [Филипповский, 2017, с. 8–13]. Этот замечательный и редкостный древнерусский текст, обнаруженный ещё в XVIII веке владельцем подлинной рукописи 1377 года (Лаврентьевской летописи) [ПСРЛ, 1962, 577 стлб.] графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, сразу был оценен и издан на его средства в 1793 году [Владимир Мономах, 1999, с. 215–284]. В заглавии этого издания значится слово «**Духовная** великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим…» [Владимир Мономах, 1999, с. 215], то есть, завет, завещание, иными словами, **человеческий документ**. Тем самым, литературное качество этого произведения изначально не подвергалось сомнению (литература – это искусство авторского письменного словесного образного творчества), но, помимо литературного, здесь явно обнаруживалось качество какого-то иного порядка, то ли юридического, то ли исторического, то ли широко общечеловеческого. При этом уже начало этого текста указывало однозначно на его автобиографичность [Лихачёв, 1979, с. 141–161], – личная интонация и личное местоимение «**я**» появляется с первых строк и почти что до самого конца этого удивительного текста [ПЛДР, 1978, с. 392–413].

Поскольку автобиографичность не то что противоречила, а, наоборот, легко сочеталась с многочисленными литературными текстами мирового наследия [Алексеев, 1935, с. 39–80], «Поучение» Мономаха очень быстро соотнесли с произведением исповедального жанра [Лихачёв, 1987, с. 98–102], что, впрочем, легко умещается уже в первой жанровой интерпретации А. И. Мусиным-Пушкиным – «Духовная…» [Владимир Мономах, 1999, с. 215]. Здесь как бы подмечены и жанровое богатство, и жанровый диапазон, масштабность произведения Владимира Мономаха. При этом граф Пушкин не забыл упомянуть, что автор не простое лицо, а **великий князь** Руси [Владимир Мономах, 1999, с. 215], то есть крупная историческая личность, государственный, военный и политический деятель [Карпов, 2015]. Тем самым, масштаб его личного послания явно возрастает, расширяется, углубляется, становится намного более значимым для современного читателя и исследователя. При всей оригинальности и подлинности древнерусского текста [Орлов, 1946], «Поучение» Мономаха явно выглядит жемчужиной средневековой книжности и литературы [Лихачёв, 1979, с. 141–161], поскольку сопоставимых с ним текстов крайне мало, буквально можно «пересчитать на пальцах» [Алексеев, 1935, с. 39–80].

Правда, подобного рода «духовные завещания» появляются уже в древности, например, «Размышления», принадлежащие римскому императору Марку Аврелию (II в. н. э.), или византийского императора X века Константина Багрянородного, с его личным и одновременно политико-юридическим наставлением сыну «Об управлении империей» [Филипповский, 2019; Гиппиус, 2003, с. 63–65], хорошо известная с древности «Исповедь» Августина Блаженного (V в. н. э.). Всё это давно уже подметил академик М. П. Алексеев в его статье «Англо-саксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха» 1935 года, где он писал о средневеково-европейских королевских завещаниях или наставлениях [Алексеев, 1935, с. 39–80]. Иными словами, личный, автобиографический характер текста неотделим от статусной, исторической его значимости и значительности, что делает «Поучение» Мономаха произведением поистине уникальным, а его изучение – делом первостепенной важности и в литературоведческой, и в исторической науке. Этот факт подчёркивают множащиеся книги с названием «Владимир Мономах»; от монографии 1946 года литературоведа-академика А. С. Орлова [Орлов, 1946] до нескольких одноименных изданий историка А. Ю. Карпова 2006 и 2015 годов [Карпов, 2015]. И дело не просто в том, что всё глубже уясняется формат личности Владимира Мономаха, его внутреннего, духовного мира как человека христианского Средневековья, но и его политическая и военная масштабность (на материале «По-

учения»), значительность на фоне своей эпохи XI – начала XII вв., сложной, противоречивой, опасной и драматичной (как, впрочем, и любое другое время в истории) [Карпов, 2015].

Похоже, что избранная автором структура его повествования, композиция «Поучения», многочастная, мозаичная [Филипповский, 2019], как бы «рассаженная», призвана была отразить его многомерность, многоаспектность, особую масштабность [Лихачёв, 1987, с. 98–102]. Поистине, образованность и широкая, одновременно глубокая духовная культура Мономаха как бы вмещали базовые представления средневекового мировоззрения, где «микрокосм»-человек был соотнесён с «макрокосмом»-вселенной, всем окружающим миром, но соотнесён тесно и органично (два в одном) [Филипповский, 2019]. Поэтому бессмысленны споры: «Поучение» – собрание отдельно взятых частей, «собрание сочинений» Владимира Мономаха (Д. С. Лихачёв) [Лихачёв, 1987, с. 98–102], или это целостное, единое произведение сложно-композиционного и сложно-содержательного плана [Мильков, 2006, с. 340–452]. Конечно, некая мозаичность «Поучения», безусловно, – намеренная дань Мономаха монументальной эпичности искусства древности и Средневековья [Филипповский, 2019].

Одновременно, эта «рассаженность» частей, явно, по мысли автора, должна была соответствовать сложности, масштабности, проблемности обсуждаемых, всеобъемлющих, но и глубоких, в равной степени острых, драматичных вопросов и тем [Мильков, 2006, с. 340–452]. Замечательно, при этом, что весь комплекс актуальных и очень сложных, можно сказать, «вопиющих» проблем современной жизни Мономах не просто «пропускает» через свою душу и чувства [Орлов, 1946], но, как настоящий писатель-историк оценивает через опыты собственной жизни, военной и политической деятельности, активности [Карпов, 2015]. На то он и князь, всегда находящийся в центре событий, и не просто как свидетель, а как деятельный участник, лидер, организатор и руководитель [Каравашкин, 2011, с. 154]. Так что, «Поучение» – не просто человеческий, литературный документ, свидетельство, но, совершенно очевидно, текст исторической и политической значимости и значительности [Карпов, 2015].

Особый вопрос: как эта значимость и значительность обозначены в самом тексте «Поучения», самим его автором великим князем Руси Владимиром Всеволодовичем Мономахом. В такой постановке явно не обойтись без текстологического разыскания. При этом желательно, чтобы это разыскание было бы максимально новым, продвинутым. И здесь следует обратиться к исследованию члена-корреспондента АН РФ, доктора филологических наук А. А. Гиппиуса, автора пространной научной работы «Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции» в двух частях, опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении» 2003 № 2 (6–7) [Гиппиус, 2003, с. 60–99; 146–171]. А. А. Гиппиусу нельзя отказать в особом текстологическом чутье: его исследование отличает завидная научная зоркость и неординарность. Проявились они, прежде всего, в том, что учёный подметил в «Поучении» Мономаха «редкостную выразительность отдельных фрагментов» [Гиппиус, 2003, с. 64], то есть, эпизодов, наделённых автором особыми акцентными свойствами, так сказать «ударными» текстовыми качествами. И это ещё не всё. А. А. Гиппиус отметил, в частности, что «проблема линейной, «горизонтальной» сегментации комплекса практически полностью заслонила в историографии проблему «вертикальной» стратификации его составляющих» [Гиппиус, 2003, с. 65].

И выделение этой самой «вертикальной» стратификации текста «Поучения» Мономаха, как считает учёный, «способно… пролить свет на ключевые вопросы истории комплекса» [Гиппиус, 2003, с. 65]. Другой вопрос. Каков этот стратификационный принцип? Только ли структурно-композиционный, структурно-текстовый, или же иной – не формально, а идейно-структурный, концептуально-доминантный, в чём-то особый для автора, Владимира Мономаха. И тогда другой вопрос: в чём состоит эта особость, и как она проявляется в тексте. И здесь А. А. Гиппиус находит, на наш взгляд, совершенно правильную акцентную позицию. На страницах 146, 147, 148 и других второй части его исследования А. А. Гиппиус концентрирует своё внимание на тех эпизодах второй части «Поучения», то есть, собственно автобиографии Мономаха, перечня его походов, которые связаны конкретно с Ростовом [Гиппиус, 2003, с. 146–148]. Действительно, Ростов упомянут уже в первой фразе этой автобиографии: «Первое к Ростову идохъ сквозе Вятиче…» [ПЛДР, 1978, с. 402]. И что примечательно, финальная фраза этого перечня также связана с Ростовом: «И се ныне иду Ростову». Всего упоминаний Ростова в перечне пять [ПЛДР, 1978, с. 402–406].

Не без оснований А. А. Гиппиус пишет, что «исходный текст «Поучения» написан Монома-

хом зимой 1099/1100 или 1100/1101 г. по пути в Ростов» [Гиппиус, 2003, с. 146]. Хотя учёный и соотносит свой термин «исходный текст «Поучения» [Гиппиус, 2003, с. 65] с текстологически-определёнными частями произведения Мономаха, всё же представляется, что это этот термин А. А. Гиппиуса правильнее будет связать с концептуальным стержнем – замыслом самого автора, так сказать, его главной «задумкой», то есть, идеей всего создаваемого текста. А. А. Гиппиус точно угадал связь этой последней с автобиографическими упоминаниями Ростова [Гиппиус, 2003, с. 63]. И здесь «исходной позицией» всего текста «Поучения» надо признать, казалось бы, «странное» вкрапление в начало произведения, в его вступление, эпизода встречи и переговоров с послами братьев «на Волге» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Хотя здесь и не фигурирует Ростов, ясно, что данное место вступления чётко соотносится с одним из мест второй части (автобиографии), где речь идёт о пути Мономаха к Ростову (или из Ростова), при этом название города выступает как знак целого региона, северо-восточной Руси, Залесской старинной вотчины Мономашичей (со времён Ярослава Мудрого). Встреча с послами братьев могла произойти в любом из малых городских пунктов Северной Руси, например, в Угличе, Ярославле и т. д.

О городском пункте на этом пути Мономаха в Залесье следует говорить ещё и в связи с правильным, на наш взгляд, предположением А. А. Гиппиуса о 1099 году, как исходном времени, когда Мономах начал свою работу над текстом «Поучения», но и другим тоже правильным предположением о соотнесении этой временной вехи с пространственной – путём Мономаха в Ростовской земле, о каком-то городском пункте «на Волге» в Северной Руси [Гиппиус, 2003, с. 146]. Если А. А. Гиппиус придаёт упоминаниям Ростова в автобиографической части ключевое значение [Гиппиус, 2003, с. 146], то, естественно, не менее, а, возможно, ещё более ключевое значение следует придавать эпизоду вступления в «Поучении» о встрече и переговорах с братьями «на Волге», в Ростовской, Северной Руси [ПЛДР, 1978, с. 392]. Именно здесь надо искать ту самую ключевую, доминантную идею, которая была руководящей лично для автора «Поучения»: «Усретоша бо мя слы от братья моея на Волзе, реша: «Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе». И рехъ: «Аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити» [ПЛДР, 1978, с. 392].

Несомненным успехом А. А. Гиппиуса надо признать привлечение в его работе [Гиппиус, 2003, с. 65] материалов итальянского исследователя Дж.Гини (Ghini, 1990) [Ghini, 1990], который особо выделяет в «Поучении» Мономаха «структурную характеристику «дискурса премудрости» («discorso» sapienziale) [Гиппиус, 2003, с. 63–65], в русле которого создавал свои тексты Мономах». Ясно, что выделенный Дж.Гини «дискурс премудрости» [Гиппиус, 2003, с. 63–65] совпадает с критерием А. А. Гиппиуса «вертикальной стратификацией текста «Поучения», …способной пролить свет на ключевые вопросы истории комплекса» [Гиппиус, 2003, с. 65]. Остаётся понять, что же такого ключевого и принципиального для автора-Мономаха заключено в эпизоде его встречи с послами южнорусских князей «на Волге» в 1099 году. И, самое главное, что же такого «премудрого», по совершенно справедливому суждению Дж.Гини [Ghini, 1990], в этом самом, казалось бы, даже вставном и небольшом эпизоде встречи автора с послами князей [ПЛДР, 1978, с. 392]? Вдобавок, этот текст несомненно подключается к «ростовским» рассуждениям А. А. Гиппиуса [Гиппиус, 2003, с. 146], как уже говорилось, по нашему мнению, заслуживающим всяческого внимания и значения. На этом текстовом эпизоде замыкается, как выясняется, целый комплекс чрезвычайно важных и ключевых для понимания «Поучения» Мономаха смыслов и содержаний.

Во-первых, в конце этого текстового эпизода Мономах говорит, что именно эта встреча и её итоги спровоцировали, явились началом его работы над всем последующим затем текстом «Поучения» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Речь шла о сложной и драматичной психологической ситуации, в которой по итогам встречи оказался непосредственно Владимир Мономах. В поисках выхода из душевного кризиса он прибег к гаданию на Псалтири, раскрыв её спонтанно («разгнух я») [ПЛДР, 1978, с. 392]. Его так поражает смысл открывшегося текста, что он делает для себя выписки, – они же, как выясняется потом, и лягут в основание его будущего большого текста [ПЛДР, 1978, с. 392–394]. Что же поражает Мономаха? Соответствие текста выпавших в гадании псалмов той реальной ситуации, которая стояла за ультиматумом южнорусских князей, предъявленным Мономаху «на Волге» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Всё дело в том, что предъявленный ультиматум всецело опирался на личность преступно ослеплённого в 1097 году, сразу после съезда князей в Любече, князя Тере-

бовльского Василька Ростиславича [ПЛДР, 1978, с. 248–262].

Эти же южнорусские князья нарушили клятву на Кресте в Любече, эти же князья и предлагают Мономаху замириться, объединиться, отобрав совместно земли у ослабленного Василька Ростиславича (и его брата) [ПЛДР, 1978, с. 392]. Тексты же псалмов, выпавшие в гадании Мономаху [ПЛДР, 1978, с. 392–394], говорят, по сути, о том же: грешники преследуют праведного; Господь защитит гонимого и покарает грешников [ПЛДР, 1978, с. 394]. Подобного рода совпадения настолько поразили Мономаха, что он не только сделал выписки из Псалтири [ПЛДР, 1978, с. 392–394], но и заложил тему, мотив подобной Премудрости в основу своего в перспективе большого текста «Поучения». Таким образом, данный эпизод вступления как бы сообщает читателю [ПЛДР, 1978, с. 392–394], когда, где (при каких обстоятельствах) и почему великий князь Руси, как писатель-христианин, начал работу над текстом своего монументального Завета.

Во-вторых, психологический толчок лично для Владимира Мономаха-автора, связанный с драматическими обстоятельствами ультиматума южнорусских князей «на Волге», был связан не только с ударом Руси, который был нанесён преступным ослеплением князя Василька Ростиславича Теребовльского [ПЛДР, 1978, с. 248–262]. Этот толчок был мотивирован и тем, что в той ужасной интриге 1097 года после клятвы князей в Любече, сам Мономах тоже пострадал, он был оклеветан, обвинён этими южнорусскими князьями в якобы преступном сговоре с князем Васильком против великого князя Киевского Святополка Изяславича [ПЛДР, 1978, с. 248–262]. Разумеется, эта клевета больно ранила душу Мономаха, как и поразившее всю Русь ослепление без вины князя Василька Ростиславича [ПЛДР, 1978, с. 248–262]. Конечно, все эти события камнем легли на сознание Владимира Мономаха, повлияли на создание его «Поучения» как своего рода автобиографического «крика души».

В-третьих, включение в текст начала своей исповеди эпизода «на Волге» [ПЛДР, 1978, с. 392], безусловно, спровоцировало также откровенно лицемерное предложение южнорусских князей о «братском воссоединении» с оклеветанным ими же Мономахом, но непременно за счёт захвата земель ослеплённого Василька Ростиславича [ПЛДР, 1978, с. 392], такого же, как они все, князя-брата. И это на фоне столь популярного тогда на Руси, в том числе и в южной Руси, культа святых братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба, по сути, культа христианского братолюбия [ПЛДР, 1978, с. 23–304]. Поэтому отрицательная реакция Мономаха на ультиматум носила явственно христианскую окраску: «Не могу вы я ити, ни **Креста** переступити» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Речь, конечно, шла не только о нарушении крестоцелования, то есть, клятвы князей в Любече, но и нормах новой христианской нравственности, этики, морали вообще [Мильков, 2006, с. 340–452]. Не случайно создаваемый Мономахом текст с полным правом может быть назван «Поучение», поскольку он утверждал новый христианский кодекс княжеского поведения [Филипповский, 2019].

В-четвёртых, резкая реакция Мономаха на, по сути, провокационное предложение южнорусских князей (именно она была ядром, центром данного эпизода «Поучения») отнюдь не была неким негативным явлением. Конечно, Мономах, тем самым, разрушал традиционные для старой Руси родовые междукняжеские узы: ведь не случайно в тексте ультиматума его предупреждают о полном разрыве в случае отказа, то есть, ранее братья, они затем становятся врагами [Филипповский, 2019]. Именно эти обстоятельства не могли не ранить душу Мономаха, именно они породили душевный кризис, когда он стал искать поддержку у Бога, гадая на Псалтири [ПЛДР, 1978, с. 392]. Однако, сам Мономах отдавал себе при этом полный отчёт, что всё делает правильно, по-христиански. Более того, он ощущал себя не потерпевшим поражение, а победителем. Но победителем не на поле боя, где он привык действовать как князь-воин, а на поле духовной брани, одержавший духовную победу и над южнорусскими князьями-крестопреступниками [Филипповский, 2019], и, в какой-то мере, и над самим собой, над старым традиционным княжеским родовым сознанием, от которого, конечно, он не был всецело отлучён.

В-пятых, эпизод «Поучения» об ультиматуме князей [ПЛДР, 1978, с. 392] утверждает, прежде всего, ответ Мономаха, его решение как личностный поступок. Ведь не случайно христианство принесло на Русь невиданное ранее личностное начало, – это новый нравственный кодекс, личностное представление Абсолюта [Филипповский, 2019, с. 47–48]. Мономах, тем самым, проявил себя как личность, в отличие от южнорусских князей – авторов ультиматума, по сути, – волчьей стаи с соответствующей волчьей моралью торжества сильного над слабым. В данном случае произошло совпадение старых родовых принципов коллективной морали и распространённым в фео-

дальную эпоху воинским княжеским правом сильного. Мономах нашёл в себе внутренние силы встать над этим, не только защитить несправедливо обиженного, ослеплённого князя-брата, но и открыто заявить насильникам и крестопреступникам их неправоту. И критерий этой их неправоты обозначен предельно ясно и чётко, это критерий христианского Креста.

В-шестых, Мономах, как известно, был великим полководцем – победителем половцев, главной опасности для Руси конца XI – начала XII века (поэтому ещё при жизни он стал легендарной фигурой, а народная традиция соединила его образ с Владимиром Крестителем и сформировала уже в XII веке образ былинного князя Владимира) [Филипповский, 2019; Карпов, 2015]. Известно, что волк, волчья голова и шкура были родовым тотемом половцев, они считали себя потомками Волка-первопредка. Известно также, что военные приёмы половцев в столкновении с противником были волчьими приёмами (что, конечно, было хорошо известно русским дружинам). И дело не только в том, что ультиматум южнорусских князей Мономаху «на Волге» был, по сути, ультиматумом волчьей стаи. Многие южнорусские князья, особенно Олег Святославович Черниговский (женатый на половецкой княжне), как правило, приводили на Русь союзных половцев, отстаивая против русских князей-братьев свои амбиции и претензии [Карпов, 2015].

Отношение Мономаха с Олегом Святославичем, его двоюродным братом, всегда были сложные и даже драматичные. Центральным эпизодом второй части «Поучения» является сдача Мономахом Чернигова Олегу Святославичу добровольно, чтобы не губить «хрестьяных душь» под саблями союзных Олегу половцев [ПЛДР, 1978, с. 404]. Не случайно третьей главной частью «Поучения» является личное послание Мономаха Олегу Святославичу [ПЛДР, 1978, с. 410–412], убившему сына Мономаха Изяслава под стенами Мурома, а затем захватившего северную вотчину Мономаха и сжёгшего Суздаль. Так что резкий отрицательный ответ Мономаха на ультиматум южнорусских князей был мотивирован целым комплексом причин, не только личного, но и военно-государственного, политического характера.

В-седьмых, кажущаяся неожиданность, спонтанность, с которой эпизод ультиматума братьев как бы «врывается» в текст вступления «Поучения», на самом деле, явно был вполне осознанным авторским приёмом. Так Мономах сразу хотел привлечь особое внимание читателя и к этому материалу, и к его особому значению в тексте произведения в целом. Явно он придавал этому эпизоду роль некоего лейтмотива, клубка неких главных тем своего «Поучения». К тому же этой части экспозиции была сообщена явственно мозаичная форма, своего рода заявка на всю совокупность художественно-мозаичной формы всего текста. Так что неожиданное и как бы даже контрастное появление эпизода ультиматума братьев [ПЛДР, 1978, с. 392], как выясняется, было преднамеренным, хорошо продуманным авторским решением.

В-восьмых, в некотором роде обсуждаемый эпизод о встрече с послами «на Волге» [Комарович, 1941, с. 289–297] предстаёт не то, что не случайным, но как раз наоборот – важнейшим и даже опорным эпизодом не только вступления-экспозиции, но и всего текста произведения. Как уже говорилось, он аккумулирует огромный комплекс идей, мотивов, тем, проблем и их авторских решений. Не случайно большое число исследователей «Поучения», и старой, и новой, и новейшей традиции его научного изучения считали и считают, что текст вступления-экспозиции (вместе с эпизодом ультиматума братьев) появился на последнем, завершающем этапе работы Мономаха над сложно-составным текстом «Поучения», то есть в 1116/1117 году [Комарович, 1941, с. 289–297; Гиппиус, 2003, с. 60–99; 146–171]. Этими авторами-исследователями являются Шевырёв С. П. (1846) [Мильков, 2006, с. 392]; Погодин М. П. (1861–1863) [Мильков, 2006, с. 391]; Шляков Н. В. (1900) [Мильков, 2006, с.390]; Ивакин И.М. (1901) [Мильков, 2006, с. 399]; Комарович В. Л. (1941) [Мильков, 2006, с. 403]; Орлов А. С. (1946) [Мильков, 2006, с. 389]; Лихачёв Д. С. (1987) [Мильков, 2006, с. 386]; Бедина Н. Н. (2004) [Бедина, 2004]; Карпов А. Ю. (2015) [Карпов, 2015]; Мильков В. В. (2006) [Мильков, 2006, с. 340–452].

В-девятых, не только личностное, христианское, но и активно-действенное начало утверждает, заявляет, отстаивает князь Владимир Всеволодович Мономах конкретно в «ударном» эпизоде вступления-экспозиции «Поучения» об ответственном, судьбоносном, но и трудном, драматичном решении-ответе братьям-князьям на их, по сути, провокационный ультиматум [ПЛДР, 1978, с. 392]. Совсем не случайны рассуждения Мономаха в его тексте, направленные против лености [ПЛДР, 1978, с. 392–396], – не только духовной, но и реальной, актуальной, связанной с конкретной жизнедеятельностью конкретного князя как военного, государственного и политического деятеля Руси. Отповедь южнорусским князьям на их

интриги и авантюры, как видится, обращена Мономахом далеко не только на конкретную, тактическую, сиюминутную ситуацию междукняжеских отношений, но и на жизнь Руси в целом.

А потому, в-десятых, «Поучение» Мономаха, прежде всего, обращено в будущее, являясь не только этико-нравственным, но и политическим Заветом великого князя Владимира Мономаха всем князьям Руси, их стратегическому сознанию, мышлению и деятельности. Ключевым здесь надо полагать противостояние Мономаха интриге южнорусских князей (великого киевского, черниговского, владимиро-волынского и т. д.), которые в лице Владимира Мономаха видели «чужака, не своего». На самом деле, мономашичи, включая Владимира Всеволодовича и его потомство, хотя и владели на Юге Руси Переяславлем Русским (Южным), всегда имели своей вотчиной Залесскую, Северо-Восточную Русь, поддерживая тесные отношения с Великим Новгородом, Верхней Волгой и всем Севером Руси [Филипповский, 2019]. Непреложным фактом государственно-политической активности Владимира Мономаха после его драматических коллизий в Южной Руси конца XII века является переключение его стратегического внимания с Юга на Север Руси: его строительная, как храмовая, так и градостроительная деятельность в Суздале, Ростове, Владимире-на-Клязьме 1099–1110 гг. [Филипповский, 2019, с. 80–85]. Что касается «Поучения» Мономаха, то его, надо полагать, надо рассматривать не просто как общий завет князьям-потомкам, а как обоснование-предупреждение об опасности политики интриг, преступлений, вражды князей именно Южной Руси. И одновременно, – как бы обоснование стратегической смены акцентов в политической, государственной и военной, а также культурной и христианской жизни Руси, смены южной векторной доминанты на северную (что, как известно, и было реализовано сначала самим Владимиром Мономахом, но, главным образом, по его заветам, его сыном Юрием Владимировичем Долгоруким и внуками Андреем Юрьевичем Боголюбским и Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо) [Филипповский, 2019].

А. В. Каравашкин справедливо отмечает в своей книге «Литературный обычай древней Руси» (2011) [Каравашкин, 2011], что «князь на страницах «Поучения» выступает в качестве труженика и в ратных, и в духовных, и в домостроительных делах» [Каравашкин, 2011, с. 154]. В Завете русским князьям Владимира Мономаха преобладает отнюдь не умозрительный, а прежде всего совершенно реальный **урок** и христианской жизни, и деятельностного поведения [Каравашкин, 2011, с. 154]. Совсем не случайно Мономах обильно цитирует «Шестоднев» Василия Великого [Мильков, 2006, с. 403–404; Muller, 1979, s. 16–24], о котором выдающийся исследователь византийской культуры Сергей Сергеевич Аверинцев писал, что «его (то есть Василия Великого) литературная деятельность всецело подчинена практическим целям… Василий импонирует твёрдостью своей воли и отчётливым чувством реальности» [Аверинцев, 2005, с. 17–58]. Таков же был и Владимир Мономах в своём литературном и политическом послании Руси, которое обычно именуют «Поучение». Действительно, Мономах в своём произведении, несомненно исповедального, автобиографического жанра, был далёк от церковной риторической проповеди. В византийском литературном наследии известен целый ряд автобиографических текстов, но, как правило, созданных в традициях римско-византийской риторики.

Таково выдающееся сочинение греко-антиохийского ритора Ливания (IV в.) «Жизнь или О моей судьбе» или, например, поэма Григория Назианзина (Богослова), христианского отца церкви и поэта IV века «О моей жизни», впрочем как и знаменитая «Исповедь» Августина Блаженного начала V века [Аверинцев, 2005, с. 17–58]. Если сочинение Ливания характеризует подчёркнутый эгоцентризм [Аверинцев, 2005, с. 17–58] (он был языческим ритором, поэтом, философом), то произведения христианских авторов Григория Богослова и Августина Блаженного можно с полным правом назвать «автобиография души» [Аверинцев, 2005, с. 17–58]. Точно так же можно охарактеризовать и «Поучение» Владимира Мономаха. Однако, несомненно в нём практическое, деятельностное целеполагание (подобное уже выше отмеченному в сочинениях выдающегося отца церкви IV века Василия Великого) [Мильков, 2006, с. 403–404; Muller, 1979, s. 16–24].

«Поучению» Владимира Мономаха посвящены две главки в книге А.С.Дёмина «Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.)» 2009 года [Дёмин, 2009]. Одна из них называется «Поучение» Владимира Мономаха: оптимизм» [Дёмин, 2009, с. 79–85]; другая – «Жалостливость Владимира Мономаха» [Дёмин, 2009, с. 104–107]. В первой из них с автором можно было бы, пожалуй, согласиться, правда, не в том плане, как рассуждает автор [Дёмин, 2009, с. 79–85], а с точки зрения высказанной выше стратегической прозорливости Владимира Мономаха. Можно было бы даже ска-

зать об «историческом оптимизме» автора «Поучения», который, порицая интриги и враждебность южнорусских князей, настраивал Русь на обновление (оно реализовалось по заветам Мономаха его потомками в создании на Севере Руси нового общерусского политического центра во Владимире-на-Клязьме [Филипповский, 2019], при том, что старый традиционный центр в Киеве оказался явно в подчинённом положении) [Филипповский, 2019]. А. С. Дёмин, говоря об «оптимизме» Мономаха [Дёмин, 2009, с. 79–85], имеет в виду исключительно эмоциональный контекст, хотя на самом деле автор «Поучения» был далёк от тривиальной эмоциональности, противопоставляя её глубокой мысли, о чём сам же говорит в своём тексте «помыслих в душе своей…» [ПЛДР, 1978]. Отмеченный автор книги о поэтике древнерусской литературы [Дёмин, 2006] наделяет «Поучение» Мономаха «оригинальным бодрым, оптимистическим настроем, нейтрализующим эпизодические минорные высказывания» [Дёмин, 2006, с. 84]. Говорить так, значит не понимать глубоко-драматический, даже трагический, кризисный строй мономахова текста, значит принижать его фактическую содержательную ценность, как литературного и политического послания Руси.

Другой материал А. С. Дёмина обсуждает тему «жалостливости» великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха [Дёмин, 2006, с. 104–107]. Исследователь прибегает к обильному цитированию летописных текстов, где о Мономахе говорится, что он «плакавъся», «ужасеся и всплакавъ», «жалостив же бяше отинудь и даръ си от Бога прия» и т. д. [Дёмин, 2006, с. 104]. Тем самым автор стремится создать образ не просто эмоционального или чувствительного, но психологически слабого или даже неуравновешенного человека. Всё это, разумеется, далеко от истины. Мономах – великий полководец, великий государственный деятель Руси, выдающийся писатель и мудрый провидец. Кроме того, уже говорилось о его деятельной, практической натуре, которая полностью проявилась в его «Поучении». Прагматизм Мономаха ярко проявился в отмеченном летописцем эпизоде убийства ведущего половецкого князя Итларя (под 1095 год) [ПСРЛ, 1962, стлб. 226–228]. Исследователи, как правило, даже удивляются, насколько спланированное и реализованное Мономахом расчётливое убийство Итларя противоречит, как кажется, благостной христианской нравственности текста «Поучения» [Мильков, 2006, с. 340–452]. Дело в том, что, отследив Итларя с окружением в неком доме, Мономах приказал Ольбегу Ратиборичу (как современному нам спецназовцу) проникнуть на крышу, разобрать настил потолка и метко поразить сверху хана Итларя стрелой прямо в сердце [ПСРЛ, 1962, стлб. 226–228]. Мономах, при этом, радея за безопасность границ Руси, принял военное решение о ликвидации активного и опасного противника [ПСРЛ, 1962, стлб. 226–228]. Так что никакой сентиментальностью и жалостливостью Мономах-воин и князь никак не отличался. Тогда откуда же фразы летописца о его «слезности»?

Глубочайший знаток византийской культуры академик С. С. Аверинцев в своей знаменитой книге «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977) [Аверинцев, 2004] или, например, в своих статьях, в частности, «На перекрёстке литературных традиций (Византийская литература: истоки и творческие принципы)» [Аверинцев, 2005, с. 17–58], писал о «слезном даре», «сокрушении сердечном» как основе духовного поведения христианина: «Мирообъемлющая слезная жалость, которая понята не как временный аффект, но как непреходящее состояние души и при том путь одухотворения, «уподобления Богу»…» [Аверинцев, 2005, с. 17–58]. С. С. Аверинцев рассматривает жалостливость не как простительную человеческую слабость, но связывает слёзы жалости со сферой духа, с путями внутреннего самоочищения сердца [Аверинцев, 2005, с. 17–58], цитирует рассуждения сирийского христианского писателя VII века Исаака Ниневийского: «И что такое сердце милующее?... Возгорение сердца у человека о всём творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слёзы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умаляется сердце его, и не может оно вынести, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит он молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению в сем Богу» [Аверинцев, 2005, с. 17–58].

Ту же фразу о «сокрушении сердечном» использует Владимир Мономах в эпизоде «Поучения» об обороне и сдаче Чернигова Олегу Святославичу (1094 г.): «Съжаливъся хрестьяных душь и селъ горящих и манастырь, и рехъ: «Не хвалитися поганым!». И вдахъ брату отца его место, а

самъ идох на отця своего место Переяславлю…» [ПЛДР, 1978, с. 404]. Мономах совершает поистине христианский поступок: успешно обороняя Чернигов, он принимает решение всё же уступить его Олегу Святославичу, чтобы союзные половцы Олега не жгли и не грабили окрестности города, не убивали жителей-христиан. Мономах, казалось бы потерпел военное поражение, но реально одержал победу, но духовную, христианскую [Филипповский, 2019, с. 53–61], что в контексте «Поучения» прозвучало как героический, точнее, героико-христианский поступок. Вспомним, что подобный же героико-христианский поступок Мономах описал в эпизоде вступления-экспозиции о встрече «на Волге» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Тогда, как и в черниговском эпизоде, Мономах, казалось бы, проявил слабость, как бы проиграл, но на самом деле совершил поступок, угодный Богу, в полном соответствии с христианскими заповедями. Именно на них делает акцент автор «Поучения», обращаясь к князьям Руси с убеждением, что эти христианские принципы должны быть положены в основу междукняжеских отношений, а не старинные традиции силы или даже насилия. Мономах, как и везде в «Поучении», создаёт политический завет, урок князьям на опытах своей собственной жизни, опытах «сокрушения сердечного».

Автобиографическая жанровая специфика «Поучения» традиционно поддерживается известным прочтением академика Д. С. Лихачёва фразы «на далече пути, да на санехъ седя» [Лихачёв, 1979, с. 141–161], как намёк на преклонный возраст автора, на пороге смерти [Лихачёв, 1979, с. 141–161]. П.П.Толочко, как уже было отмечено [Филипповский, 2017, с. 9], даже предположил связать этот текст с опасной болезнью Мономаха, которая затем, к счастью, миновала [Филипповский, 2017, с. 9]. Метафорический контекст фразы о «санехъ», однако, как признаётся буквально всеми, акцентирует тему Вечности как гиперконтекст всего «Поучения». Действительно, контекст христианской Вечности является безусловно ведущим для автора, который предъявляет его читателям «Поучения», князьям Руси, в качестве гаранта новых для Руси междукняжеских отношений и разного рода спорных политических решений. Тем самым, фраза «на санехъ седя» должна быть прочитана не «физиологически», а концептуально-философски, «sub speciae aeternitatis» – «под знаком Вечности», – является не только знаком творчески-литературного, но и философско-политического кредо автора-писателя, средневекового мыслителя и философа, политика и государственного деятеля [Мильков, 2006, с. 340–452]. Причём, не столько в плане умозрительных его рассуждений, сколько в плане конкретно-деятельностных и практически-руководящих жизненных принципов автора, опять же предъявляющих их современному эпохе Мономаха читателю, прежде всего, князьям Руси.

По сути, «sub speciae aeternitatis» – «под знаком Вечности», – главный идейный, философский принцип всей эпохи Средневековья. Он нацелен на учёт не сиюминутных, но глобально-исторических, конечно, христианско-средневековых, но всегда – стратегических ориентиров, целей и задач, порой даже в форме прозрений. Мономах призывает в своём послании, обращённом к князьям Руси, к политической дальнозоркости, политической прозорливости, к умению видеть на перспективу. Нацеливает на корректировку возможных проблем, связанных с авантюрами, интригами, враждебностью южнорусских князей (автобиографично, на примере своей многотрудной жизни, с её бедами и кризисными ситуациями). Д. С. Лихачёв не случайно в своё время, обсуждая древнерусские дела и тексты, ввёл термин «**повести о княжеских преступлениях**» [Лихачёв, 1979, с. 22–131], очевидно, относя к ним «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича Теребовльского» (место действия её, прежде всего, Юго-Западная, Червоная Русь) в составе «Повести временных лет» [ПЛДР, 1978, с. 248–262], а также рядом с ней расположенное «Поучение» Владимира Мономаха [ПЛДР, 1978, с. 393–416]. Как уже отмечалось, и как об этом говорит текст произведения Мономаха, этот князь много пострадал от преступлений, авантюр, интриг, враждебности южнорусских князей, прежде всего, Черниговского князя Олега Святославича, Киевского великого князя Святополка Изяславича, Владимир-Волынского князя Давида Игоревича. Так что «Поучение» Мономаха, выдающийся литературный текст Руси XI–XII вв., с полным правом можно в жанровом отношении считать не только литературным, но и политическим посланием [Мильков, 2006, с. 340–452; Карпов, 2015], а также своего рода предупреждением, направленным в адрес княжеской Руси.

Нацеливая, по сути, на создание нового, альтернативного южнорусскому, киевскому, центра Руси уже на территории Северной Руси [Филипповский, 2019], Мономах прозорливо как бы видит за преступлениями современных ему южнорусских князей другие, будущие, ещё более тра-

гические события для судеб всей Руси. Приводившие на Русь внешнего врага – половцев (подобные Олегу Святославичу Черниговскому, которого не случайно «Слово о полку Игореве» назвало «Гориславичем»), князья XII–XIII вв. стали, по сути, виновниками многовекового бедствия Руси – монголо-татарского нашествия. К сожалению, даже сейчас многие не понимают, что толчком всех многовековых бед Руси стало убийство южнорусскими князьями послов Чингиз-хана в 1223 году [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447]. Тогда, как известно, половцы, испугавшись карательной экспедиции полководцев Чингиз-хана Субэдэ и Джэбэ, запросили помощи у Руси, и южнорусские князья пошли им навстречу (Мстислав Галицкий, влиятельный князь, был женат на половчанке, впрочем, как и некоторые другие южнорусские князья).

Посольство монголов тогда предложило русским князьям не вмешиваться, но совет во главе с киевским князем решили убить послов [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447]. Последовала гибельная для Руси битва на Калке [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447], а также более поздняя карательная операция сына Чингиз-хана Бату [ПСРЛ, 1962, стлб. 460–470], ввергшая Русь в многовековую катастрофу. И удар этот, прежде всего, монголы направили против Северной Руси [ПРСЛ, 1962, стлб. 460–470] (несмотря на то, что северорусские князья опоздали на Калку) [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447], хотя смертельную «кашу заварили» именно южнорусские князья [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447]. Поразительно, но «Поучение» Мономаха должно быть рассмотрено как своего рода предупреждение Руси об этих грядущих бедах. Автобиография Мономаха выступает как свидетельство, таким образом, не только о многочисленных бедах лично Мономаха от южнорусских князей, но и как урок, прозорливое политическое предупреждение на будущее.

Заключение

Таким образом, «Поучение» Мономаха, выдающийся литературный памятник XI–XII вв., является в жанровом отношении также и политическим посланием Руси; не только человеческим документом, литературным произведением, но и политическим документом Владимира Мономаха.

Библиографический список

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. 408 с.

Аверинцев С. С. На перекрёстке литературных традиций (Византийская литература: истоки и творческие принципы) // Другой Рим. Избранные статьи. Санкт-Петербург : Амфора, 2005. С. 17–58.

Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. Москва – Ленинград : Изд. АН СССР, 1935. Т. 2. С. 39–80.

Бедина Н. Н. Псалтирь и ранняя русская книжность (XI–XIII вв.). Архангельск : изд. Поморского университета, 2004. 139 с.

Владимир Мономах: завещано потомкам / сост Г. Ю. Филипповский. Ярославль : изд. ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1999. 285 с.

Гиппиус А. А. Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. Ч.1-2 // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6–7. С. 60–99; 146–171.

Дёмин А. С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 403 с.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Москва : Унив. тип., 1901. Ч. 1. С. 1–90.

Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси. Москва : Росспэн, 2011. 551 с.

Карпов А. Ю. Великий князь Владимир Мономах. Москва : Молодая гвардия, 2015. 387 с.

Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы. Москва-Ленинград : изд. АН СССР, 1941. Ч. 1. С. 289–297.

Лихачёв Д. С. Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. Москва : Современник, 1979. С. 141–161.

Лихачёв Д. С. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Москва : Наука, 1987. Вып. I (XI–XIV вв). С. 98–102.

Мильков В. В. Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора. Москва : Наука, 2006. С. 340–452.

Орлов А. С. Владимир Мономах. Москва-Ленинград : изд. АН СССР, 1946. 191 с.

Памятники литературы Древней Руси. XI–XII вв. Москва : изд. «Художественная литература», 1978. С. 392–413.

Погодин М. П. О Поучении Мономаховом // Известия отделения русской литературы и словесности (ИОРЯС). Санкт-Петербург, 1861–1863. Т. X. С. 235–237.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Москва : Наука, 1962. 577стлб. (ПСРЛ).

Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: поэтика жанра // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 2. С. 8–13.

Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: проблемы литературной поэтики. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 119 с.

Ghini G. Un testo `sapienziale` nella Rus`Kievana. II. Poucenie di Vladimir Monomach. Bologna, 1990, 88 s.

Keipert H. Ein Vitenzitat bei Vladimir Monomach // Orientalia christiana periodica. T. 41. 1975. S. 232–236.

Muller L. Noch einmal zu Vladimir Monomachs Zitat aus einer asketischen Rede Basilius der Grossen // Russia mediaevalis. № 4. 1979. S. 16–24.

Reference list

Averincev S. S. Pojetika rannevizantijskoj literatury = The poetics of early Byzantine literature. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2004. 408 s.

Averincev S. S. Na perekrjostke literaturnyh tradicij (Vizantijskaja literatura: istoki i tvorcheskie principy) = At the crossroads of literary traditions (Byzantine literature: origins and creative principles) // Drugoj Rim. Izbrannye stat'i. Sankt-Peterburg : Amfora, 2005. S.17–58.

Alekseev M. P. Anglo-saksonskaja parallel' k «Poucheniju» Vladimira Monomaha = An Anglo-Saxon parallel to the «Testament» of Vladimir Monomakh // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. Moskva – Leningrad : Izd. AN SSSR, 1935. T. 2. S. 39–80.

Bedina N. N. Psaltir' i rannjaja russkaja knizhnost' (XI–XIII vv.) = The Psalter and early Russian literacy (11th-13th centuries). Arhangel'sk : izd. Pomorskogo universiteta, 2004. 139 s.

Vladimir Monomah: zaveshhano potomkam = Vladimir Monomakh: bequeathed to posterity / sost G. Ju. Filippovskij. Jaroslavl' : izd. JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 1999. 285 s.

Gippius A. A. Sochinenija Vladimira Monomaha: Opyt tekstologicheskoj rekonstrukcii. Ch. 1–2 = Vladimir Monomakh's works: attempt at text reconstruction. Parts 1–2 // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. 2003. № 6–7. S. 60–99; 146–171.

Djomin A. S. Pojetika drevnerusskoj literatury (XI–XIII vv.) = Poetics of ancient Russian literature (XI–XIII centuries). Moskva : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 403 s.

Ivakin I. M. Knjaz' Vladimir Monomah i ego Pouchenie = Prince Vladimir Monomakh and his Testament. Moskva : Univ. tip., 1901. Ch. 1. S. 1–90.

Karavashkin A. V. Literaturnyj obychaj Drevnej Rusi = Literary custom of ancient Russia. Moskva : Rosspjen, 2011. 551 s.

Karpov A. Ju. Velikij knjaz' Vladimir Monomah = Great prince Vladimir Monomakh. Moskva : Molodaja gvardija, 2015. 387 s.

Komarovich V. L. Pouchenie Vladimira Monomaha = Vladimir Monomakh's Testament // Istorija russkoj literatury. Moskva-Leningrad : izd. AN SSSR, 1941. Ch. 1. S. 289–297.

Lihachjov D. S. Velikoe nasledie: klassicheskie proizvedenija literatury Drevnej Rusi = The great heritage: classical works of ancient Russian literature. Moskva : Sovremennik, 1979. S. 141–161.

Lihachjov D. S. Vladimir Vsevolodovich Monomah = Vladimir Vsevolodovich Monomakh // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Moskva : Nauka, 1987. Vyp. I (XI–XIV vv). S. 98–102.

Mil'kov V. V. Vladimir Monomah i ego Pouchenie = Vladimir Monomakh and his Testament.// Tvorenija mitropolita Nikifora. Moskva : Nauka, 2006. S. 340–452.

Orlov A. S. Vladimir Monomah = Vladimir Monomakh. Moskva-Leningrad : izd. AN SSSR, 1946. 191 s.

Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XI–XII vv. = Monuments of ancient Russian literature. XI–XII centuries. Moskva : izd. «Hudozhestvennaja literatura», 1978. S. 392–413.

Pogodin M. P. O Pouchenii Monomahovom = On Vladimir Monomakh's Testament // Izvestija otdelenija russkoj literatury i slovesnosti (IORJaS). Sankt-Peterburg, 1861–1863. T. X. S. 235–237.

Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaja letopis' i Suzdal'skaja letopis' po Akademicheskomu spisku = Complete collection of Russian chronicles. V. I. The Laurentian chronicle and the Suzdal chronicle on the Academic codex. Moskva : Nauka, 1962. 577stlb. (PSRL).

Filippovskij G. Ju. «Pouchenie» Vladimira Monomaha: pojetika zhanra = Vladimir Monomakh's Testament: genre poetics // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2017. № 2. S. 8–13.

Filippovskij G. Ju. «Pouchenie» Vladimira Monomaha: problemy literaturnoj pojetiki = Vladimir Monomakh's Testament: problems of literary poetics. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 119 s.

Ghini G. Un testo `sapienziale` nella Rus`Kievana. II. Poucenie di Vladimir Monomach. Bologna, 1990, 88 s.

Keipert H. Ein Vitenzitat bei Vladimir Monomach // Orientalia christiana periodica. T. 41. 1975. S. 232–236.

Muller L. Noch einmal zu Vladimir Monomachs Zitat aus einer asketischen Rede Basilius der Grossen // Russia mediaevalis. № 4. 1979. S. 16–24.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 19.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-28-36

Рациональное и эмоциональное в творчестве Симеона Полоцкого

Любовь Викторовна Левшун
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики английского языка УО «Минский государственный лингвистический университет». Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, д. 21
llb55@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0837-9222

Аннотация. Автор рассматривает эмотивную стратегию иеромонаха Симеона Полоцкого в контексте святоотеческого учения об образе и христианской эмотиологии. В частности, отмечается, что в святоотеческой антропологии именно образ, а не понятие, считается наиболее продуктивным инструментом познания; чувственно-эмоциональная сфера человеческого бытия разделяется на «эмоции преображения», способствующие, через катарсис, обожению человека, и «эмоции внушения», манипулятивно внушающие реципиенту идеи автора, причем первые приветствуются в художественном творчестве, вторые порицаются. С этих позиций произведения барокко, даже оставаясь в круге религиозной тематики, демонстрируют секулярное отношение к сфере эмоций – конструирование манипулятивной эмотивности рациональными методами. Такая эмотивность секуляризует как само творчество, выводя его за пределы христианского художественного канона: духовное окормление читателя (задача христианской педагогики) сменяется эстетическим и интеллектуальным наслаждением (задача баррочных эстетики и гносеологии). Яркие образчики рационального конструирования эмотивности в разножанровых словесных произведениях и секуляризации творчества дает иеромонах Симеон Полоцкий. Переложенная им «Псалтирь рифмотворная» предоставляет читателю возможность превратить молитвенное правило в домашний концерт; в комидиях изысканная эмотивность поэтических средств дисгармонирует с бедностью смысла; в дидактических виршах наиболее эмотивные образы противоречат ортодоксии; сам конструируемый Симеоном образ писателя-апостола представляет, на самом деле, безапеляционного карателя, морально уничижающего и уничтожающего всякого, кто не соответствует утверждаемому иеромонахом стандарту хорошо образованного, социально корректного, полезного и в этом смысле добродетельного гражданина отечества. Сконструированная различными рациональными способами эмотивность художественных образов в произведениях Симеона Полоцкого призвана убедить адресата в безусловной правоте пишущего, что создает условия для формирования нового типа читателя, который воспринимает художественный текст, не как передатчик Истины, а как источник интеллектуального и эстетического наслаждения.

Ключевые слова: святоотеческая эмотиология, христианская иконология, барокко, Симеон Полоцкий, рациональное и эмоциональное, конструирование эмотивности, образ автора

Исследование выполнено при поддержке БРФФИ (проект Г20Р-383)

Для цитирования: Левшун Л. В. Рациональное и эмоциональное в творчестве Симеона Полоцкого // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 28-36. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-28-36

Original article

The rational and emotional in the works by Simeon of Polotsk

Lyubov V. Levshun
Doctor of philological sciences, associate professor, professor of english stylistics department, Minsk state linguistic university. Belarus, Minsk, Zakharov st., 21.
llb55@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0837-9222

Abstract. The author examines the emotive strategy of Hieromonk Simeon of Polotsk in the context of the patristic doctrine of the image and Christian emotiology. In particular, it is noted that in patristic anthropology it is the image, but not the concept, that is considered the most productive tool of cognition; the sensory-emotional sphere of human existence is divided into «emotions of transformation», which contribute through catharsis to the deification of a person, and «emotions of suggestion», manipulatively suggesting the author's ideas to the recipient, the former being welcomed

© Левшун Л. В., 2021

in artistic creation, the latter being condemned. From this point of view, baroque works, even while remaining in the circle of religious themes, demonstrate a secular attitude towards the sphere of emotions – the construction of manipulative emotiveness by rational methods. Such emotiveness secularizes as creativity itself, taking it beyond the boundaries of the Christian artistic canon: the spiritual nourishment of the reader (the task of Christian pedagogy) is replaced by aesthetic and intellectual pleasure (the task of barroque aesthetics and epistemology). Hieromonk Simeon Polotsky gives vivid examples of the rational construction of emotiveness in works of different genres and the secularization of creativity. The «Psaltir' rifmotvornaya» he transcribed provides the reader with the opportunity to turn the prayer rule into a home concert; in comedies, the refined emotiveness of poetic means is in disharmony with the poverty of meaning; in didactic verses the most emotive images contradict orthodoxy; the very image of the apostle-writer constructed by Simeon represents, in fact, a categorical punisher, morally humiliating and destroying anyone who does not meet the standard of a well-educated, socially correct, useful, and in this sense, a virtuous citizen of the fatherland, approved by the hieromonk. Constructed in various rational ways, the emotiveness of artistic images in the works of Simeon Polotsky is designed to convince the addressee of the unconditional correctness of the writer, which creates conditions for the formation of a new type of reader who perceives an artistic text not as a transmitter of Truth, but as a source of intellectual and aesthetic pleasure.

Key words: patristic emotiology, christian iconology, baroque, Simeon of Polotsk, rational and emotional, construction of emotiveness, the image of the author

The study was carried out with the support of the BRFFR (project G20R-383

For citation: Levshun L. V. The rational and emotional in the works by Simeon of Polotsk. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):28-36. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-28-36

Введение. Обзор антропологических и иконологических представлений христианской культуры относительно рациональной и эмоциональной сфер человека и целесообразности их отражения в художественных произведениях показывает, что и специфика рационального мышления, и эмотивный код языка христианской иконологии (теории художественного образа), на которых основывалась вся европейская средневековая культура, существенно отличаются от секулярной концепции рациональности и эмотивности.

Христианское богословие о рацио. Христианское богословие весьма сдержанно относится как к сфере эмоций, так и к области рацио, хотя не отвергает ни того, ни другого, поскольку полагает, что «из всего объемлемого чувством и созерцаемого умом, ничто не есть сущее в подлинном смысле, кроме превысшей всего сущности, которая всему причина» [Григорий Нисский, ч. 1]. В основе христианской иконологии, как заметил В. В. Бычков, лежит убежденность в том, что высшее знание открывается человеку не в понятиях, а в образах и символах [Бычков, 1977, с. 117]. Понятийное же мышление, согласно святоотеческой антропологии, – ограниченно и неглубоко. Так, еще автор Ареопагитик в «Послании Титу-иерарху» охарактеризовал эти два способа познания мира следующим образом: «...богословское учение двояко: одно – неизреченно и таинственно, другое – явленно и постижимо; одно – символическое и ведущее к таинствам, другое философское и аподиктическое <…> Одно убеждает и делает связной истину говоримого, другое же действует и утверждает в Боге ненаучимым тайноведением» [цит. по Прохоров, 1987, с. 185]. Иначе говоря, философское, аподиктическое суждение (от др.-греч. ἀποδεικτικός, ‘показывающий воочию, доказательный; построенный на фактах’), содержит неполную истину; а символический образ – полную, сверхразумную. Блаж. Августин в «Христианской науке» отметил, что «пособия науки, преподаваемые рукою человека, тогда только пользуют душе, когда делает их полезными сам Бог <…> Кто старается силою слова своего уверить других <…>, тот пусть сперва молится и только потом действует словом своим» [Августин, гл. IV: 33, 34]. Рацио, которое допускали христианские книжники, – это «ум, зрящий Бога», поскольку только такой ум способен, по мысли свт. Григория Нисского, «не составлять себе ложного понятия о сущем» [Григорий Нисский, ч. 1]. Поэтому, как только рацио обособляется от Истины, оно превращается в систему мертвых приемов (τηχνη, или schola), позволяющих с одинаковым успехом «убеждать и в истинном, и в ложном» [Августин, гл. IV: 3]. Художественный образ, основанный исключительно на рационально-понятийном суждении, изображает не собственно Истину (она объективно недоступна рацио), а произведенную по известным правилам дискурсивно-логическую реконструкцию Истины, заведомо неполную и неточную.

Святоотеческое учение об эмоциях. Эмоции, согласно святоотеческой антропологии, суть проявление многоразличных страстей, трактуемых как «болезни ума». По мнению, например, преп. Максима Исповедника, страсть – это импульс души, противоречащий природе [Максим Исповедник, гл. 32–33], «страсть достойна порицания, как неестественное движение души» [Максим Исповедник, гл. 35]. Св. Григорий Нисский, называя человека рациональным животным («logikos»), утверждал, что бытие интеллектуальной части души часто нарушается вмешательством страстей, pathema, по причине чего «кто по природе человек, тот по страсти делается скотом» [Григорий Нисский, https, ч. 1], и только разум может контролировать страсти. Впрочем, еще стоики определяли добродетель как ἀπάθεια и полагали, что эмоции суть ошибки в рассуждении разумной души [см., напр. Гаджикурбанова, 2005].

В христианской антропологии чувственно-эмоциональная сфера человеческого бытия разделяется на две области – *духовную*, в которой обретаются «внутренние, или умные, чувства», и *телесную*, где преобладают «внешние чувства». Две эти области можно охарактеризовать соответственно как «эмоции преображения», способствующие, через катарсис, свободному раскрытию потенциала личности, и «эмоции внушения», манипулирующие сознанием реципиента с целью внушить ему идеи автора. В художественном каноне христианской культуры привлечение первых оценивалось положительно – как содействующее духовному возрастанию и обожению реципиента; к использованию вторых отношение было резко отрицательным – как к инструменту манипуляции человеческими страстями для достижения чьих-то личных целей, либо как к проявлению духовного «младенчества» писателя. Превалирование в художественном произведении «эмоций внушения» – показатель секулярности авторского самосознания, когда эмотивы используются либо для «выплеска» собственных эмоций пишущего, либо с прагматическим намерением внушить читателю нужную эмоциональную оценку. И именно «эмоции внушения» нуждаются в рацио как необходимом инструменте своего генерирования.

Рациональное и эмоциональное в культуре барокко. Наиболее ярко симбиоз рационального и эмоционального проявлен в культуре барокко, которая в регионе slavia orientalis предстает как «жемчужины разумения», чьи произведения, вместе с тем, обретают вид и характер яркого впечатляющего зрелища [ср. Еремин, 1948, с. 126], призванного изумлять и удивлять читателя. Для этого используются «разнообразные декоративные приемы <...> символико-метафорического стиля, иероглифика и эмблематика <...> фигурные, контурные стихи» [Сазонова, 1991, с. 78, 75, 20, 43]. Расшифровка этих «иероглифов премудрости» может быть самой непредсказуемой, но чем она неожиданнее, тем выше ее эмотивный потенциал и тем она художественнее в представлении мастеров барокко. Однако, с точки зрения христианской иконологии, такое творчество, оставаясь религиозным по тематике, создает либо «плоские, пошлые выдумки, рассудочные выверты, мертвые трафареты», либо «бесформенный хаос, больные химеры, извращенные сновидения наяву» [Ильин, 1990, с. 10], притягательные именно своим эмотивным потенциалом – способностью поражать культивируемое в барокко воображение.

Иеромонах Симеон Полоцкий в своем творчестве дает блестящий образчик этого нового взгляда на мир и писательство. В его произведениях мы обнаруживаем виртуозное конструирование манипулятивной эмотивности, демонстрирующее замечательный симбиоз рационального и эмоционального: «*пиитическаго рифмотворения равном҃рием слогов по различным устроишася родом*, – пишет он, к примеру, в предисловии к «Вертограду многоцветному», – *того ради да присвойственною себ҃ сладостию сердцам читателей приятн҃йший суще, аки нуждею влекут я ко читанию част҃йшему <...> благосладящая суть слухи и сердца слышащых*» [Simeon Polockij, 1996, с. 6], а в «Жезле правления» высказывает, например, такое мнение: «*колми паче аще кое пение согласия ради своего, бл(а)горазумне ухитрствованнаго <...> будетъ приятно, много бо ползовати можетъ человека*» [Жезл, л. 95–95 об.]. Утверждая необходимость «приятности», то есть обязательной эмотивной окрашенности произведений, писатель создает весьма продуктивный механизм секуляризации творчества. Вместе с тем, это, пожалуй, один из главных способов рационального конструирования эмотивности в произведениях Симеона Полоцкого. По замечанию Л. И. Сазоновой, «Симеон Полоцкий выступил как представитель эстетической концепции, преемственно воспринятой барокко от Ренессанса, согласно которой «ум не довольствуется одной только истиной, он требу-

ет еще красоты». Эта концепция позволила ему <…> отойти от буквы догматического текста и приступить к решению собственно литературных задач» [Сазонова, 1991, с. 26].

Эмоциональное и рациональное в «Псалтири рифмотворной». Решение же «собственно литературных задач» почти автоматически выводит творчество за пределы художественного канона христианской культуры. Так очевидно десакрализуется при стихотворном переложении Псалтирь. Объясняя в предисловии к «Псалтири рифмотворной», для чего нужно было стихотворное переложение священного текста, поэт пишет, что на Руси так полюбилось «*сладкое и согласное пение полския Псалтири, стихотворно преложенныя*», что ее стали петь всюду, «*мало или ничтоже знающе и точию отъ сладости пения увеселяющеся духовне*» [цит. по Симеон Полоцкий, 1953, с. 213]. Симеон решил исправить это положение, дав слушателю столь же (как он уверен) сладкозвучный, но вместе с тем и понятный текст, чтобы ум, нуждающийся не только в истине, но и красоте, наслаждался и тем, и другим. Правда, Симеон заметил, что рифмотворные псалмы предназначены для пения не в соборе, а чтобы «*в домех оны честно пети*», как видимо, пелась и Псалтирь в переложении Яна Кохановского. И это свидетельствует о том, что в домах любителей «сладкого и согласного пения» молитвенное правило превращалось в домашний концерт, где духовное окормление слушателей подменялось эстетическим их услаждением. «Перед нами, – как верно заметил С.А. Демченков, – не перевод в собственном смысле слова, основное назначение которого состоит в том, чтобы ознакомить читателя с ранее неизвестным ему (или известным не в полной мере) произведением, а скорее литературный манифест, декларирующий возможность нового, принципиально иного художественного видения» [Демченков, 2007, с. 25–26]; Симеон Полоцкий «подошел к своей задаче как поэт, для которого псалмы были только материалом для выражения в привычных формах религиозной образности нового, индивидуально-личного содержания» [Серман, 1962, с. 217] и чувства.

О характере эмотивности и рацио в комидиях Симеона. То же целенаправленное конструирование эмотивности в ущерб смыслу мы видим и в стихотворно-драматических переложениях Симеоном Полоцким текстов Писания: «Комедии о блудном сыне» и «Комедии о Навуходоносоре-царе». В прологе первой Симеон объясняет зрителям, что изобразил евангельскую притчу в драматической форме, потому что в действии лучше запечатлевается содержание. Это заявление можно было бы считать вполне согласным с принципами христианской педагогики, предписывающей, по апостолу, «быть всем для всех» [1 Кор. 9:19–22] и подавать «младенцам» в вере – «молоко» учения, и только совершенным – «совершенную пищу» [см. 1 Кор. 3:2, Евр. 5:12, 13], – можно было бы, если бы не очевидное противоречие между формой и содержанием. Изысканность поэтических средств дисгармонирует с бедностью смысла. «Комидии» Симеона писались не для народного и не для школьного, а для придворного театра, зрителями которого были прилично образованные по тем временам люди, среди которых – облеченные священным саном и сам «христианнейший государь», то есть отнюдь не «младенцы», которым следовало преподавать основы вероучения. Между тем содержание взятых из Писания фрагментов редуцировано в «комидиях» Симеона Полоцкого до минимума понимания «младенцев». К примеру, в эпилоге «Комедии о блудном сыне» автор извлекает из неисчерпаемой вероучительной глубины евангельской притчи всего две полезные мысли: первая – дети должны подчиняться родителям, а родители – наставлять своих детей; вторая – покаявшихся следует прощать, подражая милующему всех Богу; «*Юным се образ старейших слушати,/ На младый разум свой не уповати;/ Старим – да юных добре наставляютъ,/ Ничто на волю младых не спущаютъ, / Наипаче образ милости явися, / Въ немъже Божья милость вобразися, / Да и вы Богу въ ней подражаете, / Покаявшимся удобь прощаете!*». Впрочем, вероучительные цели, вопреки заявлению автора, в «комидиях» очевидно не преследовались; все внимание драматурга сосредоточено на том, чтобы придать изложению изящную и увлекательную, то есть максимально эмотивную форму; чтобы, согласно поэтическим принципам барокко, поразить зрителя новизной и необычностью изложения «старого» сюжета.

Конструирование эмотивности в «виршах» Симеона Полоцкого. Стремление к максимальной эмотивности произведений приводит Симеона к тому, что интерпретации христианского учения в его многочисленных «виршах» бывают настолько курьезны, что принуждают сомневаться в правоверности автора. Например, в четверостишии «Безказние» («Вертоград многоцветный») Симеон совершенно серьезно заявляет:

«*Иже злобы злобником без казни прощает, / сам есть тать ли разбойник, яко попущает, / И зѣло лютѣ Богом сужден имать быти, / яко мог, не хотяше злобы истребити*». И эта сентенция прямо противоречит словам Христа «Азъ же глаголю вамъ не противитися злу» [Мф 5:39], «любите враги вашя, добро творите ненавидящымъ васъ, благословите кленущыя вы, и молитеся за творящихъ вамъ обиду» [Лк 6:27–28] и др. и апостола, напоминающего: «Писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ» [Рим 12:19].

В коротеньком «виршике» из «Вертограда многоцветного», названном «Воздержание» и посвященом поныне актуальной проблеме посильности возлагаемых на себя обетов, вполне в духе святоотеческой аскетики и педагогических принципов Типикона Симеон утверждает: «*Воздержание аще безмерно храниши, / Множицею души ти вред велий твориши: / Плоти бо изнемогшей умъ недобр бываетъ, – / Разсуждение въ меру вся да устрояетъ*!» Однако завершается «вирш» неожиданной в данном контексте сентенцией: «*Адамъ и Евва не воздержна быста – / Весь мир единым яблоком вредиста*». Соположение смыслов обеих частей приводит к более чем курьезному и по сути еретическому, в свете христианского учения, выводу: по-видимому Господь, «не в меру рассудив», возложил на праотцев «безмерное» воздержание, которое соделало их душам «вред велий», от которого «изнемог» и стал «недобрым» их ум, потому они и «повредили весь мир яблоком единым».

Изумляющей курьезностью, граничащей едва ли не с прямым кощунством, отличается эмотивная аллегория, сконструированная Симеоном в «вирше» «Молитва (Скалигер)» из того же «Вертограда многоцветного»: «*Хамелеону вражда естеством всадися / к животным, ихже жало яда наполнися. / Видя убо он змия, на древо всхождает / и из усти нить на него некую пущает, / В ея же конце капля, что бисер сияет, / юже он ногою на змия управляет. / То повнегда змиевой главе прикоснется, / абие ядоносный умерщвлен простретсяся. / Подобно действо имать молитва святая / на змия ветха из уст наших пущенная, / В ней же имя ИИСУС, як бисер, сияет, / демона лукаваго в силе умерщвляет. / Трепещут сего беси, отсюду гонзают, / чрез то заклинаеми где-либо бывают*». Христианская молитва уподобляется Симеоном плевку хамелеона, а Иисусово имя в ней – смертоносному яду. Разумеется, можно возразить, мол, плевок и яд – для «демона лукаваго» и бесов. Но неэтичность данных «инструментов» борьбы с лукавым, а вместе с тем и кощунственность подобных сопоставлений очевидны лишь с точки зрения христианской сотериологии и канонического христианского художества; в секулярном же рационалистического склада художественном сознании уместность приведенного консепта оправдана его высоким эмотивным потенциалом, а потому полностью нивелирует вероучительную ущербность данного образа.

Образ писателя. Рациональное конструирование эмотивности Симеоном Полоцким касается и такого важного явления, как создание нового для восточнославянской культуры образа писателя, для чего используются реминисценции и аллюзии из пророческих книг, апостольских посланий и святоотеческих писаний, что возводит авторитет писателя до уровня пророка, апостола или отца Церкви. Так, в предисловии к своему «Вертограду многоцветному» Симеон, используя широчайший арсенал эмотивных средств, обозначает свои творческие цели: «*не что ино первонамѣрствуется, точию слава, честь, хвала, благодарствие, величание Создателя всяческих, второ же усмотряется всѣх душевная вѣрных полза и спасение*», «*славы, еяже аз ми не требуя в мирѣ сем, яко оставлей и́ со всѣми его красными суетами и суетными красоты, не ищу оныя от человѣк написаниемь книги сея, но глаголю со царствующым пророком: Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу. <...> Мнѣ же, грѣшиному, даждь славу, от Тебе Самаго сущую?*» [Simeon Polockij, 1996, с. 4, 6–7] Перед нами образ уже не «скромной и трудолюбивой пчелы» [ср. Ключевский, 1983, с. 302], каковым мыслил и представлял себя древнерусский книжник, а – пророка, апостола, которому Сам Господь вручил «жезл правления» и поручил «*утвержение колебающихся во вере*», «*наказание непокоривыхъ овецъ*», «*поражение жестоковыйныхъ и хищныхъ волковъ, на стадо Хр(и)стово нападающихъ*», как отмечено в титуле «Жезла» [Жезл, 2013, л. 1нн]. Писательство осознается Симеоном как высший «личный нравственный подвиг» [Панченко, 1973, с. 177]; «просвещая и воспитывая людей, – замечает Л. И. Сазонова, – он „апостольствует”» [Simeon Polockij, 1996, с. XVIII].

Вместе с тем, оказывается, что «*славы, яже от единаго Бога*» мало, несмотря на заявления, и

самому Симеону: «*возмездие же временное потолику желателно, поелику нуждно к доволному препитанию*» [Simeon Polockij, 1996, с. 7]; ратуя за распространение «рифмотворного писания», он надеется, что «*честь имать и ублажение и творцев си достойнаго не лишает от Бога и от человѣк возмездия и славы*» [Simeon Polockij, 1996, с. 6]. При этом писатель просит защиты отнюдь не у Бога, а у царя: «*от ядовитаго ихъ* («псов», то есть противников. – *Л. Л.*) *угрызения ты, православный ц(а)рю, не удали помощи твоея от мене, на заступление мое вонми*» [Жезл, 2013, л. 3нн об]. И далее обращается к земному правителю словами паслмов, обращенных Богу, как делал это некогда Даниил Заточник: *«„изми от оружия д(у)шу мою и из руки песия единородную мою”* [Пс. 21:21]. *Сп(а)си насъ „от устъ львовъ и от рогъ единорождь”* [Пс. 21:22] – *смирение наше. Того бо деля мы "под кровъ крилу твоею"* [Пс. 16:8] *со Жезломъ симъ прибегаемъ, да крепостию защищения пресилныя десницы твоея безбедни пребудемъ*» [Жезл, 2013, л. 3нн об]. Перед нами – писатель-профессионал, для которого словесное творчество стало способом социального утверждения и материального благополучия, который «рассчитывал получить удовольствие от текста и реальную, земную пользу от творчества» [Калугин, 1991, с. 114]. Это новый образ писателя, конструируемый Симеоном Полоцким, по сути уже секулярен, несмотря на религиозно окрашенную риторику, с помощью которой он обрисовывается: Л. И. Сазонова отмечает «позицию Симеона как воспитателя общества, ставящего себе цель поучения и просвещения как основную» [Simeon Polockij, 1996, с. XXI], однако при этом под просвещением понимается уже не содействие обожению христианина, а формирование гармонично развитого, хорошо образованного, социально корректного, полезного и в этом смысле добродетельного гражданина отечества. «*Обрящет здѣ,* – обращается Симеон к читателю «Вертограда многцветного», – *благородный и богатый врачевства недугом своим, гордости – смирение, сребролюбию – благорасточение, скупости – подаяние, велехвалству – смиренномудрие. Обрящет худородный и нищий своим недугом цѣлебная, роптанию – терпѣние, татбѣ – трудолюбие, зависти – тлѣнных презрѣние. Обрящет неправду творящий врачебное недугу си былие, правды творение, гнѣвливец – кротость и прощение удобное, лѣнивец – бодрость, глупец – мудрость, невѣжда – разум, усумлящийся в вѣрѣ – утверженье, отчаянник – надежду, ненавистник – любовь, продерзивый – страх, сквернословец – языка обуздание, блудник – чистоту и плоти умерщвление, пияница – воздержание и всякими инѣми недуги одержимии обрящут по своей нуждѣ полезная былия и цвѣты*» [Simeon Polockij, 1996, с. 5–6].

Образ мудрости: эмоцио и рацио. В творческом наследии Симеона Полоцкого представлено новое понимание не только писательского творчества, но и мудрости: Симеон отождествляет мудрость не с причастностью Истине, а с умением доказать свою правоту в религиозном споре. «*Б(о)гу поспешествующу,* – обещает он, – *посечемъ и сокрушимъ симъ „Жезломъ” вся части хуления твоего. Возобличимъ тя подробну, и хощемъ яве всемъ православнымъ показати твое безумие и неискусство, и слепоту разума твоего, яко очи имея – не видиши, и уши имея – не слышиши*» [Жезл, 2013, л. 19об–20]. Этому способствуют эрудиция, образованность, остроумие обличающего и, конечно же, умение конструировать эмотивные высказывания, помогающие убедить реципиента: наделение эмотивной коннотацией узуально нейтральных выражений и наведение эмосем на нейтральные контексты, делающее их ярко экспрессивными и тем самым (как полагает писатель) неопровержимыми. Например, в «Жезле правления» руководители церковного раскола характеризуются Симеоном не просто как «безумные» и «скотоумные», хотя и сами эти лексемы имеют в христианской культуре некий базовый эмотивный смысл, но как «слепоумные», где эмотивность усилена метафорой; «злохулные», где эмотивность усилена тавтологией, «суемудрые пустынники», где эмотивность усилена оксюмороном; «не богословцы, а буесловцы», где эмотивность усилена антитезой и т. д. При этом эмотивным приемам в рассуждениях Симеона сопутствует утонченная логика, ом «искусности» ума – «тонкость словес», так что для разумения его высокоумных писаний слушателям необходим образованный ум и некоторый навык, поскольку «*здравое сырище всякую пищу добре варитъ и ползу даетъ плоти, немощное паки и здравотворными ядми повреждается, не могуще ихъ сварити. Тако и умъ бл(а)горазсудный, всякое писание д(у)шеполезно читая, бл(а)гополуется. Ум же неискусный и в*

душеполезныхъ вредъ себе обретаетъ, не могий добре тонко писания разсудити» [Жезл, 2013, л. 33–33об]. Симеон советует обличаемым им «безумным» «*поискать разума у искуснейшихъ*» [Жезл, 2013, л. 32об] и вместе с тем дает весьма впечатляющие образчики этого всепобеждающего «разума», уничтожая противника словесным «жезлом железным» [Откр. 2:27]: «*Клевещеши, окаянне, на ц(е)рковной ниве родитися плевеломъ еретичества*, – набрасывается он на Никиту Пустосвята. – *Свиния еси, попирающая бисеры, не зная ихъ цены; вепрь еси гнусный в ц(е)рко(вн)омъ вертограде <...> лисъ еси, губяй виноградъ ц(е)рковный <...> Плевелми нарицаеши добрую пшеницу, от великихъ ц(е)рковныхъ учителей сеянную*» [Жезл, 2013, л. 20]; «*яко бо козлищъ бл(а)гая и плодоносная древеса об[ъ]ядаетъ и губитъ, свиния же скверномъ носомъ вертоградъ рыетъ и нивочтожествуетъ, тако и скотоумный сей Никита сотвори в саде бл(а)гоплодовитомъ и в вертограде бл(а)говонноцветномъ с(вя)тыхъ писаний*» [Жезл, 2013, л. 29 об–30].

Комментируя то или иное выражение из критикуемых им «плевелных словес» своих оппонентов, придворный книжник нарочито и с нескрываемым чувством безусловного интеллектуального превосходства демонстрирует проявление того, что он считает мудростью – широчайшую эрудицию и высочайшую образованность. Он то и дело иронизирует по поводу неграмотности своих «малоумных» противников, не способных постигнуть «*силы и разума словесъ предложенныхъ*» [Жезл, 2013, л. 20об]: «*дерзавъ во б(о)гословския глубины умъ свой пущати, се на брезе грамматическаго разума и в мелкости ея утопает: с(о)лнце хотевый соглядати, стези не видитъ*» [Жезл, 2013, л. 23]; «*не весть он и алфа гречески чести*» [Жезл, 2013, л. 54] и т. д. Так рацио, в христианской культуре вспомогательное и ответственное лишь за «внешнюю мудрость», возводится книжником, в должный внушать наивысшее почтение признак ученой писательской элиты [ср. Ключевский, 1983, с. 117].

При этом придворного богослова совершенно не беспокоит «грубый тон <…> странный и оскорбительный для нашего веротерпимого слуха» [Порфирьев, 1891, с. 665], противоречащий основам христианской педагогики. Симеон Полоцкий дает нам впечатляющие образчики блещущей ученостью и эрудицией интеллектуальной «гордыни, проникнутой нехристианской нетерпимостью» [ср. Ключевский, 1983, с. 302, 303]. «*Сие твое обличение*, – презрительно бросает он попу Лазарю, – *оплевати паче и обругати подобаетъ, и уста лживыя жезломъ, аки псу лающему, заградити, неже ответъ давати, не веси бо, еже г(лаго)леши*» [Жезл, 2013, л. 130].

Заключение. Творческое наследие Симеона Полоцкого дает нам, таким образом, яркие образцы тесного и успешного взаимодействия противоположностей: эмотивный потенциал произведений сознательно и целенаправленно конструируется книжником различными рациональными способами; эмоциональность создаваемых образов внушает читателям должное отношение к прочитанному и убеждает в безусловной правоте пишущего. Представляя уже вполне секулярную схему взаимодействия автор-произведение-читатель, Симеон Полоцкий тем самым создает условия для формирования и воспитания читателя нового типа, читателя, который воспринимает художественный текст не как передатчик Истины, а как источник интеллектуального и эстетического наслаждения.

Библиографический список

Августин Аврелий. Христианская наука или основания герменевтики. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/hristianskaja-nauka-ili-osnovanija-germenevtiki-i-tserkovnogo-krasnorechija/ (дата обращения: 15.08.2020).

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. Москва : CODA, 1997. 342 с.

Бычков В. В. Византийская эстетика. Москва : Искусство, 1977. 200 с.

Гаджикурбанова П. А. Стоическая теория аффектов // Этическая мысль. 2005. Вып. 6. С. 76–89.

Гаспаров М. Л. Оппозиция «стих – проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. Москва : Наука, 1985. С. 264–277.

Григорий, епископ Нисский. О жизни Моисея законодателя, или о совершенстве в добродетели. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/o_moisee/ (дата обращения: 15.08.2020).

Демченков С. А. «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого: принципы поэтической обработки библейского текста // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики) : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 24–33.

Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. 1948. Т. 6. С. 125–153.

Жезл правления = Посах кіравання = The Governing Crosier : Исследование. Текст / Симеон Полоцкий : автор исследования А. Суша, возобновленный текст, перевод с церковнославянского языка и составление словарей А. Брезгунова. Минск : Изда-

тельство Национальной библиотеки Беларуси, 2013. 398 с.

Ильин И. А. Основы христианской культуры. Мюнхен : Изд. братства преп. Иова Почаевского, 1990. 50 с.

Калугин В. В. «Кънигы» : отношение древнерусских писателей к книге // Древнерусская литература : Изображение общества / В.К. Былинин, А. С. Демин, А. С. Елеонская и др.; отв. ред. А. С. Демин; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1991. С. 85–117.

Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия славяно-греко-латинской академии // Прибавления Твореним св. Отцов. 1889. Ч. 44. Кн. 4. С. 588–679.

Ключевский В. О. Об Интеллигенции // Неопубликованные произведения / сост. Р. А. Киреева, А. А. Зимин; отв. ред. академик М. В. Нечкина. Москва : Наука, 1983. С. 298–308.

Максим Исповедник, преп. Четыре сотни глав о любви. Электронный ресурс. URL: http://yakov.works/acts/07/2/isp_dobr3.htm. (дата обращения: 20.08.2020).

Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев : тип. М. Т. Мейнандера, 1914. 66 с.

Панченко А. М.. Русская стихотворная культура XVII века. Ленинград : Наука, 1973. 277 с.

Порфирьев И. Я. Исторія русской словесности. Часть I: Устная народная и книжная словесность до Петра В. Изд-е 5-е. Казань : Типография Имп. Университета, 1891. 724 с.

Преображенская А. А. Авторские изменения в библейском тексте: цитаты в проповедях Симеона Полоцкого // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 1. С. 115–126.

Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Ленинград : Наука, 1987. 293 с.

Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII начало XVIII в.). Москва : Наука, 1991. 262 с.

Серман И. З. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 214–232.

Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина; отв. ред. М. О. Скрипиль; ред. изд-ва А. И. Соболева. Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1953. 281 с.

Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by A. Hippisley, L. I. Sazonova. Foreword by D. S. Lihačev. T. 13. Kohln; Weimar; Wien : Bohlau Verlag, 1996. Vol. 1. 356 c.

Reference list

Avgustin Avrelij. Hristianskaja nauka ili osnovanija germenevtiki = Augustine Aurelius. Christian science or the foundations of hermeneutics. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/hristianskaja-nauka-ili-osnovanija-germenevtiki-i-tserkovnogo-krasnorechija/ (data obrashhenija: 15.08.2020).

Averincev S. S. Pojetika rannevizantijskoj literatury = The poetics of early Byzantine literature. Moskva : CODA, 1997. 342 s.

Bychkov V. V. Vizantijskaja jestetika = Byzantine esthetics. Moskva : Iskusstvo, 1977. 200 s.

Gadzhikurbanova P. A. Stoicheskaja teorija affektov = The stoic theory of affects // Jeticheskaja mysl'. 2005. Vyp. 6. S. 76–89.

Gasparov M. L. Oppozicija «stih – proza» i stanovlenie russkogo literaturnogo stiha = «Poem – prose» opposition and the establishment of Russian literary poetry // Russkoe stihoslozhenie: Tradicii i problemy razvitija. Moskva : Nauka, 1985. S. 264–277.

Grigorij, episkop Nisskij. O zhizni Moiseja zakonodatelja, ili o sovershenstve v dobrodeteli = On the life of Moses the lawgiver, or on the perfection of virtue. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/o_moisee/ (data obrashhenija: 15.08.2020).

Demchenkov S. A. «Psaltir' rifmotvornaja» Simeona Polockogo: principy pojeticheskoj obrabotki biblejskogo teksta = Simeon Polotsky's «Psalter of rhyme»: principles of poetic processing of the biblical text // Klassicheskaja slovesnost' i religioznyj diskurs (problemy aksiologii i pojetiki) : sb. nauch. st. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2007. S. 24–33.

Eremin I. P. Pojeticheskij stil' Simeona Polockogo = Simeon Polotsky's poetic style // TODRL. 1948. T. 6. S. 125–153.

Zhezl pravlenija = Posah kiravannja = The Governing Crosier : Issledovanie. Tekst / Simeon Polockij : avtor issledovanija A. Susha, vozobnovlennyj tekst, perevod s cerkovnoslavjanskogo jazyka i sostavlenie slovarej A. Brezgunova. Minsk : Izdatel'stvo Nacional'noj biblioteki Belarusi, 2013. 398 s.

Il'in I. A. Osnovy hristianskoj kul'tury = The basics of Christian culture. Mjunhen : Izd. bratstva prep. Iova Pochaevskogo, 1990. 50 s.

Kalugin V. V. «K#nigy» : otnoshenie drevnerusskih pisatelej k knige = «Books». Old Russian writers' attitude to the book // Drevnerusskaja literatura : Izobrazhenie obshhestva / V.K. Bylinin, A. S. Demin, A. S. Eleonskaja i dr.; otv. red. A. S. Demin; AN SSSR, In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moskva : Nauka, 1991. S. 85–117.

Kapterev N. F. O greko-latinskih shkolah v Moskve v XVII veke do otkrytija slavjano-greko-latinskoj akademii = On the Greek-Latin schools in Moscow in the XVII century before opening the Slavic-Greek-Latin Academy // Pribavlenija Tvorenijam sv. Otcov. 1889. Ch. 44. Kn. 4. S. 588–679.

Kljuchevskij V. O. Ob Intelligencii = About Intelligentsia // Neopublikovannye proizvedenija / sost. R. A. Kireeva, A. A. Zimin; otv. red. akademik M. V. Nechkina. Moskva : Nauka, 1983. S. 298–308.

Maksim Ispovednik, prep. Chetyre sotni glav o ljubvi = Four hundred chapters about love. URL: http://yakov.works/acts/07/2/isp_dobr3.htm. (data obrashhenija: 20.08.2020).

Maslov S. I. Biblioteka Stefana Javorskogo = Stephan Jaworski's library. Kiev : tip. M. T. Mejnandera, 1914. 66 s.

Panchenko A. M. Russkaja stihotvornaja kul'tura XVII veka = Russian poetic culture of XVII century. Leningrad : Nauka, 1973. 277 s.

Porfir'ev I. Ja. Istorija russkoj slovesnosti. Chast' I: Ustnaja narodnaja i knizhnaja slovesnost' do Petra V. = History of Russian literature. Part I: Folklore and book literature before Peter the Great. Izd-e 5-e. Kazan' : Tipografija Imp. Universiteta, 1891. 724 s.

Preobrazhenskaja A. A. Avtorskie izmenenija v biblejskom tekste: citaty v propovedjah Simeona Polockogo = Author's alterations in the biblical text: quotations in Simeon Polotsky's sermons // Slověne = Slovѣne. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 1. S. 115–126.

Prohorov G. M. Pamjatniki perevodnoj i russkoj literatury XIV–XV vekov = Monuments of translated and Russian literature from XIV-XV centuries. Leningrad : Nauka, 1987. 293 s.

Sazonova L. I. Pojezija russkogo barokko (vtoraja polovina XVII nachalo XVIII v.) = Russian Baroque poetry (second half of the XVII beginning of the XVIII century). Moskva : Nauka, 1991. 262 s.

Serman I. Z. «Psaltyr' rifmotvornaja» Simeona Polockogo i russkaja pojezija XVIII v. = Simeon Polotsky's «Psalter of rhyme» and XVIII century Russian poetry // TODRL. T. XVIII. M.-L. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. S. 214–232.

Simeon Polockij. Izbrannye sochinenija = Selected works / podgot. teksta, st. i komment. I. P. Eremina; otv. red. M. O. Skripil'; red. izd-va A. I. Soboleva. Moskva, Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. 281 s.

Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by A. Hippisley, L. I. Sazonova. Foreword by D. S. Lihačev. T. 13. Kohln; Weimar; Wien : Bohlau Verlag, 1996. Vol. 1. 356 s.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 24.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 82-3
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-37-44

Роман Алексея Иванова «Тени тевтонов» на фоне его прежних произведений

Александр Владимирович Леденев[1]✉, Мария Сергеевна Руденко[2]

[1]Доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»; декан филологического факультета «Совместный университет МГУ-ППИ» в Шэньчжэне (КНР). 517182, No. 1, International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, PRC

[2]Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ул. Колмогорова, д. 1

[1]aledenev@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-9069-9369

[2]liza_rudenko_1996@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5499-9919

Аннотация. Новый роман Алексея Иванова «Тени тевтонов» рассмотрен в контексте основных произведений писателя, созданных с начала 1990-х годов. Выдвинут тезис об экспериментальном характере произведения, представляющего собой напечатанный текст аудиоромана. По сравнению с другими книгами Иванова, особенно такими шедеврами, как метафизические «Сердце Пармы» и «Золото бунта» и реалистические «Географ глобус пропил» и «Ненастье», «Тени тевтонов» отличаются отсутствием глубокого психологизма, разработкой приключенческой сюжетики в ущерб философской глубине. В романе также просматривается тенденция к упрощению сложной исторической проблематики, а персонажи соответствуют ставшим привычными историческим «маскам»-типажам: трусливый, подлый и корыстный фашист-гауляйтер, «идейный» старый лоцман, связанный с древней мистикой, чистая девушка, страдающее гражданское население, ставшее жертвой пропаганды и готовое скорее умереть, чем встретиться лицом к лицу с Советской армией. Узнаваемыми являются образы советских воинов-освободителей, сошедшие со страниц книг и киноэкрана. С другими произведениями Иванова новый роман «Тени тевтонов» роднит отсутствие «хорошей» развязки, «географическое вдохновение», позволяющее создавать запоминающиеся картины природы Восточной Пруссии, ее древних замков и городов, существующих как в XVI веке, так и в первые дни после Победы 1945 года. В статье сделан вывод о том, что новый роман А. Иванова, в отличие от ранних его произведений, – сознательное обращение к стилю и сюжетике «массовой» литературы, необходимым для быстрого коммерческого успеха текста в ущерб его художественному уровню.

Ключевые слова: история, стиль, «высокая» литература, романы Иванова, мистика, сюжет, философия, массовая культура, фэнтези

Для цитирования: Леденев А. В., Руденко М. С. Роман Алексея Иванова «Тени тевтонов» на фоне его прежних произведений // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 37-44. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-37-44

Original article

Alexei Ivanov's novel «Shadows of the Teutons» against the background of his earlier works

Aleksandr V. Ledenev[1]✉, Maria S. Rudenko[1]

[1]Doctor of philological sciences, professor, department of history of contemporary russian literature and contemporary literary process, Lomonosov Moscow state university; dean of the faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University (PRC). 517182, No. 1, International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, PRC

[2]Candidate of philological sciences, senior lecturer, department of history of modern russian literature and contemporary literary process, Lomonosov Moscow state university. 119991, Moscow, Kolmogorov st., 1

[1]aledenev@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-9069-9369

[2]liza_rudenko_1996@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5499-9919

© Леденев А. В., Руденко М. С., 2021

Abstract. Alexey Ivanov's new novel «Shadows of the Teutons» is considered in the context of the writer's main works written since the early 1990s. The authors put forward the thesis about the experimental nature of the book which is a printed text of an audio novel. Compared with the other works by Ivanov, especially such masterpieces as his metaphysical novels «The Heart of Parma» and «The Gold of Rebellion» and the realistic ones like «The Geographer Drank his Globe Away» and «The Rough Weather», «Shadows of the Teutons» differ in a simplified character treatment, lack of deep psychology and development of an adventure story to the detriment of its philosophical depth. In the novel, there is also a tendency to simplify complex historical issues, and the characters correspond to the familiar historical «masks»: a sneaky and mercenary fascist governor, a committed old pilot associated with ancient mysticism, a pure girl, suffering civilian population consisting of people that fell victim to propaganda and are ready to die rather than to face the Soviet army. Recognizable are the images of Soviet soldiers, the liberators that seem to have just stepped out of books or come from movie screens. Ivanov's new novel is related to his other works by the lack of a 'happy ending' and 'geographical inspiration' which allows the author to create memorable scenery of East Prussia, its ancient castles and cities that existed both in the 16th century and in the first days after the Victory of 1945. The article concludes that the new novel by Alexey Ivanov, unlike his early works, is a conscious appeal to the style and plot of 'mass' literature, necessary for the book's rapid commercial success to the detriment of its artistic level.

Key words: history, style, «high» literature, Ivanov's novels, mysticism, plot, philosophy, popular culture, fantasy

For citation: Ledenev A. V., Rudenko M. S. Alexei Ivanov's novel «Shadows of the Teutons» against the background of his earlier works. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):37-44. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-37-44

Введение. Разножанровая и тематически пестрая проза А. Иванова стабильно привлекает внимание литературных критиков и исследователей современного литературного процесса [Абашев, Абашева, 2010; Абашев, Фирсова, 2013; Беляков, 2010; Гончаров, Гончаров, 2019; Зырянов, 2017; Иванова, 2017; Колобаева, 2019; Колобаева, 2020; Куликова, 2020а; Куликова, 2021а; Куликова, 2021б; Куликова, 2020б; Куликова, 2021в; Куликова, 2020в; Лобин, 2012; Погорелая, 2019; Савенкова, 2017; Сироткина, 2018; Сысоева, 2014; Хрящева, Когут, 2013]. Недавно появившийся роман «Тени Тевтонов», с одной стороны, убеждает в устойчивости индивидуального стиля писателя: его проблематика и поэтика вполне коррелируют с содержанием и формой уже признанных писательских удач – романов «Географ глобус пропил», «Ненастье», «Тобол». С другой стороны, в этом романе наметились и новые стилевые тенденции, которые стоит соотнести с прежней жанрово-тематической практикой автора.

Возможно, не так уж не права критик Г. Юзефович, вспомнившая в связи с новым романом А. Иванова «Тени тевтонов» о гоголевском «Портрете» [Юзефович, 2021]. Писатель продолжает свой творческий эксперимент, создавая каждое следующее произведение в ином жанре, иной стилевой манере. Очевидной является разница между реалистическим «Ненастьем» и вампирским «ужастиком» «Пищеблок», чёрным юмором романа «Блуда и МУДО» и мистикой «Псоглавцев»... Немалое количество написанного Ивановым позволило бы продолжать сравнения и противопоставления достаточно долго, однако просматривается некая тенденция, могущая навести на определенные выводы.

После дебютной фантастической «Охоты на Большую Медведицу» Иванов публикует свой роман «Географ глобус пропил». Он обратил на себя внимание читателя тонким психологизмом, реалистически выписанным образом уральского города и его жителей – школьников, учителей, людей самых разных характеров и профессий. Но, наверное, главным достижением молодого писателя был самобытный язык произведения – живой, меткий, современный, остроумный, органично сочетающий городское просторечие, каламбуры, цитаты и реминисценции.

В те же годы, что и печальные «Общага на крови» и «Блуда и МУДО», выходят лучшие создания Иванова, его «Большие книги» – «Золото бунта» и «Сердце Пармы». Вторая вызвала особенно много споров о «национальной идее» в ее историческом и политическом аспектах. К роману «Золото бунта» в целом сформировалось отношение как к захватывающему боевику, где приключения главного героя составляют наибольший интерес, хотя в романе есть и полемика – и с «Капитанской дочкой», и с советской историографией, продолженная в историческом исследовании пугачевской эпохи «Вилы». Основной акцент совершенно справедливо сделан на зверствах пугачевцев; убийства и насилие даны крупным планом, с натуралистическими подробностями. Однако именно в «Золоте бунта» осталась почти не замеченной философская линия, связанная с сектой «истяжельцев»: «Сатана за душу сулит сладости, коих от Бога человеку за

грехи не положено: денег сулит, баб, славу, отмщение. И не можем мы без этого уже, понимаешь?… Надо нам того, что выше наших сил, а без этого нам и вовсе ничего не надо!» [Иванов, 2005, с. 393–394]. По мысли раскольников, Бог даёт лишь по силам, а вот сатана помогает в том, что выше сил человеческих, в том, что только и нужно людям. Отдавая крест и заключённую в нем душу истяжельцам, человек получает право безнаказанно творить бесовскую волю и при этом оставаться чистым. Не это ли вековечная мечта грешной, сластолюбивой человечьей души, так виртуозно воплощённая Ивановым в речах сектантов? Кажется, невозможно противиться, нечего противопоставить, но главный герой, молодой сплавщик Осташа все же выбирает иной, пусть и не очень праведный, но свой путь.

В одном из интервью Иванов называет стиль своих ранних романов «барочным» [Иванов, 2021а]. Если рассматривать барокко как прежде всего метафизический стиль, то с писателем можно согласиться. И «Золото бунта», и «Сердце Пармы» – действительно метафизические романы. Реальное, даже натуралистическое искусно сплавлено с мистическим; «золотая баба» влияет на мир тайги-пармы, таинственно выстраивая судьбы людей, мстя за надругательство над святынями; земная девочка, дочка горького пьяницы пермского князька, становится ламией, оборотнем или ведьмой, выжигающей душу князя Михаила. Все переплетено в единый клубок: воля хумляльта Асыки и воля великого князя Московского, камлание шаманов и неистовый религиозный порыв миссионеров, осады, казни, рождения и смерти… В этом своём романе Иванов очевидно продолжает традицию символистского романа Серебряного века, также сплетающего реальное и ирреальное в неповторимую, нерасторжимую вязь.

В то же время Иванов не оставляет темы пугающей и завораживающей провинции девяностых, в «Ненастье» достигая, кажется, предела боли, горя, обличения. На данном этапе это произведение можно назвать последним шедевром Иванова. И снова, помимо сильного сюжета, глубокого психологизма, реалистически выписанных характеров и подробностей, блестяще переданной атмосферы «лихих девяностых» и следующих за ними годов, внимание читателя приковывает к себе язык. Емкий, сильный, грубый. Грубость и мат – подчёркнутый художественный приём: язык адекватен реальности, о такой жизни по-другому и не скажешь.

На этом фоне внимательного читателя не мог не насторожить «Царь», текст, написанный по мотивам сценария кинофильма, снятого Павлом Лунгиным. И если в фильме на первый план выходит игра актеров, прежде всего Янковского и Мамонова, то в книге снова просматривается определенная мистика – это и спасающая святыня, и мистика власти. Но сюжетные линии очередного исторического произведения очевиднее, события и персонажи обретают определенную предсказуемость; загадка словно заранее решена в отличие от более ранних произведений на историческую тему.

«Дэнджерологическая дилогия» – «Псоглавцы» и «Комьюнити» – стала попыткой сплавить мистику и современность. Особенно яркая смесь получилась, на наш взгляд, в «Комьюнити». Подобное соединение практикуется со времён готического романа и достигает вершины в «закатном романе» Булгакова с тем, чтобы сегодня стать достоянием массового жанра «городского фэнтези». Однако Иванов здесь пока ещё остаётся в поле «высокой» литературы, прежде всего благодаря убедительному исследованию типа «героя» или, если угодно, антигероя «нашего времени». Если на роль подобного амбивалентного персонажа ранних девяностых очевидно и по праву «претендует» Виктор Служкин из «Географа...», а поздних девяностых – Герман Неволин, то Глеб Тяженко типичен для периода «сытых нулевых». Он проходит характерный для удачливого представителя общества потребления путь от мальчика из Апатитов до жителя столицы, потратившего жизнь и талант для приобретения определенного лоска и социального уровня, хотя серьезных вершин он так и не достигает: хорошая, но служебная квартира, приличная, но не новая иномарка, одежда не самых люксовых, хотя и популярных брендов. Конечно, «топовый» хозяин «ДиКСи» Гермес находится на высотах, для Глеба недостижимых.

По прошествии ряда лет после выхода романа, а вышел он в 2012, когда никто и не подозревал о том, как близок конец «сытых нулевых» и бытового консьюмеризма, выясняется, что интересен он не запутанной историей смертельно опасного «информационного пузыря» с элементами страшного сна наяву, а как раз психологически убедительным художественным изображением московского социума и его представителей из канувшей в Лету эпохи. Особенно тех, кто явно идёт на смену и Тяженко, и даже Гермесу: зубастых, умных и уже абсолютно бездушных

Орли и Бобсу. Неслучайно именно двойник Бобса и убивает Глеба: это можно счесть пророчеством писателя о наступлении нового железного времени.

По сравнению с «Комьюнити» «Псоглавцы» при всем их жестком реализме представляются почти умиротворяющим текстом. Этот роман называли, помимо других определений, «новой деревенской прозой»: действительно, давно погибшая русская деревня нарисована во всей ее неприглядной красе. Из полностью разложившегося социума невозможно даже убежать: догнивать удобнее на прежнем месте. А тех, кто все же предпринимает попытку к бегству, ждёт страшная расплата. И тем не менее «кинематографические» псоглавцы выглядят вполне домашними, почти уютными в контексте почти немыслимого в творческом мире Иванова хэппи-энда. Охранник новорусского замка чудом оборачивается крутым дэнджерологом, спасающим героев и ставящим все на свои места, красочные погони с использованием экзотической дрезины держат в напряжении, но все заканчивается благополучно для положительных героев; впрочем, загадка современного оборотничества разрешается не более убедительно, чем объяснение феномена интернет-чумы. И вот здесь проявляется интересная тенденция: чем более захватывающим становится текст Иванова, тем меньше места остаётся для многозначности, метафор, философского осмысления и прочих признаков «высокой» литературы. Именно в «Псоглавцах» автор активно пользуется приемами даже не столько книг, сколько голливудских экранизаций Стивена Кинга, хотя за счёт русского «деревенского текста» роман пока что не пересекает нижней границы качественной беллетристики, если не «высокой» литературы.

А вот монументальный «Тобол» не только не скрывает, но прямо обнажает свою зависимость от кинематографа: как мы помним, сам автор даёт ему жанровое определение «роман-пеплум», хотя экранизация (режиссёр Игорь Зайцев), в отличие от «Царя», оказалась слишком прямолинейной: из нескольких сюжетных линий была оставлена лишь одна, и та упрощенная: фактически был взят лишь эпизод, переложенный на язык кино на уровне и в стилистике сериала, но урезанный до двух серий, то есть с претензией на «полный метр».

Самое важное в романе, если отстраниться от завлекательного сюжета, – очевидный поклон в сторону Д. С. Мережковского, но адаптированного А. Н. Толстым, и… А. Иванова, адаптированного А. Ивановым. По сравнению с «Сердцем Пармы» натурализма побольше, но как-то он тусклее; язычников и миссионеров тоже много, но мистика развеялась, все стало до обидного реальным: богов-то нет, но и Бога, кажется, тоже. Тайна развеяна, осталась борьба за власть. Таким образом, при всей «густоте замеса», множестве персонажей, приключений, любовных историй, сюжетных линий роман удивительным образом потерял качество историзма, глубину, то самое «подводное течение» или «тройное дно», что так ярко проявлялись в ранних романах. Все фигуры на месте, чтение увлекательное, а «на выходе» – лишь «впечатление», как после шикарной голливудской постановки.

К сожалению, «Пищеблок» обернулся очередным «понижением планки». Богатый материал для художника – все эти пионерские тайны, страшноватые нарядные избушки, гипсовые горнисты, истории времён Гражданской войны и Большого Террора – оказался очень быстро подавлен сюжетом достаточно стандартной «вампирской саги», облеченной в советские реалии, но конечно же с погонями, укусами, запертыми дверьми и непременной святой водой. Автор следует законам массового жанра вампирского ужастика фактически дословно, и если бы не заслуженный выдающимися произведениями прежних лет интерес ко всему, написанному Ивановым, то роману, скорее всего, скорее всего, суждено было бы остаться одним из многочисленных опусов массовой литературы на некогда популярную «вампирскую» тему.

Таков в общих чертах фон, на котором в 2021 году появились «Тени тевтонов» с их совершенно неожиданным в контексте серьезной литературы жанровым форматом аудиоромана (по словам самого Иванова, аудиоверсия появилась раньше, чем бумажная [Токарева, 2021]). Не исключена возможность, что этот роман стал очередным смелым экспериментом маститого автора, ведь слишком трудно поверить, что после сложной вязи ранних романов мы имеем дело с исчерпанностью творческого потенциала, приведшей к написанию несомненного, хотя и качественного текста массовой литературы.

Можно ли отнести «Тени...» к жанру фэнтези? Если исходить из общепринятого представления о том, что фэнтези повествует о непротиворечивом, полностью вымышленном сказочном мире, в то время как научная фантастика «работает» с фантастическим допущением, как бы

вкрапленным в неотличимый от реального мир, то к фэнтези роман имеет мало отношения. По мнению Е. Ковтун, «Fantasy преподносит иной мир как артефакт, вечно длящуюся данность… мгновенно и всеобъемлюще преображает мир. Сбрасывая покров обыденности, fantasy стремится представить вымышленную реальность как истинную, изменённый порядок вещей – как подлинный облик бытия» [Ковтун, 2008, с. 99]. Такого мира в «Тенях…», как известно, нет. А есть сопоставленные по законам массовой литературы два вполне реальных мира – европейского 16 века и мая 1945 года, объединённых фантастической деталью, могущественным артефактом в виде меча по имени Лигуэт. Легенда о мече, на наш взгляд, не слишком убедительна: им отрубают голову Иоанну Предтече, но он не превращается в вариант зомби-анастифонта, его истинный убийца – дочь Иродиады Саломея, судя по Священному Преданию, не остаётся безнаказанной, хотя именно эти качества – способность превращать убитых им в анастифонтов и избавлять убийцу от наказания являются основными свойствами Лигуэта. Непроработанной, поверхностной нам представляется и история потери меча дьяволом – Бафометом, и непременное условие возвращения – через руки человека, представителя польского рода Клиховских. Совершенно очевидно, что эта сюжетная линия – лишь предлог для изображения красочных боёв за тевтонский Мариенбург и первых дней после Победы на территории бывшей Пруссии, в городке Пиллау, нынешнем Балтийске.

Впрочем, здесь Иванову не изменяет его умение живописать выразительные подробности. Мир тевтонских рыцарей и их противников – поляков, величественные замки и подробности их внутреннего устройства, оружие, одежда, обычаи нарисованы с очевидным знанием дела, хотя и в целом совпадают с общеизвестными представлениями об эпохе. Увы, ничего нового, кроме ряда незнакомых немецких слов, в «тевтонских» фрагментах фактически не содержится. Иванову здесь отказывает его умение создавать необычные, но вполне жизненные характеры. По сравнению с героями ранних романов образы 16 века (и, как мы увидим позже, не только они) тривиальны: брутальный Червонка и доверчивый Рето, связавшийся против воли с темными силами Клиховский, отважные и несгибаемые тевтоны, суккуб Сигельда и даже сам Бафомет словно сошли со страниц знакомых книг.

Не менее тривиальны персонажи 1945 года. И они в целом соответствуют сегодняшним, в основном сформированным книгами и кинофильмами, представлениям о характерах и поведении людей, переживших войну. Однако узнаваемость не мешает реалистическому изображению грубоватых, прямолинейных Луданной и Перебатова, интеллигентного ленинградца Володи Нечаева, гауляйтера Коха, его адьютанта аристократа фон Дица и несгибаемого «вервольфовца» Людерса. Сама атмосфера пережившего штурм Пиллау, заваленного трупами, разбитыми орудиями, превращённого в развалины, в которых копошатся ещё ничего не понимающие немцы, жестоких путей эвакуации, страха перед победителями, сложной и противоречивой эпохи блестяще передана Ивановым. Следует согласиться с писателем, говорившим о своего рода географическом вдохновении, посетившем его при поездках по территории бывшей Восточной Пруссии: «Я географически влюбчивый человек. Так случилось с Калининградской областью, точнее с польско-немецкой частью Прибалтики. Поездив по бывшей Восточной Пруссии, по владениям Тевтонского ордена, я почувствовал специфику этой земли, ее выразительность и стиль, и мне захотелось об этом написать» [Иванов, 2021а]. Впрочем, такое вдохновение можно назвать одной из характерных для творчества Иванова черт. Оно никогда его не подводит ни в пейзажных зарисовках, ни в рассказе о крупных и мелких поселениях от современных до принадлежащих далекой истории.

Но если леса и другие природные объекты старинной Пруссии нарисованы более чем убедительно, то их обитатели изображены весьма условно. Не в первый раз на страницах произведений Иванова мы встречаемся с образами язычников и нечистой силы. И в «Сердце Пармы», и в «Псоглавцах», и в «Тоболе» (но уже не в упрощенном «Пищеблоке») Иванов погружает нас в атмосферу языческих обрядов, верований, святилищ, рисует сложные характеры носителей древних религий, рассказывает о древних сказаниях и мифах в их неразрывной связи с ежедневной жизнью людей. К сожалению, в «Тенях…» подобных картин не найти.

Например, история со спасением молодым Клиховским зиггона из-под копыт могучего вепря. Прежде всего, почему представителя нечистой силы требуется физически спасать? Кроме того, сама роль зиггона остаётся непроясненной. Если уж следовать законам жанра, спасённый должен стать чудесным помощником, испра-

ляющим ошибки героя и ведущим его к благу. Ничего подобного не происходит: зиггон предупреждает Клиховского о скорой смерти отца, но не помогает его спасти, предоставляя печальной истории обедневшего рода Клиховских развиваться по собственным ее законам. Не помогает он Клиховскому и овладеть Лигуэтом при второй, последней встрече. Напротив, задерживает его, тем самым оставляя род Каэтана проклятым на несколько столетий. Подобное странное для «волшебного помощника» поведение никак не объяснено, никакой философской базы за ним не кроется, хотя возможности подвести подобную базу сюжетный поворот предоставляет богатые.

Эскизной представляется и сцена битвы на мосту между призванной Сигельдой лесной нечистью и анастифонтами магистра Людвига. В отличие от похожих сцен сражений, обстановки странного, окутывающего персонажей мистического тумана, неразличимых переходов между реальностью и фантастикой, характерных для того же «Сердца Пармы» или «Тобола», в «Тенях...» мы сталкиваемся с голым перечислением: «Смутки! Живойты! Кадуки! Щугры! Йомы! Цирки! Все ко мне! … А потом все в один голос завыло, затрещало, зарычало, захрустело, захрипело, сорвалось на истошный визг. Это языческая нечисть набросилась на рыцарей-тевтонов.Там, на мосту, грянуло сражение – мечи против когтей, зубов, рогов, копыт, клювов и чешуйчатых хвостов; бестрепетные мертвые воины против водяных чудищ, лесных тварей и болотного отродья» [Иванов, 2021б, с. 309, 311].

Впрочем, для формата аудиоромана сложнее писать наверное и не стоит. Сам Иванов отрекается от своего прежнего стиля, считая, что в новом произведении он приблизился чуть ли не к пушкинской простоте языка: «О главных вещах надо говорить просто. Простота и ясность – высшая целесообразность языка. Я всегда стремлюсь к этой простоте… надо писать соразмерно человеческому дыханию» [Иванов, 2021в]. Возможно, подобные рассуждения соответствуют формату аудиоромана, но как же быть с явно несоразмерной «человеческому дыханию» прозой Достоевского, Толстого, Андрея Белого и других русских гениев? Если уж текст претендует на разговор «о главных вещах», выходит и на бумаге, следовало бы отличать аристократическую простоту от средне-литературного языка современной массовой литературы.

Заключение. Подведём итоги: наша версия об экспериментальном характере «Теней тевтонов» как некоего упрощенного варианта текста, рассчитанного на аудиоформат, возможно, более понятный для массовой аудитории, лишенный фактически всех признаков блестящего стиля лучших произведений Иванова кроме, пожалуй, печальной развязки, скорее всего будет проверена следующими произведениями автора. Пока же мы имеем дело с произведением, однозначно лишенным философской глубины, метафоры и «тройного дна», стилистических нюансов и оригинальных находок, фокусирующим внимание читателя на захватывающем сюжете в ущерб психологической разработке характеров персонажей и другим признакам «высокой» литературы, то есть с продуктом массовой культуры.

Библиографический список

Абашев В. В., Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 81–90.

Абашев В. В., Фирсова А. В. Творчество Алексея Иванова как фактор развития внутреннего туризма в Пермском крае // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2013. № 3(23). С. 182–190.

Беляков С. С. Географ и его боги. Алексей Иванов // Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 8–22.

Гончаров П. А., Гончаров, П. П. Много званых: мотив соблазна в романе А. В. Иванова «Тобол» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 2. С. 315–318.

Зырянов А. И. Глобус, Парма и Тобол (о писателе Алексее Иванове как географе) // Географический вестник. 2017. № 3(42). С. 43–47.

Иванов А. Золото бунта. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. 704 с.

Иванов А. О замках и демонах в «Тенях тевтонов» // РИА новости : сайт. 2021. 27 февр. URL: https://turbo.ria.ru/20210227/ivanov-1598701952.html (дата обращения: 10.11.2021).

Иванов А. Тени тевтонов. Москва : РИПОЛ классик, 2021. 384 с.

Иванов А. Я никогда не пишу о жертвах. Все мои герои – победители // Storytel. URL: https://blog-russia.storytel.com/knizhnye-novosti/aleksey-ivanov-ob-audioseriale-teni-tevtonov/ (дата обращения: 25.10.2021).

Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопоэтика романа Алексея Иванова «Сердце Пармы» // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 184–188.

Ковтун Е. Художественный вымысел в литературе XX века. Москва : «Высшая школа», 2008. 484 с.

Колобаева Л. А. Русский исторический роман по-новому: «Тобол» Алексея Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 376–389.

Колобаева Л. А. Слово и язык как проблема в романах Алексея Иванова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. №79(2). С. 13–18.

Куликова Д. Л. Апокалиптические мотивы в свете поэтики ужасного (на материале прозы А. В. Иванова) // Филология: научные исследования. 2020. № 12. С. 156–167.

Куликова Д. Л. Вампиры А. В. Иванова в свете готической традиции русской литературы // Litera. 2021. № 6. С. 98–107.

Куликова Д. Л. Композиционная логика хоррора (А. В. Иванов «Комьюнити», «Псоглавцы», «Пищеблок») // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. Т. 53. № 2. С. 116–121.

Куликова Д. Л. Литературная кинематографичность в романе «Пищеблок» Алексея Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Издательство Грамота (Тамбов). 2020. Т. 13. № 12. С. 340–344.

Куликова Д. Л. Мифопоэтика пространства кладбища в хорроре (на материале современной русской литературы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. № 3. С. 86–93.

Куликова Д. Л. «Страшный Петр»: демонизация образа власти как элемент поэтики ужасного (А. В. Иванов «Тобол») // Филология и культура. 2020. Т. 60. № 2. С. 193–198.

Лобин А. М. Эволюция историзма в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы» // Вестник Вятского государственного университета. 2012. Т. 2. №1. С. 119–125.

Погорелая Е. А. «Тобол» vs «Игра престолов». Когнитивная метафорика современного исторического романа // Вопросы литературы. 2019. №6. С. 34–49.

Савенкова Л. Б. Коммуникативное поведение персонажей как отражениеих ценностных приоритетов в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 74–78.

Сироткина Т. А. Этнические образы народов Сибири в романе Алексея Иванова «Тобол» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 4. С. 70–78.

Сысоева О. А. Жанровая специфика романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» // Филологические науки: вопросы теории и практики. Издательство Грамота (Тамбов). 2014. № 2 (32): в 2 ч. Ч. II. С. 184–186.

Токарева А. Алексей Иванов ответил на вопросы о своей новой книге // Российская газета : сайт. 2021. 27 марта. URL: https://rg-ru.turbopages.org/rg.ru/s/2021/03/27/aleksej-ivanov-otvetil-na-voprosy-o-svoej-novoj-knige.html (дата обращения: 01.11.2021).

Хрящева Н. П., Когут К. С. Гетеротопия Чумы в романе А. В. Иванова «Комьюнити» // Филологический класс. 2013. №3 (33). С. 33–40.

Юзефович Г. Алексей Иванов. Тени тевтонов. Москва: Storytel // Медуза : сайт. 2021. 30 января. URL: https://meduza.io/feature/2021/01/30/teni-tevtonov-alekseya-ivanova-dva-geroya-iz-raznyh-vekov-ohotyatsya-za-proklyatym-mechom-satany (дата обращения: 10.11.2021).

Reference list

Abashev V. V., Abasheva M. P. Pojezija prostranstva v proze Alekseja Ivanova = Poetry of space in Alexey Ivanov's prose // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2010. № 2. S. 81–90.

Abashev V. V., Firsova A. V. Tvorchestvo Alekseja Ivanova kak faktor razvitija vnutrennego turizma v Permskom krae = Alexey Ivanov's work as a factor in the development of internal tourism in the Perm region // Vestnik Permskogo universiteta: Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2013. № 3(23). S. 182–190.

Beljakov S. S. Geograf i ego bogi. Aleksej Ivanov = The geographer and his gods. Alexey Ivanov // Voprosy literatury. 2010. № 2. S. 8–22.

Goncharov P. A., Goncharov, P. P. Mnogo zvanyh: motiv soblazna v romane A. V. Ivanova «Tobol» = Many invited: the motif of temptation in A. V. Ivanov's novel Tobol // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 2. S. 315–318.

Zyrjanov A. I. Globus, Parma i Tobol (o pisatele Aleksee Ivanove kak geografe) = The globe, Parma and Tobol (about the writer Alexey Ivanov as a geographer) // Geograficheskij vestnik. 2017. № 3(42). S. 43–47.

Ivanov A. Zoloto bunta = Riot Gold. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2005. 704 s.

Ivanov A. O zamkah i demonah v «Tenjah tevtonov» = About castles and demons in Shadows of the Teutons // RIA novosti : sajt. 2021. 27 fevr. URL: https://turbo.ria.ru/20210227/ivanov-1598701952.html (data obrashhenija: 10.11.2021).

Ivanov A. Teni tevtonov = Shadows of the Teutons. Moskva : RIPOL klassik, 2021. 384 s.

Ivanov A. Ja nikogda ne pishu o zhertvah. Vse moi geroi – pobediteli = I never write about victims. All my characters are winners // Storytel. URL: https://blog-russia.storytel.com/knizhnye-novosti/aleksey-ivanov-ob-audioseriale-teni-tevtonov/ (data obrashhenija: 25.10.2021).

Ivanova I. N., Sazonova A. S. Geopojetika romana Alekseja Ivanova «Serdce Parmy» = Geopoetics in Alexey Ivanov's novel «Heart of Parma» // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2017. № 3. S. 184–188.

Kovtun E. Hudozhestvennyj vymysel v literature HH veka = Literary fiction in XX century literature. Moskva : «Vysshaja shkola», 2008. 484 s.

Kolobaeva L. A. Russkij istoricheskij roman ponovomu: «Tobol» Alekseja Ivanova = The Russian historical novel in a new way: «Tobol» by Alexei Ivanov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2019. T. 24. № 3. S. 376–389.

Kolobaeva L. A. Slovo i jazyk kak problema v romanah Alekseja Ivanova = Word and language as a problem in Alexei Ivanov's novels // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 2020. №79(2). S. 13–18.

Kulikova D. L. Apokalipticheskie motivy v svete pojetiki uzhasnogo (na materiale prozy A. V. Ivanova) = Apocalyptic motifs in terms of the poetics of the terrible (based on the prose of A. V. Ivanov) // Filologija: nauchnye issledovanija. 2020. № 12. C. 156–167.

Kulikova D. L. Vampiry A. V. Ivanova v svete goticheskoj tradicii russkoj literatury = A. V. Ivanov's vampires in terms of the gothic tradition in Russian literature // Litera. 2021. № 6. C. 98–107.

Kulikova D. L. Kompozicionnaja logika horrora (A. V. Ivanov «Kom'juniti», «Psoglavcy», «Pishheblok») = Compositional logic of horror (A.V. Ivanov. Community, Dogheads, Food Unit) // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. 2021. T. 53. № 2. C. 116–121.

Kulikova D. L. Literaturnaja kinematografichnost' v romane «Pishheblok» Alekseja Ivanova = Literary cinematic nature of Alexei Ivanov's novel Food Unit // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Izdatel'stvo Gramota (Tambov). 2020. T. 13. № 12. C. 340–344.

Kulikova D. L. Mifopojetika prostranstva kladbishha v horrore (na materiale sovremennoj russkoj literatury) = Mythopoetics of the cemetery space in horror (on the material of modern Russian literature) // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2021. T. 13. № 3. S. 86–93.

Kulikova D. L. «Strashnyj Petr»: demonizacija obraza vlasti kak jelement pojetiki uzhasnogo (A. V. Ivanov «Tobol») = «Dreadful Peter»: demonization of power as an element of the poetics of the terrible (A. V. Ivanov «Tobol») // Filologija i kul'tura. 2020. T. 60. № 2. S. 193–198.

Lobin A. M. Jevoljucija istorizma v romane Alekseja Ivanova «Serdce Parmy» = Evolution of historicism in Alexei Ivanov's novel The Heart of Parma // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. T. 2. №1. S. 119–125.

Pogorelaja E. A. «Tobol» vs «Igra prestolov». Kognitivnaja metaforika sovremennogo istoricheskogo romana = Tobol vs The Game of Thrones. Cognitive metaphorics in contemporary historic novels // Voprosy literatury. 2019. №6. S. 34–49.

Savenkova L. B. Kommunikativnoe povedenie personazhej kak otrazhenieih cennostnyh prioritetov v romane A. Ivanova «Geograf globus propil» = The characters' communicative behavior as a reflection of their value priorities in A. Ivanov's novel The Geographer Drank his Globe Away // Filologija i kul'tura. 2017. № 4 (50). S. 74–78.

Sirotkina T. A. Jetnicheskie obrazy narodov Sibiri v romane Alekseja Ivanova «Tobol» = Peoples' of Siberia ethnic images in Alexei Ivanov's novel Tobol // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2018. T. 10. № 4. S. 70–78.

Sysoeva O. A. Zhanrovaja specifika romana Alekseja Ivanova «Geograf globus propil» = Genre specifics in A. Ivanov's novel The Geographer Drank his Globe Away // Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. Izdatel'stvo Gramota (Tambov). 2014. № 2 (32): v 2 ch. Ch. II. C. 184–186.

Tokareva A. Aleksej Ivanov otvetil na voprosy o svoej novoj knige = Alexei Ivanov answered some questions about his new book // Rossijskaja gazeta : sajt. 2021. 27 marta. URL: https://rg-ru.turbopages.org/rg.ru/s/2021/03/27/aleksej-ivanov-otvetil-na-voprosy-o-svoej-novoj-knige.html (data obrashhenija: 01.11.2021).

Hrjashheva N. P., Kogut K. S. Geterotopija Chumy v romane A. V. Ivanova «Kom'juniti» = Heterotopia of the Plague in A. V. Ivanov's novel «Community» // Filologicheskij klass. 2013. №3 (33). S. 33–40.

Juzefovich G. Aleksej Ivanov. Teni tevtonov = Alexei Ivanov. Shadows of the Teutons. Moskva : Storytel // Meduza. 2021. 30 janvarja. URL: https://meduza.io/feature/2021/01/30/teni-tevtonov-alekseya-ivanova-dva-geroya-iz-raznyh-vekov-ohotyatsya-za-proklyatym-mechom-satany (data obrashhenija: 10.11.2021).

Статья поступила в редакцию 13.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 13.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 82
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-45-54

Актуализация в русской поэзии воспоминаний об Отечественной войне 1812 года в контексте Крымской войны 1853–1856 годов

Мария Вадимовна Патрикеева
Аспирант отдела русской классической литературы ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН». 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
keriotika@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5055-9118

Аннотация. В сознании современников Крымская война 1853–1856 гг. и предшествовавшая ей Отечественная война 1812 г. были теснейшим образом связаны. Автор статьи исследует образ французов и Франции в целом как знакомого России по войне 1812 г. врага. В статье анализируется система образов, мотивов, воспоминаний, связанных с событиями 1812–1814 гг. и нашедших отражение в поэтических откликах современников Крымской войны 1853–1856 гг. Автор статьи указывает на причины актуализации воспоминаний, показывает, как и в чём изменилось восприятие французов как военных противников по сравнению с предыдущей войной. В частности, особое внимание в работе уделяется изображению в русской поэзии Наполеона I и его племянника Наполеона III. Если Наполеон I описывается русскими поэтами 1850-х гг. в уважительной манере, как зрелый политик, то образ Наполеона III прочно связывается с мотивами предательства, неблагодарности за милосердие русских по отношению к Франции в 1814 г. Не меньшего внимания удостаивается в статье осмысление образов ветеранов Отечественной войны 1812 г., появлявшихся в стихотворениях периода Крымской войны и живыми, жаждущими вновь встать на защиту Родины, и мёртвыми, негласно призывающими потомков повторить победу над забывшимися французами. Кроме образов и мотивов, отражающих российско-французские отношения в историческом контексте, автор статьи находит в поэтических откликах современников на события Крымской войны и мотивы пира, угощения, вне соответствующего контекста с темой войны не связанные.

Ключевые слова: Крымская война, Отечественная война 1812 года, Россия, Франция, Александр I, Наполеон I, Наполеон III

Для цитирования: Патрикеева М. В. Актуализация в русской поэзии воспоминаний об Отечественной войне 1812 года в контексте Крымской войны 1853–1856 годов // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 45-54. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-45-54

Original article

Actualizing memories of the 1812 Patriotic War in the context of the Crimean War of 1853–1856

Maria B. Patrikeeva
Postgraduate student, department of russian classical literature, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a
keriotika@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5055-9118

Abstract. In the minds of contemporaries, the Crimean War of 1853–1856 and the Patriotic War of 1812 that preceded it were closely linked. The author of the article examines the image of the French and France as an enemy familiar to the Russians from the 1812 Patriotic War. The article analyzes the system of images, motives, memories associated with the events of 1812–1814 and reflected in the poetic works of the Crimean campaign contemporaries. The author of the article points out the reasons for the actualization of memories, shows how and in what way the perception of the French as military adversaries has changed in comparison with the previous war. Particular attention is paid to the depiction of Napoleon I and his nephew Napoleon III in Russian poetry. If Napoleon I is described by Russian poets of the 1850s. in a respectful manner as a mature politician, the image of Napoleon III is firmly associated with the motives of betrayal, ingratitude for the mercy of Russians towards France in 1814 war. No less attention is paid to the images of the 1812 Patriotic War veterans who appear in the poems of the Crimean War period both alive, eager to rise again to defend the homeland, and dead, tacitly calling on their descendants to repeat the victory over the French.

© Патрикеева М. В., 2021

Apart from the images and motifs reflecting Russian-French relations in the historical context, the author finds motifs of feasting and entertainment unrelated to the theme of war in the poetry contemporary to the events of the Crimean War.

Key words: Crimean War, Patriotic War of 1812, Russia, France, Alexander I, Napoleon I, Napoleon III

For citation: Patrikeeva M. B. Actualizing memories of the 1812 Patriotic War in the context of the Crimean War of 1853–1856. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):45-54. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-45-54

Введение

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., в которой против русской армии выступила коалиция держав, стала для России столкновением как с ранее незнакомыми врагами (например, Великобритания выступила в качестве непосредственного её противника в крупной военной кампании только в Крымской войне), так и с хорошо известными – Османской империей (это нашло отражение, например, в стихотворении «Я играю во струну...»: *«Особливо турки знают / Силу русского штыка, / Да скоренько забывают, / Видно память не крепка»* [Н., 1855, с. 7]), Францией. В зависимости от степени «известности» того или иного врага российской общественности вокруг него формировался определённый комплекс мотивов и образов, находивший отражение в первую очередь в произведениях художественной литературы (анализу этнических стереотипов, особенностям формирования образа врага в русской и английской художественной литературе посвящена статья С. В. Шешуновой [Шешунова, 2016]), особенно выразительно – в поэтической откликах. Неоднородность и своеобразие поэтического восприятия каждого из участников вражеской коалиции закономерна. В поэтическом осмыслении Великобритании – государства, ранее не вступавшего в прямое вооружённое противостояние с Россией, часто встречаются предупредительные мотивы: страну, не видевшую Полтавского и Бородинского сражений, поэты то в торжественной, то в иронически-насмешливой манере уведомляют о грозящей ей опасности: «*Знакомы туркам мы, французам – / Лишь Альбион не знает нас»* [Н. Щ., 1854б, 11]; «*Я вас-то знаю – тощих – / Во Франции видал, / А вас-то вот, не тощих, / Совсем и не знавал!*» [Преснов, 1855, с. 7].

Характерно, что, судя по поэтическим выпадам, в России была хорошо известна техническая мощь Англии: *«На линейных кораблях / Паровых, винтовых, / По устройству новых! / С тысячами пушек и чугунненьких игрушек»* [Глинка В. С., 1854, с. 3]. Однако, как видно, в начале Восточной войны неравенство сил с таким мощным противником нисколько не пугало, а, напротив, воодушевляло и раззадоривало поэтов.

По-иному поэтически воспринимается в России середины XIX века Франция – страна, которая в исторически недавнем прошлом приходила как захватчик на русскую землю. В данной статье мы рассмотрим образ Франции в стихотворениях времен Крымской компании в контексте событий Отечественной войны 1812 года.

В коллективном сознании русского народа вступление в войну Франции в апреле 1854 года стало поводом , с одной стороны, для глубокого презрения в контексте предательства братьев по вере, отступничества от христианства, с другой – для удивления, непонимания: как французы, так бесславно покинувшие Россию в декабре 1812 года (*«роковой для них поход»* [Н., 1855, с. 8]), а в 1814 году видевшие Александра I в своей столице, осмелились вновь посягнуть на её суверенитет: «*И вам ли после тех событий / На нас с угрозой восставать / И к нам воинственную рать / Вести на пир кровопролитий?*» [Марков, 1854, с. 8].

Поскольку с момента окончания Отечественной войны и завершения заграничного похода русской армии едва прошло 40 лет (как раз во время Крымской войны 19 марта 1854 года торжественно отмечалось 40-летие вступления в Париж русских войск), события 1812–1814 годов были живы в умах и сердцах русских людей. Более того, ветераны войны 1812 года активно откликнулись на новый вызов с Запада, тем самым способствуя укреплению восприятия событий Крымской кампании как идейного продолжения Отечественной войны 1812 года. По справедливому замечанию Н. В. Шаповаловой, война 1853–1856 годов воспринималась «через призму исторического опыта 1812 года» [Шаповалова, 2018, с. 13].

Осмыслению Крымской войны с позиций 1812 года, «позорного для недругов России, но незабвенно-славного для Неё» [Владимиров, 1854, с. 18], способствовал в первую очередь сам император, в своем манифесте 9 февраля 1854 года, посвящённым вступлению в военную кампанию Англии и Франции, заявивший: *«Мы и ныне не тот ли самый народ русский, о добле-*

стях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года!» [Богданович, 1876, с. 38].

Напоминали об Отечественной войне 1812 года и поэты, но, конечно, не французам, а соотечественникам, чтобы воодушевить их, показать, что все потери в той войне были не напрасны, что сила духа и вера в праведность русской миссии по защите Православия обязательно приведут к новым победам – Россия станет только сильнее. Таким образом, неслучайно изображение поэтами Отечественной войны 1812 года как комплекса событий, несущих для страны созидательные последствия:

Этот след <Отечественной войны – прим. М. П.>

низвёл в могилу
Всех грозивших нам врагов,
В русском сердце открыл силу,
Неизменную любовь!
Он довёл Русь до сознанья
Что Господь над Ней и с Ней,
Что врагов Её восстанье
Им – постыдно, славно – Ей! («Слово к недругам») [Владимиров, 1854, с. 17]

Апогеем военного успеха войны 1812 года для всего русского общества, безусловно, стало вступление русских войск во главе Александра I в Париж 31 марта 1814 года. Это событие справедливо воспринималось как победа, значимая не только для России, но в первую очередь для всего мирового сообщества. Закономерно, что в стихотворениях современников Крымской войны оно последовательно, систематически отражалось. Так, в «Боевой песне» лирический герой призывает не без гордости вспомнить, *«...где бывали / Полковые знамена*» [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 69]. Неслучайно первым городом называется именно Париж. В стихотворениях периода Крымской войны Париж предстаёт знакомым городом, куда несложно будет попасть вновь: *«К Парижу буйному <...> / По старой памяти дорогу мы найдем!»* («Ответ солдата») [Владимиров, 1854, с. 12].

Приступая к анализу тесно связанных с событиями Отечественной войны 1812 года мотивов и образов, появившихся в поэтических откликах на события Крымской войны, в первую очередь стоит обратиться к интерпретации поэтами образов Наполеона I и Наполеона III – дяди и племянника. Наполеона Бонапарта называют «гигантом вековым» [Марков, 1854, с. 7], «великим вождём» [Гурьянов, 1854, с. 22], «гордым Галлом» [Россия на призыв ... , 1855, с. 12], «счастья властелином» [Глинка В. С., 1854, с. 5], «Исполином земли» [Фёдоров, 1854а, с. 4], «не племяннику <...> парой» [Н., 1855, с. 7]. Таким образом, можно отметить, что отношение к Бонапарту холодно-уважительное: величие императора не вызывает у поэтов сомнений. Наполеон III как преемник бонапартовской державы описывается в стихотворениях снисходительно, с пренебрежением. Неслучайно его называют «племянничком» [Татаринов, 1854б, с. 3], который, словно ребёнок, лишь «машет дядюшкиной шпагой» («На нынешнюю войну») [Собрание патриотических ... , ч. 1, 1854, с. 3] и только недавно «встал на ножки» [Глинка В. С., 1854, с. 5]. Особенно примечательно ироничное выражение, использованное в отношении Наполеона III поэтом В. С. Глинкой: «попал в Наполеоны» [Глинка В. С., 1854, с. 5]. Очевидно, его функция – в создании у читателей ощущения случайности прихода Луи Наполеона к власти, отсутствия преемственности власти от Бонапарта. Характерно, что Глинка употребляет имя собственное в нарицательном значении, которое ранее придал ему А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» («Мы все глядим в Наполеоны»). Несмотря на то что в 1854 году Наполеон III был во вполне солидном для военачальника возрасте (46 лет), поэты именуют его «французиком», который «недавно оперился» [Татаринов, 1854а, с. 5]. Если Наполеон I взволновал Европу, покорил множество государств, наложив на них контрибуции, управлял многонациональной армией, то его племянник – лишь «удобный», ведомый союзник, которого можно использовать для воплощения собственных корыстных целей и амбиций. Образ Наполеона III как безвольного правителя, а значит, и французов как народа, которым легко манипулировать, нашёл отражение во многих стихотворениях:

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.
Вдохновлен его отвагой,
И француз за ним туда ж. («На нынешнюю войну») [Собрание патриотических ... , ч. 1, 1854, с. 3]

Турок Англия смутила
И французов приманила,
Заключив союз. [К. Г. В., 1854, с. 1]

Ну, ребятушки, солдаты,
На нас турки-супостаты
С Англией идут,
Францию зовут.
И французик согласился.
[Татаринов, 1854а, с. 5]

И если Англия у Франции просила,
Чтоб шла с ней в Балтику её морская сила,
Так только для того, чтоб был с ней кто-нибудь
По вкусу нации, для большего комфорта,
И с тем, чтоб запугать, врагам навеять страх. («Союзникам Турции»)
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 36]

Одной их главных ошибок Наполеона III русские поэты называют союз с Англией – историческим соперником Франции. Закономерно, что ничего хорошего и созидательного такая коалиция для самих французов не предвещает:

На свою, кажись, беду, Он <Наполеон III – прим. М. П.> и с Англией в ладу.
[К. М. С., 1855, с. 3]

Забыв всё прошлое, с поддельною приязнью-
Составили союз вы с недругом своимИ думать смеете разрушить стену эту?.. («Союзникам Турции»)
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 35]

Более того, русские поэты были солидарны в том, что именно Англия, считавшая Бонапарта узурпатором, выступавшая против сохранения им императорского титула, не просто отправила и сопроводила Наполеона на остров Святой Елены, а «заточила» его там:

И руку жмёт тому племянника рука,
Кто дядю ***заточил****: все древние раздоры*
Забвенью преданы из ненависти к нам.
(Ф. Миллер «Молитва у гроба Кутузова»)
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 35]

Англью крепко не любил.
(Он <Наполеон I – прим. М. П.> ей солно досадил!)
За то Англия отмстила,
Поймав, ***в заточенье посадила.***
[Глинка В. С., 1854, с. 5]

Не менее важным в сопоставлении Англии и Франции для поэтов является мотив забвения с одной стороны и мотив наивного неведения с другой. Вступление в войну Англии поэтически оценивается как самонадеянный и необдуманный поступок, но всё же заслуживающий снисхождения, ведь англичане на собственном опыте ещё не узнали, насколько грозным врагом для своих недругов является Россия:

Альбион – статья иная:
Он ещё не раскусил,
Что за машина такая
Наша Русь и в сколько сил. («На нынешнюю войну»)
[Собрание патриотических ... , ч. 1, 1854, с. 4]

Но англичане нас не знают,
Им неизвестен русский штык;
Пускай начнут бой, так узнают,
Что русский бить врагов привык.
[Н. Щ., 1854а, с. 8]
Его <француза – прим. М. П.> друг верный – Альбион,
Не зная, с кем имеет дело,
Кричит, как будто бы шальной.
[Щиглев,1854б, с. 8]

Французы, напротив, это противники, наученные опытом, а значит, они не должны повторять ошибки. Русские поэты обращают внимание даже на символизм чисел: 2 сентября (по старому стилю) 1812 года наполеоновская армия со стороны Поклонной горы вошла в Москву и 2 сентября 1854 года французы в составе союзного флота начали высадку под Евпаторией. Характерно, что вступление в Москву, триумфальное в глазах Наполеона, называется «приглашением» со стороны Кутузова: *«Как нашествье в Крым вошло, / Во второе сентября, / Полководец наш Кутузов / В 1812 году / Пригласил господ французов / В матушку Москву!»* [Глинка В. С., 1854, с. 4] Таким образом, символизм даты 2 сентября, отмеченный в стихотворении В. С. Глинки, свидетельствует о том, что Франция поступила опрометчиво: высадка в Крыму, как и вступление Бонапарта в Москву, хоть сначала и кажется победой, демонстрацией силы, впоследствии приводит французов к поражению.

В стихотворениях постоянно встречаются слова и словосочетания, связанные с мотивом забвения, повторяемости истории: «опять», «по старой памяти», «забыл», «напомним», «вспомнят», «по знакомому пути», «забвенью преданы»:

Француз опять, вишь, стал коситься –
Забыл *двенадцатый он год?*

***Опять** щетинится, ершится,*
***Опять** войной на нас идёт?*
[Щиглев, 1854а, с. 6]
***Забыл** труды, и жизнь, и смерть Наполеона,*
*Героя прошлых дней!... Всё, всё **забыл** Француз!*
(А. Теряев «Союзникам Турции»)
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 34]
Тверда, могуча Русь! Года давно былые
*Она **напомнит вновь забывшимся** врагам...*
(«Ответ солдата»)
[Владимиров, 1854, с. 11]
***Забыли** Галлы, как в своих равнинах снежных*
Ты успокоила их дерзостный порыв,
И усмирила дух безумный и мятежный,
И ярых волн отбросила прилив.
(Рончевский «К России»)
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 15–16]
*Уже ль **забыл** или **не помнит***
Про участь дяди своего?
*Так пусть же Русь ему **напомнит**,*
Как воевать с ней тяжело!
[Щиглев, 1854б, с. 6–7]

В сознании поэтов единственным поводом для повторного нападения на Россию могло быть лишь желание Франции отомстить за нанесённое ей в 1812 году поражение: *«Мы за старое отмстили! / Русских в прах расколотили!»* [Глинка В. С., 1854, с. 2]

Укорить французов и ещё больше укрепить в русских людях веру в праведность военных действий призван в лирике периода Крымской войны образ императора Александра I. Войдя 31 марта 1814 года в Париж *«со свежей вестью любви и примиренья»* (Ф. Миллер «Молитва у гроба Кутузова») [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 59], он вёл себя не как захватчик, а как освободитель Европы. Как отмечает французский историк-русист Мари-Пьер Рэй, перед началом французского похода русский император, обращаясь к солдатам, «призвал к умеренности и христианскому милосердию в отношении французского врага» [Рэй, 2013, с. 292]. Не только рядовые французы, но и сам Наполеон получил от Александра I милость: при непосредственном участии русского императора Бонапарт стал сюзереном острова Эльба и получил довольно внушительную ежегодную пенсионную выплату.

Русская армия, по убеждению императора, находясь в Париже, должна была стать воплощением милосердия, верности христианским заповедям (всех нарушителей ожидали неотвратимые наказания): например, Александр I не позволял военным «присутствовать на спектаклях во время Страстной недели» [Рэй, 2013, с. 300]. Миролюбивое поведение русских во французской столице отразилось не только в исторических документах и исследованиях, но и в поэтических откликах периода Крымской войны: *«Но, засорив поля картечью, / В Париже русский мирно жил / И бойкою французской речью / Да русским золотом сорил!»* [Глинка Ф. Н., 1854, с. 8] Сам император вёл в Париже жизнь очень насыщенную и при этом благочестивую: 28 марта 1814 года на площади Согласия устроил Пасхальное богослужение, провёл не одну беседу с французскими интеллектуалами, посетил множество объектов культурного и исторического наследия Франции. Таким образом, справедливо суждение Мари-Пьер Рэя о том, что «уже в момент вступления во французскую столицу Александр проявил исключительную умеренность» [Рэй, 2013, с. 295–296]. Уместно вспомнить и слова самого Александра I: *«Французы – мои друзья, и я хочу доказать им, что пришёл воздать добром на зло»* [Рэй, 2013, с. 295].

Способность Александра I к милосердию и состраданию даже по отношению к врагам не могла не быть отмечена соотечественниками. Благодарной Александру за победу в войне с Бонапартом должна была быть, по мнению российской общественности, не только Россия, но и Франция, и вся Европа (*«Русь шла вперед, Европу избавляя»*) (Е. П. Ростопчина «19-е марта 1854 года») [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67]; *«Всю Европу спас»* [Фёдоров, 1854а, с. 4]):
Наш Александр восстал среди Царей,
Своим врагам Он даровал прощенье,
Дал миру мир как друг людей!..
(Е. П. Ростопчина «19-е марта 1854 года»)
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67]
И Александр Благословенный
Народам утеснённым внял –
Европе, цепью отягченной,
Мечом свободу даровал.
(«Голос русского верноподданного»)
[Зубов, 1854, с. 9]
... за наши грады
И за Москву наш Царь не мстил
И белым знаменем пощады
Столицу Франции покрыл
[Глинка Ф. Н., 1854, с. 6].

В стихотворениях периода Крымской войны Александра называют *«ангелом примиренья»* (Е. П. Ростопчина «19-е марта 1854 года») [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67], *«кротким»* (Ф. Миллер «Молитва у гроба Кутузова») [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 59], *«Православным»* [Гурьянов, 1854, с. 6] царём.

В откликах на события Крымской войны поэты справедливо высказывают возмущение, даже негодование, описывая неблагодарность французов, забывших проявленное к ним милосердие и вновь лицемерно посягнувших на Россию:

Иль забыли вы, мятежные державы,
Когда пленённые к снегам России шли
Вы под знамёнами его, любимца славы, –
Но грудью встали мы и братски вас спасли,
Неблагодарные! (Н. Левашев «Святая брань»)
[Собрание патриотических ... , ч. 1, 1854, с. 29]

Зачем опять грозой военной
Взвились над миром знамена?
<...>
Не вы ль, народы и владыки,
Не вы ли гимны пели нам,
Когда права борьбой великой
Мы возвратили племенам.
(Н. Арбузов «Врагам России»)
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 38–39]

Актуализации воспоминаний об Отечественной войне 1812 года способствовали образы воинов, участвовавших в ней, – ветеранов, во время Крымской войны ставших олицетворением мужества, силы русского духа, былых побед русского штыка. Однако очевидцы и непосредственные участники сражений с Бонапартом появились не только в качестве образов на книжных страницах – современники той войны сами напомнили о себе, посвятив Крымской войне множество ярких стихотворений (поэтическому наследию непосредственных участников войны 1812 года, ставших современниками Крымской войны, посвящена работа Н. В. Шаповаловой «Крымская война в художественном творчестве ветеранов 1812 года (по произведениям П. А. Вяземского и Ф. Н. Глинки)» [Шаповалова, 2018]). Стоит отметить, что среди поэтических откликов П. А. Вяземского и Ф. Н. Глинки не так много произведений, напрямую отсылающих читателей к событиям 1812 года, однако лишь факта их участия в Отечественной войне было уже достаточно для того, чтобы каждое стихотворение о Крымской войне их авторства становилось поводом к установлению аналогий между этими военными кампаниями. Таким образом, в контексте Крымской войны можно говорить о ветеранах войны 1812 года, с одной стороны, как об авторах, вновь заявивших о себе в литературном пространстве, и как о художественных образах, персонажах, появлявшихся в стихотворениях о событиях 1853–1856 с целью воодушевления бойцов, укрепления их веры, напоминания о том, что французы однажды уже были побеждены их предками.

Ярким примером стихотворения, героями которого стали ветераны войны 1812 года, является произведение Петра Татаринова «Авдей и Степан или Русский солдат не стареется!» (1854). Перед читателем – диалог двух солдат, которые уже ушли в отставку, но, узнав о том, что враги снова *«Россиюшке грозят»* [Татаринов, 1854а, с. 6], готовы взяться за оружие, встав на защиту Родины (схожий сюжет положен в основу стихотворения П. П. Зубова «Песня старого русского солдата, идущего вновь на службу из отставки за веру, царя и Отечество» [Зубов, 1854, с. 22–24]):

Не изменит штык по дружбе,
Он на битвах закален.
Двадцать лет я был на службе.
...Нас видал Наполеон.
[Татаринов, 1854а, с. 7]

Несмотря на уже имеющиеся боевые заслуги (*«Есть Георгий и медаль»*) и солидный возраст (*«Мы стареньки!»*), ветераны снова рвутся в бой, не собираясь смотреть, как за них *«другой дерётся»* [Татаринов, 1854а, с. 7]. Образ нестареющего солдата, теряющего власть над штыком лишь в момент смерти, способного достойно пройти очередную войну, укреплял веру в победу бойцов Крымской войны, показывал им, что рядом плечом к плечу с ними сражаются опытные, мудрые воины.

Зачастую идея преемственности опыта войны 1812 года передавалась поэтами с помощью особой формы изложения – как диалог представителя молодого поколения со старшим. Так, персонажами, ведущими беседу о былых сражениях, часто становились некий юноша и его дядя (см. стихотворение А. А. Кононова «Дядя и племянник, или И я с тобой!» [Кононов, 1854, с. 1–6]) или дед и внук (см. стихотворение Н. Арбузова «Дед ко внуку» [Голос за родное, 1854, с. 14–16]). Л. В. Мельникова справедливо отмечает, что подобная форма изложения вызывала у читателей ассоциации с уже знакомым им стихотво-

рением М. Ю. Лермонтова «Бородино» [Мельникова, 2013, с. 107]. В названии таких поэтических произведений часто встречалось слово «разговор» – «Разговор» Г. Фёдорова, «Народный разговор» М. С. Владимирова.

Символично, что стихотворение «Народный разговор» начинается с обращения: *«Дядя! Слышал? Басурманы / Нам грозят бедой опять»* [Владимиров, 1854, с. 31]. Паническому состоянию, смятению молодого человека поэт противопоставляет хладнокровие и даже несколько, казалось бы, легкомысленное отношение ветерана:

– Что же, парень? Пусть их идут
По знакомому пути...

[Владимиров, 1854, с. 31]

За этим видимым спокойствием, однако, скрывается вовсе не равнодушие, а багаж уже одержанных побед, а значит, и способность уверенно, не отводя глаз, даже свысока смотреть на противника:

– Эка вяха! Больно прытки!
Вот ужо им с кондачка,
Под салазки, под микитки
Даст Русь славного толчка:
Как начнёт лудить им спину
Вдоль по жиле становой –
Так и вспомнят ту былину,
Что случилось под Москвой!!!
[Владимиров, 1854, с. 32]

Встречаются и стихотворения, где ветераны становятся не рассказчиками, а адресатами слов благодарности и глубокого уважения. Так, в стихотворении Евдокии Ростопчиной «19-е марта 1854 года», написанном в честь 40-летия войны 1812 года, *«воинам седым»* воздаётся *«хвала и честь»* [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67]. Однако и в этом произведении автор обращается к ветеранам с призывом воодушевить молодое поколение на защиту Отечества: *«Отцы, – сынам велите стать в отмщенье, / За Русь, за честь, и им на брань пора...»* [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67]

Героями стихотворений периода Крымской войны становятся не только простые солдаты былых сражений – и те, кто уже лежит в могилах, и те, кто жив и готов вновь вступить в бой, но и великие полководцы – кузнецы великих побед России. В стихотворении крестьянина Г. Фёдорова «Суворов» с подзаголовком «Дума» автор призывает полководцев прошлого встать и проснуться, чтобы увидеть плоды трудов потомков. Следовательно, идея преемственности поколений (причём достойные сменяются достойными) оказывается в контексте событий Крымской войны крайне важной. Так, Суворов – участник и первой, и второй русско-турецкой войны – должен увидеть, как с него *«пример берут»* [Фёдоров, 1854б, с. 7], причем не только солдаты, но и прапорщик Александр Щёголев – герой Крымской войны, отличившийся при бомбардировке англо-французской эскадрой Одессы в апреле 1854 года. Графа Орлова-Чесменского, одержавшего победу над турецким флотом в 1770 году, автор призывает посмотреть на простых моряков и на самого Нахимова – *«Черноморца», «Синопского <...> героя»* [Фёдоров, 1854б, с. 7]. Кульминацией стихотворения становится обращение автора к Кутузову, который должен посмотреть на достойного преемника, гения военного дела – Бебутова. Фёдоров не забывает отметить и достоинства самого Кутузова:

Ты сгубил в Руси французов,
И Стамбул ты усмирил,
Угостил ты их по-русски
На полях Бородина
И пустил дорогой узкой
Из Московского кремля
[Фёдоров, 1854б, с. 7–8]

Не столь тесно связанным с историческим контекстом, но не менее заметным оказывается в стихотворениях периода Крымской войны мотив пира, традиционного русского угощения. Изысканным блюдам французов, в частности шипучим винам, противопоставляется русский квас, по вкусу уже знакомый врагам:

Взамен будет русский квас –
Сногсшибательный, задорный,
Коим подчивала вас
Так радушно и покорно
На прощанье в год позорный
Наша Матушка-Москва.
(«Слово к недругам»)
[Владимиров, 1854, с. 18]

Традиционный фольклорный ритуал угощения: накормить, напоить и спать уложить – в стихотворениях, посвящённых Крымской войне, непосредственным образом связывается с мотивом смерти:

Ведь в двенадцатом году славное
Было вам, кажись, угощение?
Накормили вас, напоили всех,
Упокоили непробудным сном...

(«Дума москвича»)
[Владимиров, 1854, с. 24–25]

Россия становится олицетворением хлопотливой хозяйки, готовящей *«пир <...> на весь людный мир»*. Для неё приход «гостей» вовсе не оказывается неожиданным, неслучайно гости – *«жданные»* [Владимиров, 1854, с. 25]. Особо трагичное звучание придаёт мотиву неминуемой гибели предупреждение: враги должны позаботиться о том, чтобы в живых после русского угощения остался хотя бы один, кто сможет *«домой весть послать»* о том, как Русь *«встретила»* и *«угостила»* [Владимиров, 1854, с. 25].

Анализ произведений русской поэзии 1850-х годов, посвященных Крымской войне, в контексте осмысления в них опыта и уроков Отечественной войны 1812 года позволяет говорить о созвучии в глазах поэтов этих баталий как справедливых со стороны России, в которых она противостоит врагам, вторгшимися на ее территорию. В стихотворениях середины XIX века звучат мотивы морального превосходства над неприятелями, неотвратимости возмездия, идеи преемственности стойкости и героизма русских воинов разных поколений. Обращение в поэтических откликах на события Крымской войны к войне 1812 года призвано найти опору в народной памяти для поднятия духа армии и общества, укрепления веры в свою правоту и силу, развенчать художественными средствами ореол могущества и превосходства противников России.

Библиографический список

Англо-французы у Севастополя. Санкт-Петербург : тип. д-та внешней торговли, 1854. 8 с.

Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов: В 4 т. Санкт-Петербург : тип. Ф. Сущинского, 1876. Т. 1. Приложения к главе X. С. 37–40.

Владимиров М. С. Альбом патриотических стихотворений / Написаны по случаю современной войны. Санкт-Петербург : тип. Императорской Академии Наук, 1854. 45 с.

Глинка В. С. Англо-французский десант в Крыму: Севастополь взят!? 2 сент. 1854 г.: (Солдат. ответ). Варшава : тип. С. Оргельбранда, 1854. 6 с.

Глинка Ф. Н. Ура! Санкт-Петербург : тип. Императорской Академии Наук, 1854. 14 с.

Голос за родное. Альбом патриотических стихотворений разных авторов на нынешнюю войну. Санкт-Петербург : тип. штаба военно-учебных заведений, 1854. 39 с.

Гурьянов И. Послание на Кавказ к Силе Андреевичу Богатыреву с берегов Дуная. Чувствования инвалида при событиях 1854 года с прил. многих стихотворений, писанных по случаю настоящей войны с врагами Отечества. Москва : тип. М. Смирновой, 1854. 46, II с.

Зубов П. П. Стихотворения и русские солдатские песни в 1854 году. Санкт-Петербург : тип. Х. Валя, 1854. 24 с.

К. Г. В. Три врага России: турки, англичане и французы, или Ай-да гости! // Три врага России: турки, англичане и французы, или Ай-да гости! и Письмо молодого солдата. Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854. С. 1–7.

К. М. С. Ай-да Абдул! Всех в Париже обманул, или Донесение татарина Людовику Наполеону о взятии Севастополя. Санкт-Петербург : тип. А. Дмитриева, 1855. 8 с.

Кононов А. А. Дядя и племянник, или И я с тобой!; Донесение адмирала Непира о победе его над тремя чухонскими лодками: (Рассказ ополченного). Санкт-Петербург : тип. штаба военно-учебных заведений, 1854. 8 с.

Марков В. Н. Северный бард (по случаю манифеста 11 апреля 1854 года). Вильно: тип. О. Завадского, 1854. 11 с.

Мельникова Л. В. Культурная память о 1812 годе во время Крымской войны // Историк и художник: сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. Москва: ИЦ Института российской истории РАН, 2013. С. 99–114.

Н. Я играю во струну // Смех чухонца и песня «Я играю во струну». Санкт-Петербург : тип. Н. П. Богданова, 1855. С. 6–8.

Н. Щ. Англо-французы у Севастополя. Санкт-Петербург : тип. д-та внешней торговли, 1854а. 8 с.

Н. Щ. Замыслы Пальмерстона, или Велик союз, да толку мало! Санкт-Петербург : тип. Э. Веймара, 1854б. 13 с.

Преснов В. Новости с театра войны. Санкт-Петербург : Н. Герасимов, 1855. 8 с.

Россия на призыв своего государя // Все за царя или Чувство отца и долг воина и Россия на призыв своего государя: Соврем. стихотворения. Санкт-Петербург : тип. К. Крайя, 1855. С. 9–14.

Рэй М.-П. Александр I. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 495 с.

Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных Российским победоносным воинством : в 2 ч. / Собр. Н. Клячковым. Москва : тип. М. Смирновой, 1854.

Татаринов П. П. Знай наших!!, или Не на тех напали. Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корп. внутр. Стражи, 1854а. 8 с.

Татаринов П. П. Непир у Кронштадта, или Ехал – да не доехал. Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корп. внутр. стражи, 1854б. 8 с.

Фёдоров Г. Русь: Дума русского мужичка и Кручина доброго молодца. Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854а. 8 с.

Фёдоров Г. Ополчённый. Две русские песни. Прощание воина. Суворов (Дума). Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854б. 8 с.

Шаповалова Н. В. Крымская война в художественном творчестве ветеранов 1812 года (по произведениям П. А. Вяземского и Ф. Н. Глинки) // Человек и культура. 2018. № 2. С. 12–19.

Шешунова С. В. Британцы и русские как враги по Крымской войне: литературные образы // Вісник Дніпропетровського університету Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2016. № 2. С. 79–90.

Щиглев Н. Р. Проделки Карлуши в Финском заливе, или Видит глаз, да зуб неймет. Санкт-Петербург : тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854а. 8 с.

Щиглев Н. Р. Современным врагам России. Санкт-Петербург : тип. Деп. внеш. торговли, 1854б. 12 с.

Reference list

Anglo-francuzy u Sevastopolja = The Anglo-French at Sevastopol. Sankt-Peterburg : tip. d-ta vneshnej torgovli, 1854. 8 s.

Bogdanovich M. I. Vostochnaja vojna 1853–1856 godov = Eastern war 1853–1856 : v 4 t. Sankt-Peterburg : tip. F. Sushhinskogo, 1876. T. 1. Prilozhenija k glave X. S. 37–40.

Vladimirov M. S. Al'bom patrioticheskih stihotvorenij = An album of patriotic poems / Napisany po sluchaju sovremennoj vojny. Sankt-Peterburg : tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1854. 45 s.

Glinka V. S. Anglo-francuzskij desant v Krymu: Sevastopol' vzjat!? 2 sent. 1854 g.: (Soldat. Otvet) = Anglo-French landing in the Crimea: Sevastopol taken!? 2 Sep. 1854 g.: (Soldier's reply). Varshava : tip. S. Orgel'branda, 1854. 6 s.

Glinka F. N. Ura! = Hurray! Sankt-Peterburg : tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1854. 14 s.

Golos za rodnoe. Al'bom patrioticheskih stihotvorenij raznyh avtorov na nyneshnjuju vojnu = A voice for the native. Album of patriotic poems about the current war by different authors. Sankt-Peterburg : tip. shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 1854. 39 s.

Gur'janov I. Poslanie na Kavkaz k Sile Andreevichu Bogatyrevu s beregov Dunaja. Chuvstvovanija invalida pri sobytijah 1854 goda s pril. mnogih stihotvorenij, pisannyh po sluchaju nastojashhej vojny s vragami Otechestva = A Message to the Caucasus to Sila Andreevich Bogatyrev from the banks of the Danube. Feelings of an invalid during the events of 1854 including many poems written on the occasion of this war with the enemies of the Fatherland. Moskva : tip. M. Smirnovoj, 1854. 46, II s.

Zubov P. P. Stihotvorenija i russkie soldatskie pesni v 1854 godu = Russian poems and soldiers' songs in 1854. Sankt-Peterburg : tip. H. Valja, 1854. 24 s.

K. G. V. Tri vraga Rossii: turki, anglichane i francuzy, ili Aj-da gosti! = Russia's three enemies: the Turks, the English, and the French, or Good old guests! // Tri vraga Rossii: turki, anglichane i francuzy, ili Aj-da gosti! i Pis'mo molodogo soldata. Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 1854. S. 1–7.

K. M. S. Aj-da Abdul! Vseh v Parizhe obmanul, ili Donesenie tatarina Ljudoviku Napoleonu o vzjatii Sevastopolja = Well done Abdul! He fooled everybody in Paris, or Report of a Tatar to Louis Napoleon about the capture of Sevastopol. Sankt-Peterburg : tip. A. Dmitrieva, 1855. 8 s.

Kononov A. A. Djadja i plemjannik, ili I ja s toboj!; Donesenie admirala Nepira o pobede ego nad tremja chuhonskimi lodkami: (Rasskaz opolchennogo) = Uncle and nephew, or I too am with you!; Admiral Nepir's report of his victory over three Finnish boats: (a militiaman's story). Sankt-Peterburg : tip. shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 1854. 8 s.

Markov V. N. Severnyj bard (po sluchaju manifesta 11 aprelja 1854 goda) = The northern bard (on the occasion of April 11, 1854 manifesto). Vil'no : tip. O. Zavadskogo, 1854. 11 s.

Mel'nikova L. V. Kul'turnaja pamjat' o 1812 gode vo vremja Krymskoj vojny = Cultural memory of 1812 during the Crimean war // Istorik i hudozhnik: sbornik vospominanij i statej pamjati professora Sergeja Sergeevicha Sekirinskogo. Moskva: IC Instituta rossijskoj istorii RAN, 2013. S. 99–114.

N. Ja igraju vo strunu = I'm playing the string // Smeh chuhonca i pesnja «Ja igraju vo strunu». Sankt-Peterburg : tip. N. P. Bogdanova, 1855. S. 6–8.

N. Shh. Anglo-francuzy u Sevastopolja = The Anglo-French at Sevastopol. Sankt-Peterburg : tip. d-ta vneshnej torgovli, 1854a. 8 s.

N. Shh. Zamysly Pal'merstona, ili Velik sojuz, da tolku malo! = Palmerston's plans, or Great is the union, but not much use! Sankt-Peterburg : tip. Je. Vejmara, 1854b. 13 s.

Presnov V. Novosti s teatra vojny.= News from the war theatre. Sankt-Peterburg : N. Gerasimov, 1855. 8 s.

Rossija na prizyv svoego gosudarja = Russia to the call of the sovereign // Vse za carja ili Chuvstvo otca i dolg voina i Rossija na prizyv svoego gosudarja: Sovrem. stihotvorenija. Sankt-Peterburg : tip. K. Krajja, 1855. S. 9–14.

Rjej M.-P. Aleksandr I = Alexander I. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2013. 495 s.

Sobranie patrioticheskih stihotvorenij, napisannyh raznymi avtorami po sluchaju voennyh dejstvij i pobed, oderzhannyh Rossijskim pobedonosnym voinstvom = A collection of patriotic poems written by various authors on the occasion of military actions and victories won by the Russian victorious army : v 2 ch. / Sobr. N. Kljachkovym. Moskva : tip. M. Smirnovoj, 1854.

Tatarinov P. P. Znaj nashih!!, ili Ne na teh napali = We are the ones!!, or they've picked the wrong guys. Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korp. vnutr. Strazhi, 1854a. 8 s.

Tatarinov P. P. Nepir u Kronshtadta, ili Ehal – da ne doehal = Napier at Kronstadt, or I went, but didn't get there. Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korp. vnutr. strazhi, 1854b. 8 s.

Fjodorov G. Rus': Duma russkogo muzhichka i Kruchina dobrogo molodca = Russia: A Russian peasant's thoughts and a good man's grief. Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 1854a. 8 s.

Fjodorov G. Opolchjonnyj. Dve russkie pesni. Proshhanie voina. Suvorov (Duma) = The militiaman. Two Russian songs. A farewell of a soldier. Suvorov (Thought). Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 1854b. 8 s.

Shapovalova N. V. Krymskaja vojna v hudozhestvennom tvorchestve veteranov 1812 goda (po proizvedenijam P. A. Vjazemskogo i F. N. Glinki) = The Crimean War in the art of 1812 veterans (based on the works of P. A. Vyazemsky and F. N. Glinka) // Chelovek i kul'tura. 2018. № 2. S. 12–19.

Sheshunova S. V. Britancy i russkie kak vragi po Krymskoj vojne: literaturnye obrazy = The British and Russians as enemies in the Crimean war: literary images // Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu Al'freda Nobelja. Serija «Filologichni nauki». 2016. № 2. S. 79–90.

Shhiglev N. R. Prodelki Karlushi v Finskom zalive, ili Vidit glaz, da zub nejmet = Karlusha's Tricks in the Gulf of Finland, or So near and yet so far. Sankt-Peterburg : tip. shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 1854a. 8 s.

Shhiglev N. R. Sovremennym vragam Rossii = To Russia's contemporary enimies. Sankt-Peterburg : tip. Dep. vnesh. torgovli, 1854b. 12 s.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 27.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья
УДК 659
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-55-65

Коммуникационная стратегия продвижения научных проектов в медиасреде: прагматический подход

Ирина Николаевна Тельнова
Аспирант института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; эксперт института экологии ФГВУЗ АО НИУ «Высшая школа экономики». 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
i-tel@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-1256-0120

Аннотация. Современные бизнес-подходы к продвижению проектов интегрируются в мировую науку, поэтому сегодня научные коммуникаторы превращаются в продюсеров научных проектов, включающихся в продвижение проекта на старте. Профессиональные коммуникаторы, специализирующиеся на продвижении научных проектов, оценивают проект для научного сообщества в русле передовых научных тенденций и перспектив публикаций результатов работ в высокорейтинговых научных журналах; для органов государственной власти или субъектов бизнеса с позиций применения полученных результатов исследований и оценки перспектив для инвестирования.

Обвальное количество ежедневно публикуемых научных трудов не дает возможности ознакомиться с ними всеми, поэтому появились так называемые тренды, за которыми нужно следить: именно трендам посвящаются сегодня научные конференции, которые задаются трендсеттерами, лидерами в определенной научной области.

В связи с чем разработка качественного алгоритма для увеличения «веса» ученого становится всё более актуальной. Новые методики позволяют качественно и количественно оценить экспертное мнение ученого в медиасреде и показать коммуникационную эффективность позиционирования (учитываются все упоминания на всех платформах с учетом влиятельности площадки и вовлеченности конкретного экспертного сообщения).

Размещение публикаций в общественно-деловых СМИ, посвященных научному исследованию, позволяет ученым получить обратную связь от стейкхолдеров, а стейкхолдерам помогает выделить передовые исследовательские тренды, направить финансовые ресурсы в нужном направлении, объединить научные работы с патентными данными, что, в свою очередь, будет способствовать анализу и прогнозированию коммерциализации научных результатов и проч.

Триггер, введенный в медиасферу научным коммуникатором, обладает определенной способностью к медиатизации, что умножает следующий триггер и позволяет повысить эффективность продвижения научного проекта, способствовать накоплению репутационного капитала ученого и оптимизировать возможность финансирования.

В настоящей статье проставлен анализ медиапродвижения проекта научного института и проводится оценка его эффективности.

Ключевые слова: коммуникация, продвижение, медиаактивность стратегия, научный проект, медиа, медиатизация

Для цитирования: Тельнова И. Н. Коммуникационная стратегия продвижения научных проектов в медиасреде: прагматический подход // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 55-65. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-55-65

© Тельнова И. Н., 2021

Media communications and journalism

Original article

Communication strategy for promoting scientific projects in the media environment: pragmatic approach

Irina N. Telnova
Postgraduate student, School of journalism and mass communications, St.-Petersburg state university, expert at Institute of ecology, Higher school of economics. 101000, Moscow, Myasnitskaya st., 20
i-tel@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-1256-0120

Abstract. Modern business approaches to promoting projects are being integrated into world science, so today scientific communicators become producers of scientific projects involved in promoting the project at the start. Professional communicators specializing in promoting scientific projects evaluate the project for the scientific community in terms of advanced scientific trends and the possibility of publishing the results of the work in prestigious scientific journals; for government authorities or businesses from the standpoint of applying the research results and assessing the prospects for investment.

A huge number of daily published scientific papers makes it impossible to get acquainted with all of them, so there are so-called trends that need to be monitored: scientific conferences are devoted to trends today, which are set by trendsetters, leaders in a particular scientific field. The development of a high-quality algorithm for increasing the «weight» of a scientist is becoming more and more urgent. New methodologies make qualitative and quantitative evaluation of the scientist's expert opinion in the media environment and show the communication effectiveness of positioning (all mentions on all platforms are taken into account, considering the influence of the site and the involvement of a particular expert message). Placing publications in business media allows scientists to get feedback from stakeholders, and helps stakeholders to highlight cutting-edge research trends, channel financial resources in the right direction, combine scientific work with patent data, which, in turn, will facilitate analysing and forecasting commercialization of scientific results, etc.

A trigger introduced into the media sphere by the scientific communicator has a certain ability to mediatize, which multiplies the next trigger and makes it possible to increase the efficiency of promoting a scientific project, contribute to the accumulation of a scientist's reputation capital and optimize the possibility of funding.

This article analyzes the media promotion of a research institute project and evaluates its effectiveness.

Key words: communication, promotion projects, media activity, strategy, science project, media, mediatization

For citation: Telnova I. N. Communication strategy for promoting scientific projects in the media environment: pragmatic approach. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):55-65. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-55-65

Введение

Современная научная деятельность является неотъемлемой частью государственного стратегического планирования, поскольку государственная политика выделяет приоритетные научные направления, мотивируя ученых встраиваться в национальные проекты, участвовать в конкурсах на получение финансирования из внешних источников, конкурировать в тендерах государственных заказов. Сегодня ученые, как бы к этому объективно существующему положению дел не относиться, должны убеждать учредителей государственных научных грантовых фондов в актуальности фундаментального или прикладного исследования, практической значимости предмета научного интереса, поэтому прагматический подход с элементами диджитал маркетинга, PR и GR активно применяются специалистами по научным коммуникациям для продвижения научных проектов в новой цифровой медиасреде.

Коммуникационная стратегия продюсирования научного проекта во многом строится по принципу продюсирования бизнес-проектов, где производителем является собственно научная организация или коллектив ученых из разных организаций, которые проводят научное исследование, а дистрибьютором команда коммуникаторов, ответственных за распространение публикаций с результатами исследования потенциальным внешним стейкхолдерам (заинтересованным сторонам).

На этапе девелопмента проекта научный коммуникатор на основе аналитических записок делает прогноз относительно того, будет ли данный проект востребован на условном «рынке

науки» и какова его эффективность для каждого сегмента целевой аудитории:

– **научное сообщество**

Оценивается актуальность и перспективность исследований, возможность попадания в приоритетные научные направления, перспективы публикации в научных журналах с высоким импакт-фактором. Для этого научный коммуникатор в роли продюсера составляет перечень научных периодических изданий, представляет медиаплан продвижения научного проекта с учетом календарного графика высокорейтингового научного издания, входит в коммуникацию с редакторами или редакционными советами высокорейтинговых научных журналов.

– **органы государственной власти или бизнеса**

Оценивается возможность включения научного проекта в стратегии развития бизнеса, формирование дорожных карт национальных проектов, законопроектов и нормативных актов. Для этого продюсер научных проектов должен понимать не только национальную GR-повестку, но и быть включенным в основные мировые тренды развития корпораций. Усилия продюсера в этом направлении позволят продвигаемому научному проекту стать заметным, получить финансирование и встроиться в общие векторы развития государства и бизнеса.

– **для широкой общественности**

Президент России Владимир Путин заявлял, что национальные проекты имеют определяющее значение для экономики и социальной сферы всей страны, всех регионов. Люди должны почувствовать положительный эффект нацпроектов, которые, в конечном итоге, нацелены, прежде всего, на повышение качества жизни граждан страны. Таким образом, информированности граждан о реализации стратегических задач государства в России уделено особое внимание.

Коммуникационная деятельность, ориентированная на все три целевых сегмента, позволит добиться эффекта синергии, поскольку существует определенная корреляция между интересами научного сообщества, бизнеса, государства и общественности к научному проекту. То есть каждый актуализированный триггер кратно усиливает эффект от следующего триггера, что позволяет оптимизировать эффект продвижения научного проекта.

Цель статьи – доказать, что медийная активность субъектов научного дискурса является инструментом эффективной коммуникации между представителями научной сферы и ключевыми стейкхолдерами (финансирующие организации, выпускники вуза, СМИ, общественные организации, связанные с образовательным рынком, будущие покупатели и потребители образовательной услуги, местные органы государственной власти), способствует направлению целевого финансирования и объединению научных разработок с патентными данными, способствует прогнозированию коммерциализации результатов исследований.

Крупнейшим источником финансирования исследований и разработок являются средства государственных научных фондов: их доля в общем объеме затрат составила 66,2 %, из них 54,3 % приходится на федеральный бюджет.

Для сложившейся в России модели финансовой поддержки науки характерна слабая в целом активность предпринимательского сектора, что заметно отличает ее от других развитых экономик. Так, в США на предпринимательский сектор приходится 64,2 % внутренних затрат на исследования и разработки, в Германии – 65,6 %, Республике Корея – 74,5 %, Китае – 74,7 %, Японии – 78 %. Распределение бюджетного финансирование опирается на подходы, обозначенные в программе «5–100» (проект повышения конкурентоспособности российских университетов), цель которой – вывод пяти российских университетов в сотню лучших по версии трех авторитетных международных рейтингов: Quacquarelli Symonds, Times Higher Education и Academic Ranking of World Universities.

Субсидии выделяются Минобрнауки ежегодно и распределяются между университетами в зависимости от качества реализации «дорожной карты» и ранга в мировых рейтингах. Все университеты ежегодно получают одобрение своих «дорожных карт», являющееся обязательным условием для получения финансирования на следующий год.

Важно отметить, что оплата труда профессорско-преподавательского состава в значительной степени зависит от академических надбавок, получения грантов на исследования и научно-исследовательской работы. Так, подобный сектор стимулирующих выплат занимает 8 % у старших преподавателей и ассистентов, 11 % у доцентов и 14 % у профессоров.

Проблема современных научных коммуникаций состоит в том, что публикация результатов исследования и индексация статьи в высокорейтинговых научных журналах спустя год или два

поле начала исследовательского проекта не учитывает интересов ученого, как субъекта научной коммуникации в условиях заключения эффективных трудовых договоров, так и внутренних и внешних стейкхолдеров научных коммуникаций [Саввинов, Стрекаловский, 2013, с. 87].

Рассмотрим стейкхолдеров научных коммуникаций.

Внутренними бенефициарами научных коммуникаций являются:

− обучающиеся разных ступеней образования (бакалавриата, магистратуры, аспирантуры и докторантуры),

− научно-педагогические работники, академическое сообщество (профессиональная среда, профессиональные объединения).

В контексте научной коммуникации внутренние стейкхолдеры заинтересованы в поддержке и защите ценности полученной в организации квалификации.

Внешними бенефициарами научных коммуникаций являются:

− органы государственной власти, научные фонды, бизнес-организации.

Государственные органы с одной стороны осуществляют нормативно-правовое регулирование деятельности и формируют стратегию на подготовку специалистов в конкретных отраслях через распределение контрольных цифр бюджетного приема, с другой стороны предоставляет финансирование. Заинтересованными сторонами также являются различные негосударственные финансирующие фонды и бизнес-организации (крупные промышленные предприятия; предприятия малого и среднего бизнеса). В контексте научной коммуникации внешние стейкхолдеры оценивают научный потенциал исполнителей заказа, эффективность научно-исследовательской работы исполнителей.

− общественные организации и объединения, непосредственно не связанные с системой образования (политические партии, этнические и другие социальные группы, творческие союзы и т. д.), заинтересованные в социальном партнерстве.

Ранжирование интересов стейкхолдеров научного проекта по экономическим и политическим интересам позволяет специалистам в сфере научных коммуникаций актуализировать понятные стейкхолдерам критерии оценки эффективности и выделить ожидаемые результаты, определить успешный курс в окружающей среде [Екшикеев, 2009, с. 106–109].

Опыт ведущих западных компаний и консалтинговых фирм, занимающихся маркетинговым сопровождением деятельности бизнес-организаций, показывает необходимость и успешность применения маркетинговых инноваций, которые позволяют осуществлять содержательные, целенаправленные изменения в экономическом и общественном потенциале вуза, модернизировать и внедрять идеи и процессы для решения существующих проблем и создания новых возможностей. Создание и удержание конкурентных преимуществ российских вузов может быть эффективно обеспечено за счет модернизации управления маркетинговыми коммуникациями – целенаправленной деятельностью по регулированию рыночной устойчивости посредством информационных технологий, элементов продвижения, рекламы, организации выставок, PR с учетом влияния закономерностей и тенденций рынка. Корпоративные усилия должны быть в первую очередь направлены на разработку коммуникационных стратегий маркетинга. В выигрыше окажется тот вуз, руководители которого смогут тщательно продумать все составляющие компоненты и взаимосвязь блоков коммуникационной модели управления [Рубанова, 2011, с. 1–16].

Теоретическая рамка исследования

Проводя анализ коммуникативных моделей с позиций прагматического подхода к научной коммуникации, отметим, еще Аристотель утверждал, что речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего [Аристотель, 2000]. Аристотель выделял адресата коммуникации, поскольку его правильное определение диктует выбор речевых стратегий и тактик адресанта при презентации предмета сообщаемого и делает в конечном итоге коммуникацию эффективной.

Двуступенчатая модель коммуникации показывает, что информация, поставляемая прессой, радио и телевидением усваивается массовой аудиторией не сразу, а спустя некоторое время под влиянием интерпретаторов, популяризаторов, так называемых «лидеров мнений» [Telnova, Bykova, 2019, p. 111; Ухова, 2020, с. 117–127].

Модель эффективной коммуникации Гарольда Лассуэлла [Lasswell, 1948. p. 21], экстраполированная на сферу научной коммуникации, подразумевает, что ученому при презентации идеи проекта важно представлять: кому может быть интересно его исследование, из каких источни-

ков будет производиться финансирование, где и когда будут опубликованы промежуточные и окончательные результаты. Совокупность каждого элемента модели Лассуэлла представляет собой медиаплан по продвижению научного проекта в СМИ, посевы на выбранных коммуникационных площадках в социальных сетях, обеспечивающих рост общественного интереса.

Коммуникативный статус [Быкова, 2018, с. 325] самого ученого, его имя и репутация в академической среде также влияет на продвижение научного проекта, поскольку положительный имидж ученого в медиасреде как влиятельного эксперта формирует в PR-дискурсе «отстройку» от других исследовательских коллективов, так же участвующих в конкурсах на получение финансовой поддержки [Гавра, 2013, с. 29–43].

Ряд исследователей отмечают, что коммуникативные стратегии и тактики диджитализации научной коммуникации проникают в научное сообщество и формируют в нем своих лидеров и аутсайдеров, создают рейтинги в наукометрических базах [Быкова, 2017, с. 39].

Существует ряд аналитических работ, посвященных корреляции свободного доступа к научным статьям и интенсивностью их цитируемости. Так, в исследовании «Оказывают ли статьи с открытым доступом большее цитирование? Критический обзор литературы» [Craig 2007, p. 239]. Автор исследования пришел к выводу, что доказательств в поддержку гипотезы «открытой науки» не обнаружено: открытый статус статьи практически не влияет на интенсивность цитирования. Однако в более позднем исследовании 2011 года П. Дэвис приходит к выводу, что статьи, размещенные в условиях открытого доступа, получили медиатизированный эффект [Hjarvard, 2012, p. 21–43], альтметрики показали значительно больше загрузок и получили более широкий охват в течение первого года, но цитировались не чаще и не раньше, чем статьи с доступом по подписке в течение 3 лет [Davis 2011, p. 2129]. Эти результаты могут быть объяснены именно фактором адресата, социальной стратификацией, процессом, который концентрирует ученых в весьма ограниченном количестве элитных исследовательских университетов с широким доступом к периодическим изданиям и монографиям. Реальными бенефициарами публикаций с открытым доступом оказались не исследовательские сообщества, внутренние стейкхолдеры, а сообщества практиков, внешних стейкхолдеров, которые используют результаты научных исследований для своих целей, но свой вклад в увеличение цитирования источника не вносят, поскольку их доклады не индексируются в наукометрических базах или не публикуются вовсе [Telnova, Bykova, 2018].

В обозначенных координатах функционал научного коммуникатора, специалиста по связям с общественностью, определяется продвижением научного проекта в медиасреде. Продвижение сегодня трансформируется в продюсирование научных проектов в режиме реального времени с целью актуализировать ту составляющую проекта, которая затрагивает интересы бизнес-структур, органов государственной власти и проч. [Telnova, Bykova 2020, p. 63].

Методика исследования и анализ эмпирического материала

В основе прагматического подхода к современной научной коммуникации лежит понимание того, спрос на научное исследование рождает финансовое предложение. Анализ Национального проекта «Наука» (1 октября 2018 г. – 31 декабря 2024 г.), дает возможность определить приоритетные научные направления для конкретного субъекта научной сферы и разработать коммуникационную программу для реализации научных проектов.

Согласно проекту (паспорт нацпроекта «Наука») – приоритетными направлениями исследований до 2027–2032 в Российской Федерации являются следующие: переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям; к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике; к персонализированной медицине, к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству, противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму; связанность территории Российской Федерации за счёт создания интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем; возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы.

В период пандемии Covid-19 в 2020 г. самыми востребованными стали исследования о рисках переноса и распространения инфекций, а экспертное мнение ученых в массмедиа получило высокий социальный запрос (Edelman Trust Barometer, 2020).

Объектом продвижения выбрано структурное подразделение (Институт экологии) НИУ ВШЭ –

экспертного органа Правительства РФ.

Предметом исследования стал анализ паблисити научного учреждения и эксперта в российских общественно-деловых СМИ до и после проведения PR-кампании по продвижению субъекта в цифровой медиасреде на примере Института экологии НИУ ВШЭ (https://eco.hse.ru/). Под технологией продвижения в исследовании понимается планирование и реализация медийной активности PR-субъекта посредством медиарилейшнз с целью оптимизации коммуникации с ключевыми внешними стейкхолдерами: научными фондами, научными организациями и институтами, финансирующими организациями, учеными и экспертами.

Эмпирическую базу исследования составили публикации, инициированные в ходе PR-кампании по продвижению исследования ученого, размещенные в печатных и цифровых версиях общественно-деловых СМИ (ньюсмейкинг, комментарии к заметкам, авторские колонки, экспертные интервью) и обработанные при помощи специализированного сервиса мониторинга СМИ «Медиалогия» (https://www.mlg.ru/).

Сравнительный количественный и качественный контент-анализ публикуемого контента позволил проследить динамику медиаактивности ученого до и после реализации PR-кампании по продвижению субъекта по ключевым словам: названию института и фамилии ученого для оценки количества упоминаний в опубликованных медиатекстах.

Медийная активность ученого ученого в цифровой медиасреде определялась по следующим показателям:

− количество упоминаний номинаций субъекта (названия института и фамилии ученого) даёт возможность выявить наиболее популярных субъектов медиаматериалов;

− количество запросов по номинации субъекта (названия института и фамилии ученого) в поисковых системах Интернета показывает корреляцию публикационной активности ученого в деловых СМИ с повышением интереса к исследованиям конкретного ученого, организации, в которой ученый работает и его научной школе;

− количество загрузок полного текста научной статьи ученого из открытых источников позволяет проследить корреляцию медиаактивности ученого в СМИ с просмотрами и загрузками конкретной научной статьи, а также проследить источники повышения трафика;

− значимость инфоповода. Показатель дает возможность оценить качество публикаций в общей структуре медиаполя, выявить наиболее резонансные и социально значимые экологические темы повестки дня.

− классификация отобранных текстов по жанрам позволяет определить наиболее востребованную форму подачи информации в медиасреде (аналитика, новости, интервью)

− распределение отобранных текстов по рубрикам позволяет определить те разделы медиа, в которых экспертное мнение ученого наиболее востребовано.

− частотность номинаций субъекта в отобранных текстах позволяет. Количество наиболее часто употребляемых слов в материалах может стать основой для построения речевых стратегий ученого.

Для анализа медиаактивности были выбраны наиболее индексируемые в поисковых системах деловые СМИ по версии «Медиалогии»: https://www.mlg.ru/ratings/:

Газеты: Известия (топ-1) КоммерсантЪ (топ-5), Независимая газета (топ-5), Комсомольская правда (топ-5), Московский комсомолец (топ-5).

Журналы: Forbes (топ-1 журналов), Nplus1.ru (топ-1, научные издания).

Медиапродвижение (за 2020 год) включило более 30 заметок, экспертных комментариев, видеосюжетов и интервью в СМИ, наиболее значимые из них:

Таблица 1

Количество упоминаний субъекта PR за 2020 год

	Кол-во сообщений	**МедиаИндекс**	**Доля нейтральных**	**Доля сообщений в главной роли**	**Доля сообщений с цитатами**	**Оригинальные сообщения**	**Доля перепечаток**	**Охват (из открытых источников)**
Всего	633	7404,2	100 %	25 %	63 %	238	62 %	224,9 млн.

Таблица 2

Наиболее заметные информационные поводы

Событие	Количество сообщений	Охват (из открытых источников)	Заметность события	МедиаИндекс
Переработка подходов	29	2,9 млн	12,43	284
Российские ученые заявили о риске распространения коронавируса птицами	52	17,8 млн	12,17	735
Арктический шлейф	22	2,7 млн	11,95	230,1
Багровые реки	24	16,9 млн	10,74	271
Потанин: «Ликвидация разлива топлива обойдется в миллиарды рублей»	16	1,1 млн	8,08	189
Экосбору подбирают упаковку	8	1,3 млн	7,9	193
Операция «Чистые трубы»	6	2,1 млн	7,08	187
Северный Полярный вдруг	15	1,6 млн	6,92	169
Крупнейшая за 30 лет утечка топлива в Арктике	3	0,2 млн	6,92	180
Комплексная экологическая деформация	7	1,6 млн	6,4	205
В ВШЭ предупредили правительство об ошибках в схеме обращения с мусором	19	5,2 млн	5,86	422
Кому «странная» зима, а кому и мать родна	4	2,4 млн	5,81	140
У «Гринписа» все выгорело	2	1,7 млн	5,44	115
Ученые объяснили, почему коронавирус опаснее для северных народов	14	2,0 млн	5,36	334

Также вышли материалы по продвижению проекта были опубликованы в мировых ТОП-медиа: Financial Times (Norilsk Nickel fined record $2.1bn over Siberia fuel spill, Siberia fuel spill threatens Moscow's Arctic ambitions), а также в газетах The Guardian (Arctic methane deposits 'starting to release', scientists say), и Deutsche Welle (Свалку «Ядрово» закрыли. Московского мусора больше нет?).

Самыми упоминаемыми объектами в медиа по проблематике экспертизы научного института являются Госрегуляторы и Коронавирусная инфекция, а наиболее востребованным жанром для подачи информации является аналитика и новостные заметки. Так наибольший резонанс вызвал аналитический доклад «Анализ влияния пандемии новой коронавирусной инфекции на загрязнение атмосферного воздуха и снижение выбросов загрязняющих веществ» [Моргунов, Тельнова, Щиголев, 2020].

Упоминания по рубрикам показывает, что экспертное мнение ученого наиболее востребовано не в разделе науки, а в разделе власть, как аналитика законодательных инициатив и решений.

Технологии медиаактивности, разработанные и реализованные научными коммуникаторами, показали следующие результаты (Аналитическая справка «Медиактивность НИУ ВШЭ в 2020 году. Анализ упоминаемости НИУ ВШЭ в СМИ в 2020 году был проведен с помощью информационно-аналитической системы «Медиалогия». Период исследования: 01.01.2020 – 26.12.2020. Выборка: российские СМИ, зарубежные СМИ (на русском языке):

− 34 место в ТОП-50 информационных поводов, по которым зафиксировано наибольшее количество публикаций в СМИ с упоминанием НИУ ВШЭ в 2020 году.

− 13 место в Топ-30 научных и экспертных подразделений НИУ ВШЭ, наиболее часто упоминавшихся в СМИ в 2020 году

− Топ-20 самых цитируемых экспертов за 2020 год.

На представленном выше рисунке графики медиаактивности и поисковых запросов полностью совпадают, что демонстрирует всплеск интереса к исследованиям ученого и его личности. Активность в социальных сетях также демонстрировала всплеск интереса широкого читателя как реакции на острую критику строительства мусоросжигательных заводов (70,82 % всех сообщений). Среди социальных сетей наибольшая активность зафиксирована в «Вконтакте» – 53,7 % всех сообщений.

Социологический портрет вовлечённой аудитории: высшее образование 59,83%, возрастная группа 25–39 лет (31,50 %) и 40–60 лет (34,56 %). Весьма важно сказать, что 41,48 % вовлеченной аудитории имеют менее 100 подписчиков, а также наполненность аккаунтов менее 30 %. Это косвенно может свидетельствовать о том, что соответствующие аккаунты являются веерными ботами, и косвенно указывает на коммерческий посев информации. Важно отметить, что именно этот сегмент аудитории оставил 71,9 % негативных постов и комментариев. Данное явление уже можно обозначить как устойчивую технологию [Гавра, Быкова 2021, с. 3].

Медииактивность дала отклик в двух телеграм-каналах, входящих в ТОП-20 (по собственной версии tgram.ru): «Незыгарь» (277 тыс. подписчиков) 04 и 08 июля и «Кремлевский безБашенник» (53 тыс. подписчиков) 10 и 18 июля, а также 3 декабря, отрицательный и положительный отклик соответственно являлись редакционным комментарием на вышедшие заметки в СМИ.

Медиаактивность повысила количество просмотров научных трудов ученого, как показали альтметрики по данным researchgate.net.

Всплеск прочтений повторяет активности в медиа, в то время как научный интерес демонстрирует устойчивый рост. Важно отметить, что «научный интерес» это агрерированный показатель, учитывающий: Citations, Publication recommendations, Reads by RG members, Full-text reads, Other reads.

Цитирования ученого в 2020 г. увеличилось в 9 раз. Особенно показательным является всплеск научного интереса к статье, опубликованной в 2018 году, медиактивность в отношении темы исследования началась в 2020 (20 прочтений в 2018 и 132 прочтения в 2020) [Moiseenko, Morgunov, Gashkina, Megorskiy, Pesiakova, 2018]. При этом, научная статья, выпущенная в идентичном журнале, но не получившая поддержки в медиа, не демонстрирует подобных всплесков [Chashchin, Kovshov, Thomassen, Sorokina, Gorbanev, Morgunov, Gudkov, Chashchin, Sturlis, Trofimova, Odland, Nieboer, 2019].

Можно утверждать на основании проведенного исследования, что существует прямая связь между медиаактивностью и эффективностью продвижения исследований ученого. Прагматический подход, который позволяет вовлечь научного коммуникатора в продвижение на стадии старта исследования имеет больший эффект, чем публикация результатов постфактум, что выражается в GR-эффекте и привлечении финансирования. Результаты активностей (научных, PR и GR) 2020-го года: проект института «Биобезопасность в Арктике» был поддержан заместителем председателя Совета Безопасности РФ Д.Медведевым, Минвостокразвития России, МИД России и утвержден в качестве официального проекта межправительственного Арктического совета; доклад «Актуальные вопросы распространения новой коронавирусной инфекции в Арктике: опыт стран и основные проблемы для здоровья населения и социально-экономические последствия» был представлен в Арктический совет, особо отмечен послом по особым поручениям МИД России Н.Корчуновым, получена благодарность Минвостокразвития России, согласно решению Совета Безопасности РФ при поддержке Минвостокразвития России и МИД России на базе института образованы две экспертные группы Арктического совета: (1) по здоровью человека и (2) по социальным, экономическим и культурным вопросам; специалистами инстута были исследованы возможности пересмотра исходных линий, определяющих границы России в арктических морях, в пользу увеличения территории страны. Полученные данные были впервые опубликованы в международном научном журнале Water (Q1) [Morgunov, Zhuravleva, Melnikov, 2021, p. 1082]. Исследованию была полностью посвящена статья в Российской газете, а через три дня после публикации Министр иностранных дел РФ С.Лавров отметил, что эта тема (исходных линий) будет затронута на министерском заседании Арктического совета в Рейкьявике; были подготовлены, представлены в Федеральное Собрание РФ доклады по актуальным темам, в их числе: (1) «О целесообразности развития мусоросжигания в России»; (2) «О необходимости реформирования системы обращения и учета токсичных отходов III класса опасности»; (3) «О мерах по повышению биологической безопасности населения страны». По результатам рассмотрения получены благодарственные письма; подготовлен и представлен Заместителю Председателя Правительства РФ В.Абрамченко аналитический доклад о системных рисках и ограничениях при формировании устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами с предложениями первоо чередных мер; Депутатом Государственной Думы РФ, послом доброй воли программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП)

В.А.Фетисовым было направлено письмо Министру иностранных дел РФ С.Лаврову с предложением обратиться в ЮНЕП по вопросу о создании центра компетенций России и ЮНЕП на базе ВШЭ. Данное предложение поддержано Минприроды России и в настоящее время рассматривается; институт стал ответственным за выполнение двух масштабных проектов, реализуемых в рамках Центра мирового уровня, образованного решением Правительства РФ на базе НИУ ВШЭ; в рамках государственного задания выполнено исследование на тему: «Разработка эффективных мер по снижению рисков нарушений репродуктивного здоровья населения, связанных с воздействием на организм вредных экологических и производственных факторов…».

Институт экологии вошел в экспертный совет экологического рейтинга Forbes.

Выводы

Чтобы выбрать проекты для финансирования, руководителям, как подающим, так и принимающим заявки на гранты, необходимы данные о трендах научных направлений. В аналогичной информации нуждаются и научные организации для определения вектора научной деятельности.

Публикации материалов о научных достижениях в СМИ способствуют увеличению репутационного капитала научных школ и базовых университетов.

В статье доказана корреляция между представленностью ученого во внешней среде СМИ с авторитетностью ученого во внутренней академической среде (количество и объем цитирований в рейтинговых журналах), общим объемом финансирования проектов на основе данных из открытых источников.

График всплеска прочтений научных трудов ученого полностью повторяет активности в медиа, в то время как научный интерес демонстрирует устойчивый рост по количеству цитирований публикаций ученого, рекомендации пользователей научных сообществ в социальных сетях, загрузок полных текстов работ из электронных научных библиотек.

Так, за время реализации PR-стратегии по продвижению ученого научный интерес к его работам возрос боле чем на 30 % (с 34 до 44 усл.ед), цитирование работ возросло в 9 раз.

Получено подтверждение, что существует устойчивая рекурсивная связь между медиаактивностью и прочтением научных статей ученого.

Выявлено, что для наиболее органичной адаптации научного материала для широкой общественности необходимо встраиваться в новостную повестку и принимать активное участие в экспертной оценке государственных законопроектов и инициатив.

Письма, адресованные госрегуляторам, предложения научного института были включены в соответствующие стратегические государственные документы, фундаментальные и прикладные исследования и научные проекты получили государственную поддержку и финансирование.

Таким образом включение экспертного комментария ученого в актуальную медийную повестку дня и появление полной номинации ученого в лидах деловых СМИ имеют безусловный эффект в цифровой среде.

Библиографический список

Аристотель. Поэтика. Риторика. Санкт-Петербург : Азбука, 2000.

Быкова Е. В. Индекс Хирша как инструмент геймификации научной сферы // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: материалы международной научной конференции / Н. И. Алмазова, Э. Бернер, В. Е. Чернявская. Санкт-Петербург : Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

Быкова Е. В. Коммуникативный статус. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. Москва : Флинта, 2018. С. 325.

Гавра Д. П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4(16) С. 29–43.

Гавра Д. П., Быкова Е. В. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 2. С. 3–25.

Екшикеев Т. К. Стейкхолдеры рынка образовательных услуг // Сибирский торгово-экономический журнал, 2009. № 9. С. 106–109.

Моргунов Б. А., Тельнова И. Н., Щиголев Б. А. Анализ влияния пандемии новой коронавирусной инфекции на загрязнение атмосферного воздуха и снижение выбросов загрязняющих веществ : аналит. докл. / отв. ред. А. Б. Жулин. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 78 с.

Рубанова И. М. Инновационные подходы к формированию маркетинговых коммуникаций в современном вузе // Проблемы современной экономики. Санкт-Петербург, 2011. Вып. 4. С. 1–16.

Саввинов В. М., Стрекаловский В. Н. Учет интересов стейкхолдеров в управлении развитием образования // Вестник международных организаций. 2013. № 1. С. 87–99.

Ухова Л. В. Маркетинговый дискурс: «продвигающий» текст в цифровой медиасреде / Человек и его дискурс-6: дигитализация коммуникативных практик. Москва-Волгоград, 2020. С. 117–127.

Chashchin V., Kovshov A, Thomassen Y., Sorokina T., Gorbanev S., Morgunov B., Gudkov A., Chashchin M., Sturlis N.,Trofimova A., Odland J., Nieboer E. 2019. Health Risk Modifiers of Exposure to Persistent Pollutants among Indigenous Peoples of Chukotka. International Journal of Environmental Research and Public Health. 17.

Craig I. D. Do open access articles have greater citation impact? A critical review of the literature // Journal of Informetrics. 2007. V. 1. №. 3.

Davis P. M. Open access, readership, citations: a randomized controlled trial of scientific journal publishing // The FASEB Journal. 2011. V. 25. №. 7.

Hjarvard S. Three forms of mediatized religion. Changing the public face of religion. In M. L ö vheim, S. Hjarvard (eds.) Medialization and religion: Nordic perspectives. Göteborg: Nordicom. 2012. Pp. 21-43.

Lasswell G. D. The structure and function of communication in society. Bryson, 1948.

Moiseenko T., Morgunov B., Gashkina N., Megorskiy V., Pesiakova A. 2018. Ecosystem and human health assessment in relation to aquatic environment pollution by heavy metals: case study of northwest of the Russian arctic, Kola peninsula. Environmental Research Letters. 13.

Morgunov B., Zhuravleva I., Melnikov B. 2021. The Prospects of Evolution of the Baseline Systems in the Arctic. Water. 13. 1082.

Telnova I. N., Bykova E. V. The Scientist's Activity in Business Media. the Effect of Publicity, ComSDS 2019.

Telnova I. N., Bykova E. V. Development of the Open Science principles and using alternative metrics in digital scientific communication in Russia, ComSDS 2018.

Telnova I., Bykova E. How a Scientific Communicator Transforms into a Producer of Scientific Projects, ComSDS 2020.

Reference list

Aristotel'. Pojetika. Ritorika = Aristotle. Poetics. Rhetoric. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000.

Bykova E. V. Indeks Hirsha kak instrument gejmifikacii nauchnoj sfery = The Hirsch Index as a tool for gamification of the scientific sphere // Nauka v obshhestvennom dialoge: cennosti, kommunikacii, organizacija: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / N. I. Almazova, Je. Berner, V. E. Chernjavskaja. Sankt-Peterburg : Izd-vo Politehn. un-ta, 2017.

Bykova E. V. Kommunikativnyj status. Medialingvistika v terminah i ponjatijah = Communicative status. Medialinguistics in terms and concepts : slovar'-spravochnik / pod red. L. R. Duskaevoj. Moskva : Flinta, 2018. S. 325.

Gavra D. P. Kategorija imidzha v sovremennoj kommunikativistike = The image category in modern communication studies // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2013. № 4(16) S. 29–43.

Gavra D. P., Bykova E. V. Mediatizirovannaja mobilizacija protesta v social'nyh setjah: algoritmy postroenija rechevyh strategij = Mediatized protest mobilization in social networks: algorithms for building speech strategies // Vestnik moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika. 2021. № 2. S. 3–25.

Ekshikeev T. K. Stejkholdery rynka obrazovatel'nyh uslug = Stakeholders of the educational services market // Sibirskij torgovo-jekonomicheskij zhurnal, 2009. № 9. S. 106–109.

Morgunov B. A., Tel'nova I. N., Shhigolev B. A. Analiz vlijanija pandemii novoj koronavirusnoj infekcii na zagrjaznenie atmosfernogo vozduha i snizhenie vybrosov zagrjaznjajushhih veshhestv = Analyzing the impact of a novel coronavirus pandemic on air pollution and pollutant emission reductions : analit. dokl. / otv. red. A. B. Zhulin. Moskva : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2020. 78 s.

Rubanova I. M. Innovacionnye podhody k formirovaniju marketingovyh kommunikacij v sovremennom vuze = Innovative approaches to the formation of marketing communications in a modern university // Problemy sovremennoj jekonomiki. Sankt-Peterburg, 2011. Vyp. 4. S. 1–16.

Savvinov V. M., Strekalovskij V. N. Uchet interesov stejkholderov v upravlenii razvitiem obrazovanija = Taking into account the interests of stakeholders in education development management // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2013. №1. S. 87–99.

Uhova L. V. Marketingovyj diskurs: «prodvigajushhij» tekst v cifrovoj mediasrede = Marketing discourse: «promotional» text in digital media environment/ Chelovek i ego diskurs-6: digitalizacija kommunikativnyh praktik. Moskva-Volgograd, 2020. S. 117–127.

Chashchin V., Kovshov A, Thomassen Y., Sorokina T., Gorbanev S., Morgunov B., Gudkov A., Chashchin M., Sturlis N.,Trofimova A., Odland J., Nieboer E. 2019. Health Risk Modifiers of Exposure to Persistent Pollutants among Indigenous Peoples of Chukotka. International Journal of Environmental Research and Public Health. 17.

Craig I. D. Do open access articles have greater citation impact? A critical review of the literature // Journal of Informetrics. 2007. V. 1. №. 3.

Davis P. M. Open access, readership, citations: a randomized controlled trial of scientific journal publishing // The FASEB Journal. 2011. V. 25. №. 7.

Hjarvard S. Three forms of mediatized religion. Changing the public face of religion. In M. L ö vheim, S. Hjarvard (eds.) Medialization and religion: Nordic perspectives. Göteborg: Nordicom. 2012. Pp. 21-43.

Lasswell G. D. The structure and function of sommunication in society. Bryson, 1948.

Moiseenko T., Morgunov B., Gashkina N., Megorskiy V., Pesiakova A. 2018. Ecosystem and human health assessment in relation to aquatic environment pollution by heavy metals: case study of northwest of the Russian arctic, Kola peninsula. Environmental Research Letters. 13.

Morgunov B., Zhuravleva I., Melnikov B. 2021. The Prospects of Evolution of the Baseline Systems in the Arctic. Water. 13. 1082.

Telnova I. N., Bykova E. V. The Scientist's Activity in Business Media. the Effect of Publicity, ComSDS 2019.

Telnova I. N., Bykova E. V. Development of the Open Science principles and using alternative metrics in digital scientific communication in Russia, ComSDS 2018.

Telnova I., Bykova E. How a Scientific Communicator Transforms into a Producer of Scientific Projects, ComSDS 2020.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 12.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-66-74

Сторителлинг как инструмент бренд-коммуникации

Ольга Леонидовна Цветкова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
astra-211@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4297-3567

Аннотация. Статья посвящена изучению теоретических основ сторителлинга как технологии продвижения бренда в коммуникационном аспекте современного медиапространства. С каждым годом потребители и, как следствие, компании, все быстрее теряют интерес к уже привычным формам рекламы со стандартными обещаниями бренда – корпоративного или личного. В условиях жесткой медиаконкуренции, когда ежесуточно производятся сотни и тысячи часов контента, а всего материала уже больше, чем человек может гипотетически потребить за свою жизнь, компании и бренды столкнулись с рядом социальных феноменов, ставших коммуникационным барьером между продавцом и потребителем. Сторителлинг доказал свою эффективность на множестве примеров, и многие маркетологи и специалисты по брендингу говорят о том, что именно за этой технологией стоит будущее. Причин этому много, но поделить их можно на две группы: психологические и непосредственно связанные с сутью брендинга как системы. Исключительный потенциал сторителлинга заключается в эффективности коммуникационного воздействия не только на целевую группу, но и на контактные аудитории в целом. Таким образом, в отличие от традиционного рекламного сообщения потребитель не просто поглощает рекламный посыл – он его может экзистенциально прочувствовать и пережить. Это формирует бренд-коммуникацию, основанную на вовлеченности, интересе и осознанности. Данная особенность сторителлинга выводит его за пределы прагматического дискурса маркетинговой коммуникации, утилитарной по своему смыслу и назначению, а также наделяет возможностями, сопоставимыми с формами подлинной художественной деятельности.

Ключевые слова: сторителлинг, история, бренд, коммуникация, эмоциональное воздействие
Для цитирования: Цветкова О. Л. Сторителлинг как инструмент бренд-коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 66-74. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-66-74

Original article

Storytelling as a tool of brand communication

Olga L. Tsvetkova
Candidate of philological sciences, associate professor, department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
astra-211@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4297-3567

Abstract. The article is devoted to studying theoretical foundations of storytelling as a brand promotion technology in the communication aspect of modern media space. Every year, consumers as well as companies are faster and faster losing interest in the familiar forms of advertising with the standard brand promises – corporate or personal. In a highly competitive media environment, with hundreds and thousands of hours of content produced daily and more material than a person could hypothetically consume in a lifetime, companies and brands have encountered a number of social phenomena that have become a communication barrier between the seller and the consumer. Storytelling has proven its effectiveness in many examples, and many marketers and branding experts say that this is the technology of the future. There are many reasons for this, but they can be divided into two groups: psychological and directly related to the essence of branding as a system. The exceptional potential of storytelling lies in the effectiveness of communication impact not only on the target group, but also on contact audiences as a whole. Thus, unlike the traditional advertising text, the consumer does not just absorb the advertising message, they can feel and experience it existentially. This builds brand communication based on involvement, interest and awareness. This feature of storytelling takes it beyond the

© Цветкова О. Л., 2021

pragmatic discourse of marketing communication, utilitarian in its meaning and purpose, and provides opportunities comparable to the forms of genuine artistic activity.

Key words: storytelling, history, brand, communication, emotional impact

For citation: Tsvetkova O. L. Storytelling as a tool of brand communication. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):66-74. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-66-74

Сторителлинг по своей сути является уникальным способом передачи информации метафорически через использование историй – реальных, выдуманных, мифологизированных. Благодаря сторителлингу бренд обретает плоть и кровь, персонифицируется, поскольку резонирует с опытом, воспоминаниями, эмоциями на уровне индивида, группы, общества. Истории концептуализируют бренды через живой и непосредственный диалог с аудиторией на основе самой сильной связи, доступной человеку – эмоциональной привязанности.

Сторителлинг можно классифицировать по разным основаниям: по силе убеждающего воздействия, по способу выражения, по степени мифологизации героя, но бесспорным остается главное. Именно рассказывание историй выигрывает в глобальной войне за внимание потребителя – бесценного ресурса в эпоху пандемии. Это обусловлено следующим. Во-первых, это высокий «частотный шум» и сопряженная с ним информационная усталость. В интернете за внимание пользователя борются не только коммерческие организации, но и бесконечное множество новостных каналов и сообществ. По некоторым данным за один вечер, проведенный за чтением новостей в ленте Instagram, Facebook или какого-либо сайта, среднестатистический человек просматривает около 200 постов (одни более внимательно, другие – читая «по диагонали»): как продающих, так и информационных и развлекательных. В 2017 году, согласно Rusbase, с точки зрения объемов трафика это было 34 гигабайта в сутки).

Потребить такие объемы информации от начала до конца осознанно не представляется возможным даже физически, и в среднем решение о прочтении мозг принимает за 0,3 секунды [Сундалов].

Отсюда возникает второй барьер – ограниченность внимания и фокуса. Современному потребителю не хватает выносливости, чтобы дочитать текст, не обладающий динамикой и не вызывающий сопереживания и сочувствия, до конца. То же самое касается и видеороликов.

И, наконец, третий социальный феномен, затрудняющий коммуникацию между создателем и потребителем контента – «вызов фрагментации и персонификации» [Паранько]. Современный пользователь выбирает, что он будет читать, исходя из того, что предлагает ему персонифицированная лента. Он имеет четкую цель и требования к тому, что ожидает увидеть, фрагментарно читает то, что привлекает его внимание и стремительно покидает ресурс. Все меньший процент пользователей стремится прочесть тот или иной материал от начала до конца [Кузовенкова].

Вышесказанное актуализирует проблему удержания проблемы потребителей. При помощи чего брендам удается справиться с ней? Nike, Coca-Cola, Airbnb, Amazon и еще множество других успешных компаний отвечают: качественный сторителлинг. В чем состоят причины того, что это действительно работает?

Сторителлинг: трансформация понятия

Сторителлинг происходит от английского – рассказывание историй. Само по себе одно из древнейших искусств, оно берет начало еще во времена первобытности, когда, чтобы передать знания потомкам, древние люди делали изображения на стенах пещер. Большинство из них – сюжетные, иллюстрирующие динамику, те или иные события и, как следствие, рассказывающие историю.

Следующей «контрольной точкой» развития сторителлинга можно определить времена Древней Греции и Древнего Рима с их мифами и легендами.

С наступлением Новой эры сторителлинг впервые начинает формировать некоторые поведенческие паттерны, иногда призывать к действию. Это, например, Библия – священное писание, сформировавшее законы морали, по которым миллионы людей живут почти две тысячи лет. После, в XVII веке во Франции «придумывают» сказки (по крайней мере в том виде, в котором мы к ним привыкли), а одна из важнейших функций этого жанра – обучающая: то есть каждая сказка формулирует то или иное правило, которому нужно следовать. Например,

русская народная сказка «Два мороза» учит: «кто много и усердно работает, того ничем не проймешь – работай много и усердно!»; французская «Красавица и чудовище» говорит: «за мордой чудовища может скрываться сердце и душа прекрасного принца – ищи красоту внутри!» и т. д.

Далее сторителлинг (пока еще некоммерческий) развивался весьма стремительно: в XVIII веке начали появляться первые газеты и журналы, в XIX века появился фотография, которую принято считать одним из основных видов визуального сторителлинга, затем кино, телевидение и музыкальные клипы, а вслед за ними компьютер и первые компьютерные игры.

Джордан Питерсон, американский психолог, формулирует суть сторителлинга применительно к индивидуальному человеческому бытию следующим образом: «через призму историй мы решаем проблему противоречия смыслов. Эти истории – наши карты опыта и возможностей, которые можно перекраивать, ведь на их вопросы влияют запросы нашего естества» [Питерсон, 2020, с. 80].

Процесс создания, осмысления и усвоения историй «вшит» в человеческую природу, поскольку именно истории коренным образом влияют на формирование значимой картины мир, обусловленной ценностной ориентацией каждого из нас. – «Чтобы вещь считалась действительно ценной, она должна получить эмоциональную значимость. Так работают высшие словесно-познавательные системы человека, управляющие его эмоциями. Именно по этой причине мы можем играть и стремимся одержать чисто символическую победу. По этой же причине искусство и литература (и даже спортивное соревнование) оказывают на нас столь глубокое воздействие» [Oatley, 1994, p. 53–74].

«История – это карта смысла, стратегия управления эмоциями и результатами поведения. Она описывает, как действовать в определенных обстоятельства, чтобы они обязательно сохранили побудительную значимость» [Питерсон, 2020, 1994, с. 128].

На начальных этапах история порождается способностью к образному восприятию и распознаванию ориентиров. Это неразрывно связано с повествовательным познанием и сопровождающими его процессами: способностью расшифровывать невербальные и мелодические аспекты речи, сопереживать а также понимать метафоры, образы и аналогии [Vitz, 1990, p. 709–720].

Современный сторителлинг: трансформация в цифровое пространство

Современными сказками стали блоги в социальных сетях, а маркетологи и бренд-менеджеры нашли им применение. Однако история коммерческого сторителлинга начинается за несколько лет до появления Facebook, Instagram или LiveJournal.

В 1992 году Дэвид Армстронг, теперь известный как «генеральный директор, рассказывающий истории» или «генеральный директор сторителлинга», в поисках новых способов мотивации сотрудников Armstrong International впервые использовал сторителлинг в качестве инструмента мотивационного маркетинга и, как следствие, формирования имиджа бренда внутри компании.

«Дэвид был уверен, что именно сторителлинг и истории в принципе могут формировать среду, в которой человек становится более восприимчивым и открытым ко всему новому. В его историях сложные вещи рассказывались простым языком, они были понятны каждому» [David Armstrong].

Дэвид Армстронг первым понял, что влияние на массы можно оказывать лишь апеллируя чувствами, обращаясь к пафосу. Истории иллюстрируют и придают достоверность, создают впечатление устойчивости и вдохновляют на действия. Это становится возможным потому, что нарратив вообще обладает несомненным потенциалом манипулирования [Луканина, 2011].

Ключевой инсайт, характеризующий сторителлинг как маркетинговый и брендинговый инстурмент – «Людям не нужна новая информация. Им нужна вера – вера в вас и себя, в ваши и их собственные цели, в ваш и их собственный успех». Эта цитата принадлежит Аннет Симмонс – сторителлерке и специалистке по коммуникациям [Кузовенкова].

Из этого можно сделать следующий вывод: главный «рычаг» сторителлинга – чувства сопереживания и эмпатии. Они неотъемлемая часть этого брендингового инструмента. Любая хорошая история вызывает эмоции – приятные или нет, – не так важно. «Эмоциональный» контент находит больший отклик в социальных сетях – вирусные материалы всегда задевают за живое, поэтому их так быстро распространяют.

Человек по своей природе эмоционален, а потому в большинстве случаев, даже если ему будет казаться, что он действует, исходя из рациональных побуждений, двигать им все равно будут эмоции. Сторителлинг способен эти эмоции вызывать, а в обществе, уставшем от огромного количества информации и бесконечных цифр, это ключ к успеху.

Для бренда сторителлинг – это инструмент, с помощью которого выстраивается своеобразный эмоциональный «мост». Успешный бренд – это тот, которому доверяет аудитория. Сторителлинг, устанавливая связь с сердцем и эмоциями аудитории, помогает это доверие получить.

Кроме того, согласно результатам нейроисследований, человеческий мозг гораздо активнее и «живее» реагирует именно на истории, а не на сухие факты и цифры [Tooby, 2001]. Человек буквально запрограммирован на то, чтобы обращать внимание на историю (особенно если она хорошо и правильно рассказана), так как еще с детства в сознании формируется паттерн: «мама читает мне сказку, я чувствую себя безопасно, получаю удовольствие и засыпаю».

По данным тех же исследований человека в принципе привлекает сама идея чего-то не просто вымышленного, а отличающегося от обыденности, скуки. Дает возможность фантазирования, до-развития сюжета, включения себя любимого в сюжетную линию, то есть опять эмпатия и со-творчество (или, по крайней мере, рассказанного таким образом). Это обусловлено вполне распространенным среди людей желанием сбегать из реальности, окунаться в другие, чужие миры, изучать их. Завладев вниманием аудитории однажды, рассказчик может удерживать его еще долго.

Сторителлинг и бренд: диалектика взаимодействия

Важно отметить, что сторителлинг не является механизмом, оказывающим мгновенный эффект. Процесс выстраивания бренда сам по себе требует времени, но существуют более быстрые способы – например, участие в важной и широко освещаемой СМИ благотворительной акции. Специфика сторителлинга состоит в том, что недостаточно просто рассказать историю. Ключевой момент состоит в том, что необходимо, во-первых, сохранить посыл, идею истории на протяжении всей брендинговой стратегии, то есть создать «долгоиграющую» коммуникацию, имеющую точки своего эмоционального всплеска, затухания и развязки, т.е. имитировать структуру построения любого драматургического произведения. Во-вторых, история должна соответствовать философии бренда, модели его рыночного позиционирования, а также коррелировать с психографическим портретом целевой аудитории бренда.

История определяется системой ценностей «рассказчика» / бренда, а значит, его действия не должна выходить за рамки этой системы. В противном случае к нему пропадает доверие, он теряет авторитет и бренд рушится. Итак, «посыл», квинтэссенция истории – это, по сути, персонификация мировоззрения «фундамент» бренда / рассказчика. Когда аудитория видит его в открытом доступе, а затем наблюдает за тем, как на его основе «истории» выстраивается сам бренд (за счет в первую очередь, его поведение и действия по отношению к своему потребителю), она начинает доверять бренду, включая механизм эмпатического переноса.

Также большую роль играет количество историй: чем больше их, тем больше они будут питать и формировать основной коммуникативный «посыл» бренда, и формировать транспарентный и ясный облик бренда: история должна постоянно как бы разворачиваться, открывая новые и новые грани рассказчика, с каждый разом все больше детализируя его портрет [Кузовенкова].

Важно также понимать, что сторителлинг – это не всегда история в привычном литературном понимании. Сторителлинг – это не обязательно классическая модель вербального текста, дополненного иллюстративными визуальными компонентами. Историю можно рассказать посредством очень многих различных форм коммуникации: инфографика, видеоролик и даже мем. Довольно часто к этому приему прибегают в SMM, например, в таких компании, как Aviasales.

Также активно в коммуникационной стратегии современных компаний применяется UGC (User Generated Content) или пользовательский контент – важный элемент сторителлинга. Он выступает в качестве механизма бренд-билдинга. Провоцируя аудиторию своими историями на создание пользовательского контента, рассказчик не только вызывает ее на диалог и активно с ней взаимодействует, но и тем самым может показать, какое влияние на нее имеет (что, в свою

очередь, положительно сказывается на его имидже). Так, например, GoPro – один из наиболее приверженных сторителлингу брендов, в своих социальных сетях использует только UGC. Как это работает: обычные пользователи делятся снимками и видео, сделанными на action-камеру GoPro в своих профилях Instagram, Vimeo, YouTube и т. д., отмечая компанию; SMM-менеджеры GoPro каждый день отбирают лучшие и выкладывают их в аккаунт бренда с цепляющими подписями. История как таковая не прописана, но она читается в изображении/видео – это всегда запечатленные на камеру путешествия, – перенося зрителя в мир по ту сторону объектива, позволяя ему прикоснуться к этому миру и ощутить себя его частью.

Все это происходит под девизом бренда: If your heart starts beating faster than a hummingbird's wings when you hear about adventure, you belong here – in the GoPro community [Eskandari]. То есть, по сути, бренд GoPro – не про камеры, а про впечатления, путешествия, стиль жизни. И чем больше такого контента появляется в аккаунте GoPro, тем большее количество людей хотят стать частью этого сообщества, следовательно, – купить камеру, поделиться снимком и создать еще больше контента для бренда.

Сторителлинг доказал свою эффективность на множестве примеров, и многие маркетологи и специалисты по брендингу говорят о том, что именно за этой технологией стоит будущее. Причин этому много, но поделить их можно на две группы: психологические и непосредственно связанные с сутью брендинга как системы. Начнем анализ с первой группы.

Художественно-игровой потенциал сторителлинга

Ранее говорилось о том, что по природе своей человек склонен стремиться в воображаемые миры – ему там интереснее, – и не важно, как он в этот мир попадает: через текст, фото, видео, картину, скульптуру, мем или комикс. Взаимодействие с любой из форм проявления сторителлинга – это не только маркетинговая, но и эмоциональная, к тому же эстетически окрашенная деятельность. Качественно сделанный сторителлинг (в первую очередь, его визуальный формат, например, в v-блогах о путешествиях, активно представленный в Instagram) в своих лучших образцах сопоставим с высокопрофессиональной художественной фотосъемкой или журналистским репортажем. И сама по себе она не является маргинальным или элитарным явлением, не имеющим значения в обычной жизни – мы сталкиваемся с этим каждый день. Люди всех культур проводят значительное количество времени, рассказывая, читая и слушая вымышленные истории, участвуя в различных формах «перфоманса» (театр, кинематограф, ролики в Тикток и т. д.), думая о воображаемых мирах, созерцая воображаемые творения других и создавая свои собственные, предназначенные для передачи вымышленного опыта другим. Желание быть причастным к вымышленным, воображаемым мирам – межкультурное, универсальное и типичное для человека явление.

Кроме того, в основе сторителлинга лежит творческий диалог: в скучных маркетинговых терминах диалог бренда и потребителя, в терминах же психологии коммуникации – творца, как инициатора коммуникативного акта, и слушателя, сопричастного к теме транслируемого сообщения и способного не только к адаптации/ретрансляции полученного контента, но и к его творческому развитию и переосмыслению. Таким образом, в отличие от традиционного рекламного сообщения потребитель не просто поглощает рекламный посыл, он его может экзистенциально прочувствовать и пережить. Данная особенность сторителлинга выводит его за пределы исключительно рекламно-маркетинговой коммуникации, утилитарной по своему назначению, и наделяет возможностями, сопоставимыми с формами художественной деятельности.

Любое творчество является полезным занятием без очевидной утилитарной выгоды. И по мере роста доходов люди все больше и больше времени добровольно проводят в этих вымышленные миры. В реалиях пост- и индустриального общества каждый вечер после работы основной формой отдыха является погружение в транслируемый или проецируемый мир выдуманных жизней и событий – реалити-шоу, фильмы и сериалы, книги, просмотр блогов в интернете и т. д. До появления современных технологий это осуществлялось через романы и рассказы, с жадностью потребляемые значительной частью грамотного населения. Еще в 1841 году шесть тысяч жителей Нью-Йорка выстраивались в доках, нетерпеливо ожидая прибытия последней партии «Лавки древностей» Диккенса, глубоко обеспокоенные судьбой Маленькой Нелл – вымышленной девочки-героини романа.

Спрос на высококачественную художественную литературу может сделать ее производство

просто-напросто инструментом самовыражения и заработка для многих ее создателей, но потребительский спрос по-прежнему определяется внутренним вознаграждением, которое люди получают от нее. Противоречие между искусством ради искусства и его использованием в дидактических, пропагандистских или иных целях – первичный конфликт, разворачивающийся в дискурсивном пространстве идеологии. С одной стороны, есть смысл в идее о том, что искусство часто преследуют как самоцель, то есть – вознаграждение, эстетическое удовольствие. В самом деле, слова «веселый», «красивый», «забавный», «развлекающий», «развлекательный», «увлекательный» и т. д. – имеют исключительно положительную окраску и ассоциируются с положительным состояниями ума, вызываемым вовлечением в определенные неинструментальные, не приносящие практической пользы действия. Эти «полезные» состояния ума кажутся нам настолько естественными – и настолько очевидно, что достигаются они посредством самих произведений искусства, – что их существование, кажется, не требует другого объяснения. Но эти переживания были бы невозможны, если бы разум не содержал продуманных систем вознаграждения, которые производили бы их в ответ на одни стимулы, а не на другие. Таким образом, идея о том, что люди слушают рассказы, потому что они находят их интересными, является первым, а не последним шагом в цепочке объяснения.

Включение сторителлинга в сферу художественно ориентированных форм коммуникации базируется на сходстве механизмов их информационного воздействия: приоритете эмоционального, а не рационального воздействия. К тому же, хотя кажется, что вымысел обрабатывается как суррогатный опыт, некоторые психологические приемы сторителлинга надежно реагируют на него, как если бы он был реальным, а другие – нет. В частности, вымышленные миры задействуют эмоциональные системы восприятия, в первую очередь, уже отмеченный ранее механизм эмоционального заражения, а в лучших формах сторителлинга даже и механизм эмпатии, отключая системы действий (точно так же, как это делают сны).

Увлекательная серия вымышленных событий способна спровоцировать в умственном механизме богатый спектр эмоциональных реакций – тех же реакций, которые были бы уместны для тех же событий и людей, если бы они были реальными. Мы заботимся о вовлеченных людях, мы отождествляем свое благополучие с одним или несколькими персонажами, мы можем бояться, испытывать отвращение или потрясаться, как если бы мы сами были участниками этих событий. Мы чувствуем себя эмоционально преисполнившимися, при этом не совершая никаких действий, теряя осознание наших тел и нерелевантных чувств и действий пропорционально тому, насколько поглощает вымысел. Настоящий лев, который бросится на нас, вызовет ужас и бегство – программа эмоций и поведение взаимосвязаны. Но в то же время кинематографическая версия льва может вызывать ужас, но из кинотеатра мы убегать не будем. То есть, по сути, вымышленные истории обогащают базу опыта, не требуя каких-либо действий. И это привлекает человека точно так же, как условная идея на сутки стать невидимым и делать все, что ему вздумается, оставшись незамеченным и безнаказанным [Космидес, Л. и Туби, Дж. (1992)].

И наконец, такие «погружения» доступны всем, а с развитием технологий доступ к «высококачественным» вымышленным мирам становится проще – VR- и AR-камеры, компьютерные игры и т. д.

Из всего это можно сделать вывод: с точки зрения психологии человека сторителлинг – универсальный инструмент, доступный и понятный любой аудитории и, кроме того, эффективно ее вовлекающий.

Сторителлинг как инструмент маркетинговых коммуникаций

Что касается маркетингового и брендингового потенциала сторителлинга, Селинн Да Коста, специалистка по брендингу и авторка Forbes Women, называет сторителлинг технологией будущего и дает этому три объяснения [Da Coste].

Во-первых, история делает бренд запоминающимся (в формулировке Да Коста – незабываемым). Сейчас недостаточно иметь качественный продукт или услугу. Нужно знать, как говорить о них так, чтобы выделяться из толпы. Вот, почему так важно рассказывать истории бренда.

История сделает бренд более осознанным, запоминающимся и реальным, чего не могут обеспечить сухие факты или статистика. Она увлекает аудиторию, упрощает процесс коммуникации и передачи информации и вызывает больший эмоциональный отклик. Кроме того, повествование, по умолчанию содержащее в себе ценности бренда, само становится уникальным и незабы-

ваемым, такой контент нельзя будет скопировать или «украсть».

И, конечно, только сторителлинг способен установить глубокую эмоциональную связь с аудиторией – Да Коста также упоминает этот фактор в своей публикации.

Во-вторых, сторителлинг дает бренду возможность построить целое сообщество (в формулировке Да Коста – «племя») [Da Coste].

Хороший сторителлинг подразумевает четкое понимание того, что аудитория ожидает услышать от бренда, какое сообщение получить. Возьмем, к примеру, Apple. Они продают технологии, но с самого начала их аудитория должна была почувствовать, что это нормально (и даже поощряется) быть храбрым, смелым и мыслить иначе. И каждая их кампания, коммуникативная стратегия – все построено на этом ключевом принципе, сформулированном самим брендом.

Чтобы быть успешным, бренду необходимо быть чем-то большим, чем продукт или услуга. Сторителлинг – идеальный инструмент для такого «расширения». Какие эмоции, ценности и идеи бренд может предложить своей аудитории? Какие ценности транслирует? Что аудитория должна чувствовать, взаимодействуя с контентом бренда? Что для нее должен значить сам бренд? Через такие вопросы бренд изучает потребности аудитории и на их основе выстраивает сторителлинг так, чтобы эти потребности закрыть. Как следствие, бренд получает доверяющую, увлеченную и вовлеченную аудиторию на долгое время.

И в-третьих, Да Коста подчеркивает, что грамотный маркетинг уже давно перестал быть конкурентным преимуществом, сейчас это есть у всех. Потребители все чаще требуют доказательств того, что помимо стремления получить прибыль бренд также стремиться к достижению благой, общественно важной цели.

Желание «изменить мир» больше не является клише, пока бренды действительно действуют в соответствии со своими ценностями, а потребители больше доверяют брендам, которые кажутся более человечными. Неслучайно 10 самых отзывчивых компаний в рейтинге Global Empathy Index входят в число самых прибыльных и быстрорастущих компаний в мире.

Что делает бренд человечным, – предельно персонифицированнм? -Снова история. Желательно – трогательная или вдохновляющая. История бренда – это именно то, что нужно людям, чтобы они чувствовали себя связанными с ним, имели устойчивое положительное впечатление о том, что он из себя представляет, вовлекались в него и продолжали его поддерживать.

Что делает бренд и человека, стоящего за ним, человеком? Как он затрагивает жизнь одного конкретного человека и общества целиком? Как он меняет мир? Есть ли у него душа?

На переполненном, автоматизированном и клишированном рынке, выиграет тот бренд, имеющий душу, и умеющий ее показать.

Сюжет и структура сторителлинга

В коммерческом сторителлинге не так важен сам сюжет, как тот коммуникационный /маркетинговый / экономический эффект, которую он / история принесёт. Персонаж, находясь в конфликте, начинает совершать действия, которые направлены на разрешение этого конфликта, достижения определенных целей. Из этого движения и складывается повествование.

Структура истории включает в себя такие части, как [Макки, 2008]:

− Завязка – та часть истории, с помощью которой мы знакомимся с героем в целом, с его личностью, образом жизни. В этой же части мы узнаём главную причину рассказа истории.

− Конфликт – противостояние героя и неких обстоятельств, чаще внешних, но иногда и внутренних.

− Нарастающее действие – череда событий и трудностей, происходящих с героем.

− Кризис и кульминация – пик конфликта, с максимально нарастающим напряжением, во время которого герой сталкивается с обстоятельствами лицом к лицу. Кризис обычно предполагает принятие героем истории определённого решения, которое корне поменяет ход сюжета, таким образом, кризис является для главного действующего лица истории одновременно и опасностью, и возможностью для каких-то перемен к лучшему. Читатель понимает, что ответ на свой вопрос «Чем же всё это закончится?» он получит именно на этом этапе, в результате решения, принятого главным героем.

− Нисходящее действие – окончание пиковой ситуации.

− Развязка – конфликт разрешается или утихает. Герой либо добивается цели, либо учится жить в новых обстоятельствах, либо погибает.

− Создание осознанности.

Создание осознанности в историях – это процесс запуска эмоциональных реакций у слушателя. Это не обязательно позитивные эмоции – ра-

дость и удивление, но также и негативные – грусть, гнев, страх и отвращение.

− Виральность.

Хорошими историями хочется делиться. Очень часто люди делают популярными сервисы и медийных личностей, просто делясь друг с другом тем, что им интересно. Так же человек чаще воспользуется сервисом, о котором ему когда-то рассказывал знакомый, чем тем, который он видит впервые в жизни [Nessler].

Известный американский специалист по сторителлингу Джонатан Готтшалл называет людей животными, рассказывающими истории. По мысли Готтшалла, рассказывание историй – сторителлинг меняет всю культуру и историю человечества. История реальная и выдуманная формирует то, во что мы верим, как мы себя ведем, что считаем этичным [Готтшалл]. История – путь к человеческому в человеке. Великий обретения смысла и ценности человеческого бытия.

Библиографический список

Дуарте Н. «Resonate: Захвати свою аудиторию яркой историей». Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2012. 337 с.

Готтшалл Дж. Как сторителлинг сделал нас людьми. Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.272с.

Кариа А. Вдохновляй своей речью 23 правила сторителлинга от лучших спикеров Ted Talks. Москва : Эксмо, 2018. 264 с.

Кузовенкова А. Сторителлинг как новая медиатехнология URL: https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-novaya-mediatehnologiya-1 (дата обращения: 29.03.2021).

Луканина М. В. Трансформация пресс-релиза в глобальной сети интернет // Российская школа связей с общественностью. 2011. Вып. 3. С. 76–86.

Макки Р. Истрия на миллион долларов». Москва : Mercator Group, 2008. 456с.

Питерсон Дж. Карты смысла: архитектура верования: Санкт-Петербург : Питер, 2020. 768с.

Паранько С. Как новые медиа изменили журналистику. URL: http://newmedia2016.digital-books.ru (дата обращения: 29.03.2021).

Сторителлинг – метод донесения нужной информации // Дневник Успеха. URL: http://dnevnyk-uspeha.com/psihologiya/storitelling-metod-donesenija-nuzhnoj-informacii.html (дата обращения: 01.04.2021).

Сундалов М. Копирайтинг для рынка США: что нужно знать в первую очередь // Rusbase. URL: https://rb.ru/opinion/kopirajting-dlya-ssha/ (дата обращения: 29.03.2021)

8 classic storytelling techniques for engaging presentations // Официальный сайт агентства Sparkol. URL: https://www.sparkol.com/en/Blog/8-Classic-storytelling-techniques-for-engaging-presentations (дата обращения: 29.03.2021)

Armstrong, David the Storytelling CEO // Armstrong International Inc. URL: https://www.armstronginternational.com/culture/david-armstrong-storytelling-ceo (дата обращения: 03.04.2021).

Da Coste, C. 3 Reasons Why Brand Storytelling Is The Future Of Marketing // Forbes. URL: https://www.forbes.com/sites/celinnedacosta/2019/01/31/3-reasons-why-brand-storytelling-is-the-future-of-marketing/?sh=16fe9f3d55ff (дата обращения: 29.03.2021)

Eskandari, A. 6 lessons from GoPro's UGC strategy: How to create an engaging online community like GoPro? // CGX / Medium. URL: https://medium.com/the-new-digital-marketing/6-lessons-from-gopros-ugc-strategy-how-to-create-an-engaging-online-community-like-gopro-8a680e8d032b (дата обращения: 10 апреля 2021)

Fog, K., Budtz, C., Yakaboylu, B. and Blanchette, S. (2006), Storytelling: Branding in Practice. Luxembourg, Springer, 254 p.

Leborg, C. (2003), Visual grammar. New York : Princeton Architectural Press. 96 p.

Manovich, L. The Language of New Media. Cambridge, Mass., MIT Press. London, 335 p.

Nessler, D. 6 storytelling principles to improve your UX // UX Collective / Medium. URL: https://uxdesign.cc/6-storytelling-principles-to-improve-your-ux-737f0fc34261 (дата обращения: 29.03.2021)

Oatley K. A taxonomy of the emotions of literary response and a theory of identification in fictional narrative. Poetics, 1994. Pp. 53–74.

Tooby, J. Does Beauty Build Adapted Minds? Toward an Evolutionary Theory of Aesthetics, Fiction and the Arts// SubStance 30. 2001. Вып 1. С. 6–27.

Vitz P.C. The use of stories in moral development 1990: New psychological reasons for an old education method. American Psychologist,1990. Pp. 709–720.

Reference list

Duarte N. «Resonate: Zahvati svoju auditoriju jarkoj istoriej» = «Resonate: Capture your audience with a vivid story». Moskva : Mann, Ivanov i Ferber, 2012. 337 s.

Gottshall Dzh. Kak storitelling sdelal nas ljud'mi = How storytelling has made us human. Moskva : KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020.272s.

Karia A. Vdohnovljaj svoej rech'ju 23 pravila storitellinga ot luchshih spikerov Ted Talks = Inspire with your speech 23 rules of storytelling from top Ted Talks speakers. Moskva : Jeksmo, 2018. 264 s.

Kuzovenkova A. Storitelling kak novaja mediatehnologija = Storrytelling as a new mediatechnology. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-novaya-mediatehnologiya-1 (data obrashhenija: 29.03.2021).

Lukanina M. V. Transformacija press-reliza v global'noĭ seti internet = Press release transformation in the global Internet // Rossijskaja shkola svjazej s obshhestvennost'ju. 2011. Vyp. 3. S. 76–86.

Makki R. Istrija na million dollarov» = A million dollar story. Moskva : Mercator Group, 2008. 456s.

Piterson Dzh. Karty smysla: arhitektura verovanija = Mind maps: the architecture of belief. Sankt-Peterburg : Piter, 2020. 768s.

Paran'ko S. Kak novye media izmenili zhurnalistiku = How new media have changed journalism. URL: http://newmedia2016.digital-books.ru (data obrashhenija: 29.03.2021).

Storitelling – metod donesenija nuzhnoj informacii = Storytelling is a method of getting the right information across // Dnevnik Uspeha. URL: http://dnevnyk-uspeha.com/psihologiya/storitelling-metod-donesenija-nuzhnoj-informacii.html (data obrashhenija: 01.04.2021).

Sundalov M. Kopirajting dlja rynka SShA: chto nuzhno znat' v pervuju ochered' = Copywriting for the U.S. market: what you need to know first // Rusbase. URL: https://rb.ru/opinion/kopirajting-dlya-ssha/ (data obrashhenija: 29.03.2021)

8 classic storytelling techniques for engaging presentations // Oficial'nyj sajt agentstva Sparkol. URL: https://www.sparkol.com/en/Blog/8-Classic-storytelling-techniques-for-engaging-presentations (data obrashhenija: 29.03.2021)

Armstrong, David the Storytelling CEO // Armstrong International Inc. URL: https://www.armstronginternational.com/culture/david-armstrong-storytelling-ceo (data obrashhenija: 03.04.2021).

Da Coste, C. 3 Reasons Why Brand Storytelling Is The Future Of Marketing // Forbes. URL: https://www.forbes.com/sites/celinnedacosta/2019/01/31/3-reasons-why-brand-storytelling-is-the-future-of-marketing/?sh=16fe9f3d55ff (data obrashhenija: 29.03.2021)

Eskandari, A. 6 lessons from GoPro's UGC strategy: How to create an engaging online community like GoPro? // CGX / Medium. URL: https://medium.com/the-new-digital-marketing/6-lessons-from-gopros-ugc-strategy-how-to-create-an-engaging-online-community-like-gopro-8a680e8d032b (data obrashhenija: 10 aprelja 2021)

Fog, K., Budtz, C., Yakaboylu, B. and Blanchette, S. (2006), Storytelling: Branding in Practice. Luxembourg, Springer, 254 r.

Leborg, C. (2003), Visual grammar. New York : Princeton Architectural Press. 96 r.

Manovich, L. The Language of New Media. Cambridge, Mass., MIT Press. London, 335 r.

Nessler, D. 6 storytelling principles to improve your UX // UX Collective / Medium. URL: https://uxdesign.cc/6-storytelling-principles-to-improve-your-ux-737f0fc34261 (data obrashhenija: 29.03.2021)

Oatley K. A taxonomy of the emotions of literary response and a theory of identification in fictional narrative. Poetics, 1994. Pp. 53–74.

Tooby, J. Does Beauty Build Adapted Minds? Toward an Evolutionary Theory of Aesthetics, Fiction and the Arts// SubStance 30. 2001. Vyp 1. S. 6–27.

Vitz P.C. The use of stories in moral development 1990: New psychological reasons for an old education method. American Psychologist,1990. Pp. 709–720.

Статья поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 26.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Русский язык

Научная статья
УДК 81.42
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-75-85

Идиостилевые особенности использования антропонимов в повести Н. С. Дашевской «Вилли»

Екатерина Александровна Голосова
Аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ФГБОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
ekaterina.golosova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1128-0584

Аннотация. Статья посвящена исследованию антропонимов в повести Н. С. Дашевской «Вилли». Изучаются этимологические связи имен собственных и особенности использования автором их контекстуального конвоя для характеристики персонажей произведения. Задачей исследования является выявление интенций и предпочтений автора, связанных с особым отношением Н. С. Дашевской к своему герою. Важнейшим методологическим подходом при этом является использование модели структуры языковой личности Ю. Н. Караулова, а также частотный анализ. При анализе использованных автором повести антропонимов подчёркивается их многомерность, глубокие ассоциативные связи между отдельными именами собственными и функция их контекстуального конвоя, что позволяет рассмотреть работу автора с антропонимиконом повести на всех уровнях языка: от звука (использование аллитерации) до сверхтекста (связи с культурными фоновыми знаниями читателя, прагматикой других произведений автора). На основе рассмотрения специфики выбора и функций антропонимов, их соотнесения с важнейшим для понимания повести концептом «взросление», развития коннотаций у этих стилистически значимых единиц формулируется вывод об идейном наполнении повести и интенциях автора художественного произведения, мотивированных желанием поддержать юного читателя на сложном пути взросления. Акцентируя его внимание на необычности персонажа и его внутренней силе, автор стремится показать подростку, соотносящему себя с героем, те ресурсы, которые могут послужить поддержкой и залогом формирования доброжелательных отношений со сверстниками. Исследователь приходит к выводу об особых способах выражения идиостилевых особенностей произведений Н. С. Дашевской и их функционале в рассматриваемом произведении.

Ключевые слова: языковая личность, идиостиль, антропоним, язык литературы young adult, тексты Н. С. Дашевской

Для цитирования: Голосова Е. А. Идиостилевые особенности использования антропонимов в повести Н. С. Дашевской «Вилли» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 75-85. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-75-85

Russian language

Original article

Idiostyle features of using anthroponyms in N. S. Dashevskaya's «Willie»

Ekaterina A. Golosova
Postgraduate student, department of the modern russian language, Moscow region state university. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
ekaterina.golosova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1128-0584

Abstract. The article is devoted to studying anthroponyms in the story «Willie» by N. S. Dashevskaya. The author studies the etymological connections of proper names and the peculiarities of the writer's use of their contextual convoy to describe the characters of the work. The aim of the study is to identify the N. S. Dashevskaya's intentions and preferences related to the special attitude of the writer to her characters. The most important methodological approach in this case is the use of Y. N. Karaulov's model of linguistic personality structure, as well as frequency analysis. The

© Голосова Е. А., 2021

analysis of the anthroponyms used by the writer of the story emphasizes their multi-dimensional nature, the deep associative links between certain proper names and the function of their contextual convoy, which can be considered at all levels of the language: from sound (the use of alliteration) to supertext (connections with the reader's cultural background knowledge and with the pragmatics of other works of the writer). Considering the specifics of the choice and functions of anthroponyms, their correlation with the most important concept «growing up», the development of connotations in these stylistically significant units, the author draws a conclusion about the ideological content of the story and the writer's intentions, motivated by the desire to support the young reader on the difficult path to adulthood. By focusing on the unusual character and his inner strength, the writer seeks to show the teenager, relating himself to the hero, the resources that can serve as support and the key to forming friendly relationships with his peers. The researcher comes to the conclusion about the special ways of expressing idiostyle features in N. S. Dashevskaya's works and their functionality in the work concerned.

Key words: linguistic personality, idiostyle, individual style, anthroponym, language of the young adult literature, N. S. Dashevskaya's texts

For citation: Golosova E. A. Idiostyle features of using anthroponyms in N. S. Dashevskaya's «Willie». *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):75-85 (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-75-85

Введение

Внимание к индивидуальным стилям писателей является закономерным показателем смещения фокуса научной мысли в сторону антропоцентрической парадигмы в языкознании. Стремительное развитие в области подростковой литературы [Жутова, 2021, с. 60] и необходимость иметь представление об основных тенденциях литературного процесса обращает исследователя к изучению индивидуальных стилей представителей литературы young adult. Особенности идиостиля Н. С. Дашевской представляют большой интерес, так как её произведения обладают значительным воспитательным потенциалом, помогают формированию осознанности у подростка, знакомят его со многими реалиями мира искусства, прежде всего музыкального [Гутрина, 2015; Сироткина, 2021], поскольку Н. С. Дашевская – профессиональный музыкант.

Цель данной статьи – выявление мотивов и интенций автора как языковой личности при использовании антропонимов в повести «Вилли» [Дашевская, 2018а]. Онимы отобраны методом сплошной выборки, а для оценки их стилистической значимости использован метод количественного анализа. К элементам компонентного анализа обращаемся для сравнения частотных сем, предстающих как общие для большинства антропонимических единиц в данном материале.

Исследователи отмечают воспитательный потенциал произведений Н. С. Дашевской [Данилова, 2017, с. 37], их жанровое своеобразие [Бикбаева, 2018; Малыгина, 2018а; Малыгина, 2018б], введение писательницей в канву повествования особого героя – одарённого ребёнка [Кутейникова, 2019; Липина, 2020]. При этом изучение идиостилевых особенностей Н. С. Дашевской как языковой личности в настоящее время остаётся вне поля исследования лингвистов, что указывает на новизну и актуальность нашей работы.

Материал и методы

Согласно трактовке О. С. Ахмановой, индивидуальный стиль – это совокупность основных стилевых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определённый период его творчества или распространяющихся на всё его творчество в целом; своеобразие (специфика) приёмов словоупотребления, конструкций и т.п., характеризующее устную и/или письменную речь отдельного лица, независимо от его отношения к писательской деятельности [Ахманова, 2020, с. 455–456; *см. также*: Леденёва, 2001, 2015; Елистратов, 2018].

Ключевым в данном определении представляется указание, во-первых, на различие идиостилевых характеристик автора в разные периоды его творчества и, во-вторых, на широкий спектр элементов идиостиля (лексические, синтаксические, семантические единицы и т. д.). Такое понимание идиостиля приводит нас к необходимости использования при изучении творчества Н. С. Дашевской модели структуры языковой личности Ю. Н. Караулова [Караулов, 2003, с. 56]. Напомним, что, по мысли учёного, изучение вербально-семантического и тезаурусного уровней структуры языковой личности способствует пониманию её мотивационного уровня, то есть деятельностно-коммуникативных, этических и эстетических потребностей; в философском плане – тех отношений с действительностью, которые демонстрирует автор в своём сверхтексте.

Результаты и обсуждение

Исследование идиостиля Н. С. Дашевской должно быть многоаспектным и в отношении первых двух уровней структуры языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым, охватывать лексические, грамматические единицы текста, обращаться к языковой картине мира и интенциям автора. Выбор производителем речи вербально-семантических и тезаурусных средств не случаен, в значительной степени он опирается на языковые предпочтения писательницы, которые обусловлены идейно-эстетическими установками творчества.

Намерения автора и его предпочтения в выборе средств, как уже было сказано, опираются на его взаимоотношения с действительностью. Адресат Н. С. Дашевской – ребёнок, которого она воспитывает в любви к прекрасному. При этом, по мысли автора, прекрасным является вся жизнь в её многообразии, сама музыка жизни. Автор издающийся, очевидно, ожидает такого отклика от своего адресата, который не может быть только оценочным: он предполагает изменение мировоззрения юного читателя, воспитание личности, формирование духовно-нравственных и иных установок. Соответственно, мы можем говорить о прагматическом уровне текста, продуцируемого языковой личностью, рассматривая его в психологическом аспекте. На этом уровне исследователь обращается к изучению мотивации творца художественного произведения. Изучить мотивационную составляющую структуры языковой личности можно, проанализировав её деятельностно-коммуникативные потребности, которыми определяются избираемые сферы общения, коммуникативные ситуации и роли, способные меняться в зависимости от ситуации общения.

Мотивационный уровень является своеобразным фундаментом, определяющим выбор средств изображения в соответствии с целями автора, будь то создание произведения в сугубо эстетических целях (искусство ради искусства) или поучение, предполагающее коренные изменения мировоззрения и/или поведения читателя. Данный уровень признаётся исследователями доминирующим, а мотивы и цели, выявляемые на основе его анализа, – определяющими ценностную иерархию картины мира индивида [Туранский, 2009, с. 332].

В творчестве Н. С. Дашевской таким смыслообразующим элементом картины мира становится музыка, понимаемая автором как «не только индивидуальное искусство, но и средство общения» [Дашевская, 2016б]. Её читатель – ребёнок, подросток, который учится пониманию себя и общению, ищет сближения со сверстниками, взрослеет, преодолевая трудности самоопределения и встраивания в систему взаимоотношений в коллективе. Цель писательницы – поддержать его на этом пути, подсказать те области, в которых он может раскрыться, утвердиться, осознать себя как личность: «…В подростковом тексте не должно быть полной безысходности. Должен быть показан какой-то выход, или направление к выходу, или хотя бы оставлена незапертая дверь» [Дашевская, 2019б]. Таким образом, музыка либо другой вид искусства могут служить тем ресурсом, который поддерживает взрослеющего ребенка.

Обратимся к языковым особенностям сверхтекста Н. С. Дашевской, чтобы осмыслить вербализованные с их помощью идеи, которые руководили автором и подчиняли себе выбор им средств выражения. Мы идём от слов и концептов к идеям, мотивам и целям.

Повесть «Вилли», принёсшая известность писательнице в 2015 году, неоднократно переиздавалась. В её тексте проступили те идиостилевые черты, которые определяют характер дальнейшего творчества Н. С. Дашевской.

На первый план выдвигается функционирование единиц, которые скрепляют текстовую ткань, потому что регулярно используются как эстетически заданные, – необычных имён собственных (ИС). Это антропонимы, в том числе не относящиеся к традиционному национальному антропонимикону, и вымышленные топонимы. Так, повесть названа именем говорящего велосипеда, одушевлённого персонажа детского мира главного героя и его друзей. Из 24 названий глав 5 включают антропонимы и 3 – топонимы.

Остановимся подробнее на первой из данных категорий и проанализируем происхождение имён персонажей, как-то: *Севка (Себастьян) Воробьёв, Августина Блюм, Марк, Коля Марченко (Комарик, Сверчок), Теодор Архивариус, Вилли, Генка, Анна Сергеевна*. Гипокористические формы *Севка, Коля* и *Генка* не имеют в тексте соответствующих полных форм.

Антропонимы *Севка (Себастьян)* и *Августина*

Севка, согласно словарям [Суперанская, 2005, с. 196; Петровский, 1980; Успенский, 1960], лишь опосредованно (через ИС *Севастьян*) соотносится с сокращением от полного *Себастьян* – настоящего имени героя, названного в честь

Иоганна Себастьяна Баха. Одна из сем ядра данного ИС – ‘*композитор’*, на периферии – эмоционально-оценочная сема ‘*великий’,* положительная коннотация – все эти компоненты обусловлены рефлексией на прецедентное имя музыкального гения. В то же время в словарной статье, посвящённой имени *Севастьян*, содержатся отсылки и к европейским вариантам имени, и к русскому деминутиву, и – sic! – к имени *Август* [Суперанская, 2005, с. 196], производным от которого является имя главной героини – *Августины Блюм*.

Себастьян – имя греческого происхождения, значение которого толкуется ономастическими словарями не однозначно: ‘*высокочтимый’*, ‘*священный’* [Петровский, 1980], ‘*священный’*, ‘*почитаемый’* [Суперанская, 2005, с. 196], ‘*почтенный’*, ‘*достойный почестей’* [Успенский, 1960]. Сам главный герой повести замечает: «Моё полное имя мне велико, и я путаюсь в нём, как в папином пальто» [Дашевская, 2018а, с. 18]; «Меня зовут *Себастьян*. И я совершенно в этом не виноват» [Дашевская, 2018а, с. 19].

На протяжении нескольких глав герой остаётся в персонажной зоне *Севкой Воробьёвым* – до эпизода встречи с *Августиной Блюм*. Заметим, что ИС *Августина,* по Суперанской, произошло от ИС *Августин – ‘относящийся к Августу*’ [Суперанская, 2005, с. 21]. Примечательно, что ИС *Август* является латинским аналогом ИС *Севастьян* [Суперанская, 2005, с. 21]. Задаваясь вопросом о том, почему автор предпочитает использовать ИС *Августина*, а не *Августа*, приходим к выводу, что это связано с фонетической аналогией с именем *Себастьян* (рус. *Севастьян*) на уровне аллитерации: [в], [с'], [т'], [н].

Август переводится как ‘*величественный*’, ‘*священный*’. Петровский [Петровский, 1980] даёт имени сходную характеристику, в то время как Успенский определяет значение ИС *‘величавый’, ‘священный’* и снабжает характеристику историческим комментарием: «В русских святцах не фигурировало. До революции слово «августейший» значило «царственный»» [Успенский, 1960].

Заметим, что коннотации '*великое’*, ‘*высокое*' очень важны для понимания авторских предпочтений в выборе имён персонажей. Севка неоднократно упоминает рост героев произведения в характеристиках: «*маленький* Комарик, самый *маленький* в классе» [Дашевская, 2018а, с. 5], «Генка, *длинный*, носатый» [Дашевская, 2018а, с. 5]; о Марке: «Его сразу видно – на две головы *всех выше*, торчит как гвоздь» [Дашевская, 2018а, с. 60], «Он такой *высокий*, он почти по плечо моей Августине Блюм» [Дашевская, 2018а, с. 65]. Показательны первые характеристики Августины при встрече с героиней: «очень *длинный* мальчишка-старшеклассник» [Дашевская, 2018а, с. 13] и «неожиданно *высокий* голос» [Дашевская, 2018а, с. 14]; позже – «*великанская* девочка» [Дашевская, 2018а, с. 21]. Яркие характеристики не случайны – Севка признаётся, что, по его мнению, «чем выше – тем лучше» [Дашевская, 2018а, с. 21]. Дашевская реалистично отражает психологические установки в детской и подростковой среде в отношении внешних данных сверстников.

Имя *Себастьян* первоначально *велико* герою, но в ходе разговора *с великанской девочкой* с родственным именем оно «впервые не показалось… таким ужасным» [Дашевская, 2018а, с. 19]. Дашевская даёт читателю возможность через изменение отношения персонажа к своему имени (а позже – через поступки) распознать его внутренний рост, осознание себя как *достойного* человека, соответствующего своему имени. Путь героя от *Севки* к *Себастьяну* – сюжетообразующий компонент повести, который отражает внутренний рост человека. «Оболочка имени», которое некогда было велико персонажу, по мере взросления героя становится ему впору.

Характеристика Августины Блюм многомерна. Имя *Августина,* как уже было отмечено, означает ‘*относящаяся к Августу, величественному, священному’* (потенциально – *августейшая особа,* особа высочайшего происхождения, царственного рода) [Суперанская, 2005, с. 21]. Фамилия *Блюм* также не случайно избрана автором, как показывает анализ, и созвучна сразу нескольким словам английского языка. С одной стороны, *Блюм* соотносится с англ. *bloom* в значении ‘*цветение’, ‘расцвет’, ‘цвести’* и т.п. и *blow* в значении *‘цвет’, ‘цветение’, ‘цвести’*; а с другой стороны, с омонимами *blow – ‘удар’* и *blow* ‘*дуть’, ‘дуновение’, ‘веять’* [Мюллер, 1978, с. 85]. Неоднократные упоминания прекрасного сада во внутреннем дворе дома Августины, столь контрастные описанию самого переулка, к которому её дом обращён фасадом, подтверждают актуальность данных значений для обрисовки характера, создания психологического портрета персонажа, выделения ценностных моментов в свойствах подобного рода натур, открытых красоте и загадкам мира.

Дашевская подчёркивает эту необычность с

помощью возможностей предикации: Августина даёт цветные характеристики именам. В этих характеристиках писателем возбуждается и/или расширяется их ассоциативный фон («Все имена цветные» [Дашевская, 2018а, с. 19]), и они очень показательны не только как маркеры-доминанты представляемого типа детской натуры, но и картины мира героини в этом текстовом пространстве: *Себастьян* – «серебристое», *Августина* – «жёлто-оранжевое, как листья» и «шуршит», *Вилли* – «цвета неба», *Севка* – «зелёное, как трава» [Дашевская, 2018а, с. 20]. Зелёный – любимый цвет Августины. В тексте мы сталкиваемся со следующим контекстуальным конвоем лексемы *зелёный*: «зелёный *свитер*» [Дашевская, 2018а, сс. 13, 16, 35, 102] , «толстый витой шнур на *двери* когда-то зелёного цвета» [Дашевская, 2018а, с. 13], «бывший зелёный *цвет*» [Дашевская, 2018а, с. 13], «зелёные *рукава*» [Дашевская, 2018а, с. 20], «зелёный *шарф*» [Дашевская, 2018а, с. 41], «колокольчик с *зелёным* шнурком» [Дашевская, 2018а, с. 72], «зелёные *заборы*» [Дашевская, 2018а, сс. 75, 93], «свитер её любимого *зелёного* цвета» [Дашевская, 2018а, с. 91], «зелёная *краска*» [Дашевская, 2018а, с. 91], «выкрасили *дверь* в зелёный» [Дашевская, 2018а, с. 97], «зелёный *карандаш*» [Дашевская, 2018а, с. 97], «зелёные морские *камешки*» [Дашевская, 2018а, с. 111], *глаза* у Августины «зелёные-зелёные» [Дашевская, 2018а, с. 111]. Таким образом, Дашевская, упоминая о том, как много зелёного среди предметов, окружающих Августину, а также называя зелёный её любимым цветом, приводит читателя к мысли о том, что слова о «зелёном», «зелёном, как трава», имени *Севка*, непосредственно обращённые к нему, являются признанием героини в её симпатии к главному герою повести [Дашевская, 2018а, с. 20]. Н.С. Дашевская формирует понятие о внутреннем мире и его напряженной динамике у детей и подростков, естественности их удивления перед чудесми жизни.

Обратимся к портрету Августины (по ошибке принятой Севкой за мальчика), его деталям, преподносимым средствами предикатной лексики, среди которых преобладают качественные имена прилагательные, называющие изменяющийся признак: «Рукава зелёного свитера были ему коротки, смешно торчали тонкие руки <…>. Вздёрнутый независимый нос, серые глаза и короткие, торчащие во все стороны светлые волосы» [Дашевская, 2018а, с. 13], «Ты весишь почти ноль» [Дашевская, 2018а, с. 20], «длинноногая» [Дашевская, 2018а, с. 25]. Образ Августины Блюм, созданный Дашевской, благодаря эксплицируемому предикатами сходству с образом растения в пору цветения и листопада, с указанием на «великанский» рост, худобу, ассоциируется с деревом, сквозь зелёную листву которого так явственно проступают худые руки-ветки, длинный ствол – ноги. Дашевская вообще относится к Августине с большой симпатией, и такая деталь в образе девочки, как худоба, не случайно подчёркивается автором: «Мне всегда нравились длинные и худые люди, все мои герои такие» [Дашевская, 2016б].

Неудивительно также, что автор делает зелёный цвет, символизирующий буйство природы в тёплое время года, любимым цветом героини. Писательница стремится показать, что в жизни Августины, не посещающей школу, по сути, царит вечное лето, август. Столь полную характеристику главной героини читатель воссоздаёт как через детали её образа, в том числе портретные, так и благодаря мастерскому использованию автором возможностей предикации и номинации, средствам контекстуального конвоя с семантикой ‘*рост’*, ‘*размер’*: «Августина Блюм была просто великанской девочкой» [Дашевская, 2018а, с. 21]; «выглядит большой» [Дашевская, 2018а, с. 22]; «Я там как жираф, как телевышка» [Дашевская, 2018а, с. 22]; «длинноногая Августина Блюм» [Дашевская, 2018а, с. 25]; «длинная-предлинная Августина Блюм» [Дашевская, 2018а, с. 72]; «Августина высокая» [Дашевская, 2018а, с. 74]; «Тебе сверху видно больше их всех» [Дашевская, 2018а, с. 74]; «…здесь жили великаны. Такие люди, как Августина Блюм» [Дашевская, 2018а, с. 77]; «…прапраправнучки вдруг опять вырастают высоченными. Как Августина Блюм» [Дашевская, 2018а, с. 77]; «девочка два метра ростом» [Дашевская, 2018а, с. 81]; «Она слишком быстро растёт» [Дашевская, 2018а, с. 91]; «Августина на голову выше своих родителей» [Дашевская, 2018а, с. 105]; «бесконечно длинная Августина» [Дашевская, 2018а, с. 106]; «самая высокая девочка на свете» [Дашевская, 2018а, с. 108].

Оним *Вилли*. Великаны и невеликаны

Внимание к звучанию слова является одной из самых характерных идиостилевых особенностей языковой личности автора рассматриваемого произведения и осознаётся Дашевской: «…профессиональная работа со звуком даёт себя знать в текстах» [Дашевская, 2016а].

Дашевская развивает тему великанов, мастерски используя аллитерацию звуков [в'], [и], [л']. ИС *Вилли* созвучно слову *велосипед,* детскому *велик* [Малыгина, 2018б, 82]. Кроме того, Н. С. Дашевская признавалась в интервью [Дашевская, 2016б], что дала велосипеду имя одного из читателей из Германии, запомнившегося ей по конкурсу. Отметим созвучие слов *велосипед*, *вел* [Дашевская, 2018а, с. 46], *ве́лик* и *великан*, которое, вместе с производными, встречается в тексте 23 раза и является ключевым в характеристике сразу нескольких героев, что позволяет Н. С. Дашевской придать сказочные черты (гиперболичность) ряду персонажей, тем самым подчёркивая, что детское восприятие склонно искать чудесное во всём окружающем.

Во-первых, конечно, такими чертами обладает сама *величественная* и *высочайшая* Августина – «великанская девочка» [Дашевская, 2018а, с. 21], похожая на мальчишку, но стесняющаяся своего роста (*великанский* – авторский неологизм, семантема – в контекстуальном значении не зафиксировано в словарях).

Во-вторых, *великанским* голосом [Дашевская, 2018а, с. 4, 30, 107] обладает учительница Анна Сергеевна. Автор настаивает на этой характеристике и укрупняет её, вкладывая в уста Севки предположение о том, что её дедушка был великаном [Дашевская, 2018а, с. 4, 31, 77]. *Великан* – '*человек огромного роста*' [Ожегов, 1989, с. 60]. Дашевская показывает, что для взрослого человека не настолько свойственно видеть чудесное в обычных вещах: Анна Сергеевна утверждает, что её прадед «не настоящий великан, конечно, но два метра ростом» [Дашевская, 2018а, с. 109], мельник. По логике развёртывания текста, это мельник с той самой мельницы в Деревне великанов, которая сначала показалась Севке Страной великанов, целым великанским миром, где вилки «размером со шпагу» и «великанская трава» [Дашевская, 2018а, с. 76–77].

В-третьих, Севка цитирует родителей Августины: девочка могла бы играть великанов и волшебников [Дашевская, 2018а, с. 104]. Напрашивается и ряд сопоставлений, в которых градосема '*великанское'* выражена имплицитно: мельница «высоченная, до потолка – как до неба» [Дашевская, 2018а, с. 75]; Августина «ужас до чего высоченная на роликах этих. Прямо рукой до неба может достать» [Дашевская, 2018а, с. 91]. Но *высота, высокое* не всегда означает *недоступное*. И, в очередной раз придя к Августине, Севка поднимает велосипед по «узкой крутой лестнице вверх» и замечает: «Зато там как будто теплее, на той стороне» [Дашевская, 2018а, с. 72]. Таким образом, мы видим еще одно символическое свидетельство роста главного героя – преодоление себя ради встречи с подругой после трудного пути: чтобы добраться до Августины, стать *выше*, ему пришлось справиться с неудобным подъёмом.

Такой рост свойственен не всем героям. Генка остается *Генкой*: в канве повествования он ни разу не назван *Геннадием – 'благородным'* [Петровский, 1980; Суперанская, 2005, с. 75], *'родовитым'* [Успенский, 1960].

Коля Марченко (Ко-Мар) не вырос из *Комарика* в *Николая*, '*победителя народов'* [Петровский, 1980; Суперанская, 2005, с. 165; Успенский, 1960]. Автор показывает взросление Комарика метафорически: раскрывшись как скрипач, он был пожалован в Сверчки [Дашевская, 2018а, с. 73], что позволило состояться такой авторской игре слов, как «Коля Сверчок *нажучился* слышать Вилли» [Дашевская, 2018а, с. 111]. В данном случае писательница отступает от зафиксированного словарями значения производящей лексемы *жучить* – '*донимать выговорами, строгостью'* [Ожегов, 1989, с. 160] и отталкивается от переносного значения слова *жук* – '*ловкий человек, плут (прост. неод.)'* [Ожегов, 1989, с. 159], отказываясь, однако, от коннотации неодобрительности. Таким образом, лексема *нажучился* выступает в значении '*наловчился'*.

Заметим, что фамилия *Марченко* в историко-этимологическом плане представляет собой отчество по *Марку* и соответствие её этимона имени ещё одного друга Севки помогает понять, как автор показывает соотношение их характеров: в восходящую к этимону ИС *Марк* семантику – от '*молот', 'молоток'* [Успенский, 1960; Петровский, 1980] – потенциально включена сема *'сила'*. Марк – лидер класса, «самый умный в классе» [Дашевская, 2018а, с. 46]. Тогда Марченко – тот, за кем стоит такой *молоток*, тот, кто из этого же рода. (Напомним, что одним из значений глагола *blow*, соотносимого с ИС *Блюм,* является '*удар'* [Мюллер, 1978, с. 85]: друзья Севки – сильные духом люди, и в некоторой степени они «выковывают» и его характер.) Анализ указывает на глубокую работу писательницы над семантикой и символикой антропонимов в произведении.

Антропоним *Анна Сергеевна*

Акцент на обусловленности значения ИС его этимоном прослеживается и в номинации ещё

одного персонажа. Имя Анны Сергеевны произошло от древнееврейского *Hannah (Channah)*, которое означает ‘*благоволение, благосклонность’* или *‘Бог мне благоволит’, ‘Бог ко мне благосклонен’* [Васильев, 2015, с. 20], ‘*милость’* [Суперанская, 2005, с. 257]. Эта характеристика подтверждается и событиями повести. Отчество образовано от ИС *Сергей*, которое восходит к римскому родовому имени *Sergius* [Суперанская, 2005, с. 199]. Таким образом, отчество дублирует тему благородства. Успенский замечает, что обычное для святцев толкование ‘*высокий’*, ‘*высокочтимый*' несколько сомнительно. Тем не менее именно такое толкование, а также коннотации, связанные с памятованием о святом Сергии Радонежском, способствуют выбору данного имени для новорожденного или, в нашем случае, для отчества героини второго плана. Называя учительницу Анной Сергеевной, Дашевская показывает её принадлежность к некоему сообществу *достойных почтения, высоких*, которая косвенно подтверждается уже упомянутой характеристикой Анны Сергеевны как внучки (а на самом деле правнучки) *великана* и обладательницы *великанского* голоса. Особенно интересным представляется созвучие имени учительницы с именем второй жены Баха – Анны Магдалены, певицы (а значит, обладательницы выдающегося голоса).

Антропоним *Теодор*

Теодор Архивариус – пожалуй, единственный персонаж, чьё имя повторится в заглавии одной из повестей Н.С. Дашевской – «*Тео* – театральный капитан» [Дашевская, 2019а]) и в тексте её рассказа «Канатоходец» [Дашевская, 2018б]. Как ИС *Фёдор* и *Богдан*, оно обозначает ‘*Божий дар*’ [Петровский, 1980], где греческое *theos* соответствует русскому *‘бог’* и латинскому *deus*. И, как *deus ex machine*, Тео появляется в сюжете в самый нужный момент (когда Севка теряется) и удивительным образом находит ту единственную карту, на которую нанесён переулок Маятников. В номинации данного героя два слова пишутся с прописной буквы, а значит, нашему анализу подлежат оба. В словаре иностранных слов находим определение, из которого следует, что архивариусом называли начальника архива, от *archeton* – ‘*правительствующая палата*’ [Словарь иностранных слов, 1920, с. 121]. Греческая приставка *archi-* означает *высшую* степень чего-либо [Ожегов, 1989, с. 28]. Таким образом, номинация данного героя произведения позволяет отнести и его к галерее персонажей *высоких* и *чтимых*.

Заключение

Проведённый анализ особенностей авторского выбора и использования ИС, возможностей номинации и контекстуального конвоя в повести «Вилли» позволяет нам говорить о следующих чертах идиостиля Н. С. Дашевской. Писательница, обращаясь к теме детства, являющейся идиостилевой доминантой всего творчества данного автора, рассматривает взросление как путь самоосознания и преодоления себя. Подростковый возраст – момент перелома, кризиса роста, именно поэтому главный герой повести не называет себя через предикативную конструкцию: и Севкой, и Себастьяном его *зовут* [Голосова, 2021, с. 59].

Итак, автор показывает, что путь взросления ребёнок проходит при поддержке друзей и значимых взрослых при принятии ими, и это отражает осмысление ядра концепта «Взросление» на когнитивном уровне языковой личности. Наряду с общением важнейшим ресурсом такой поддержки является собственный внутренний мир, наполняемый за счёт обогащения знакомством с произведениями мира искусства, в первую очередь музыкального. Данный аспект отражает индивидуальное своеобразие контента указанного концепта. ИС становится одной из важнейших характеристик героев повести, при этом оно не только выполняет различительную функцию при описании персонажей, но и помогает их сопоставлению, осмыслению общего в их характерах. В повести «Вилли» таким общим становится соотнесение семантики ИС с семами ‘*благородный’, ‘чтимый’, ‘высокий’, ‘сильный’, ‘молот’, ‘Божий’, ‘цветение’*. Портретные характеристики (в частности, при описании Августины) помогают ассоциативно связать период детства в жизни человека с цветением природы за счет средств контекстуального конвоя ИС, их коннотативного ореола. Набираясь сил, ребёнок «вырастает» в полноту своего имени, в связи с чем его номинация также может подвергаться изменениям, что Н.С. Дашевская подчеркивает выбором варианта антропонима (*Севка* становится *Себастьяном, Комарик – Сверчком*). При отсутствии работы над собой, однако, как показывает писательница, роста личности не происходит, и потому ИС остаётся прежним (*Генка*).

Н. С. Дашевская, мастерски используя возможности возбуждения коннотации и подбора контекстного конвоя, приводит читателя к мысли

о том, что в сложной ситуации ребёнку всегда готовы помочь взрослые, прошедшие такой путь. Дашевская даёт читателю своеобразные ключи к пониманию их характеров (благородства, благосклонности к детям, достойности почтения), называя их значащими именами: *Анна Сергеевна, Теодор Архивариус*.

Антропонимы у Дашевской всегда многогранны как идиостилевое средство: они и «размерные», и цветные, и звучащие, и мотивированные этимологически, и мотивирующие характер персонажа. «Размерная» сопоставляемость (гипокористические и полные формы ИС, *великаны* и *невеликаны*, имена и отчества) становится доминантным идиостилевым приёмом в рассматриваемой повести и помогает автору максимально полно раскрыть своё отношение к взрослению как ключевому этапу в жизни человека, требующему особого внимания. Такое бережное отношение к ребёнку является лейтмотивом всего творчества писательницы и указывает на прагматические установки этой языковой личности, обусловливающие систему констант идиостиля.

Библиографический список

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. 576 с.

Бикбаева Э. Р. Большие тайны малых жанров: проект урока литературы по рассказу Н. Дашевской «Крендельков» // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 129–133.

Васильев Е. Тысяча имён. Краткая энциклопедия. Москва : Принт, 2015. 264 с.

Голосова Е. А. Синтаксическая сочетаемость имени героя как средство характеристики межличностных отношений в повести Н. С. Дашевской «Вилли» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой, Москва, 25 февраля 2021 года / отв. редактор О. В. Шаталова. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ПРИНТИКА», 2021. С. 56–61. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45648658 (дата обращения: 20.06.2021).

Гутрина Л. Д. Современная проза на уроках литературы: книга Н. Дашевской «Около музыки» // Филологический класс. 2015. № 4 (42). С. 52–54. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32296722 (дата обращения: 20.06.2021).

Данилова О. А. Прием «медленного чтения» на уроках по современной прозе: рассказ Нины Дашевской «Ой, то не вечер» // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 34–37. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28929678 (дата обращения: 20.06.2021).

Дашевская Н. Вилли : [для мл. шк. возраста : 0+] / ил. Евгении Двоскиной. 3-е изд., стереотип. Москва : КомпасГид, 2018а. 112 с.

Дашевская Н. Второй : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / авт. обл. Екатерина Ройз. Москва : КомпасГид, 2018б. 128 с.

Дашевская Н. «Не думаю, что кто-то пишет ради денег. Есть множество более простых способов заработать» // Пиши-читай : сайт, 2016а. URL: http://write-read.ru/interviews/4787 (дата обращения: 20.06.2021).

Дашевская Н. О музыке и литературе // Babyblog : сайт, 2016б. URL: https://www.babyblog.ru/community/kids_books/post/3212757 (дата обращения: 20.06.2021).

Дашевская Н. Тео – театральный капитан. Москва : Самокат, 2019а. 112 с.

Дашевская Н.: «Я пишу просто для людей» // Южноуральская панорама: сайт, 2019б. URL: https://up74.ru/articles/kultura/113813/ (дата обращения: 20.06.2021).

Елистратов В. С. Когда у Достоевского и Лескова дважды два не равно четырём / В. С. Елистратов, И. В. Ружицкий // Лингвистика креатива-4 : Коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 282–333. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35117938 (дата обращения: 20.06.2021).

Жутова С. Ю. Современная литература в круге чтения детей и подростков: материалы для учителя / С. Ю. Жутова, В. И. Кулешова // Державинский форум. 2021. Т. 5. № 17. С. 56–61. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44872738 (дата обращения: 20.06.2021).

Караулов Ю. Н. Лингводидактическое представление языковой личности и её структура // Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва, 2003. С. 48–58.

Кутейникова Н. Е. Одарённые дети в реалиях жизни и художественной литературе XX! века: Нина Дашевская. «День числа Пи». VII–IX классы // Литература в школе. 2019. № 2. С. 37–40. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=38056398 (дата обращения: 06.07.2021).

Леденёва В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 36–41. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24216373 (дата обращения: 20.06.2021).

Леденёва В. В. Слово Лескова. Москва : Московский государственный областной университет, 2015. 260 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23587695 (дата обращения: 20.06.2021).

Липина А. А. Тема Моцарта и Сальери в трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери», кинофильме М. Формана «Амадей» и повестях Н. Дашевской «Сальери» и «День числа Пи» // Мировая словесность для

детей и о детях : материалы Международной научно-практической конференции, прошедшей в рамках Евразийского научно-методического форума, Москва, 28–29 января 2020 года. Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью Агентство «Литера», 2020. С. 95–101.

Малыгина М. В. Жанровые традиции в «Скрипке неизвестного мастера» Нины Дашевской // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения : материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 26 апреля 2018 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный университет, Кафедра русской и зарубежной литературы; под редакцией Т. А. Снигиревой, Л. А. Назаровой. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018а. С. 179–185. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35582755 (дата обращения: 20.06.2021).

Малыгина М. В. Роль фантастических «топосов» в повести Нины Дашевской «Вили» // Актуальные проблемы филологии. 2018б. № 16. С. 120–127. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37024260 (дата обращения: 20.06.2021).

Мюллер В. К. Англо-русский словарь: 53000 слов / перераб. В. Л. Дашевская и др.. Изд. 17-е, испр. и доп. Москва : Рус. яз., 1978. 888 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. Москва : Рус. яз., 1989. 750 с.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 2-е издание. Москва : Русский язык, 1980. URL: https://lexicography.online/onomastics/petrovsky/ (дата обращения: 20.06.2021).

Сироткина Т. А. «Музыка-богатая почва для развития человека» (произведения Нины Дашевской о музыке для детей) // Детство, открытое миру : сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 23 марта 2021 года. Омск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», 2021. С. 133–135. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45740324 (дата обращения: 20.06.2021).

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / сост. под ред. А. Н. Чудинова. Санкт-Петербург : В. И. Губинский, 1910. 676 с. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm (дата обращения: 20.06.2021).

Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. Москва : АЙРИС-пресс, 2005. 384 с. (От А ДО Я). URL: https://azbyka.ru/deti/wp-content/uploads/2018/04/superanskaja-sovremennyj-slovar-lichnyh-imen.pdf (дата обращения: 20.06.2021).

Туранский И. И. Языковая личность: тезаурус или культура речи как составляющая культуры нации (к уточнению понятия «Языковая личность») // Юридическая техника. 2009. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-tezaurus-ili-kultura-rechi-kak-sostavlyayuschaya-kultury-natsii-k-utochneniyu-ponyatiya-yazykovaya-lichnost (дата обращения: 04.04.2021).

Успенский Л. В. Ты и твое имя. Ленинград : Детгиз, 1960. URL: https://lexicography.online/onomastics/uspensky/ (дата обращения: 20.06.2021).

Reference list

Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of linguistic terms. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2020. 576 s.

Bikbaeva Je. R. Bol'shie tajny malyh zhanrov: proekt uroka literatury po rasskazu N. Dashevskoj «Krendel'kov» = Big secrets of small genres: a literature lesson plan based on N. Dashevskaya's short story «Krendelkov» // Filologicheskij klass. 2018. № 2 (52). S. 129–133.

Vasil'ev E. Tysjacha imjon. Kratkaja jenciklopedija = A thousand names. Concise encyclopedia. Moskva : Print, 2015. 264 s.

Golosova E. A. Sintaksicheskaja sochetaemost' imeni geroja kak sredstvo harakteristiki mezhlichnostnyh otnoshenij v povesti N. S. Dashevskoj «Villi» = Syntactic compatibility of the hero's name as a means of characterizing interpersonal relationships in N. S. Dashevskaya's story «Willie» // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii : Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj pamjati doktora filologicheskih nauk, professora K. A. Vojlovoj, Moskva, 25 fevralja 2021 goda / otv. redaktor O. V. Shatalova. Moskva : Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «PRINTIKA», 2021. S. 56–61. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45648658 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Gutrina L. D. Sovremennaja proza na urokah literatury: kniga N. Dashevskoj «Okolo muzyki» = Modern prose at literature lessons: N. Dashevskaya's book « Around music» // Filologicheskij klass. 2015. № 4 (42). S. 52–54. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32296722 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Danilova O. A. Priem «medlennogo chtenija» na urokah po sovremennoj proze: rasskaz Niny Dashevskoj «Oj, to ne vecher» = Slow reading technique at modern prose lessons: Nina Dashevskaya's short story «Oh, It's Not Evening» // Filologicheskij klass. 2017. № 1 (47). S. 34–37. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28929678 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Dashevskaja N. Villi = Willie : [dlja ml. shk. vozrasta : 0+] / il. Evgenii Dvoskinoj. 3-e izd., stereotip. Moskva : KompasGid, 2018a. 112 s.

Dashevskaja N. Vtoroj = The second : [dlja sred. i st. shk. vozrasta : 12+] / avt. obl. Ekaterina Rojz. Moskva : KompasGid, 2018b. 128 s.

Dashevskaja N. «Ne dumaju, chto kto-to pishet radi deneg. Est' mnozhestvo bolee prostyh sposobov zarabotat'» = «I don't think anyone writes for money. There are plenty of easier ways to make money» // Pishi-chitaj : sajt, 2016a. URL: http://write-read.ru/interviews/4787 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Dashevskaja N. O muzyke i literature = About music and literature // Babyblog : sajt, 2016b. URL: https://www.babyblog.ru/community/kids_books/post/3212757 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Dashevskaja N. Teo – teatral'nyj kapitan = Theo – theatre captain. Moskva : Samokat, 2019a. 112 s.

Dashevskaja N. «Ja pishu prosto dlja ljudej» = «I am writing just for people» // Juzhnoural'skaja panorama: sajt, 2019b. URL: https://up74.ru/articles/kultura/113813/ (data obrashhenija: 20.06.2021).

Elistratov V. S. Kogda u Dostoevskogo i Leskova dvazhdy dva ne ravno chetyrjom = When according to Dostoyevsky and Leskov two times two is not four / V. S. Elistratov, I. V. Ruzhickij // Lingvistika kreativa-4 : Kollektivnaja monografija / pod red. T. A. Gridinoj. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2018. S. 282–333. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35117938 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Zhutova S. Ju. Sovremennaja literatura v kruge chtenija detej i podrostkov: materialy dlja uchitelja = Contemporary literature for children and teenagers: materials for the teacher / S. Ju. Zhutova, V. I. Kuleshova // Derzhavinskij forum. 2021. T. 5. № 17. S. 56–61. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44872738 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Karaulov Ju. N. Lingvodidakticheskoe predstavlenie jazykovoj lichnosti i ejo struktura = Linguodidactic representation of linguistic personality and its structure // Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. Moskva, 2003. S. 48–58.

Kutejnikova N. E. Odarjonnye deti v realijah zhizni i hudozhestvennoj literature HHI veka: Nina Dashevskaja. «Den' chisla Pi». VII–IX klassy = Gifted children in real life and XXI century fiction: Nina Dashevskaya. «The Day of Pi» Grades VII-IX // Literatura v shkole. 2019. № 2. S. 37–40. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=38056398 (data obrashhenija: 06.07.2021).

Ledenjova V. V. Idiostil' (k utochneniju ponjatija) = Idiostyle (to clarify the concept) // Filologicheskie nauki. 2001. № 5. S. 36–41. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24216373 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Ledenjova V. V. Slovo Leskova = Leskov's word. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2015. 260 s. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23587695 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Lipina A. A. Tema Mocarta i Sal'eri v tragedii A. S. Pushkina «Mocart i Sal'eri», kinofil'me M. Formana «Amadej» i povestjah N. Dashevskoj «Sal'eri» i «Den' chisla Pi» = The theme of Mozart and Salieri in A. S. Pushkin's «Mozart and Salieri», in M. Forman's film «Amadeus» and in N. Dashevskaya's «Salieri» and «The Day of Pi» // Mirovaja slovesnost' dlja detej i o detjah : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, proshedshej v ramkah Evrazijskogo nauchno-metodicheskogo foruma, Moskva, 28–29 janvarja 2020 goda. Jaroslavl' : Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Agentstvo «Litera», 2020. S. 95–101.

Malygina M. V. Zhanrovye tradicii v «Skripke neizvestnogo mastera» Niny Dashevskoj = Genre traditions in Nina Dashevskaya's Violin of an Unknown Master // INITIUM. Hudozhestvennaja literatura: opyt sovremennogo prochtenija : materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ekaterinburg, 26 aprelja 2018 goda / Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii; Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, Ural'skij gumanitarnyj universitet, Kafedra russkoj i zarubezhnoj literatury; pod redakciej T. A. Snigirevoj, L. A. Nazarovoj. Ekaterinburg : Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, 2018a. S. 179–185. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35582755 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Malygina M. V. Rol' fantasticheskih «toposov» v povesti Niny Dashevskoj «Villi» = The role of fantasy « topoi» in Nina Dashevskaya's story «Willie» // Aktual'nye problemy filologii. 2018b. № 16. S. 120–127. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37024260 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Mjuller V. K. Anglo-russkij slovar': 53000 slov = English-Russian dictionary: 53,000 words / pererab. V. L. Dashevskaja i dr.. Izd. 17-e, ispr. i dop. Moskva : Rus. jaz., 1978. 888 s.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka: Ok. 57 000 slov = The Russian language dictionary: about 57,000 words / pod red. N. Ju. Shvedovoj. 20-e izd., stereotip. Moskva : Rus. jaz., 1989. 750 s.

Petrovskij N. A. Slovar' russkih lichnyh imen = Dictionary of Russian proper names. 2-e izdanie. Moskva : Russkij jazyk, 1980. URL: https://lexicography.online/onomastics/petrovsky/ (data obrashhenija: 20.06.2021).

Sirotkina T. A. «Muzyka-bogataja pochva dlja razvitija cheloveka» (proizvedenija Niny Dashevskoj o muzyke dlja detej) = «Music is a rich soil for human development» (Nina Dashevskaya's works on music for children) // Detstvo, otkrytoe miru : sbornik materialov XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii c mezhdunarodnym uchastiem, Omsk, 23 marta 2021 goda. Omsk : Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovanija «Omskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet», 2021. S. 133–135. URL:

https://elibrary.ru/item.asp?id=45740324 (data obrashhenija: 20.06.2021).

Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka : Materialy dlja leksicheskoj razrabotki zaimstvovannyh slov v rus. lit. rechi = Dictionary of foreign words included in the Russian language : Materials for lexical study of borrowed words in Russian literary speech / sost. pod red. A. N. Chudinova. Sankt-Peterburg : V. I. Gubinskij, 1910. 676 s. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm (data obrashhenija: 20.06.2021).

Sovremennyj slovar' lichnyh imjon: Sravnenie. Proishozhdenie. Napisanie = Modern dictionary of proper names: Comparison. Origin. Spelling / A.V. Superanskaja. Moskva : AJRIS-press, 2005. 384 s. (Ot A DO Ja). URL: https://azbyka.ru/deti/wp-content/uploads/2018/04/superanskaja-sovremennyj-slovar-lichnyh-imen.pdf (data obrashhenija: 20.06.2021).

Turanskij I. I. Jazykovaja lichnost': tezaurus ili kul'tura rechi kak sostavljajushhaja kul'tury nacii (k utochneniju ponjatija «Jazykovaja lichnost'») = Linguistic personality: thesaurus or speech culture as a component of national culture (to clarify the concept of «Linguistic personality») // Juridicheskaja tehnika. 2009. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-tezaurus-ili-kultura-rechi-kak-sostavlyayuschaya-kultury-natsii-k-utochneniyu-ponyatiya-yazykovaya-lichnost (data obrashhenija: 04.04.2021).

Uspenskij L. V. Ty i tvoe imja = You and your name. Leningrad : Detgiz, 1960. URL: https://lexicography.online/onomastics/uspensky/ (data obrashhenija: 20.06.2021).

Статья поступила в редакцию 29.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 29.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 811.161.1'3
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-86-92

Костромские топонимы в воспоминаниях Александра Зиновьева «В медвежьем углу»

Мадина Александровна Фокина
Доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156000, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17
madi.fokina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5914-2589

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ топонимической лексики, связанной с Костромским краем, в мемуарном очерке философа и писателя Александра Александровича Зиновьева «В медвежьем углу», включенном автором в книгу «Исповедь отщепенца». Цель исследования заключается в выявлении семантических и коммуникативно-прагматических свойств доминантных топонимов, которые активно участвуют в организации мемуарного повествования, формировании текстовых смыслов, экспликации концептуального содержания произведения, создании авторской модальности. Изучение топонимов в контекстном окружении основывается на жанрово-стилистических особенностях мемуарного текста: соединении двух временных планов (прошлого и настоящего); сочетании объективной достоверности и индивидуальной субъективности. Дается краткий обзор современных лингвистических исследований топонимики в системе русской речи. Обосновывается классификация топонимов, подразделяющихся в анализируемом тексте на ойконимы и гидронимы. Характеризуются топонимические доминанты воспоминаний – именование города *Кострома* и название родной деревни писателя *Пахтино.* Последовательно рассматриваются ключевые топонимы в отдельных частях мемуарного текста. В названии раздела «От Пахтино до Нью-Йорка» используются контекстуальные антонимы, которые сначала создают антитезу, входят в состав градационного ряда, а затем в процессе развертывания текстовой семантики образуют энантиосемию, объединяют противоположные объекты действительности: русскую провинциальную деревушку и крупный американский город. С помощью нескольких стилистических приемов (антитезы, градации, энантиосемии) писатель расширяет границы повествования, изображает вселенский масштаб событий, отражает представления об исконно русских духовных ценностях и жизненных приоритетах западного мира. Топоним *Кострома* употребляется автором в ироническом контексте: мемуарист цитирует свое поэтическое произведение, где упоминает родной город, особо не отличающийся от других городов, поскольку всюду царит житейская суета. Далее в разделе «Российская глушь» *Кострома* называется в ряду русских городов, становится символом более благополучной жизни, участвует в создании оппозиции *город – деревня.* Ключевыми гидронимами воспоминаний являются названия рек *Вига* и *Волга*. В контексте осуществляется их смысловое взаимодействие с именованиями провинциальных поселений. Средством создания авторской модальности становится оценочная лексика, преобладают позитивные текстовые коннотации. В заключение делаются выводы о роли костромских топонимов в формировании хронотопических характеристик текста и коммуникативной организации мемуарного дискурса.

Ключевые слова: Александр Зиновьев, мемуарный дискурс, костромской топоним, смысловые доминанты и оппозиции, антитеза, градация, энантиосемия

Для цитирования: Фокина М. А. Костромские топонимы в воспоминаниях Александра Зиновьева «В медвежьем углу» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 86-92. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-86-92

Original article

Kostroma toponyms in Alexander Zinoviev's memoirs «In Godforsaken Place»

Madina A. Fokina
Doctor of philological sciences, professor, department of national philology, Kostroma state university. 156000, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17
madi.fokina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5914-2589

© Фокина М. А., 2021

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of toponymic vocabulary associated with the Kostroma region, in the memoir essay of the philosopher and writer Alexander Alexandrovich Zinoviev «In Godforsaken Place», included by the author in the book «Confessions of a Renegade». The purpose of the study is to identify the semantic and communicative-pragmatic properties of dominant toponyms which are actively involved in organizing memoir narration, forming text meanings, explicating the conceptual content of the work, creating the author's modality. The study of toponyms in contextual environment is based on the genre and stylistic features of the memoir text: the combination of two temporal plans (past and present); the combination of objective reliability and individual subjectivity. The author of the article gives a brief overview of modern linguistic studies of toponymy in the Russian speech system and presents a classification of toponyms which are subdivided in the analyzed text into placenames and hydronyms. The article characterizes toponymic dominants of the memories: the name of Kostroma city and the name of the writer's native village Pakhtino. The author of the article presents a coherent study of the key toponyms in some parts of the memoir text. The title of the section «From Pakhtino to New York» uses contextual antonyms that first create an antithesis, and are used as a part of a gradation series, but then, in the process of developing textual semantics, form an enantiosemy, uniting opposite objects of reality: a Russian provincial village and a large American city. With the help of several stylistic devices (antitheses, gradations, enantiosemy), the writer expands the boundaries of the narrative, depicts the universal scale of events, reflects ideas about indigenous Russian spiritual values and life priorities of the Western world. The toponym Kostroma is used in an ironic context: the memoirist quotes his poetic work, where he mentions his hometown which is not particularly different from other cities, since everyday bustle reigns in them all. Further, in the section «Russian Hinterland», Kostroma is named among other Russian cities, becoming a symbol of a more prosperous life and participates in creating the city-village opposition. The key hydronyms of the memories are the names of the Viga and Volga rivers. Their semantic interaction with the names of provincial settlements is actualized in the context. The evaluative vocabulary becomes the means of creating the writer's modality with positive textual connotations prevailing. In conclusion, the author of the article emphasizes the role of Kostroma toponyms in forming the chronotopic characteristics of the text and the communicative organization of the memoir discourse.

Key words: Alexander Zinoviev, memoir discourse, Kostroma toponym, semantic dominants and oppositions, antithesis, gradation, enantiosemy

For citation: Fokina M. A. Kostroma toponyms in Alexander Zinoviev's memoirs «In Godforsaken Place». *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):86-92. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-86-92

Введение

Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) – выдающийся русский писатель и мыслитель, автор известных романов и стихов, мемуарных текстов и научных трудов по философии, логике и социологии. Его биография и обширное литературное наследие явились объектом пристального изучения в публикациях К. А. Крылова [2010]; Е. Р. Пономарёва [2002]; П. Е. Фокина [2016] и др. Учёные обращают внимание на нестандартность философских умозаключений мыслителя, глубину социологического анализа явлений действительности, оригинальность и самостоятельность идейных убеждений, дискуссионность взглядов на мир, людей и общество.

Александр Зиновьев был уроженцем Чухломского уезда Костромской губернии. Его воспоминания о детстве под названием «В медвежьем углу» вошли в книгу «Исповедь отщепенца» (2008) и посвящены описаниям родных мест и семьи. В этом мемуарном очерке активно употребляются костромские топонимы: названия областного центра и районных городов *Кострома, Буй, Галич, Чухлома;* именование железнодорожной станции *Антропово;* многократные упоминания родной деревни *Пахтино*, окрестных рек *Чёрт* и *Вига,* а также великой русской *Волги*. Топонимы *Кострома* и *Пахтино* являются смысловыми доминантами воспоминаний, образуют текстовые повторы, воссоздают реальное локализованное пространство, а также семантически взаимодействуют с именованиями крупных мировых и российских городов, что способствует расширению пространственно-временных границ мемуарного дискурса, формированию объемных хронотопических характеристик изображаемых событий, смысловому объединению авторских представлений об исконно русских нравственных ценностях и жизненных приоритетах западного мира.

Разные аспекты изучения особенностей функционирования топонимов в русской речи представлены в исследованиях Н. Ю. Букаревой [2012]; М. В. Горбаневского [1989]; Д. А. Салимовой, Ю. Ю. Даниловой [2009]; Т. А. Сироткиной [2020] и др. Е. В. Цветкова дает подробное описание топонимического пространства в пьесах А. Н. Островского [2003; 2018; 2019; 2020], а также детально характеризует костромскую топонимию в произведениях Ефима Честнякова [Цветкова, 2017]. Современные исследователи топонимии в тексте ориентируются в основном на литературные произведения. Н. А. Николина характеризует

художественное пространство пьесы Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске»: обращает внимание на заголовочный топоним, который именует таежный райцентр, где разворачивается действие драмы; раскрывает символический смысл названий окрестных деревень *Потеряиха* и *Ключи*; анализирует языковые средства создания образа Дома на перепутье [Николина 2003, с. 156–166]. В научной монографии М.А. Фокиной обосновывается хронотопическая роль городского топонима *Сивцев Вражек* в одноименном романе Михаила Осоргина [Фокина, 2007, с. 47–77]. Е. А. Вербовская описывает систему поэтонимов в лирическом дискурсе Евгения Рейна: на материале поэтического сборника «Сапожок: Книга итальянских стихов» анализирует европейские топонимы, которые участвуют в создании мотива путешествия и передают впечатления лирического героя [Вербовская, 2020, с. 174–176]. Мемуарный дискурс реже привлекается к исследованию и недостаточно изучен с точки зрения особенностей речевого употребления разных видов топонимов, в том числе ойконимов – названий поселений. В научной статье А. А. Ивыгиной, Э. Ю. Галиевой топонимы рассматриваются в качестве языковых репрезентант открытого пространства в мемуарной прозе Надежды Дуровой «Записки кавалерист-девицы»: осуществляется функционально-семантический анализ топонимов, выявляется их роль в формировании языковой пространственной картины, определяются смысловые тождества и различия в индивидуально-авторском восприятии топонимов Москвы и Петербурга [Ивыгина, Галиева, 2014, с. 82–84].

По форме изложения от первого лица мемуары граничат с автобиографией и с дневником, а по предмету изображения – с документально-историческим повествованием. Специфика мемуарного дискурса «проявляется в наличии двух временных планов – настоящего (время письма) и прошедшего (время действия) – и в двусторонней установке: требование объективной достоверности в мемуаристике на равных правах уживается с требованием индивидуальности, субъективности» [Савинков, 2008, с. 118–119].

Целью нашего исследования является комплексный анализ семантических особенностей и коммуникативно-прагматических свойств доминантных топонимов, выявление их роли в организации мемуарного повествования, формировании текстовых смыслов, экспликации концептуального содержания произведения и создании субъективно-оценочной модальности.

В тексте воспоминаний анализируются топонимы, принадлежащие к разряду ойконимов и гидронимов. Ойконимы именуют различные населённые пункты: астионимы – названия городов; комонимы – названия сёл и деревень. [Подольская, 1978]. Из числа гидронимов в мемуарном очерке Зиновьева чаще употребляются названия рек – потамонимы.

Особенности функционирования костромских топонимов в мемуарном дискурсе А. А. Зиновьева

Воспоминания «В медвежьем углу» состоят из 25 частей, каждая из них имеет отдельное заглавие. Первая часть называется «От Пахтино до Нью-Йорка», в ней соединяются разные пространственно-временные планы повествования. *Пахтино* – это родная деревня писателя, её название употребляется в тексте мемуарного очерка 9 раз. Комоним образован от слов *пахта* ‘жидкость, остающаяся при сбивании масла’; *пахтать* ‘сбивать масло из сливок или сметаны’ [Словарь русского языка, 1987, Т. 3, с. 35]. *Нью-Йорк* упоминается в ряду других астионимов:

«Я вглядывался в то место на картах, где когда-то находилось моё *Пахтино*, и удивлялся тому, что меня не удивлял скачок из малюсенькой русской деревушки в многомиллионные современные города *Париж, Лондон, Нью-Йорк, Рио-де-Жанейро, Токио*, не удивлял скачок от старой клячи по имени *Соколка*, на которой я ездил верхом мальчишкой и возил навоз в поле в колхозе, к современному самолёту *«Боинг-747»*, который переносил меня за несколько часов с одного континента на другой» [Зиновьев, 2008, с. 24].

Автор размышляет о крутых поворотах своей судьбы, о тех коренных изменениях, которые значительно раздвинули границы его жизненного пространства, стали для него в зрелом возрасте уже привычными и даже перестали удивлять. Эти рассуждения построены как своеобразный внутренний диалог рассказчика, которому свойственны противоречивые мнения. Костромской топоним *Пахтино,* являющийся ключевой лексемой контекста, семантически взаимодействует здесь с многочисленными онимами: названиями городов *Париж, Лондон, Нью-Йорк, Рио-де-Жанейро, Токио*; именем домашней лошадки *Соколка*; названием самолёта *«Боинг-747».* Перечисленные онимы участвуют в создании развернутой антитезы: *малюсенькая русская деревушка Пахтино – многомиллионные современные города Париж, Лондон, Нью-Йорк, Рио-де-Жанейро, Токио; старая*

кляча Соколка – современный самолёт «Боинг-747».

Далее в динамике текстовой семантики контекстуальные антонимы *Пахтино – Нью-Йорк* образуют энантиосемию, кроме контрастных смыслов приобретают также общие, тождественные семы:

«Между прочим, мое малюсенькое и навечно исчезнувшее с лица земли *Пахтино* существовало (по словам стариков) ещё до того, как появился *Нью-Йорк*. И хотя последний стал городом-исполином, он так же исчезнет в *Небытие*, как и *Пахтино*. С точки зрения *Вечности* даже миллион лет есть мгновение. А с точки зрения бесконечности пространства *Нью-Йорк* есть такая же мизерная точка, как и *Пахтино*» [Зиновьев, 2008, с. 25].

Диалектика философских размышлений о жизни приводит писателя к мысли об относительности фактов и явлений, о единстве противоположных объектов действительности: с одной стороны, *малюсенькое и навечно исчезнувшее с лица земли Пахтино* противопоставлено *городу-исполину Нью-Йорку*; с другой стороны, они сближаются с позиций *Небытия* и *Вечности*: *Нью-Йорк… так же исчезнет в Небытие, как и Пахтино; с точки зрения бесконечности пространства Нью-Йорк есть такая же мизерная точка, как и Пахтино*. Философские категории *Небытия* и *Вечности* отражают глобальные пространственно-временные представления автора, графически оформляются им с помощью заглавных, прописных букв, приобретают статус значимых текстовых онимов, передающих вселенские масштабы изображаемых событий.

Эта мысль находит подтверждение в финале первого раздела, где Зиновьев включает в мемуарный прозаический текст фрагмент своего стихотворения, упоминая *Кострому*:

Бесконечная череда –
Поезда, самолеты, отели.
Промелькнули, прошли, пролетели
Города, города, города.
Убеждаемся скоро мы,
Что тоскливо в них так, хоть вой,
Что хватило бы нам с лихвой
Костромы, Костромы, Костромы [Зиновьев, 2008, с. 25–26].

Здесь осуществляется сужение жизненного пространства лирического героя до масштабов родного города, что передает мироощущение автора, уставшего от нестабильности бытия, от суеты многочисленных перелетов и переездов, от однообразия и скуки впечатлений. По иронической мысли писателя, в *Костроме* можно найти всё то же, что и в других городах мира.

Кострома также употребляется автором в ряду других российских астионимов, когда мемуарист рассказывает о том, как чухломские крестьяне занимались отхожим промыслом в городах:

«Дело в том, что в наших краях было невозможно прокормиться за счет земледельческого труда и мужчины испокон веков уходили на заработки в города – *в Москву, Кострому, Ярославль, Иваново, Вологду*. Там они становились мастеровыми – плотниками, столярами, малярами, портными, сапожниками. Становились не заводскими рабочими, а именно мастеровыми. Они работали индивидуально или образовывали артели из нескольких человек, иногда из нескольких десятков… Когда в деревнях была самая напряженная пора, мужчины возвращались домой. Всё, что они зарабатывали в городах, они использовали для деревенской жизни: строили дома, покупали дорогую одежду, посуду, драгоценности… Вместе с деньгами и вещами в деревню привозилась и культура – городской язык, городская одежда, украшения, книги» [Зиновьев, 2008, с. 26–27].

Астионимы в предложно-падежной форме *в Москву, Кострому, Ярославль, Иваново, Вологду* имеют семантику конкретной направленности, способствуют расширению жизненного пространства деревенских жителей и становятся символами их материального благополучия и культурного развития. Осуществляется активное взаимодействие разных сфер бытия – города и деревни.

Второй раздел воспоминаний называется «Российская глушь», в нём раскрывается смысл заглавия всего мемуарного очерка:

«Наша *Костромская область* считалась самой глухой в *России*. Наш *Чухломской район* считался самым глухим в области. А наша деревушка *Пахтино* считалась самой глухой в районе. В самую цветущую пору её существования в ней было не более десяти домов… Такие деревушки назывались «медвежьими углами». Так что можно сказать, что я родился в самой что ни на есть дремучей русской глуши – в «медвежьем углу» [Зиновьев, 2008, с. 26].

Составные именования *Костромская область, Чухломской район* являются названиями административно-территориальных объектов. В результате их семантического взаимодействия с комонимом *Пахтино* образуется восходящий градационный ряд, который характеризует дремучие, захолустные места русской провинции, что усили-

вается также троекратным повтором качественного прилагательного *самый глухой* в форме превосходной степени. Метафорически определяя местоположение родной деревушки, писатель выразительно использует фразеологизм *медвежий угол* разг. ирон. ‘захолустье; глухое малонаселённое место’ [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1997, том 2, с. 320].

Продолжая рассказ о своей родине, Зиновьев говорит о том, что *Пахтино* считалось медвежьим углом только по географическому признаку, а по нравственным качествам и культурному уровню жизни многие деревенские люди не уступали образованным горожанам: «Наш район был одним из самых культурных и зажиточных в *России*»; «Я бывал во многих районах *России*, но нигде не видал таких больших и красивых домов, как в нашем районе»; «Чухломский купец Юдин, выходец из крестьян, был одним из богатейших купцов *России*» [Зиновьев 2008, с. 26 – 27]. Здесь позитивная характеристика родных мест соотносится автором с общероссийскими масштабами: выявляя преимущества глухого, удалённого района области, писатель несколько раз употребляет оним *Россия*.

Наряду с *Пахтино* в разделе мемуарного очерка «Мать» упоминается другой населенный пункт, расположенный по соседству, а также называются гидронимы – окрестные реки и *Волга*:

«Главой нашей семьи была моя мать… Родилась она… в деревне *Лихачёве* в четырех километрах от *Пахтино*. Расположена она была на крутом берегу реки *Чёрт*. Почти все дома в ней были крашеные, многие двухэтажные. В двух километрах от деревни протекала большая река *Вига*, которую можно даже найти на географических картах. Я видел сотни всяких рек. Но должен сказать, что ни одну из них, кроме *старой Волги*, не могу сравнить с ней по красоте. Если хотите познать красоту русской природы, поезжайте в те края. Я выше сказал о *старой Волге*, какой я её видел до войны и во время войны. Потом её загубили плотинами и водохранилищами» [Зиновьев, 2008, с. 39].

Рассказчик с теплотой и любовью говорит о красоте родных мест. В описании активно взаимодействуют по смыслу комонимы *Лихачево, Пахтино* и патомонимы *Чёрт, Вига, Волга*. В контексте формируется авторская субъективная модальность, передается различная оценочность: мемуарист искренне восхищается русскими реками *Вигой* и *Волгой* и замечает, что прежняя *Волга* не была испорчена техническими новшествами. В связи с этим он дважды употребляет именование известного гидронима в контактном сочетании с прилагательным, которое воспринимается как постоянный эпитет: *старая Волга* (ср. с топонимами *Старая Ладога; Старая Русса* и др). Сигналом адресованности является фраза, обращённая к читателю: *Если хотите познать красоту русской природы, поезжайте в те края*.

Заключение

Костромские топонимы занимают центральное место в ономастическом пространстве мемуарного очерка Александра Зиновьева «В медвежьем углу». Представленные в тексте топонимы подразделяются на ойконимы и гидронимы. Среди ойконимов чаще употребляются астионимы и комонимы, из числа гидронимов – патомонимы. К доминантным топонимам относятся астионим *Кострома* и комоним *Пахтино*, которые образуют лексические повторы и обозначают локализованное пространство, связанное с родными местами мемуариста.

Реальный топонимикон, воспроизведенный писателем на основе детских воспоминаний и личных впечатлений о разных периодах взрослой жизни, способствует формированию хронотопических характеристик текста, объединяет разные пространственно-временные планы мемуарного повествования.

Особенностью авторского использования топонимической лексики являются контексты, в которых присутствует сразу несколько именований, нередко образующих градационные ряды и энантиосемию. С помощью ключевых топонимов писатель создает базовые оппозиции, эксплицирующие концептуальное содержание мемуарного дискурса: *прошлое – настоящее; Россия – заграница; свое – чужое; город – деревня, духовное – материальное.* В процессе развертывания текстовой семантики эти разные понятия становятся философскими антиномиями, формируют единство противоположных смыслов.

Костромские топонимы участвуют в коммуникативной организации текста в сфере *писатель – читатель:* занимают сильные позиции текста, являются сигналами адресованности, диалогизируют монологическое слово рассказчика, создают автоцитацию, объединяя лирический и прозаический тексты Александра Зиновьева в общий мемуарный дискурс.

Библиографический список

Вербовская Е. А. Поэтонимы в лирическом дискурсе Евгения Рейна: структура, семантика, функционирова-

ние // Духовно-нравственные основы русской литературы : сборник научных статей / науч. ред. Н.Г. Коптелова; отв. ред. А.К. Котлов. Кострома : Костромской государственный университет, 2020. С. 174–176.

Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: филологические этюды. Москва : Просвещение, 1988. 210 с.

Зиновьев А. А. В медвежьем углу // Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Москва : Астрель, 2008. С. 23–65.

Ивыгина А. А., Галиева Э. Ю. Топонимы как языковые репрезентанты открытого пространства в мемуарной прозе Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37): в 2-х частях. Часть II. С. 82–84.

Крылов К. А. Памяти Александра Зиновьева // Крылов К. А. Прогнать чертей. Москва : Скименъ, 2010. С. 318–408.

Николина Н. А. Художественное пространство драмы: А. Вампилов «Прошлым летом в Чулимске» // Николина Н. А. Филологический анализ текста. Москва : Издательский центр «Академия», 2003. С. 156–166.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1978. 200 с.

Пономарёв Е. Р. Homo postsoveticus. Творчество Александра Зиновьева вчера и сегодня // Феномен Зиновьева / под ред. А. А.Гусейнова. Москва : Современные тетради, 2002. С. 186–194.

Поспелов Е. М. Топонимический словарь. Москва : Астрель : АСТ, 2005. 229 с.

Савинков С. В. Мемуаристика // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл науч. ред. Н. Д. Тамарченко. Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 118–119.

Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования. Москва : Флинта, 2009. 200 с.

Словарь русского языка : в 4 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. Москва : Русский язык, 1985–1988.

Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России: Географические названия. Москва : Армада-пресс, 2002. 209 с.

Фокин П.Е. А. Зиновьев: Прометей отвергнутый. Москва : Молодая гвардия, 2016. 749 с.

Фокина М. А. Фразеологические единицы в системе языковых средств создания социально-исторического хронотопа // Фокина М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков : научная монография. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. С. 47–77.

Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 томах / сост. А. И. Фёдоров. Москва : Цитадель, 1997.

Цветкова Е. В. Костромская топонимия в произведениях Е. В. Честнякова (по материалам книги Н. С. Ганцовской «Живое поунженское слово.Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова») // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Специальный выпуск. С. 149–152.

Цветкова Е. В. Микротопонимическое пространство в комедии А. Н. Островского «Блажь» // Духовно-нравственные основы русской литературы : сборник научных статей / науч. ред. Н. Г. Коптелова; отв. ред. А. К. Котлов. Кострома : Костромской государственный университет, 2020. С. 147–151.

Цветкова Е. В. Тема Волги в творчестве А. Н. Островского (Топонимический этюд) // А. Н. Островский в движении времени: материалы Всероссийской научной конференции. Том 1. Шуя : ШГПУ, 2003. С. 114–121.

Цветкова Е. В. Топонимическая система в пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост. А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Ю. М. Дулова, О. В. Шеверинова; под науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. С. 281–285.

Цветкова Е. В. Топонимы в комедии А.Н. Островского «Горячее сердце» // Щелыковские чтения 2018. А. Н Островский и его наследие: судьба во времени. Сборник научных статей и материалов / науч. ред. и сост. И.А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2019. С. 139–151.

Цветкова Е. В. Топонимы в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники» // Щелыковские чтения 2019. Жизнь и творчество А. Н. Островского: историко-культурные аспекты: сборник научных статей и материалов / науч. ред. и сост. И. А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2020. С. 202–212.

Reference list

Verbovskaja E. A. Pojetonimy v liricheskom diskurse Evgenija Rejna: struktura, semantika, funkcionirovanie = Poetonyms in Eugene Rhine's lyrical discourse: structure, semantics, functioning // Duhovno-nravstvennye osnovy russkoj literatury : sbornik nauchnyh statej / nauch. red. N.G. Koptelova; otv. red. A.K. Kotlov. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 174–176.

Gorbanevskij M. V. Onomastika v hudozhestvennoj literature: filologicheskie jetjudy = Onomastics in literary fiction: philological etudes. Moskva : Prosveshhenie, 1988. 210 s.

Zinov'ev A. A. V medvezh'em uglu = In Godforsaken Place // Zinov'ev A. A. Ispoved' otshhepenca. Moskva : Astrel', 2008. S. 23–65.

Ivygina A. A., Galieva Je. Ju. Toponimy kak jazykovye reprezentanty otkrytogo prostranstva v memuarnoj proze N.A. Durovoj «Zapiski kavalerist-devicy» = Toponyms as linguistic representations of open space in N.A. Durova's memoirs «Notes of a cavalry-maiden» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 7 (37): v 2-h chastjah. Chast' II. S. 82–84.

Krylov K. A. Pamjati Aleksandra Zinov'eva = In memory of Aleksandr Zinoviev // Krylov K. A. Prognat' chertej. Moskva : Skimen#, 2010. S. 318–408.

Nikolina N. A. Hudozhestvennoe prostranstvo dramy: A. Vampilov «Proshlym letom v Chulimske» = Drama artistic space: «Last Summer in Chulimsk» by A. Vampilov // Nikolina N. A. Filologicheskij analiz teksta. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. S. 156–166.

Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology. Moskva : Nauka, 1978. 200 s.

Ponomarjov E. R. Homo postsoveticus. Tvorchestvo Aleksandra Zinov'eva vchera i segodnja = Homo postsoveticus. Aleksandr Zinoviev's work yesterday and today // Fenomen Zinov'eva / pod red. A. A.Gusejnova. Moskva : Sovremennye tetradi, 2002. S. 186–194.

Pospelov E. M. Toponimicheskij slovar' = Toponymic dictionary. Moskva : Astrel' : AST, 2005. 229 s.

Savinkov S. V. Memuaristika = Memoirs // Pojetika : slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij / gl nauch. red. N. D. Tamarchenko. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. S. 118–119.

Salimova D. A., Danilova Ju. Ju. Vremja i prostranstvo kak kategorii teksta: teorija i opyt issledovanija = Time and space as a text category: theory and research experience. Moskva : Flinta, 2009. 200 s.

Slovar' russkogo jazyka : v 4 tomah = The Russian language dictionary: in 4 volumes / AN SSSR, In-t rus. jaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj. 3-e izd. Moskva : Russkij jazyk, 1985–1988.

Smolickaja G. P. Toponimicheskij slovar' Central'noj Rossii: Geograficheskie nazvanija = Toponymic dictionary of Central Russia: Geographical names. Moskva : Armada-press, 2002. 209 s.

Fokin P. E. A. Zinov'ev: Prometej otvergnutyj = A. Zinoviev: Prometheus rejected. Moskva : Molodaja gvardija, 2016. 749 s.

Fokina M. A. Frazeologicheskie edinicy v sisteme jazykovyh sredstv sozdanija social'no-istoricheskogo hronotopa = Phraseological units in the linguistic means system of creating a social-historical chronotope // Fokina M. A. Frazeologija v russkoj povestvovatel'noj proze XIX–XX vekov : nauchnaja monografija. Kostroma : KGU im. N.A. Nekrasova, 2007. S. 47–77.

Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka = Dictionary of Russian literary phraseology : v 2 tomah / sost. A. I. Fjodorov. Moskva : Citadel', 1997.

Cvetkova E. V. Kostromskaja toponimija v proizvedenijah E. V. Chestnjakova (po materialam knigi N. S. Gancovskoj «Zhivoe pounzhenskoe slovo.Slovar' narodno-razgovornogo jazyka E. V. Chestnjakova») = Kostroma toponymy in E. V. Chestnyakov's works (based on N. S. Gantsovskaya's book «The living Poungen word. E. V. Chestnyakov's dictionary of the vernacular») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. Special'nyj vypusk. S. 149–152.

Cvetkova E. V. Mikrotoponimicheskoe prostranstvo v komedii A. N. Ostrovskogo «Blazh'» = Microtoponymic space in A. N. Ostrovsky's comedy «Whim» // Duhovno-nravstvennye osnovy russkoj literatury : sbornik nauchnyh statej / nauch. red. N. G. Koptelova; otv. red. A. K. Kotlov. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 147–151.

Cvetkova E. V. Tema Volgi v tvorchestve A. N. Ostrovskogo (Toponimicheskij jetjud) = The Volga in the works of A. N. Ostrovsky (Toponymic sketch) // A. N. Ostrovskij v dvizhenii vremeni: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Tom 1. Shuja : ShGPU, 2003. S. 114–121.

Cvetkova E. V. Toponimicheskaja sistema v p'ese A. N. Ostrovskogo «Ne v svoi sani ne sadis'» = Toponymic system in the play «Don't bite off more than you can chew» by A. N. Ostrovsky // Regional'naja onomastika: problemy i perspektivy issledovanija: sbornik nauchnyh statej / sost. A. M. Mezenko, M. L. Dorofeenko, Ju. M. Dulova, O. V. Sheverinova; pod nauch. red. A. M. Mezenko. Vitebsk : VGU imeni P. M. Masherova, 2018. S. 281–285.

Cvetkova E. V. Toponimy v komedii A.N. Ostrovskogo «Gorjachee serdce» = Toponyms in Ostrovsky's comedy «The Hot Heart» // Shhelykovskie chtenija 2018. A. N Ostrovskij i ego nasledie: sud'ba vo vremeni. Sbornik nauchnyh statej i materialov / nauch. red. i sost. I.A. Edoshina. Kostroma : Avantitul, 2019. S. 139–151.

Cvetkova E. V. Toponimy v p'ese A. N. Ostrovskogo «Talanty i poklonniki» = Toponyms in Ostrovsky's play Talents and Admirers // Shhelykovskie chtenija 2019. Zhizn' i tvorchestvo A. N. Ostrovskogo: istoriko-kul'turnye aspekty: sbornik nauchnyh statej i materialov / nauch. red. i sost. I. A. Edoshina. Kostroma : Avantitul, 2020. S. 202–212.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 22.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101

Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы

Наталья Анатольевна Николина[1]✉, Зоя Юрьевна Петрова[2]
[1]Кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1
[2]Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
[1]admin@riash.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-2644-8984
[2]zoyap@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5390-8029

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые образные поля в текстах произведений современной русской прозы. Для анализа привлечены произведения А. Варламова, Е. Водолазкина, А. Иванова, А. Матвеевой, З. Прилепина. Цель работы – выделить и описать ключевые образные поля разных типов в современной художественной речи. Ключевое образное поле определяется как объединение лексических единиц одного семантического поля, выступающих в качестве образов сравнения компаративных конструкций (метафор и сравнений), которое непосредственно связано с развитием темы и сюжета произведения, его идейно-эстетическим содержанием, с характеристикой главных героев, выполняет текстообразующую функцию в произведении. В процессе анализа выделены три основных типа таких полей: 1. Поле, состав которого обусловлен темой произведения; 2. Поле, выбор единиц которого мотивирован типом главного героя и его точкой зрения; 3. Поле, определяемое идейно-эстетическим содержанием произведения в целом. Выбор единиц ключевого образного поля определяется интенциями автора литературного произведения. Характер развертывания поля в тексте отражает особенности идиостиля писателя. В статье показано, что ключевое образное поле связано в художественном тексте с развертыванием сквозных его мотивов. Отмечается, что доминанта ключевого образного поля часто задается заглавием произведения, которое носит в этом случае метафорический или символический характер.

Ключевые слова: метафора, сравнение, компаративная конструкция, ключевое образное поле, текстообразующая функция, авторская интенция, современная проза

Для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 93-101. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101

Original article

Key figurative fields in modern russian prose

Natalia A. Nikolina[1]✉, Zoya Y. Petrova[2]
[1]Candidate of philological sciences, professor, department of the russian language, Moscow state pedagogical university. 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya st., 1
[2]Candidate of philological sciences, leading researcher, V. V. Vinogradov russian language institute of the russian academy of sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2
[1]admin@riash.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-5390-8029
[2]zoyap@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2644-8984

Abstract. The article examines the key figurative fields in the texts of modern Russian prose. The authors analyse the works of A. Varlamov, E. Vodolazkin, A. Ivanov, A. Matveeva, Z. Prilepin. The purpose of the research is to identify and describe the key figurative fields of different types in modern fiction. The key figurative field is defined as a set of lexical units of one semantic field, acting as images of comparative constructions (metaphors and similes), which is directly related to the development of the theme and plot of the work, its ideological and aesthetic content, to the characteristics of the main characters, and performs a text-forming function in the work of fiction. The analysis has identified three main types of such fields: 1. The field, whose composition is determined by the theme of the work; 2.

© Николина Н. А., Петрова З. Ю., 2021

The field, whose choice of units is motivated by the type of the protagonist and his point of view; 3. The field, determined by the ideological and aesthetic content of the work as a whole. The choice of units in the key figurative field is determined by the intentions of the author of a literary work. The nature of the field development in the text reflects the peculiarities of the writer's idiostyle. The article shows that the key figurative field is associated in a literary text with the deployment of its cross-cutting motives. The authors note that the dominance of the key figurative field is often set by the title of the work, which in this case is metaphorical or symbolic.

Key words: metaphor, comparison, comparative construction, key figurative field, text-forming function, author's intention, modern prose

For citation: Nikolina N. A., Petrova Z. Y. Key figurative fields in modern russian prose. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):93-101. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101

Введение

Метафоры и сравнения по-разному представлены в текстах современной русской прозы. В ряде произведений авторов их количество невелико и они не играют заметной роли в тексте (см., например, роман Р. Сенчина «Дождь в Париже»), в других произведениях активно используются компаративные конструкции разных типов, при этом они непосредственно связаны с развитием темы и сюжета. «Тропы такого происхождения представляют собой одно из проявлений более общей закономерности возникновения образов, которая выражается в зависимости средств изображения от предмета изображения» [Кожевникова, 2009, с. 450]. Метафоры и сравнения могут организовывать весь текст художественного произведения, развивая значимые для него мотивы. «Метафора в таком случае – смысло- и текстопорождающий механизм, средство концептуализации» [Иванова, 2021, с. 98]. Текстообразующую функцию может выполнять в произведении одна ключевая метафора (Н. Б. Иванова называет такую метафору мега-метафорой), например, в романе Л. Петрушевской «Время – ночь» метафора ночи пронизывает весь текст и во многом организует его как целое, распространяясь на множество изображаемых автором объектов и явлений.

Ключевая метафора в современной прозе часто коррелирует с названием произведения. Так, в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» жизненный путь главного героя уподобляется «лестнице Якова». Этот образ варьируется в тексте романа, герой которого то поднимается, то опускается по жизненной лестнице. Заглавие в результате приобретает дополнительные приращения смысла: «непрерывность духовных поисков», «превращение быта в бытие». В метафизическом романе А. Рясова «Пустырь» ключевая метафора находит отражение в актуализации деривационных связей слов *пустырь*, *пустынь*, *пустыня*, *пустой*, *пустота*. В результате происходит семантическая эволюция названия «Пустырь»: от обозначения места к концептуальной постмодернистской метафоре Пустоты.

Ключевые метафоры в художественной речи неоднократно привлекали внимание исследователей [Ключерова, 2017; Шиляев, 2012 и др.], однако недостаточно изучены различные объединения метафор и сравнений, функционирующие в текстах.

Наряду с ключевой метафорой, организующей текст, в современной русской прозе используются ключевые образные поля. Образным полем мы называем объединение лексических единиц одного семантического поля, выступающих в качестве образов сравнения компаративных конструкций – метафор и сравнений. Понятие образного поля, получившее теоретическое обоснование в работах Х. Вайнриха [Weinrich, 1976] (Bildfeld), при описании разных фрагментов системы метафор и сравнений языка русской художественной литературы, ее конкретных временных срезов используется в ряде современных лингвопоэтических исследований [Николина, 2003, с. 241–247; Петрова, 2015; Шпилева, 2015 и др.]. Одной из разновидностей образных полей является метафорическое поле – «структурированное множество метафорических элементов, совокупность словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня. ядерного тропа художественного текста» [Абрамов, 2019, с. 288].

Аналогично ключевой метафоре, ключевое образное поле занимает центральное место среди совокупности образных полей, развертывающихся в художественном произведении, связано с развитием его темы, с изображением его главных героев и выполняет в нем текстообразующую функцию. Роль подобных совокупностей метафор, реализующих определенный семантический инвариант, в раскрытии тем, идей и характеристик персонажей в конкретном прозаическом произведении рассматривается в некоторых работах отечественных и зарубежных филологов

[Резанова, Пановица, 2014; Semino, Swindlehurst, 1996; Simon-Vandenbergen, 1993].

Цель статьи – выделить и описать ключевые образные поля разных типов в текстах современной русской прозы. Для анализа привлекаются произведения современных прозаиков: А. Варламова, Е. Водолазкина, А. Иванова, А. Матвеевой, З. Прилепина.

Методы исследования

В процессе исследования используются как общенаучные методы (описание и сопоставление), так и собственно лингвистические методы и приемы: структурно-семантический и лингвопоэтический методы.

Результаты исследования

Ключевые образные поля представляют собой семантическую доминанту текста, выявляемую на основе анализа упорядоченного множества компаративных конструкций, образы сравнения которых имеют общий семантический компонент. ключевые образные поля в художественной речи характеризуются высокой степенью подвижности. текучести образов. которые могут взаимодействовать друг с другом. повторяться или варьироваться в тексте. элементы таких полей служат в тексте для образной характеристики персонажей. ситуаций. различных объектов изображаемой действительности.

В современной прозе ключевые образные поля носят разный характер, в зависимости от того, чем, по замыслу автора, мотивирован их выбор.

Прежде всего образные средства в рамках поля могут быть связаны с темой и изображаемыми в произведении реалиями. Например, в романе А. Матвеевой «Есть!», посвященном кулинарным шоу, как образы сравнения регулярно используются названия блюд и продуктов питания. Посредством кулинарных метафор и сравнений в романе характеризуются:

− персонажи: «круглая, веселая, вечно загорелая, словно *круассан*, женщина» (Мара Михайловна), «Берта Петровна – мама П. Н. (некогда пышная красавица, а ныне бодрая, пусть и слегка подсохшая, как *финский хлебец*, старушка», «Ему [П. Н.] даже бодрый весельчак Джейми Оливер в сравнении с Геней казался вторичным и невкусным, как *разогретая свинина*», «Злоупотребление гостеприимством соляриев превращало маму в точную копию *копченой курицы* из магазина «Сириус», «Палач была красной, как *карпаччо*», «Иран зато была ледяной, как *сорбет*, – раньше в ней так не звучала эта холодность»,

− части тела и детали внешности: «Он искоса, стараясь не смущать новую знакомую, разглядывал ее лицо: короткий кошачий нос, губы – розовые, как семга», «Розовые щеки и пышные, белые, с едва заметной желтизной – один к одному, правильный бешамель – волосы», «<...> белые Берточкины плечи, лишь в некоторых местах скудно присыпанные веснушками – будто паприкой», «Папа же явственно испугался и принялся тянуть маму с диванчика за руку – круглую и розовую, как батон докторской колбасы», «Без всякого желания и, более того, с ужасом Гриша отметил, что рука эта [Эльвины Куксенко] нежна и однородна в своей нежности, как идеальное суфле», «П. Н. вбегал на кухню, за ним шагала Ека с невообразимой прической. Волосы у нее были – будто опарыши. Или переваренные макароны. – Что это за доширак? – шепнула Геня Гималаева в смуглое ухо Ирак», «Тушь с ресниц кассирши осыпалась и застряла в морщинах мелкими пятнами – будто маковые зернышки в складках сдобных булок»,

− голос: «Собой она не хороша, ноги и руки у нее широкие, как ласты, – зато голос! Земляничное мороженое!», «Главным козырем Иры Николаевой <...> был голос – нежный, сочный и прохладный, будто земляничное мороженое»,

− физические состояния: «... Поздно вечером, уже проваливаясь в крепкий и густой, как харчо сон, Гриша все-таки вспомнил, что должен был спросить у Нателлы»,

− животные: «Шерсть у нее [лисы] на спинке блестела так, будто ее глазировали абрикосовым джемом»,

− предметы, в том числе украшения: «выбросила бусики в окно, безжалостно расчленив по камешку. <...> одним резким движением сбросила *камни* с лески, как *мясо* с шампура», здания и их части: «Даже старинные римские здания казались Еке съедобными, поджаристыми, словно миндальные печенья. Кладка старых стен напоминала нугу с орехами – в роли орехов выступали более поздние по времени кирпичики», «В желтых, как сыр, окнах текла благополучная вечерняя жизнь», одежда: «Ека махала мне с такой яростью, словно всерьез думала, что я ее не вижу – с этими ее белыми червяками волос, в этой красной, как карпаччо, кофточке»,

− буквы: «Почерк у Фарогат был красивым и стройным, буквы получались одинаковыми, как блинчики из школьной столовой».

Кулинарными терминами характеризуются и невещественные понятия:

− любовь: «Именно доктор Дориан Грей помог мне избавиться от призрака неудачной любви (если бы она была *пирогом*, то внутри он оказался бы *сырым*, а снизу *подгоревшим, с чернявенькой*, как прежняя секретарша, *корочкой*)»,

− счастье: «Количество счастья здесь, в Пенчурке, отрезанной от мира бородатыми раскольниками, крайне ограничено, поэтому я берегу его, как голодный путник резервную шоколадку»,

− информация о событии: «Именно этому факту коллеги Мертвецова завидовали с особой обстоятельностью, обсасывали его, будто сахарные косточки <...>».

Надо отметить, что Анна Матвеева активно пользуется развитием образных параллелей путем словообразовательной деривации: в роли образов сравнения компаративных конструкций в тексте романа часто выступают дериваты-прилагательные, образующие адъективные метафоры: «<...> даже Массимо, выписывающий счет и с трудом удерживающий авторучку *сарделечными* пальцами», «Серые *устричные* глаза Еки подернулись перламутром», «она шла навстречу, протягивая короткие *колбасные* ручки».

Наиболее значимой образной параллелью в романе в рамках этого поля является параллель «Литература – кулинария», см., например, «Литературное творчество <...> как две капли походит на кулинарное: если роман не пропекся или подгорел, если получился невкусным и уродливым, надо избавиться от последствий, поставив книжку корешком к стене»; «Тем, кто работает с живым словом, подкинь тему, и они бросятся обсасывать ее со всех сторон, как П. Н. куриную косточку, до состояния раздетой сущности. Косточка превращается в крохотную рогатку, которой смог бы играть разве что гномик, а тема, напротив, обрастает весом лишних слов»; «Владимир считал, что издательства к нему придираются, и снова был не прав. Он упорно собирал материал для романа. – Много героев в романе, – однажды сказала ему Евгения, – это как много ингредиентов в деликатесном блюде: одно обязательно выскочит вперед и начнет исполнять танец с одеялами, перетянутыми на себя!», «Второстепенные персонажи... <...> они растворяются в будущем так легко, как сахар в чае случайных попутчиков», «она заглядывала в темную комнатку Владимира, где в спертом воздухе прел, поднимаясь и распухая, точно тесто, его великий роман», «Конечно, у нас получились совершенно разные книги, думаю я теперь. <...> Мы приготовили из одинаковых продуктов непохожие блюда», «Наверное, Эммочка лепила их [стихи] ловко и быстро, как моя ба Ксеня фрикадельки».

В роли образов сравнения выступают не только названия кулинарных изделий, но и обозначения предметов, используемых для приготовления и потребления еды: «Аллочка изящно скрестила худые руки на груди и вонзила в Еку взгляд – как шампур», «Ира Николаева была худой, как палочка из китайского ресторана».

Кулинарная лексика используется в контекстах каламбурного совмещения прямого и переносного значения метафоры: «Ах, как раздражала Марину подругина привычка *слизывать* ее черты – она их именно что *слизывала*, как крем с торта, и самой Марине от них ничего не оставалось», «– Мужчина нам не нужен, – властно объясняла маман, но дочка впервые в жизни отстегнулась от множественного числа и сказала, что маман может решать за себя и дальше, а вот она, Берта, разберется сама. <...> – Нужен – *отбей*! – веско сказала маман Дворянцева <...> *Отбить* – почему ей самой не пришло в голову? <...> *Отбить* – как кусок свинины – зверским молотком с деревянной ручкой».

В свою очередь, единицы семантического поля «Еда» в романе «Есть!» последовательно используются и как предметы сравнения компаративных конструкций: «Когда я вижу по-настоящему красивые продукты, то вспоминаю, каково это – быть писателем. Тонко нарезанные *шампиньоны* – будто *ионические капители*. <...> *Савойская капуста*, разобранная по листику, – *лежачий лес летних деревьев*. <...> *Фенхель*, похожий на бледно-зеленое, *анатомическое сердце*. Яркие орские *помидоры* – будто надутые *воздушные шарики*. *Свечной огарок* или – если хотите – мутная *пластмасса пармезана* <...>», «*Борщ* у Аллочки – пылающий и жаркий, как *оголенное сердце*», «*Пирожки* румяные и сочные, ни дать ни взять – *деревенские девки*, а еще манящие, словно *грех*. *Бульон* – слезно чист и ароматен, будто *азиатский рынок*», «взбивала тесто для *профитролей*, которые распускались потом в духовке диковинными желтыми *розами*...», «Ека покупала *грибы-лисички* – золотистые, как *волосы тициановских женщин*», «<...> Гриша все отмыл, проветрил и победно водрузил на стол пышный, как *кустодиевская купчиха*, *омлет*», «мутные, как *утро алкаша*, *компоты из сухофруктов*».

Встречаются компаративные конструкции, в которых образная параллель «Литература – кулинария» меняет направление уподобления на противоположное, реализуя параллель «Кулинария – литература»: «хорошее меню похоже на роман. Начало – закуска, развитие сюжета – основное блюдо, а эффектный финал станет нашим десертом!».

Достаточно своеобразны метафорические прилагательные, характеризующие кулинарные изделия и мотивированные названиями блюд: (о соусе для спагетти «Челентано») «К счастью для Кати, соус получился таким, как надо – густым, полнокровным, чуточку хриплым и страстным». Блюдо названо именем известного итальянского певца, поэтому прилагательные, сочетающиеся с обозначением *соус*, в прямом значении характеризуют его голос.

Как уже отмечалось, ключевое образное поле в романе А. Матвеевой определяется темой произведения.

Выбор такого ключевого поля может быть мотивирован образом главного героя. Так, в романе Е. Водолазкина «Брисбен» ключевым является образное поле «Музыка», что обусловлено профессией главного героя – музыканта. В поле «Музыка» в этом тексте объединяются слово *музыка* и его производные, названия музыкальных инструментов, наименования музыкальных жанров, наименования музыкальных темпов, интервалов, способов извлечения звука, приемов игры, названия музыкальных произведений и другие музыкальные термины.

При помощи единиц этого поля в романе характеризуются преимущественно звуки, издаваемые разными предметами окружающего героя мира: «Ранец пах кожей, и еще водой и маслом, и ядовитой пластмассой пенала, в котором громыхали ручки и карандаши. При спокойном движении мальчика громыхание было умеренным, но когда он переходил на бег, звук многократно усиливался. Отбивавшийся четкий ритм напоминал *оркестровую погремушку мараку*», «Начиная со второго класса Клещук порой заходил к Глебу после уроков. Его короткие прикосновения к кнопке звонка давали две образцовые *восьмушки*», «Иногда – если Микола выходил в прихожую – глухой удар: весь звук поглощало богатое тело Катерины. Один раз на глазах у соседей он запустил в Катерину ножовкой, которая вонзилась в дверь Глеба и некоторое время раскачивалась с короткой грустной *мелодией*. Глебу даже показалось, что доминировала там малая секста, на которой построена, скажем, История любви Франсиса Лея (до-ми-ми-до-до и т. д.)», Утром, когда Глеб и Антонина Павловна только просыпались, на кухне уже было слышно ее бодрое пение, сопровождавшееся свистом чайника. Чайник вступал последним, пытаясь попасть с Лизой в одну *тональность*».

Кроме предметов, созданных человеком, различным реалиям из мира музыки уподобляются и природные явления; основанием уподобления может быть и звучание, и зрительное, и эмоциональное впечатление: «Глеб знал, каким разным бывает этот *ритм*, как резко он меняется: за частой дробью бриза вдруг приходит медленная сила больших волн, и море гудит как гигантский раскачавшийся *колокол*», «Из травы раздавался стрекот кузнечиков, в редких акациях его многократно усиливали цикады. Глебу казалось, что он слушает огромный играющий в унисон *оркестр*. Апофеоз пиления, торжество *смычковых*. Предельная преданность музыке: инструментом является тело музыканта», «Эти каштаны висели на ветках зелеными ежиками, иногда желтели. Будучи сбитыми метким броском палки, ежики лопались на лету, распадались на половинки, освобождая полированные красавцы-каштаны. Они ударялись об асфальт с мелодичным звуком, несколько раз подпрыгивали и замирали где-нибудь у бордюра. <...> За глуховатым *пиццикато* каштана всякий раз раздавался звонкий *форшлаг* палки».

Единицы семантического поля «Музыка» характеризуют также язык, речь: «Из питерских звуков можно было бы отметить полуденный выстрел пушки, но не это сразило Глеба наповал. Его потрясла русская речь, какой он еще никогда не слышал. У нее была своя изысканная *мелодия* и, уж конечно, слова», «Не менялись лишь Лизино настроение – оно всегда было приподнятым – и ее дивная речь. Хрустального звучания русский язык, лучше которого Глеб никогда не слышал. Он влюбился в отдельные его звуки, общие интонации, ритм – во всё, что составляет *музыку* русского языка. В сравнении с музыкой, которую он играл, эта имела совершенно иную природу. И эта *музыка* исполнялась Лизой». Кроме того, компаративные конструкции, относящиеся к образному полю «Музыка» служат в романе «Брисбен» для характеристики персонажей и событий жизни героев (отметим, что уподобление в этих случаях осуществляется не по характеру звучания, а по зрительному или эмоциональному впечатлению): «Глеб впервые за-

метил, что у Кислицына невероятно большая голова, под которой болталось маленькое тело. Его друг напоминал *восьмушку на верхней линии нотного стана* – ту, у которой мачта с хвостиком уходит вниз. *Ре*, по всей видимости. Или *фа*»; «– Ну да… Понимаешь, в жизни одни события уравновешиваются другими. Одна и та же *мелодия* может прозвучать вначале в *миноре*, а затем в *мажоре*. Или наоборот».

Так же, как в романе А. Матвеевой, в романе «Брисбен» единицы семантического поля «Музыка» выступают и в роли предметов сравнения компаративных конструкций: «До сольфеджио музыка казалась ему слетевшей с небес, не имеющей в своей красоте никаких объяснений. Но объяснения существовали, и они были похожи скорее на математику, чем на музыку. *Воздушный корабль*, на котором пустился в плавание Глеб, имел, оказывается, довольно мрачное *машинное отделение*, где ухали маховики и остро пахло смазкой», «Десять первых и самых знаменитых нот Токкаты взвиваются над оркестром, как *тропический, вырастающий в течение ночи цветок*. В ответ – семь нот, спетые мной и поднявшиеся на ту же высоту. Несколько задумчивых фраз на фортепиано, и музыка обрушивается *водопадом*. Аранжировка виртуозно соединяет разные *потоки* – оркестровый, фортепианный и вокальный, – то сплетая их, то заставляя звучать порознь, но всякий раз с мощью, рождающей глубинный, композитором не предусмотренный земной гул».

Следующий тип ключевого образного поля – поле, мотивированное идейно-эстетическим содержанием произведения в целом. Например, в романе З. Прилепина «Обитель» все персонажи произведения и почти все ситуации жизни в лагере сопоставляются с миром животных: «В романе „Обитель” вся жизнь человека описывается в рамках метафорического конструкта „человек – животное”» [Гик, 2021, с. 39], на этой основе в романе развиваются мотивы озверения и расчеловечивания в условиях лагеря. Показательно, что, по подсчетам исследователя, в тексте используется около 90 лексических единиц, включающих корень *-звер* [Гик, 2021, с. 35], например: «Зайду сейчас в любую роту – а там нары полны всякого *зверья*», «Здесь все понемногу *звереют*, – еще помолчав, сказал Василий Петрович», «Как самостийный *зверь*, Артем встал <...>», «Артем объяснял себе: в меня возвращается человек – я так и не *озверел*». Наряду с родовым обозначением *зверь* в тексте романа в компаративных конструкциях используются и видовые наименования, характеризующие персонажей в разных ситуациях и отношение к ним: *шакал*, *леопард*, *собака*, *сука*, *волк*, *ондатра*, *еж*, *свинья*, *лошадь* и др., например: «Обняв себя неловкими руками, Артем всерьез размышлял, а возможно ли человеку свернуться подобно *ежу* <...> Свернуться и закатиться в угол, ощетиниться там, затихнуть, лапы внутрь, голова дышит в собственный пупок», «Артема несильно пнули ногой, как *дворовую собаку*», «Как быстро здесь бывшие бойцы и герои Красной Армии превращаются в распутных *свиней*». Эти обозначения неоднократно выполняют в тексте романа оценочную функцию. Так, в речи Галины представлена следующая оценка заключенных: «Вы все для меня были... к примеру, как *волки* или *лошади* – другая природа». Некоторые зооморфные метафоры выполняют в романе и другие функции, например, интертекстуальную, см., например: «Соловки – *ветхозаветный кит*, на котором поселились христиане. И *кит* этот уходит под воду».

В романе А. Варламова «Мысленный волк» ключевым также является поле «Звери», однако, в отличие от романа З. Прилепина, оно, с одной стороны, ограниченнее по составу единиц, с другой стороны, семантически сложнее. Доминантой поля служит христианская метафора-символ *мысленный волк*, вынесенная в заглавие произведения. В тексте романа выделяется несколько образных параллелей: «греховная мысль – зверь», «идеология – зверь», «революция – зверь», «сон – зверь», «человек – зверь»: «И злобный *волк* скакал по его мозгам», «<...> вылез из черепа безумного тевтонца через пустые глазницы, уши, ноздри и рот *зверь*, умевший одновременно быть особью и стаей, сжиматься до размера микроба и возрастать до бегемота [о философии Ницше]», «это [революция] было грязное, пропахшее гноем и мочой, усыпанное шелухой от семечек, трусостью, подлостью и эгоизмом, *чудо-юдище* <...>», «Сон вел себя, как пугливый *зверек*», «Отравленные духовным ядом, укушенные то ли *скорпионом*, то ли *бешеным волком*, мы бредем сквозь собственную историю, как по темному коридору», «Вы *волки*, *мысленные волки*, которые пытаются примерить овечью шкуру».

Взаимодействие разных образных параллелей развивает в тексте обобщающий образ зла, нависшего над Россией: «Уля поглядела вниз и увидела громадного *зверя*, который смотрел на

нее из глубины. Он рос, набухал, раздувался, становился больше, чем этот город, он держал его в своей пасти, подминая собой всю землю и закрывая половину неба, и Уля поняла, что не спасется, угодит в разверстую пасть». В романе этот образ дается в динамике, при этом характеризуются разные его ипостаси: «В ту далекую пору *мысленный волк* был хилым и вялым, он пугливо жался по окраинам человеческих поселений и голодными глазами смотрел на чахлые огни жилищ <...>. Все изменилось в те времена, которые пышно нарекли Возрождением. Появились умники, титаны, гении, воссияли блистательные рыцари, трепачи, мыслители, философы, гуманисты и насытили *мысленного волка*, так что из *тощей, хилой, слабосильной, подслеповатой животины, жалобно скулившей* в поисках потасканной ведьмочки, престарелой знахарки, еретика-милленариста иль манихея, он превратился в сытую, респектабельную *особь с гладкой шерстью, упругим хвостом, сильными лапами, крепкими зубами, способными порвать и разгрызть любую душу*».

Особым типом образного поля можно считать поле, состав единиц которого мотивирован, с одной стороны, точкой зрения главного героя, с другой стороны, характером предмета изображения, определяемым описываемой в произведении эпохой. Так, в романе А. Иванова «Золото бунта» ключевое образное поле строится на основе персонификации. Изображаемые природные реалии и предметы приобретают человеческий облик и наделяются антропоморфными свойствами. Этот прием отображает анимизм, присущий мировосприятию персонажей романа, «отношение к природе, как к существу живому» [Афанасьев, 1994, с. 58].

Посредством антропоморфных метафор и сравнений характеризуются:

– скалы – «бойцы» (их образные характеристики в тексте особенно разнообразны, что мотивировано изображением жизни сплавщиков XVIII в.): «Барка, теряя ход в западине поворота, прямиком шла носом в берег почти под камнем Кликуном. Казалось, что и Кликун *вытянул шею и вздернул свою глупую башку*, чтобы *потаращиться*, как батина барка отурится, а затем ее всем бортом хряснет о скалу и потопит в пене», «Гора впереди словно *в пляске мотала каменным сарафаном, колыхала складками и топотала по реке*, брызжа прибоем», «Потом опять слева блеснул *плешью* камень Лысан *с обгорелыми бровями и вислыми щеками, которые сплошь заросли рыжей щетиной* мха», «Из-за поворота навстречу *шагали грозные Царь-бойцы*, и первым был Горчак, который *наступил* в Чусовую *мятым, грязным, бурым сапогом. Он и не старался казаться бойцом, голым и выпяченным, будто напоказ. Он выступал на бой, как толстый, обрюзглый татарский мурза, сразу со всем своим хозяйством: на коне, покрытом расписным ковром, в кольчуге и шлеме, с ненужным в бою бунчуком, со связанным пленником сзади на седле, с кривой саблей в руке, с пикой и луком за плечом, с саадаком, полным пернатых стрел, с круглым витым щитом у бедра, с кибиткой, где сидели жены и невольницы, где стояли сундуки и звенели золотые чеканные кумганы*»,

– река: «Великан обнял Чусовую широко разнесенными лапищами, и Чусовая, *вывернувшись из объятий, в страхе летела прочь, распластав платок и платье*»,

– деревья: «*Подбоченясь, распрямились по берегам молодцеватые* кедры *в* снежных *кафтанах*. Березы *согнулись под тяжестью ледяных бус*, как *девки, что осенью вышли замуж и теперь смущаются первых животов. Отрясли сосульки с усов* кряжистые утесы, *выставили каменные груди в проемах толстых шуб. По опушкам грузными старухами с белыми платками на плечах расселись* елки: сугробами им придавило *подолы*»,

– времена года: «Осень *успела все: пролила все дожди, обтрясла от листвы все осины, смела мусор* в Чусовую, которая унесла его неведомо куда», «Зима стояла над Чусовой, как *недавняя невеста после бани – растрепанная, раскрасневшаяся, очумелая: лохматая башка как попало обернута мокрым полотенцем, душегрея застегнута криво, подол задрался, под мышкой ушат с кучей грязного белья*…».

Выделенные образы взаимодействуют друг с другом в тексте, прежде всего, образы скал и реки: «Наконец на правый берег вышел боец Дождевой – *все такой же суровый, непреклонный, неприступный… И от его апостольского укора* Чусовая *корчилась и билась, как в падучей*. Дождевой словно бы *угрюмо встал над рекой на отчитку*, и река *заколотилась, одержимая* ташами, как *бесами*».

В одном произведении могут быть представлены два или несколько ключевых метафорических полей. Так, в романе А. Иванова «Географ глобус пропил», с одной стороны, используется ряд сравнений, объединяющихся в поле «Доисторические животные», с другой стороны, раз-

вивается метафорическое поле «Космос». Единицы первого поля углубляют временную перспективу текста: «Мачты казались *копьями, косо вонзенными в тело сраженного мамонта*», «В алой полосе на горизонте лежит багровое солнце, точно *огромный птеродактиль снес доисторическое яйцо*». Единицы второго поля отражают стремление героя выйти за пределы пошлого обыденного существования: «Было во всем этом что-то *космическое*: целое блюдо слепящего света в океане черноты, и вдали пунктир мелких *звездочек* – фонарей на дамбе, – словно отнесенный в сторону *окраинный рукав спиральной галактики*. Шум душа напоминал *свист вселенского эфира*».

В романе А. Варламова «Мысленный волк» взаимодействуют ключевые образные поля «Звери» и «Болезни»: «*Мысленный волк* <...> действительно существует – *микроб*, *вирус*, тля, и этим *вирусом* заражается все вокруг. Это была разновидность духовного *бешенства*, *чумка*, *эпидемия*, беда».

Заключение

Для современной русской прозы характерно развертывание в тексте произведения ключевых образных полей. В их состав входят опорные слова компаративных конструкций – метафор и сравнений, выполняющие текстообразующую функцию. Выбор поля определяется авторскими интенциями. Развертывание ключевого образного поля в тексте связано с развитием его сквозных мотивов (см., например, роман З. Прилепина «Обитель» или роман А. Варламова «Мысленный волк»).

Анализ современных художественных прозаических произведений позволили выделить несколько типов ключевых образных полей: 1. Поле, состав которого обусловлен темой произведения (например, поле «Еда» в романе А. Матвеевой «Есть!»; 2. Поле, выбор единиц которого мотивирован типом главного героя и его точкой зрения (например, поле «Музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен»; 3. Поле, определяемое идейно-эстетическим содержанием произведения в целом (например, поле «Звери» в романе З. Прилепина «Обитель»). Отмеченные критерии выделения типов образных полей могут пересекаться и сочетаться в одном произведении.

Доминанта образного поля часто задается заглавием, например «Есть!» А. Матвеевой, «Мысленный волк» А. Варламова. Развертывание ключевого образного поля в тексте и его структура отражают особенности идиостиля писателя. Например, для идиостиля А. Иванова характерно широкое использование приема персонификации при построении поля.

Ключевые образные поля в художественной речи требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

Абрамов В. П. Семантические поля русского языка. Москва : Флинта, 2019. 333 с.

Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Том первый. Москва : Издательство «Индрик», 1994. 800 с.

Гик А. В. Животные и люди. Семантические преобразования в романе Прилепина «Обитель» // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: Сборник научных статей / под общей редакцией З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой. Москва : Аквилон, 2021. С. 26–41.

Иванова Н. Б. Метафора в современной русской прозе // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: Сборник научных статей / под общей редакцией З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой. Москва : Аквилон, 2021. С. 95–106.

Ключерова А. О. Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина. Москва, 2017. 168 с.

Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. / сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова / под общ. ред. З. Ю. Петровой. Москва : Знак, 2009. 896 с.

Николина Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. Москва : Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

Петрова З. Ю. Образное поле «Растения» в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» // Верхневолжский филологический вестник. 2015. №1. С. 54–59.

Резанова З. И., Пановица В. Ю. Ключевые текстовые метафорические модели трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 33–38.

Шиляев К. С. Ключевая текстопорождающая концептуальная метафора в повести Дж. Лондона «The Call of the Wild» // Вестник Томского гос. университета. 2012. № 358. С. 11–14.

Шпилева Ю. В. Образные поля в орнаментальной прозе (на материале произведений русской литературы первой трети XX века). Ярославль, 2015.

Semino E., Swindlehurst K. Metaphor and mind style in Ken Kesey's One Flew Over the Cuckoo's Nest. *Style*, 1996, 30 (1), pp. 143–166.

Simon-Vandenbergen A.-M. Speech, music and dehumanisation in George Orwell's Nineteen Eighty-Four. A linguistic study of metaphor. *Language and Literature*, 1993, 2, pp. 157–182.

Weinrich H. Münze und Wort: Untersuchungen an einem Bildfeld. Weinrich H. *Sprache in Texten*. Stuttgart: Klett, 1976, pp. 276–290.

Reference list

Abramov V. P. Semanticheskie polja russkogo jazyka = Semantic fields of the Russian language. Moskva : Flinta, 2019. 333 s.

Afanas'ev A. A. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu = The Slavs poetic views of nature : v 3 tomah. Tom pervyj. Moskva : Izdatel'stvo «Indrik», 1994. 800 s.

Gik A. V. Zhivotnye i ljudi. Semanticheskie preobrazovanija v romane Prilepina «Obitel'» = Animals and people. Semantic transformations in Prilepin's novel The Abode // Metaforicheskaja kartina mira sovremennoj hudozhestvennoj prozy: Sbornik nauchnyh statej / pod obshhej redakciej Z. Ju. Petrovoj, N. A. Fateevoj. Moskva : Akvilon, 2021. S. 26–41.

Ivanova N. B. Metafora v sovremennoj russkoj proze = Metaphor in modern Russian prose // Metaforicheskaja kartina mira sovremennoj hudozhestvennoj prozy: Sbornik nauchnyh statej / pod obshhej redakciej Z. Ju. Petrovoj, N. A. Fateevoj. Moskva : Akvilon, 2021. S. 95–106.

Kljucherova A. O. Struktura i funkcii metafor v proizvedenijah A. S. Grina = The structure and function of metaphors in A. S. Green's works. Moskva, 2017. 168 s.

Kozhevnikova N. A. Izbrannye raboty po jazyku hudozhestvennoj literatury = Selected works on the language of fiction / sost. E. V. Krasil'nikova, E. Ju. Kukushkina, Z. Ju. Petrova / pod obshh. red. Z. Ju. Petrovoj. Moskva : Znak, 2009. 896 s.

Nikolina N. A. Filologicheskij analiz teksta = Philological text analysis : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. 256 s.

Petrova Z. Ju. Obraznoe pole «Rastenija» v «Materialah k slovarju metafor i sravnenij russkoj literatury XIX–HH vv.» = The figurative field of «Plants» in «Materials for the dictionary of metaphors and comparisons in Russian literature of the 19th-20th centuries» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2015. №1. S. 54–59.

Rezanova Z. I., Panovica V. Ju. Kljuchevye tekstovye metaforicheskie modeli trilogii D. Rubinoj «Ljudi vozduha» = Key textual metaphorical models in D. Rubin's trilogy People of the Air // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 382. S. 33–38.

Shiljaev K. S. Kljuchevaja tekstoporozhdajushhaja konceptual'naja metafora v povesti Dzh. Londona «The Call of the Wild» = The key text-forming conceptual metaphor in J. London's story «The Call of the Wild» // Vestnik Tomskogo gos. universiteta. 2012. № 358. S. 11–14.

Shpileva Ju. V. Obraznye polja v ornamental'noj proze (na materiale proizvedenij russkoj literatury pervoj treti HH veka) = Figurative fields in ornamental prose (on the material of Russian literature of the first third of the XX century). Jaroslavl', 2015.

Semino E., Swindlehurst K. Metaphor and mind style in Ken Kesey's One Flew Over the Cuckoo's Nest. Style, 1996, 30 (1), pp. 143–166.

Simon-Vandenbergen A.-M. Speech, music and dehumanisation in George Orwell's Nineteen Eighty-Four. A linguistic study of metaphor. Language and Literature, 1993, 2, pp. 157–182.

Weinrich H. Münze und Wort: Untersuchungen an einem Bildfeld. Weinrich H. Sprache in Texten. Stuttgart: Klett, 1976, pp. 276–290.

Статья поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 23.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 81
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-102-107

Ритм и его национальная специфика в политической публичной речи

Елена Владимировна Мишенькина
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
e.mishenkina@yspu.org, https://orcid.org/0000-0002-1314-4156

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу специфики политических публичных выступлений, который продолжает оставаться одним из наиболее актуальных вопросов лингвистики. В современных условиях выступления политических деятелей транслируются на обширную аудиторию, они оказывают значительное влияние на слушателей и их последующие действия. В статье рассматривается понятие речи, а также политической публичной речи, ее особенности. Рассматривается понятие ритма текста и его специфика в политическом публичном тексте. Проведен автоматизированный анализ ритмических средств в данных текстах с использованием инструмента ProseRhythmDetector-PRD, позволяющий определить наличие ритмических средств в политических публичных текстах и их количественные показатели. Политическое публичное выступление является мощным инструментом, с помощью которого политик может достичь желаемого результата. Прием повтора является наиболее эффективным способом воздействия, который реализуется во всех его возможных проявлениях (стилистические средства языка), тем самым реализуется воздействие на реципиента через бессознательное восприятие информации. Представлены результаты анализа ритмических средств в политических публичных выступлениях политических лидеров России и США в период с 2005 по 2020 гг. Сделаны выводы об особенностях ритма в англоязычных и русскоязычных политических публичных текстах. Полученные результаты свидетельствуют о принципиальных отличиях на лексико-грамматическом и фонетическом уровнях в ритме русскоязычных и англоязычных публичных политических текстов. Ритмические средства фонетического уровня полностью отсутствуют в англоязычных текстах и широко представлены в русскоязычных, в последних они на несколько порядков используются чаще, чем ритмические средства лексико-грамматического уровня.

Ключевые слова: речь, политическая публичная речь, текст, ритм, стилистические средства, уровни языка, национальная специфика

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-07-00243А «Создание методов автоматизированной обработки текстов с целью авторизации, анализа и построения ритмичных текстов на русском, французском и английском языках»)

Для цитирования: Мишенькина Е. В. Ритм и его национальная специфика в политической публичной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 102-107. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-102-107

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Rhythm and its national specificity in political public speech

Elena V. Mishenkina
Candidate of philological sciences, associate professor, department of theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
e.mishenkina@yspu.org, https://orcid.org/0000-0002-1314-4156

© Мишенькина Е. В., 2021

Abstract. This article focuses on the specifics of political public discourse, which continues to be one of the most pressing issues of linguistics. In modern conditions, speeches of political figures are broadcast to a wide audience, they influence significantly the listeners and their subsequent actions. This article examines the concept of speech, as well as political public speech, and its characteristics. The concept of the rhythm of the text and its specificity in the political public text are considered. The automated analysis of rhythmic devices in these texts was carried out using the ProseRhythmDetector - PRD tool, which allows us to determine the presence of rhythmic devices in political public texts and their quantitative results. Political public speech is a powerful tool by which a politician can achieve the desired result. The method of repetition is the most effective way of influencing, which is implemented in all its possible manifestations (stylistic means of language), thus the impact on the recipient through the unconscious perception of information is realized. The author presents the results of the analysis of rhythmic devices in political public speeches of Russian and U.S. political leaders from 2005 to 2020. The results of the research indicate fundamental differences at the lexical, grammatical and phonetic levels in the rhythm of public political texts in Russian and in English.Rhythmic devices at the phonetic level are completely missing in English texts and are widely represented in Russian ones, in the latter they are used much more often than rhythmic devices at the lexical and grammatical level.

Key words: speech, political public speech, text, rhythm, stylistic devices, linguistic levels, national specifics

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-07-00243A «Creation of methods for automated processing of texts for the purpose of authorization, analysis and construction of rhythmic texts in English, French and English»)

For citation: Mishenkina E. V. Rhythm and its national specificity in political public speech. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):102-107. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-102-107

Введение

Вопрос специфики политических публичных выступлений остается одним из наиболее актуальных вопросов лингвистики. В современных условиях компьюторизации и цифровизации выступления политических деятелей транслируются на аудиторию, которая может исчисляться миллионами. Поскольку речь является явлением психическим, и каждый речевой акт подвержен воздействию психических факторов (мышление, ощущения, эмоции, представления, восприятие и т. д.). Речь в значительной степени определяется условиями, в которых она реализуется (сюда относятся исторические, социальные факторы), речь является динамичной и подвижной, имеет спонтанный характер [Звегинцев, 1968].

Публичная речь отличается четко выделенной темой и целью. В случае, когда тема и цель таковыми не являются, выступающий не достигнет желаемого результата, поскольку он не будет услышан аудиторией. Без предмета и назначения речи выступление утрачивает свой смысл. Ключевой задачей политического публичного выступления является воздействие на сознание аудитории как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Разнообразные языковые средства являются наиболее эффективными для достижения желаемого результата [Попова, 2012]. Наиболее эффективными из них являются экспрессивные **с**тилистические приемы [Ахманова, 1966, с. 454], к которым относятся и различные виды повторов как на лексико-грамматическом, так и фонетическом уровнях.

Специалисты в сфере теории коммуникации [Демьяков, 2002; Хазагеров, 2002; Юдина 2004] характеризуют политическую речь как имеющую следующие характеристики: оценочность и агрессивность, которые реализуются во внушении отрицательного отношения к его оппонентам, и при этом происходит навязывание определенных ценностей и оценок. Поскольку основная цель политической речи – побудить слушателя к действию, убедить его в правильности тех или иных оценок и действий, то речь отличается своей исключительной эффективностью. Успех речи определяется не только умением политика затронуть актуальную проблему в сознании слушателей, но и воздействовать на болевые точки. Считается, что эффективность политической публичной речи зависит от правильности, ясности, уместности. Неграмотная речь не только производит плохое впечатление, но и снижает убедительность, а значит и эффективность. Ясность речи способствует ее пониманию слушателем, в такой речи всё логично и мотивировано, именно поэтому она является убедительной. Красивая политическая речь обладает своего рода магнетизмом, к такой речи прислушиваются, ее запоминают. Ученые отмечают, что политическая речь в достаточно высокой степени суггестивна [Ножин, 1973]. Красота речи главным образом проявляется через синтаксис и правильный выбор слов. Напрямую с убедительностью речи связана лишь ясность. Уместность, красота или

правильность по отдельности не сделают выступление убедительным. Речь политика будет эффективной только тогда, когда она будет сочетать в себе все четыре качества.

Согласно А. П. Чудинову, выразительные средства политической речи ценятся больше, чем ясность и политическая корректность. Эти средства привлекают внимание слушателей на бессознательном уровне, заставляют их задуматься и помогают глубже понять смысл. Удачное использование приемов выразительности делает речь яркой [Чудинов, 2006]. Повторное использование ключевых слов является одним из наиболее популярных средств представления политических идей и воздействия на политическое сознание слушателей. Политические выступления часто содержат достаточное количество разъяснений и комментариев [Ухвачев, 2015], что тоже является формой реализации повтора. Политическое публичное выступление является мощным инструментом, с помощью которого политик может достичь желаемого результата. Прием повтора реализуется во всех его возможных проявлениях, тем самым реализуется воздействие на реципиента через бессознательное восприятие информации, что является наиболее эффективным способом воздействия.

Специфика ритма текста проявляется во всех указанных выше категориях. В процессе восприятия информации спектр испытываемых эмоций у реципиента может варьироваться от отрицания, раздражения, сочувствия до эмпатии, полного приятия. Это и есть результат воздействия речи на психологическом и эмоциональном уровнях, за счет наличия ритма в тексте, который реализуется на уровне фонетики, лексики, стилистики, грамматики и структуры [Бойчук, 2011].

Особенность политического текста определяется его ритмом. Ритм выступления воспринимается реципиентом на эмоциональном уровне, а не осмысливается им. Ритмическая природа текста имеет особое значение, поскольку именно она управляет реципиентом и его отношением к воспринимаемому материалу.

Исследователями ритм прозы рассматривается как систематическое проявление лексических, грамматических, а также фонетических средств выразительности речи в рамках ритмической единицы. Следовательно, ритм реализуется в периодической последовательности сегментов, частей текста и в упорядоченной смене элементов в сюжетно-образной системе произведения на уровне реализации ритма [Бойчук, 2019].

Ритм текста рассматривался учеными, в частности В. В. Виноградовым, Е. А. Гончаровой, В. В. Григорьевым, Ю. Н. Карауловым, Ю. Н. Тыняновым, Н. А. Фатеевой, А. В. Чичериным, Р. Якобсоном и др., в рамках изучения авторского стиля или идиостиля, где ими отмечалась реализация специфики идиостиля по средствам ритма. Вопрос о национально-культурной специфике ритма текста и ритма в политическом публичном выступлении остается малоисследованным.

Методы исследования

С целью выявления национально-культурной составляющей в ритме текста были проанализированы публичные политические выступления представителей власти России и США. Материалом для анализа являются скрипты выступлений в период с 2005 по 2020 г., общее количество 100 выступлений, из которых 50 речей российских и 50 речей американских представителей власти. Анализ проводился с использованием инструмента ProseRhythmDetector- PRD, позволяющего осуществлять автоматизированный анализ ритмических средств как на лексико-грамматическом уровне, так и на фонетическом. Инструмент позволил проанализировать русскоязычные и англоязычные тексты на наличие/отсутствие следующих ритмических средств: анафора, эпифора, анадиплозис, диакопа, полисиндетон, симплока, эпизевксис, эпаналепсис, хиазм, апозиопезис, повторяющиеся восклицательные предложения, повторяющиеся вопросительные предложения, а также ассонанс и аллитерация [Лагутина Н. С., Лагутина К. В., Бойчук Е. И., Воронцова И. А., Парамонов И. В., 2019]. Автоматизированная обработка текстов позволяет анализировать объемные тексты и с высокой степенью точности определять ритм посредством присутствующих средств ритма [Кишалова, 2016; Dubremetz, 2017, 2018].

Результаты исследования

Результаты анализа текстов публичных политических выступлений американских и российских политиков за 2005–2020 годы

Стилистический прием	Англоязычные тексты	Русскоязычные тексты
анафора	1110	107
эпифора	371	74
анадиплозис	61	13
диакопа	19108	1692
полисиндетон	0	349
симплока	77	5
эпизевксис	342	47
эпаналепсис	36	4
хиазм	5	0
апозиопезис	1	0
повторяющиеся восклицательные предложения	72	60
повторяющиеся вопросительные предложения	4	35
ассонанс	0	45750
аллитерация	0	83635

В результате проведенного анализа было установлено, что наиболее популярными ритмическими средствами в англоязычных выступлениях являются: 1. диакопа (19108), 2. анафора (1110), 3. эпифора (371), 4. эпизевксис (342). Наиболее популярными ритмическими средствами в русскоязычных выступлениях являются: 1. аллитерация (83635), 2. ассонанс (45750), 3. диакопа (1692), 4. полисиндетон (349).

В англоязычном тексте ключевым ритмическим средством является диакопа – повтор слова или словосочетания, в русском – это аллитерация – повтор букв, но количественный состав данных средств значительно отличается в обоих языках. Частота присутствия диакопы находится на ином порядковом уровне по сравнению со всеми остальными средствами, даже, если взять общее суммарное значение всех остальных средств. Анафора (1110) и эпифора (371) присутствуют в англоязычных текстах чаще, чем в русскоязычных, в последних они используются намного реже: анафора (107) и эпифора (74). Повтор слова в начале и в конце предложения (симплока) присутствует во всех текстах, но в русскоязычных встречается лишь в 5 случаях, а в англоязычных 77 раз. Повтор слов на стыке (анадиплозис) присутствует в англоязычных (61) и русскоязычных (13) текстах, но не так часто, как повтор слов в начале и конце предложения. Следующее ритмическое средство, на которое следует обратить внимание при сопоставлении особенностей ритма англоязычных и русскоязычных политических текстов, является полисиндетон – многосоюзие. Повтор союзов достаточно часто встречается в русскоязычных текстах (349) и полностью отсутствует в англоязычных. Трактовать эту особенность ритма представляется достаточно сложным, но, в качестве предположения, можно рассматривать особенность английского языка, которая заключается в его экономичности, что не свойственно русскому языку. Как уже отмечалось, на 4 месте по популярности в англоязычных текстах находится эпизевксис (повтор 2 и более слов) 342 случая, против 47 в русскоязычных. Эпаналепсис (повтор слова или сочетания в начале и в конце предложения) не является распространенным как в англоязычных (36), так и русскоязычных текстах (4). Отличительной характеристикой англоязычного ритма является наличие хиазма (повтор слова по определенной схеме) – 5, в русскоязычных текстах данный прием выражения ритма полностью отсутствует. Апозиопезис (повтор предложений с многоточием) лишь однажды присутствует в англоязычных текстах и ни разу не был определен в русскоязычных. Повторяющиеся восклицательные предложения и повторяющиеся вопросительные предложения присутствуют в обоих видах текстов, но первые более популярны по сравнению со вторыми, в англоязычных текстах – 72 случая и в русскоязычных – 60 случаев. Повтор вопросительных предложений определяется чаще в русскоязычных текстах (35 случаев), чем в англоязычных (только 4 случая). В результате количественных показателей ассонанса и аллитерации в русскоязычных текстах можно говорить о принципиальном отличии ритма в двух языках. Можно сделать предположение, что это связано, а возможно, и опосредованно спецификой на-

циональных интонационных рисунков, которые также имеют принципиальные отличия: английскому интонационному рисунку свойственны восходящая и нисходящая интонация и ударение, а русскому интонационному рисунку свойственно их отсутствие и общая нейтральность, которая, как можно предположить, может реализовываться за счет повтора согласных и гласных звуков. Следующим обоснованием данных отличий могут выступать фонетические особенности английского и русского языков, так как в английском языке количество согласных – 24 и гласных – 20, что примерно пропорционально, поэтому наличие более двух согласных для него не характерно [Бурая, 2006], а русский язык по соотношению согласных и гласных фонем (первых 36, вторых 6) относится к консонантным языкам, в нем язык отличается скоплением согласных в пределах одной морфемы [Исаченко, 1963]. Подобные скопления представлены сочетанием не только двух, но трех и более согласных. Вероятно, это и может быть причиной наличия и доминирования ритмических средств на фонетическом уровне.

Заключение

Данные результаты свидетельствуют о принципиальных отличиях на лексико-грамматическом и фонетическом уровнях в ритме русскоязычных и англоязычных публичных политических текстов. Ритмические средства фонетического уровня полностью отсутствуют в англоязычных текстах и широко представлены в русскоязычных, причем в последних они на несколько порядков используются чаще, чем ритмические средства лексико-грамматического уровня. Таким образом, ритм политического публичного выступления имеет национальную составляющую, которая реализуется на всех языковых уровнях через присутствие присущих той или иной культуре средств ритма.

Библиографический список

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Советская Энциклопедия, 1966. 607 с.

Бойчук Е. И. Восприятие ритма прозаического текста // Актуальные вопросы филологических наук : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита : Издательство Молодой ученый, 2011. С. 39–44. URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/25/959/ (дата обращения: 01.04.2021).

Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка). Ярославль : Канцлер, 2019. 232 с.

Бурая Е. А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс : учебник для студентов лингв. вузов и фак. Москва : Академия, 2006.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. Москва : Просвещение, 1968. 338 с.

Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Москва : Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. С. 106–124.

Кишалова Л. В. «Анализ особенностей ритмической структуры текстов разных стилей речи» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 257–261.

Лагутина Н. С., Лагутина К. В., Бойчук Е. И., Воронцова И. А., Парамонов И. В. Автоматизированный поиск средств ритмизации художественного текста для сравнительного анализа оригинала и перевода на материале английского и русского языков // Модел. и анализ информ. систем. 2019. Т 26. № 3. С. 420–440.

Наговицын А. Е. Особенности ритмо-фонетической структуры текста: Смысловое наполнение фонетических знаков : учебное пособие. Москва : МПСИ : Флинта, 2005. 408с.

Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства. Москва : Знание, 1973. 352 с.

Попова Т. Г. Политический текст и его лексические особенности. Москва : МПГУ, 2012. Вып. 3. С. 90–97. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-tekst-ego-leksicheskie-osobennosti (дата обращения: 24.05.2021)]

Стенограммы выступлений американских политиков. URL: https://www.whitehouse.archives.gov

Стенограммы выступлений российских политиков. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts

Ухвачев Г. И., Куимова М. В. Некоторые особенности политической речи // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 74–75.

Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. Москва : Никколо-Медиа, 2002. 313 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

Юдина Т. В. Дискурсивное пространство политической речи // Актуальные проблемы теории коммуникации. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГПУ, 2004.

Dubremetz M. Machine learning for rhetorical figure detection: more chiasmus with less annotation // Proceedings of the 21st Nordic Conference of Computational Linguistics (Gothenburg: Linköping University Electronic Press), 2017. P. 37–45. URL: https://www.aclweb.org/anthology/W17–0205 (дата обращения 11.05.2021).

Dubremetz M. Rhetorical Figure Detection: Chiasmus, Epanaphora, Epiphora // Frontiers in Digital Humanities, Vol. 5, 2018. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fdigh.2018.00010/full (дата обращения 11.05.2021).

Reference list

Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of linguistic terms. Moskva : Sovetskaja Jenciklopedija, 1966. 607 s.

Bojchuk E. I. Vosprijatie ritma prozaicheskogo teksta = Perception of the prose text rhythm // Aktual'nye voprosy filologicheskih nauk : materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chita, nojabr' 2011 g.). Chita : Izdatel'stvo Molodoj uchenyj, 2011. S. 39–44. URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/25/959/ (data obrashhenija: 01.04.2021).

Bojchuk E. I. Analiz ritma prozy (na materiale francuzskogo jazyka) = Prose rhythm analysis (in the French language). Jaroslavl' : Kancler, 2019. 232 s.

Buraja E. A. Fonetika sovremennogo anglijskogo jazyka. Teoreticheskij kurs = Phonetics of modern English. Theoretical course : uchebnik dlja studentov lingv. vuzov i fak. Moskva : Akademija, 2006.

Dem'jankov V. Z. Politicheskij diskurs kak predmet politicheskoj filologii = Political discourse as a subject of political philology // Politicheskaja nauka. Politicheskij diskurs: Istorija i sovremennye issledovanija. 2002. № 3. S. 32–43.

Zvegincev V. A. Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika = Theoretical and applied linguistics. Moskva : Prosveshhenie, 1968. 338 s.

Isachenko A. Opyt tipologicheskogo analiza slavjanskih jazykov = Typological analysis of Slavonic languages // Novoe v lingvistike. Moskva : Izd-vo inostr. lit., 1963. Vyp. 3. S. 106–124.

Kishalova L. V. «Analiz osobennostej ritmicheskoj struktury tekstov raznyh stilej rechi» = « Rhythmic structure analysis in texts of different speech styles» // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 1 (27). S. 257–261.

Lagutina N. S., Lagutina K. V., Bojchuk E. I., Voroncova I. A. Paramonov I. V. Avtomatizirovannyj poisk sredstv ritmizacii hudozhestvennogo teksta dlja sravnitel'nogo analiza originala i perevoda na materiale anglijskogo i russkogo jazykov = Paramonov I. V. Automated search of means of artistic text rhythmization for comparative analysis of the original and translation in English and Russian // Model. i analiz inform. sistem. 2019. T 26. № 3. S. 420–440.

Nagovicyn A. E. Osobennosti ritmo-foneticheskoj struktury teksta: Smyslovoe napolnenie foneticheskih znakov = Rhythmic and phonetic structure of the text: The semantic content of the phonetic signs : uchebnoe posobie. Moskva : MPSI : Flinta, 2005. 408s.

Nozhin E. A. Osnovy sovetskogo oratorskogo iskusstva = Soviet public speech basics. Moskva : Znanie, 1973. 352 s.

Popova T. G. Politicheskij tekst i ego leksicheskie osobennosti = Political text and its lexical features. Moskva : MPGU, 2012. Vyp. 3. S. 90–97. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-teksti-ego-leksicheskie-osobennosti (data obrashhenija: 24.05.2021)]

Stenogrammy vystuplenij amerikanskih politikov = Transcripts of American politicians' speeches. URL: https://www.whitehouse.archives.gov

Stenogrammy vystuplenij rossijskih politikov = Transcripts of Russian politicians' speeches . URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts

Uhvachev G. I., Kuimova M. V. Nekotorye osobennosti politicheskoj rechi = Some features of political speech. // Molodoj uchenyj. 2015. № 10 (90). S. 74–75.

Hazagerov G. G. Politicheskaja ritorika = Political rhetoric. Moskva : Nikkolo-Media, 2002. 313 s.

Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika = Political linguistics : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.

Judina T. V. Diskursivnoe prostranstvo politicheskoj rechi = Political speech discursive space // Aktual'nye problemy teorii kommunikacii. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGPU, 2004.

Dubremetz M. Machine learning for rhetorical figure detection: more chiasmus with less annotation // Proceedings of the 21st Nordic Conference of Computational Linguistics (Gothenburg: Linköping University Electronic Press), 2017. R. 37–45. URL: https://www.aclweb.org/anthology/W17–0205 (data obrashhenija 11.05.2021).

Dubremetz M. Rhetorical Figure Detection: Chiasmus, Epanaphora, Epiphora // Frontiers in Digital Humanities, Vol. 5, 2018. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fdigh.2018.00010/full (data obrashhenija 11.05.2021).

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 25.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 81'26
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-108-118

Особенности трансляции фигур ритма при переводе публицистических текстов

Инна Алексеевна Воронцова[1]✉, Екатерина Сергеевна Комолова[2]

[1]Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

[2]Студентка 4 курса факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

[1]arinna1@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-5897-9299

[2]ugglapaettliv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6185-5091

Аннотация. Настоящее исследование выполнено в русле теории стилометрии с применением межъязыкового анализа и имеет целью выявление тенденций передачи фигур ритма при переводе публицистического текста, а именно текста публичной речи. Материалом исследования послужил текст публичного выступления президента США Б. Обамы на 8 пленарном заседании 71 сессии Генеральной Ассамблеи ООН (20.09.2016г.) и его официальный перевод на русский язык. Для анализа ритма текста публичной речи был использован инструмент ProseRhythmDetector (PRD), позволяющий осуществлять автоматизированный анализ ритмических средств, имеющих в своей структуре повтор – синтаксический и фонетический. Результаты сравнительно-сопоставительного исследования показали, что наиболее высокую точность воспроизведения в переводе англоязычной публичной речи на русский язык имеют диакопа (58, 3 %), анафора (50 %) и анадиплозис (50 %), наименьшую точность – полисиндетон (23 %) и эпифора (0 %). Причины полноценной передачи синтаксических ритмических средств связаны с равными возможностями английского и русского языков в формировании ритмического рисунка текста. Причины фрагментарного или нулевого воспроизведения ритмических средств в переводе объясняются расхождениями в грамматической и лексической структурах английского и русского языков, а так же разницей в тема-рематическом членении предложений. Утраченные средства ритмизации были частично компенсированы при переводе: наблюдались случаи включения фигур ритма в предложения, не содержащие ритмических средств в оригинале, а также случаи замены средств ритмизации. Фонетические средства ритма воспроизведены с высокой точностью – 95.3 % для ассонанса и 117.1 % для аллитерации. Это обусловлено тем, что в среднем количество звуков в русском слове равно или больше, чем в английском. Кроме того, текст перевода превышает текст оригинала и по количеству слов, что также ведет в увеличению числа ассонирующих и аллитерирующих звуков. Несмотря на разнородность показателей количественного воспроизводства ритмических средств в переводе, ритмическая напряженность текста, равно как его замысел и коммуникативная тональность были сохранены.

Ключевые слова: публичная речь, фигура ритма, синтаксический повтор, фонетический повтор, перевод, компенсация

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-07-00243

Для цитирования: Воронцова И. А., Комолова Е. С. Особенности трансляции фигур ритма при переводе публицистических текстов // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 108-118. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-108-118

Original article

Reproduction of rhythmic devices in the translation of publicistic texts

Inna A. Vorontsova[1]✉, Ekaterina S. Komolova[2]

[1]candidate of philological sciences, associate professor, theory and practice of translation department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1

[2]4th year student, faculty of foreign languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

[1]arinna1@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-5897-9299

[2]ugglapaettliv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6185-5091

© Воронцова И. А., Комолова Е. С., 2021

Abstract. The present study is done within the framework of the theory of stylometry using interlingual analysis and is intended to identify trends in the reproduction of rhythmic devices in the translation of publicistic texts, namely public speeches. The study is based on the Address by President Obama to the 71st Session of the United Nations General Assembly and its official translation into Russian. Being designed for the search and analysis of rhythmic devices based on syntactic and phonetic repetition, the ProseRhythmDetector tool (PRD) was used to collect and examine the statistical data. The results of a comparative research show that diacope (58,3 %), anaphora (50 %) and anadiplosis (50 %) display the highest accuracy of reproduction in the translation of an English public speech into Russian, while polysyndeton (23 %) and epiphora (0 %) are characterized by the lowest figures. The reasons for the robust and accurate translation of syntactic devices are related to equal opportunities of English and Russian in the formation of a rhythmic text pattern. The reasons for partial or zero reproduction of rhythmic devices in translation are explained by discrepancies in the grammatical and lexical structures of English and Russian, as well as by differences in the actual division of a sentence. The loss of rhythmic means is partially compensated for in translation: there have been instances of rhythmic devices appearing in sentences which do not contain any rhythmic means in the original as well as cases of rhythmic device substitution. Phonetic rhythmic means are reproduced with a very high degree of precision – 95.3% for assonance and 117.1 % for alliteration. This can be explained by the fact that the number of sounds in an average Russian word is equal to or greater than that in an English word. In addition, the overall quantity of words in the translated text is greater than in the original, which also increases the number of assonating and alliterating sounds. Despite the heterogeneity of the quantitative reproduction of rhythmic devices in translation, the rhythmic tension of the original, as well as its message, voice and sentiment have been recaptured.

Key words: public speech, rhythmic device, syntactic repetition, phonetic repetition, translation, compensation

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-07-00243

For citation: Vorontsova I. A., Komolova E. S. Reproduction of rhythmic devices in the translation of publicistic texts. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):108-118. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-108-118

Введение

Исследование ритма в прозаическом тексте приобретает все большую значимость в контексте развития теории атрибуции, лингво- и стилометрии. Ритмические фигуры и принципы ритмической организации текста изучаются на материале художественной прозы разных жанров и форм [Автоматизированный анализ текстовых характеристик…, 2020; The Influence of Different Stylometric Features…, 2020; Automatic Extraction of Rhythm Figures…, 2020], рекламных текстов [Атанова, 2019; Бойчук, 2021; Peculiarities of Phonostylistic Devices Usage, 2018], отдельных жанров публицистических текстов [Калашникова, 2015а; Калашникова, 2015б; Митрофанова, 2018; Gibbon, 2019; Knudsen, 2019; Rhythm analysis of texts using Natural Language Processing, 2016] и др. Изучение ритма в публицистике приобретает особую актуальность на фоне активного развития и диверсификации данного функционального стиля, проникновения его элементов в другие стили речи, глобализации и цифровизации публицистики и т. д.

Актуальность рассмотрения проблемы ритма в транслатологическом аспекте обусловлена недостаточной разработанностью вопроса воспроизводства при переводе ритмической структуры прозаического текста вообще [Голубева-Монаткина, 2016; Автоматизированный поиск средств ритмизации…, 2019; Исследование передачи ритма при переводе литературных произведений, 2015; Vorontsova, 2020] и практически полным отсутствием работ в области трансляции ритма публицистического текста, в частности, в то время как необходимость оценки приемов передачи средств ритмизации при переводе публицистики, особенно «звучащей» публицистики, ощущается все острее. Эти вопросы напрямую сопряжены с лингвопрагматическими и транслатологическими аспектами исследования ораторского стиля и его эволюции [Robust stylometric analysis…, 2019; The Influence of Different Stylometric Features…, 2020; Automatic Extraction of Rhythm Figures…, 2020], а также генерирования ритмичных текстов на разных языках [Обзор инструментов для анализа ритма текста…, 2019].

Методы исследования

Настоящее исследование выполнено на материале оригинала публичного выступления 44 президента США Барака Обамы на 8 пленарном заседании 71 сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 20 сентября 2016 года и его официального перевода на русский язык. Текст оригинала опубликован на официальном сайте Организации

Объединенных Наций [Address by President Obama…, 2016], текст перевода взят с ресурса «ИНОСМИ.РУ» [Выступление президента Обамы, 2016]. Общий объем проанализированного материала составляет 85 тысяч печатных знаков с пробелами.

Методологическая база исследования представляет собой синтез теоретических и количественных методов. К теоретическим методам относятся методы анализа и классификации, к количественным – методы сбора и статистической обработки полученной информации.

Для анализа ритма публицистического текста (публичной речи) в данном исследовании был использован инструмент ProseRhythmDetector (PRD), который позволяет осуществлять автоматизированный анализ ритмических средств, имеющих в своей структуре повтор: на уровне синтаксиса это анафора, эпифора, диакопа, симплока, анадиплозис, эпизевкис, полисиндетон и эпаналепсис, на фонетическом уровне – ассонанс и аллитерация. Инструмент поддерживает четыре языка: русский, английский, французский и испанский [Автоматизированный анализ текстовых характеристик…, 2020; Обзор инструментов для анализа ритма текста, 2019; Automatic Extraction of Rhythm Figures…, 2020; Authorship verification of literary texts with rhythm features…, 2021].

Выбор ритмических средств, предназначенных для автоматической выборки и анализа с помощью вышеназванного инструмента, объясняется частотностью их появления в ритмической структуре прозаических текстов.

Результаты исследования

По мнению многих исследователей, текстопорождение, в том числе в рамках публицистического стиля, «изначально связано с возникновением некоей ритмичности» [Калашникова, 2015а, с. 43], пронизывающей весь текст, составляющей его тоново-просодическую и императивно-суггестивную основу.

А. Р. Калашникова, исследующая особенности ритмической организации газетной публицистики через призму синтагматического анализа, отмечает правомерность выделения первичных и вторичных средств ритмизации. По мнению автора, на первичном уровне «ритм формируется за счет чередования синтагм и чередования ударных и безударных слогов внутри синтагмы (внутрисинтагменного ритма), а также за счет соотношения количества ударений с длиной синтагмы». К вторичным средствам текстовой ритмизации А. Р. Калашникова относит все виды повторов (фонические, лексические, грамматические, синтаксические, интонационные, графические). Автор указывает на ведущую роль средств вторичной ритмизации в художественной прозе и некоторую ограниченность их применения в текстах других жанров. Исследователь обращает особое внимание на рост интереса к проблеме ритма в звучащем (публицистическом) тексте, поскольку «ритм, как упорядоченное явление, обладает структурными единицами, которые наиболее отчетливо выделяются именно в звучащих текстах» [Калашникова, 2015б, с. 109–110], и ведущее место здесь, безусловно, занимает публичная речь.

В исследовании связи ритмической модели текста с его коммуникативной тональностью А. Р. Калашникова утверждает, что универсалией ритмообразования является повтор, различные виды которого реализуются в тексте в виде ритмических моделей [Калашникова, 2015а, с. 43].

Со ссылкой на мнение Н. Ю. Чернышевой, А. Р. Калашникова пишет, что «ритм способен представлять различное эмоциональное и экспрессивное содержание текста, акцентировать репрезентируемый личностный смысл» [Калашникова, 2015а, с. 44]. Иными словами, ритм во многом определяет коммуникативную текстовую тональность.

Публицистический текст создается для выражения авторской интенции. Ритмические модели, реализуясь в публицистическом тексте, характеризуют в первую очередь индивидуальный авторский ритм и отличаются многообразием и разнородностью [Калашникова, 2015а, с. 44].

Опираясь на положения А. Р. Калашниковой, полагаем, что в образовании ритма публицистического текста участвует практически весь репертуар средств вторичной ритмизации. Фонические (фонетические) средства более заметны, если публицистический текст предназначен для чтения или произнесения перед аудиторией. В таком случае обычно используются основанные на повторе ассонанс и аллитерация, которые, благодаря повтору тех или иных звуков, не только делают акцент на определенных словах, но и помогают передать настроение текста. Использование мягких согласных, например, указывает на спокойный, размеренный характер текста, в котором, возможно, автор рассказывает историю,

не содержащую в себе серьезную, неожиданную кульминацию. В то же время акцент на твердых согласных может указывать на желание автора текста побудить слушателя к действию, его возмущение тем или иным мнением, положением и т. п.

Особое место в ритмическом рисунке публицистического текста следует отвести синтаксическим средствам ритмизации, имеющим в своей структуре повтор. Это анафора, эпифора, диакопа, симплока, анадиплозис, эпизевкис, полисиндетон, эпаналепсис и др. В публицистических текстах они используются с целью формирования замысла текста, подчеркивают его коммуникативную тональность, обладают высоким суггестивным потенциалом. В публичной речи ритм, достигающийся за счет разных видов повтора, передает страстность, призывность, экспрессивность ораторского стиля.

Вне всяких сомнений, ритмический рисунок может быть создан или дополнен и средствами, которые не основаны на повторе, например, инверсией, парцелляцией, апозиопезой и др. В фонетическом аспекте к не основанным на повторе средствам ритмизации можно отнести ономатопею, анаграмму, парономазию и др. Однако, средства, основанные на повторе, составляют большую часть всех вторичных средств ритмизации. Именно они являются главным объектом настоящего исследования.

Воссоздание ритмического рисунка текста приобретает первостепенную важность при переводе примарно-эмоциональных текстов, к коим относится публицистика, в частности, «звучащая» публицистика. В качестве системы координат при оценке воспроизводства ритма в публицистическом переводе может быть принята система (теория) динамической или функциональной эквивалентности, предполагающая установление эквивалентности исходного и переведенного текстов на основании равенства (в широком смысле) впечатлений их реципиентов [Ding, 2008]. Это коррелирует с системой (категорией) адекватности, предусматривающей учет цели и задач перевода, а также «выравнивание» прагматического намерения отправителя (автора) исходного текста и когнитивных ожиданий реципиента текста на языке перевода [Автоматизированный анализ текстовых характеристик…, 2020, с. 68].

Данное положение пересекается, на наш взгляд, и с идеями, постулируемыми в рамках этики идентичности: И. Левый, Л. Венути и др. говорят о необходимости сохранения и миметическом воссоздании авторской и культурной подписи исходного текста. Постструктуралистская этика идентичности преследует не только цель сохранения самобытности чужой культуры, но и цель ознакомления реципиентов принимающей культуры с опытом этой чужой культуры и их последующего диалога [Категория эквивалентности в отечественном и западном переводоведении…, 2017, с. 75]. Принимая во внимание тот факт, что ритмический рисунок текста является не просто маркером авторского стиля, а может быть отнесен и к культурно-речевым традициям носителей разных языков (напомним, что коммуникативная тональность, акцентируемая ритмом, является культурно-обусловленной и соотносится с принятыми в обществе типами дискурса [Карасик, 2007, с. 384], см. также [Multilayeredness Of Literary Prosaic Text…, 2020; Лингвокультурные маркеры текста…, 2021; Robust stylometric analysis…, 2019; Authorship verification of literary texts with rhythm features…, 2021]), подход к толкованию эквивалентности в рамках этики идентичности представляется весьма продуктивным.

Еще раз отметим, что материалом для настоящего исследования стали оригинал и перевод публичного выступления Барака Обамы на 8 пленарном заседании 71 сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 20 сентября 2016 года [Address by President Obama…, 2016; Выступление президента Обамы, 2016].

Обращаясь к наиболее значимым с позиций транслатологии характеристикам оригинального текста, отметим, что авторство текста нельзя определить точно, так как текст с одинаковой долей вероятности мог быть написан как лично Бараком Обамой, так и командой спичрайтеров в соавторстве с президентом США. Источник текста определяем как групповой, реципиент текста – коллективно-групповой: это политики, дипломаты, граждане различных государств, которым в той или иной степени интересна политика, в данном случае политика Соединенных Штатов Америки и мнение о ней Барака Обамы. Принимая во внимание тот факт, что текст может быть написан лично президентом США, он может представлять интерес и для филологов и лингвистов, исследующих ораторский стиль Барака Обамы.

Коммуникативное задание исследуемого текста заключается в предоставлении слушателям и

читателям информации о политике, проводимой Соединенными Штатами Америки, а в некоторых моментах – в привлечении внимания к существующим в мире проблемам, которые требуют незамедлительного решения. Стиль текста – публицистический, жанр – публичная речь. Текст представлен в форме монолога, ведущая композиционно-речевая форма – сообщение с элементами рассуждения. Композиция текста стандартизированная, структурированная: присутствует вступление, основная часть и заключение. Тональность текста варьируется от нейтральной до экспрессивной (как положительной, так и отрицательной).

С функционально-прагматической точки зрения данный текст являет собой классический образец сочетания денотативной и экспрессивной функций: с одной стороны, президент США апеллирует к фактам, сообщая о действиях, предпринимаемых США в различных политических обстоятельствах (…*I make this argument not based on theory or ideology, but on facts*…), с другой стороны, Барак Обама выражает свое мнение по тем или иным вопросам, дает субъективную оценку событиям и решениям. В тексте употребляется значительное количество лексических средств выразительности (метафоры – *a society that asks less of oligarchs than of ordinary citizens will rot from within,* эпитеты – *retreat into a world sharply divided*, метонимии – *not every country in this Hall is going to follow the same model of governance,* аллюзии – *We see protests responding to Western newspaper cartoons that caricature the Prophet Mohammed* и др.). Наше внимание, однако, будет сосредоточено на фонетических и синтаксических средствах, содержащих в своей структуре повтор и формирующих ритмический рисунок текста. Для анализа фигур ритма взят транскрипт текста, для анализа просодического компонента использовалась видеозапись звучащей речи.

В проанализированном с помощью инструмента ProseRhythmDetector (PRD) оригинале текста публичного выступления Барака Обамы было выявлено 125 контекстов, содержащих синтаксический повтор, из них 22 контекста с анафорой, 2 контекста с эпифорой, 84 контекста с диакопой, 13 контекстов с полисиндетоном, 4 контекста, содержащих в своей структуре анадиплозис. На фонетическом уровне было выявлено 1565 случая ассонанса (с 195 повторениями звука /a:/, 168 повторениями звуков /ei/ и /e/, 157 повторениями звука /i/) и 2582 случая аллитерации (с 221 повторением звука /s/, 213 повторениями звуков /r/ и /t/, 211 повторениями звука /n/).

Большая часть анафор – это повторы вводных слов или вводных предложений. Данное средство используется Бараком Обамой для логического упорядочивания высказываний и перечислений, а также для акцентирования внимания на причинах тех или иных действий, их последствий или глобальных проблем, которые необходимо решить. Кроме того, очень часто встречается анафора с местоимениями «я» (*I*) и «мы» (*we*), что указывает на желание Барака Обамы подчеркнуть персональную вовлеченность в ситуацию, на осознание им личной ответственности за принятые решения, а также на единение с нацией и в отдельных случаях с мировым сообществом, на понимание того, что в одиночку проблемы не могли и не могут быть решены, для этого требуются совместные усилия и слаженная работа представителей многих государств.

Небольшое количество встретившихся контекстов эпифоры говорит о том, что их использование было случайным и не несло на себе выраженной смысловой нагрузки.

Использованием диакопы объясняется желание обратить внимание слушателя на конкретный элемент, который может быть важен в данном контексте. Барак Обама в своей речи при помощи диакопы делает акцент на понятиях, важных для развития всего человечества – «демократия» (*democracy*), «меньшинства» (*minorities*), «достоинство» (*dignity*), «интеграция» (*integration*): *In remote corners of the world, citizens are demanding respect for the dignity of all people (…), and those who deny others' dignity are subject to public reproach* [Address by President Obama…, 2016].

Полисиндетон (многосоюзие) также призван привлечь внимание слушателя к отдельным элементам текста, чаще всего к перечислению причин, приведших к тому или иному событию, или мер, принятых для решения той или иной проблемы: *My own family is made up of the flesh and blood and traditions and cultures and faiths...* [Address by President Obama…, 2016].

Анадиплозис служит для акцентирования внимания на ключевых словах: *building accountable institutions is hard work, the work of generations* [Address by President Obama…, 2016].

Фонетические средства – ассонанс и аллитерация также работают на реализацию экспрессивной функции. Их проявления варьируются, коррелируя с темповыми характеристиками речи

и паузацией. Так, в контексте: *Yes, in America, there is too much money in politics, too much (…) partisanship, too little participation by citizens, in part because of a patchwork of laws that make it harder to vote* [Address by President Obama…, 2016] активно используются долгие звуки /u:/ и /a:/, что создает эффект протяжности и взвешенности звучащих слов. В совокупности с диакопой, синтаксическим параллелизмом и аллитераций /p/ ассонанс подчеркивает весомость и даже тяжесть проблем, связанных с системой и процедурой выборов, и, возможно, неповоротливость и нежелание власти и общественности взяться за их решение. В другой ситуации доминирование кратких гласных высокого подъема в сочетании с большим количеством аллитерирующих согласных звуков (взрывных и сонорных) /m/, /w/, /d/ и /t/ порождает ощущение решимости и твердости, придает речи императивный оттенок: *And ultimately those ideals won out and opened doors for women, minorities and workers in ways that made our economy more productive and turned our diversity into a strength* [Address by President Obama…, 2016]. В целом, как указывалось выше, доминантами аллитерации выступают также звуки /s/: *Suppression and stagnation will set in* и /r/: *As leaders of democratic Governments make the case for democracy abroad, we had better strive harder to set a better example at home* [Address by President Obama…, 2016].

Анализ ритмической структуры текста перевода речи Барака Обамы показал следующие результаты.

В переводе было выявлено 19 контекстов с анафорой, 1 контекст с эпифорой, 77 контекстов с диакопой, 5 контекстов с полисиндетоном, 3 контекста с анадиплозисом. Кроме того, было выявлено 1492 случая ассонанса (с 230 повторениями звука /о/, 229 повторениями звука /а/, 222 повторениями звука /йэ/) и 3024 случая аллитерации (с 227 повторениями звука /н/, 218 повторениями звука /т/, 214 повторениями звука /р/, 208 повторениями звука /с/).

Анализируя данные фонетического анализа, отметим, что в русском переводе чаще всего встречается аллитерация с теми же звуками, которые наиболее распространены в оригинале текста (звуки /с/, /р/, /т/ и /н/). Что касается ассонанса, разница наиболее употребительных звуков в оригинале и переводе объясняется тем, что в среднем в русском языке звуки /о/ и /а/ встречаются в словах с такой же частотой, как английские звуки /a:/, /e/ и /i/ [Dewey, 2013].

Процент воспроизводимости ассонанса, несмотря на разницу наиболее употребительных звуков, составляет 95,3 %, а процент воспроизводимости аллитерации – 117,1 % , то есть чаще, чем в оригинале. Такие высокие цифры в последнем случае связаны с тем, что в среднем количество звуков в русских словах больше, чем количество звуков в английских словах [Козлова, 2019, с. 49]. Кроме того, сам текст перевода содержит больше слов, чем оригинальный текст, и иногда одному слову в английском тексте может соответствовать два или три слова в переводе на русский язык.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа фигур ритма синтаксического уровня выглядят следующим образом.

Из 22 контекстов с анафорой в оригинальном тексте в переводе с точностью были сохранены 11 контекстов (50%) (сохранено количество повторяющихся элементов и их позиция в тексте): *I believe that the road of true democracy remains the better path. I believe that, in the twenty-first century, economies can only grow to a certain point (…)* [Address by President Obama…, 2016] – *Я считаю, что путь подлинной демократии – это по-прежнему самый правильный путь. Я считаю, что в XXI веке экономический рост может происходить только до определенного момента (…)* [Выступление президента Обамы, 2016].

5 контекстов (22,7%) были воспроизведены частично, с меньшим количеством повторяющихся элементов: *That is why we have worked with other nations to create higher and clearer standards for banking and taxation (…) That is why we have pushed for transparency and cooperation in rooting out corruption (…) That is why we have worked to reach trade agreements that raise labour standards and raise environmental standards (…)* [Address by President Obama…, 2016] – *Вот почему мы сотрудничаем с другими странами в выработке более высоких и четких стандартов для банковских и налоговых органов (…) Вот почему мы настаиваем на прозрачности и сотрудничестве в деле искоренения коррупции (…) Именно поэтому мы стремимся заключать соглашения о торговле, которые повышают трудовые и экологические стандарты (…)* [Выступление президента Обамы, 2016].

6 оригинальных контекстов (27,3 %) не были воспроизведены в переводе, однако в переводе присутствуют 3 контекста с анафорой, которой нет в оригинальном тексте: *That is unprecedented, and it is not an abstraction. It means children have*

enough to eat; mothers do not die in childbirth [Address by President Obama…, 2016]. – *Это беспрецедентный успех, а не какое-то абстрактное достижение. Это означает, что у детей достаточно пищи, а матери не умирают во время родов* [Выступление президента Обамы, 2016].

Причинами частичной утраты анафоры могут служить лексические возможности русского языка. В приведенном выше примере начала двух предложений были переведены как «вот почему», а начало третьего предложения, где в оригинале мы видим третий элемент анафоры, было переведено синонимичным выражением «именно поэтому». Оба варианта соответствуют английскому «that is why».

Причинами полной утраты анафоры может служить нежелание переводчика перегружать текст повторами служебных частей речи, поскольку это несвойственно русскому языку. Причиной использования в переводе анафоры в контексте, оригинал которого не содержит данного ритмического средства, может быть попытка переводчика восполнить невоспроизведенную в других случаях анафору, то есть позиционная компенсация.

В оригинале и переводе не встретилось ни одного совпадения использования эпифоры.

2 оригинальных контекста (100%) не были воспроизведены в переводе, однако в переводе присутствует контекст с эпифорой, соответствующий контексту с диакопой в оригинале: *For the wealthiest countries, therefore, a green climate fund should be just the beginning. We need to invest in research and (...) then make those technologies accessible and affordable for poor countries* [Address by President Obama…, 2016]. – *Таким образом, создание зеленого климатического фонда должно стать лишь первым шагом со стороны наиболее богатых стран. Мы должны вкладывать средства в проведение исследований (...) а затем делать эти технологии физически и экономически доступными для бедных стран* [Выступление президента Обамы, 2016].

Причиной полной утраты эпифоры, а также ее использования в отличном от оригинального контексте может быть несовпадение в позиции ремы в русском и английском языках. К другим причинам следует отнести вынужденные грамматические замены и опущения, что в дальнейшем исключает возможность использования такого ритмического средства, как эпифора.

Из 84 контекстов диакопы в оригинальном тексте в переводе с точностью было передано 49 контекстов (58,3%): *We have to remember that the choices of individual human beings led to repeated world war, but we also have to remember that the choices of individual human beings created the United Nations so that a war like that would never happen again* [Address by President Obama…, 2016]. – *Мы не должны забывать о том, что выбор, сделанный отдельными лицами, неоднократно приводил к мировым войнам, однако мы также должны помнить о том, что в результате выбора, сделанного отдельными лицами, была создана Организация Объединенных Наций, целью которой является недопущение еще одной такой войны* [Выступление президента Обамы, 2016].

35 случаев диакопы (41,7%), присутствующих в оригинальном тексте, не были никак воспроизведены в русском переводе: *Across vast swaths of the Middle East, basic security and basic order have broken down* [Address by President Obama…, 2016]. – *На обширных территориях Ближнего Востока попираются базовые принципы безопасности и правопорядка* [Выступление президента Обамы, 2016].

В переводе, однако, присутствуют 28 контекстов с диакопой, которых нет в оригинальном тексте: *I understand that the gaps between rich and poor are not new, but (...) technology now allows any person with a smartphone to see (...) the contrast between their own lives and others'* [Address by President Obama…, 2016]. – *Я понимаю, что разрыв между богатыми и бедными – не новое явление, но (...) современные технологии позволяют сегодня любому человеку со смартфоном увидеть (...) насколько велик разрыв между их жизнью и жизнью остальных* [Выступление президента Обамы, 2016].

Один контекст с диакопой, присутствующий в переводе, в оригинале представлен полисиндетоном: *(...) but because of our democratic Constitution, because of our Bill of Rights, because of our ideals, ordinary people were able to organize and march and protest* [Address by President Obama…, 2016] – *(...) но благодаря нашей демократической конституции, благодаря нашему Биллю о правах, благодаря нашим идеалам простые люди смогли организовывать свои движения, участвовать в демонстрациях и протестовать* [Выступление президента Обамы, 2016].

Утрата диакопы может объясняться нежеланием переводчика сохранять повтор, который никак не влияет на смысл сказанного, равно как и на форму его подачи, но неорганичен для рус-

ского языка в силу фоно-морфологических причин.

Что касается использования диакопы в русском тексте в тех случаях, где в оригинале ее нет, причиной этого может быть лексическое разнообразие английского языка, когда нескольким разным словам на английском языке соответствует одно слово в русском языке (или в данном контексте эквивалентом двух различных слов на английском языке будет одно и то же слово на русском).

Причиной замены полисиндетона в одном контексте на диакопу является разница частей речи в оригинале и переводе: в оригинале использован союз *because*, а в переводе – производный предлог «благодаря».

Из 13 контекстов полисиндетона в оригинальном тексте в переводе было полностью сохранено 3 контекста (23 %): *Indeed, our international order has been so successful that we take it as a given that great Powers no longer fight world wars, that the end of the Cold War lifted the shadow of nuclear Armageddon, that the battlefields of Europe have been replaced by peaceful union and that China and India remain on a path of remarkable growth* [Address by President Obama…, 2016]. – *По сути, наш международный порядок оказался настолько успешным, что мы воспринимаем как должное то обстоятельство, что великие державы больше не ведут мировые войны, что с окончанием холодной войны исчезла угроза ядерного Армагеддона, что на полях сражений в Европе сформировался мирный союз и что Китай и Индия продолжают демонстрировать впечатляющие темпы роста* [Выступление президента Обамы, 2016].

10 контекстов (77 %), присутствующих в оригинале, были полностью утрачены при переводе: *I believe in a liberal political order (…) built (…) through respect for human rights and civil society and independent judiciaries and the rule of law* [Address by President Obama…, 2016]. – *Я верю в либеральную политическую систему, которая строится (…) на уважении к правам человека, формировании гражданского общества, обеспечении независимости судебной системы и верховенстве права* [Выступление президента Обамы, 2016].

В переводе присутствуют 2 контекста полисидентона, которых нет в оригинальном тексте: *(…) the United States has worked with many nations to curb the excesses of capitalism, not to punish wealth, but to prevent repeated crises that can destroy it* [Address by President Obama…, 2016]. – *(…) Соединенные Штаты работали со многими странами мира над тем, чтобы ограничить «перегибы» капитализма, но не для того, чтобы наказать богатых за их миллионы, а для того, чтобы предотвратить новые кризисы, в результате которых те могут лишиться этих миллионов* [Выступление президента Обамы, 2016].

Причинами полной утраты полисиндетона в переводе может являться несвойственность для русскоязычных текстов (за исключением художественных) большого количества союзов.

Использование полисиндетона в русском переводе в контекстах, в которых данного средства нет в оригинале, объясняется в приведенном выше примере разницей в образовании сложноподчиненных предложений: в английском языке в данном случае используется частица «to», а в русском переводе – союз «чтобы».

Из 4 контекстов с анадиплозисом, представленных в оригинальном тексте, в переводе полностью воспроизведены 2 контекста (50 %): *(…) a diverse country like my own, which was founded upon what at the time was a radical idea, the idea of the liberty of individual human beings endowed with certain God-given rights* [Address by President Obama…, 2016]. – *(…) такая культурно-разнообразная страна, как наша, которая была основана на считавшихся тогда радикальными идеях – идеях свободы людей, наделенных определенными данными Богом правами* [Выступление президента Обамы, 2016].

2 контекста (50 %), присутствующие в оригинале, не были воспроизведены в переводе: *It turns out that building accountable institutions is hard work, the work of generations* [Address by President Obama…, 2016]. – *Как мы знаем, для создания подотчетных учреждений требуется самоотверженная работа не одного поколения* [Выступление президента Обамы, 2016].

В переводе присутствует один случай анадиплозиса, которого нет в оригинале: *But I do believe there is another path, one that fuels growth and innovation and offers the clearest route to individual opportunity and national success* [Address by President Obama…, 2016]. – *Но я верю в то, что есть другой путь, путь роста и инноваций, который четко указывает нам направление к процветанию каждого человека и успеху целых стран* [Выступление президента Обамы, 2016].

Причиной полной утраты анадиплозиса может являться произвольный выбор переводчиком синтаксической конструкции, приведшей к тому,

что необходимость (или возможность) использования анадиплозиса пропадает.

Что касается использования анадиплозиса в русском переводе в том контексте, в котором его нет в оригинале, это, во-первых, объясняется возможностью замены на неопределенное местоимение *one* существительного в потенциальной функции анадиплозиса в английском языке и отсутствие таковой в русском языке. Во-вторых, повтор слова «путь» обеспечивает дополнительный акцент на идее развития и процветания отдельно взятого человека и общества в целом.

Заключение

Таким образом, проанализировав полученные результаты, мы приходим к выводу, что наиболее высокую точность воспроизведения в переводе речи Барака Обамы на русский язык имеют диакопа (58,3 %), анафора (50 %) и анадиплозис (50 %), наименьшую точность – полисиндетон (23 %) и эпифора (0 %). Причины точной передачи ритмических средств, с одной стороны, связаны с равными возможностями английского и русского языков в формировании ритмического рисунка текста (единоначалие, позиционно не определенный повтор). С другой стороны, причины фрагментарного или нулевого воспроизведения ритмических средств связаны с расхождениями в грамматической и лексической структурах английского и русского языков, а так же разницей в тема-рематическом членении предложений. Вероятно, нельзя игнорировать и субъективное влияние творческого стиля переводчика, осуществляющего выбор соответствия исходя из обсуждаемого в тексте вопроса или проблемы, наличия в риторической традиции и лингвокультуре реципиента возможности точного воспроизведения того или иного средства ритмизации, а также с учетом собственных фонетических, лексических и грамматико-стилистических предпочтений. Утраченные средства ритмизации были компенсированы переводчиком в других контекстах, встретились следующие замены средств ритмизации: полисиндетон – диакопа, диакопа – анафора, диакопа – эпифора, анафора – диакопа. Фонетические средства ритма воспроизведены с высокой долей совпадений.

Проведенное исследование частично коррелирует с проведенными ранее исследованиями в области трансляции ритма художественного текста. Так, в работах отмечалась более высокая точность воспроизводства диакопы по сравнению с другими ритмическими средствами и низкие показатели воспроизводства эпифоры [Автоматизированный анализ текстовых характеристик…, 2020; Автоматизированный поиск средств ритмизации художественного текста…, 2019; Vorontsova, 2020].

На текущий момент исследования несколько затруднительно делать окончательные выводы о сохранении, трансформации или деформации ритма текста англоязычного публицистического текста (текста публичного выступления) при его переводе на русский язык. Необходимо расширить текстовую выборку и произвести учет особенностей воспроизводства первичных средств ритмизации при переводе. Задача осложняется и отсутствием представлений о «ритмическом весе» каждого отдельно взятого средства (типа средств) в текстах данного жанра на данном языке. Однако с учетом корреляции ритмических показателей текстов оригинала и перевода (125 случаев употребления средств ритмизации, основанных на повторе, в оригинале vs 105 – в переводе, в том числе средств, использованных с целью позиционной компенсации) представляется возможным предположить, что в целом переводчику удалось сохранить ритмическую напряженность текста, равно как его замысел и коммуникативную тональность.

Исследование представляется перспективным – как с точки зрения перевода, так и в аспекте генерирования ритмичных текстов на разных языках и для разных целевых аудиторий.

Библиографический список

Автоматизированный анализ текстовых характеристик : учебное пособие / Е. И. Бойчук, К .В. Лагутина, Н. С. Лагутина, И. А. Воронцова, Е. В. Шляхтина, Е. В. Мишенькина, О. В. Беляева. Ярославль, 2020. 130 с.

Атанова Ю. С. Фоностилистические средства английского публицистического стиля (на материале английских рекламных текстов) // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2019. №. 1. С. 219–222.

Бойчук Е. И. Автоматизированный анализ ритма рекламного текста // Верхневолжский филологический вестник. № 1. 2021. С. 137–144.

Воронцова И. А. Лингвокультурные маркеры текста / И. А. Воронцова, С. Б. Барушкова, Е. Е. Петрова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 170–179.

Выступление президента Обамы на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://inosmi.ru (дата обращения 05.07.2021).

Голубева-Монаткина Н. И. О ритме художественной прозы в свете идей М. М. Бахтина и переводе // Русский язык и культура в зеркале перевода. VI Международная научная конференция; 13–17 мая, 2016 г.,

Афины, Греция: Материалы конференции. Москва : МАКС Пресс, 2016. С. 105–113.

Ивлева А. Ю. Категория эквивалентности в отечественном и западном переводоведении / А. Ю. Ивлева, К. Б. Свойкин // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. С. 71–77.

Калашникова А. Р. Ритмические модели современных публицистических текстов и их связь с коммуникативной текстовой тональностью // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. 2015а. С. 43–46.

Калашникова А. Р. Синтагма как основная единица ритма прозаического текста (на материале газетной публицистики) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015б. №. 9–10 (104). С. 109–116.

Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.

Козлова Л. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Барнаул : АлтГПУ. 2019. №. 20019. 180 с.

Лагутина К. В. Обзор инструментов для анализа ритма текста / К. В. Лагутина, Н. С. Лагутина // Заметки по информатике и математике. 2019. С. 100–107.

Лагутина Н. С. Автоматизированный поиск средств ритмизации художественного текста для сравнительного анализа оригинала и перевода на материале английского и русского языков / Н. С. Лагутина, К. В. Лагутина, Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова, И. В. Парамонов // Моделирование и анализ информационных систем. Т. 26. №3 (2019). С. 420–440.

Митрофанова Е. Н. Взаимодействие интонации и ритма при чтении публицистического текста на английском языке // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. №. 3. С. 135–144.

Мурзина Л. А. Исследование передачи ритма при переводе литературных произведений на неродной язык / Л. А. Мурзина, С. В. Кравчук. 2015. URL: http://www. ayk. gov. tr/wp-content/uploads/2015/01/MURZ% C4% B0NA-L.-A.-.pdf (дата обращения: 30.06. 2021).

Address by President Obama to the 71st Session of the United Nations General Assembly. URL: http://www.gadebate.un.org (дата обращения 05.07.2021).

Boychuk E. I. Multilayeredness Of Literary Prosaic Text: Polyphony Vs Homophony / E. I. Boychuk, O. V. Belyaeva // Conference TILTM 2020 Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication 24-25 April 2020. RUDN University. P. 211–223.

Dewey G. Relative frequency of English speech sounds. Harvard University Press, 2013. 187 p.

Ding R. Rhythm in Translations. International Education Studies. 2008. V. 1. №. 4. P. 79–82.

Gibbon D., Li P. Quantifying and correlating rhythm formants in speech. arXiv preprint arXiv: 1909.05639. 2019.

Hou R. Robust stylometric analysis and author attribution based on tones and rimes / R. Hou, C.-R. Huang, Natural Language Engineering, 2019. P. 1–23.

Knudsen B.T. Rhythm, gestures, and tones in public performances: Political mobilization and affective communication. Public Spheres of Resonance. Routledge, 2019. P. 81–97.

Lagutina K. et al. The Influence of Different Stylometric Features on the Classification of Prose by Centuries // Conference of Open Innovation Association FRUCT : Trento, Italy, 2 October, 2020(a). P. 108–115.

Lagutina K. et al. Automatic Extraction of Rhythm Figures and Analysis of Their Dynamics in Prose of 19th-21st Centuries // Conference of Open Innovation Association FRUCT : Russia, Yaroslavl, 22–24 April, 2020(b). P. 247–255.

Lagutina K. et al. Authorship verification of literary texts with rhythm features // 2021 28th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2021. P. 240–251.

Niculescu I. D. Rhythm analysis of texts using Natural Language Processing / I. D. Niculescu, S. Trausan-Matu // RoCHI. 2016. С. 107–112.

Vorontsova I. Analysis of rhythm reproduction in English-Russian literary translation // Conference TILTM 2020 Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication 24–25 April 2020. RUDN University. P. 508–515.

Yemelianova O. V. Peculiarities of Phonostylistic Devices Usage in English Advertising Discourse / O. V. Yemelianova, A. Melai // Naukovi zapiski [Research Notes] №. 164. Series: Philological Sciences. 2018. P. 333–336.

Reference list

Avtomatizirovannyj analiz tekstovyh harakteristik = Automated analysis of text characteristics : uchebnoe posobie / E. I. Bojchuk, K .V. Lagutina, N. S. Lagutina, I. A. Voroncova, E. V. Shljahtina, E. V. Mishen'kina, O. V. Beljaeva. Jaroslavl', 2020. 130 s.

Atanova Ju. S. Fonostilisticheskie sredstva anglijskogo publicisticheskogo stilja (na materiale anglijskih reklamnyh tekstov) = Phonological means of English publicist style (in English advertising texts) // Vestnik molodyh uchenyh Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2019. №. 1. S. 219–222.

Bojchuk E. I. Avtomatizirovannyj analiz ritma reklamnogo teksta = Automated analysis of rhythm in advertising // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. № 1. 2021. S. 137–144.

Voroncova I. A. Lingvokul'turnye markery teksta = Linguocultural markers of the text / I. A. Voroncova, S. B. Barushkova, E. E. Petrova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 2 (25). S. 170–179.

Vystuplenie prezidenta Obamy na 71-j sessii General'noj Assamblei OON = President Obama's address to the 71st session of the UN General Assembly. URL: http://inosmi.ru (data obrashhenija 05.07.2021).

Golubeva-Monatkina N. I. O ritme hudozhestvennoj prozy v svete idej M. M. Bahtina i perevode = On the prose rhythm in the light of M.M. Bakhtin's ideas and translation // Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda. VI Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija; 13–17 maja, 2016 g., Afiny, Grecija: Materialy konferencii. Moskva : MAKS Press, 2016. S. 105–113.

Ivleva A. Ju. Kategorija jekvivalentnosti v otechestvennom i zapadnom perevodovedenii = The equivalence category in Russian and Western translation studies / A. Ju. Ivleva, K. B. Svojkin // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. 2017. S. 71–77.

Kalashnikova A. R. Ritmicheskie modeli sovremennyh publicisticheskih tekstov i ih svjaz' s kommunikativnoj tekstovoj tonal'nost'ju = Rhythmic patterns of modern journalistic texts and their connection with communicative textual tones // Menjajushhajasja kommunikacija v menjajushhemsja mire. 2015a. S. 43–46.

Kalashnikova A. R. Sintagma kak osnovnaja edinica ritma prozaicheskogo teksta (na materiale gazetnoj publicistiki) = Syntagma as a basic unit of the prose text rhythm (in newspaper journalism) // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015b. №. 9–10 (104). C. 109–116.

Karasik V. I. Jazykovye kljuchi = Linguistic clues. Volgograd : Paradigma, 2007. 520 s.

Kozlova L. A. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov = Comparative typology of English and Russian. Barnaul : AltGPU. 2019. №. 20019. 180 s.

Lagutina K. V. Obzor instrumentov dlja analiza ritma teksta = An overview of the tools for analyzing text rhythm / K. V. Lagutina, N. S. Lagutina // Zametki po informatike i matematike. 2019. S. 100–107.

Lagutina N. S. Avtomatizirovannyj poisk sredstv ritmizacii hudozhestvennogo teksta dlja sravnitel'nogo analiza originala i perevoda na materiale anglijskogo i russkogo jazykov = Automated search of rhythmic means in fiction text for comparative analysis of the original and translation in English and Russian / N. S. Lagutina, K. V. Lagutina, E. I. Bojchuk, I. A. Voroncova, I. V. Paramonov // Modelirovanie i analiz informacionnyh sistem. T. 26. №3 (2019). S. 420–440.

Mitrofanova E. N. Vzaimodejstvie intonacii i ritma pri chtenii publicisticheskogo teksta na anglijskom jazyke = Interaction of intonation and rhythm while reading English publisist text // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2018. №. 3. S. 135–144.

Murzina L. A. Issledovanie peredachi ritma pri perevode literaturnyh proizvedenij na nerodnoj jazyk = Research into conveying rhythm while translating literary works into a foreign language / L. A. Murzina, S. V. Kravchuk. 2015. URL: http://www. ayk. gov. tr/wp-content/uploads/2015/01/MURZ% C4% B0NA-L.-A.-.pdf (data obrashhenija: 30.06. 2021).

Address by President Obama to the 71st Session of the United Nations General Assembly. URL: http://www.gadebate.un.org (data obrashhenija 05.07.2021).

Boychuk E. I. Multilayeredness Of Literary Prosaic Text: Polyphony Vs Homophony / E. I. Boychuk, O. V. Belyaeva // Conference TILTM 2020 Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication 24-25 April 2020. RUDN University. R. 211–223.

Dewey G. Relative frequency of English speech sounds. Harvard University Press, 2013. 187 p.

Ding R. Rhythm in Translations. International Education Studies. 2008. V. 1. №. 4. P. 79–82.

Gibbon D., Li P. Quantifying and correlating rhythm formants in speech. arXiv preprint arXiv: 1909.05639. 2019.

Hou R. Robust stylometric analysis and author attribution based on tones and rimes / R. Hou, C.-R. Huang, Natural Language Engineering, 2019. R. 1–23.

Knudsen B.T. Rhythm, gestures, and tones in public performances: Political mobilization and affective communication. Public Spheres of Resonance. Routledge, 2019. P. 81–97.

Lagutina K. et al. The Influence of Different Stylometric Features on the Classification of Prose by Centuries // Conference of Open Innovation Association FRUCT : Trento, Italy, 2 October, 2020(a). P. 108–115.

Lagutina K. et al. Automatic Extraction of Rhythm Figures and Analysis of Their Dynamics in Prose of 19th-21st Centuries // Conference of Open Innovation Association FRUCT : Russia, Yaroslavl, 22–24 April, 2020(b). P. 247–255.

Lagutina K. et al. Authorship verification of literary texts with rhythm features // 2021 28th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2021. P. 240–251.

Niculescu I. D. Rhythm analysis of texts using Natural Language Processing / I. D. Niculescu, S. Trausan-Matu // RoCHI. 2016. S. 107–112.

Vorontsova I. Analysis of rhythm reproduction in English-Russian literary translation // Conference TILTM 2020 Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication 24–25 April 2020. RUDN University. P. 508–515.

Yemelianova O. V. Peculiarities of Phonostylistic Devices Usage in English Advertising Discourse / O. V. Yemelianova, A. Melai // Naukovi zapiski [Research Notes] №. 164. Series: Philological Sciences. 2018. P. 333–336.

Статья поступила в редакцию 17.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 17.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 811.1
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-119-127

https://orcid.org/0000-0001-9514-1479

Функционально-семантическая специфика диакопы (на материале англоязычных и русскоязычных твитов)

Елена Васильевна Шляхтина
Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
ElenaV_Yar@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9514-1479

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей употребления диакопы в твитах на английском и русском языках. В работе дается определение и раскрывается суть понятия «диакопа» и рассматриваются различные функции, которые она выполняет в тексте. Подчеркивается важность изучения данного языкового явления, поскольку оно используется в текстах различных жанров и позволяет передать чувства и эмоции автора или сделать особый акцент на его словах. В исследовании анализируются короткие сообщения, взятые из популярной социальной сети Твиттер. При помощи инструмента Rhythmanalysis были выявлены случаи употребления диакопы в твитах англоязычных и русскоязычных пользователей. В ходе анализа было выяснено, к какой части речи относятся повторы, входящие в состав диакопы; количество повторов в составе диакопы и количество слов между повторами. Проведенный анализ показал, что в твитах на английском языке случаев употребления диакопы больше, чем в сообщениях на русском языке. В обоих языках инструмент выявил примеры диакопы, в основе которых лежат как знаменательные, так и служебные части речи. В большинстве случаев и в английском, и в русском языке диакопа встречается в рамках одного предложения и представляет собой однократный повтор элемента. Количество слов между повторами может быть различным, но чаще всего встречается два или три слова. Автор делает вывод о необходимости более тщательного изучения данного явления в связи с возникшими в ходе исследования вопросами.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, повтор, диакопа, Твиттер, твит, ритм текста
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–07–00243
Для цитирования: Шляхтина Е. В. Функционально-семантическая специфика диакопы (на материале англоязычных и русскоязычных твитов) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 119-127. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-119-127

Original article

Functional and semantic specificity of diakopa (on the material of tweets in english and russian)

Elena V. Shlyakhtina
Candidate of philological sciences, associate professor, department of theory and practice of translation, faculty of foreign languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
ElenaV_Yar@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9514-1479

Abstract. The article deals with the question of studying diacope and the peculiarities of its use in english and russian tweets. The author defines the term ‘diacope’ and examines its nature and functions in the text. It is underlined that it is important to study diacope because it is used in the texts of different kinds and helps to show feelings and emotions of the author or to emphasize their words. The study analyzes short messages taken from Twitter. Rhythmanalysis tool has helped to identify the examples of diacope use in english and russian tweets. The analysis reveals what parts of speech are repeated, the number of repetitions and the number of words between repetitions. It also shows that diacope is much more often used in english than in russian tweets. The tool has detected the repetitions of both notional and auxiliary parts of speech in english as well as in russian. In most cases diacope occurs within a sen-

© Шляхтина Е. В., 2021

tence and represents only one repetition of the element in both languages. The number of words between repetitions can also vary but most commonly there are two or three words. The author concludes that it is important to take a further look at diacope because of the questions that arose during the study.

Key words: english language, russian language, repetition, diacope, Twitter, tweet, text rhythm

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-07-00243

For citation: Shlyakhtina E. V. Functional and semantic specificity of diakopa (on the material of tweets in english and russian). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):119-127. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-119-127

Введение

Повтор является одним из самых распространенных стилистических средств, используемых создателями различных текстов на многих языках. В целом выделяют большое количество приемов, в основу которых положено повторение единиц. В данной статье мы остановимся на рассмотрении весьма распространенного вида повтора, а именно диакопы.

Согласно Е. И. Бойчук, диакопа представляет собой свободный повтор слова через определенные промежутки текста (в рамках одного предложения) [Бойчук, 2020, с. 247].

В зависимости от расположения повторяемых единиц по отношению друг к другу диакопа относится к дистантным повторам. Это означает, что нет ограничений по количеству слов, которые бы стояли между повторяющимися элементами. В некоторых случаях их разделяет одно слово, в других – несколько. Однако чем меньше слов стоит между единицами повтора, тем выше эффект воздействия на адресата.

Диакопа используется во всех функциональных стилях современных английского и русского языков и, являясь многогранным явлением, может выполнять самые разнообразные функции. Она часто используется для передачи сильных эмоций или привлечения внимания к повторяемым словам, а также для усиления эмоционального и эстетического воздействия на адресата. Диакопа способствует ритмической организации текста и придает ему музыкальность. Данный прием может сделать слова и мысли более убедительными, заставляя читателя поразмышлять над ними. Кроме того, он является одним из средств выражения центральных текстовых категорий связности и целостности.

Поскольку диакопа практически не ограничена позицией, и ее можно часто наблюдать в текстах различных жанров, то существует необходимость более детального изучения данного явления. Однако на сегодняшний день работы, посвященные рассмотрению диакопы, немногочисленны. Это и обусловливает актуальность исследования этого феномена.

Обзор литературы

Повтор является довольно хорошо изученным явлением на материале разных языков. Проблема повтора в значительной степени разработана в трудах таких исследователей, как С. Т. Атажахова [Атажахова, 2019], О. В. Белова [Белова, 2020], Е. Н. Кукшинова [Кукшинова, 2020], А. В. Михалчева [Михалчева, 2018], А. Ф. Петренко [Петренко, 2019], С. А. Петренко [Петренко, 2021], О. И. Таюпова [Таюпова, 2021], О. В. Юдаева [Юдаева, 2019], T. I. Gromoglasova [Gromoglasova, 2019], A. Kone [Kone, 2019]. Большое внимание ученые уделяют изучению отдельных видов повторов: O. Abeles, J. Jack, S. A.Singer [Abeles, Jack, Singer, 2020], G.Chierchia [Chierchia, 2019], M. Dubremetz, J. Nivre [Dubremetz, Nivre, 2018], C. Egan, F. Cristino, J. S. Payne, G. Thierry, M. W. Jones [Egan, Cristino, Payne, Thierry, Jones, 2020], C. A. Kauffman [Kauffman, 2019], T. Schwaiger [Schwaiger, 2018], K. Tu [Tu, 2019], I. K. Usarov, J. A. Yakubov, B. I. Sharipova, S. B. Pulatova, M. Y. Kengboeva [Usarov, Yakubov, Sharipova, Pulatova, Kengboeva, 2020].

Вопросам определения диакопы, а также анализу употребления данного явления в контексте посвящены работы таких исследователей, как Е. И. Бойчук [Бойчук, 2020], В. Е. Замальдинов [Замальдинов, 2020], Г. В. Кукуева [Кукуева, 2018], А. П. Сковородников [Сковородников, 2014], Т. Г. Хазагеров [Хазагеров, 1994], И. Ю. Чистякова [Чистякова, 2019], M. Adams [Adams, 2004], R. Ferrareto, A. Abreu [Ferrareto, Abreu, 2018].

Методы и материал исследования

В ходе исследования для поиска и количественной обработки диакопы был использован инструмент Rhythmanalysis, созданный группой программистов и лингвистов ЯГПУ им. К.Д Ушинского и ЯрГУ им. П. Г. Демидова в 2019

году для нахождения лексических (анафора, эпифора, анадиплозис, симплока, редупликация, эпистрофа) и грамматических (апозиопеза, многосоюзие) средств ритма в тексте любого жанра.

Практическим материалом послужили сообщения, взятые из социальной сети Твиттер. Данный сервис микроблоггинга был выбран для исследования неслучайно. Он является одним из популярных сервисов общения и предназначен для быстрого публичного обмена короткими сообщениями, которые составляют не более 280 символов. Твиттер одновременно используется как блог, чат, форум, социальная сеть, рекламная площадка и т.д. Ежедневно здесь размещают миллионы сообщений, видео и фото на разных языках. В связи с этим, средства массовой информации, органы власти, различные организации и знаменитости используют Twitter в качестве оперативного средства информирования.

Для анализа были отобраны сообщения за шесть месяцев, с декабря 2020 по май 2021. Исследование проводилось на материале английского (рассматривались сообщения как британских, так и американских пользователей) и русского языков. При отборе твитов не учитывались тексты рекламного характера и ретвиты.

В ходе исследования были выбраны сообщения публичных людей, а именно политиков (J. Biden, A. Blinken, K. Harris, B. Johnson, T. May; Д. Медведев, В. Жириновский, С. Миронов, О. Дмитриева, А. Исаев), телеведущих (E. DeGeneres, J. Kimmel, S. Colbert, G. Norton, J. Corden; В. Соловьев, Т. Канделаки, Э. Хромченко, О. Кушанашвили, Александр Анатольевич), актеров (H. Laurie, S. Fry, R. Witherspoon, S. Stone, G. Anderson; М. Кожевникова, С. Безруков, В. Смехов, Л. Ахеджакова, К. Сафонов) и спортсменов (L. James, W. Rooney, G. Bell, S. Williams, C. Cashmore; Н. Валуев, Е. Плющенко, С. Журова, Е. Кафельников, С. Шубенков). Как правило, у авторов, которые входят в данные группы, большое количество подписчиков. Именно это послужило основной причиной выбора этих пользователей. Всего было отобрано по пять человек из указанных выше групп и у каждого взяли по 5–7 твитов.

При работе с практическим материалом возникли некоторые трудности. Во-первых, иногда было сложно понять, принадлежит ли аккаунт самому человеку или его команде или фанатам. Во-вторых, у довольно большого числа авторов твиты немногословны. Они могут состоять из одного или двух слов и часто сопровождаются либо фотографиями, либо ссылками на видео. В-третьих, встречается довольно много пользователей, особенно русскоязычных, кто не оставлял никаких сообщений в Твиттере на протяжении нескольких лет. Все это также повлияло на выбор авторов твитов. Приоритет отдавался пользователям, у которых сообщения состоят из более трех слов, и чьи твиты являются актуальными. Общий объем анализируемого материала составил 50 тысяч знаков (23134 знака на английском языке, 27101 знак на русском языке).

Результаты и дискуссия

В английских текстах всего было выявлено 48 случаев использования диакопы. В первую очередь, было решено посмотреть, к какой части речи относятся повторы, входящие в состав диакопы. В ходе анализа выяснилось, что данный прием представлен как знаменательными, так и служебными частями речи.

Всего было выявлено 13 случаев повтора существительных. Например, A protocol question: in the Senate impeachment trial, will Trump be referred to as *President*, former *President*, ex-*President*, Mister, the defendant? (H. Laurie, 31.12.2020). В данном предложении обращает на себя внимание то, что между словом *President* и его первым повтором стоит прилагательное, а перед вторым повтором – приставка. Однако этого достаточно, чтобы отделить одну единицу от другой. К тому же это не нарушает ритм всего высказывания, поскольку диакопа является частью перечисления наименований президента и призвана показать изменения статуса Д. Трампа и ироничное отношение автора к ситуации и к бывшему президенту.

Диакопы, в основу которых положено прилагательное, составили семь случаев. Например, This year, more than ever, we should take the time to learn *more* and do *more* (E. DeGeneres, 10.05.2021). В данном случае используется сравнительная степень прилагательного. Повтор располагается в конце предложения, однако он перекликается с прилагательным *more*, стоящим в начале предложения, и тем самым сильнее подчеркивает мысль автора.

В текстах было выявлено четыре случая диакопы, в основе которой лежит наречие. Например, My 1 special eve w u was *so* precious, *so* indelibly burned in my heart (S. Stone, 06.02.2021). Здесь автор употребляет прилагательные с ярко выраженной положительной коннотацией *special* и *precious*. Однако Ш. Стоун, вероятно, посчита-

ла, что этого недостаточно для того, чтобы передать всю глубину своих чувств и использовала повтор наречия *so*.

В текстах также довольно часто встречаются местоименные диакопы. При анализе было выявлено шесть случаев использования притяжательного местоимения. Например, Sending you love, *my* sister / *my* partner / *my* friend forever! (R. Witherspoon, 31.01.2021). Повторы разделены косой чертой, и между ними находится только одно слово. Все это помогает автору подчеркнуть важность каждого перечисляемого элемента.

Кроме того, в трех твитах употребляется указательное местоимение. Например, Today I'm honoring mothers – *those* you've lost, *those* who you never got to have, *those* who have lost the ones who would be celebrating you, and *those* who haven't had the chance (E. DeGeneres, 09.05.2021). Здесь в трех случаях из четырех повторяется не только местоимение, но и следующий за ним союз *who*, что позволяет легче воспринимать длинное предложение и сохранить определенный ритм сообщения.

Следует также отметить присутствие диакопы, выраженной служебными частями речи. Инструмент выявил семь случаев повтора предлога. Например, As I said during the meeting: this isn't just *about* numbers, it's *about* people's lives (J. Biden, 06.02.2021). В данном предложении прослеживается сочетание диакопы и противопоставления, что служит отличным способом выделить основную идею говорящего.

Кроме того, встретилось три случая диакопы, в основе которой лежит повтор частицы *to*: She had two goals in life: *to* cure breast cancer and *to* raise my sister, Maya, and me. Эта мысль подчеркивается местоименной диакопой в следующем предложении I am forever grateful to her, and all mothers who love *us*, raise *us*, and inspire *us* (K. Harris, 09.05.2021). Таким образом, автор дважды делает акцент на том, как много мама сделала для своих детей.

Помимо случаев, когда повтор состоит из одного слова, были выявлены примеры повторов сочетаний слов, которые можно отнести к диакопе. Всего было зафиксировано пять примеров: If you are called to *get your* vaccination, don't hesitate – *get your* jab (B. Johnson, 02.02.2021). В этом предложении диакопа состоит из двух компонентов, глагола и притяжательного местоимения. Повтор сопровождается использованием синонимичных существительных *vaccination* и *jab*. Автор побуждает аудиторию пройти вакцинацию, и диакопа делает его призыв более настойчивым и убедительным.

В исследовании выявлено четыре примера, когда диакопа сопровождается антитезой для усиления впечатления. Например, It's *ok* to not be *ok* (R. Witherspoon, 06.05.2021). Во всех случаях, наряду с эмфатизацией диакопа способствует ритмизации текста, так как повторяющиеся элементы расположены довольно близко друг к другу. Особенно это чувствуется в предложениях, где повторяются значимые части речи.

Диакопа может сопровождаться присутствием и других приемов. Например, Today is a big day. Next *season* is a big *season* (E. DeGeneres, 13.05.2021). Наряду с диакопой в тексте можно видеть синтаксический параллелизм. Кроме того, в обоих предложениях употребляется прилагательное *big*. Все это делает сообщение ритмичным и придает дополнительный вес словам автора.

В ходе анализа было также рассмотрено количество повторов, входящих в состав диакопы. В основном, диакопы состоят из одного повтора. Всего было выявлено 32 случая такого рода: Say it louder for the *ones* in the back and the *ones* in the front… (L. James, 13.04.2021). Однако нередко встречаются и два повтора. Инструмент выделил 10 случаев: They have remained committed *to* democracy, *to* human rights, and *to* the rule of law (K. Harris, 05.01.2021). Иногда можно увидеть примеры с тремя повторами. Всего было зафиксировано шесть случаев: Parents: protect *your* kids, *your* family, and *your* community – get *your* kids 12 and up vaccinated (J. Biden, 13.05.2021).

Кроме того, было проанализировано количество слов между повторами. Одно слово встретилось девять раз: My 1 special eve w u was *so* precious, *so* indelibly burned in my heart (S. Stone, 06.02.2021). Чаще встречается два или три слова между повторами. Такие примеры составили 14 случаев: Next *season* is a big *season* (E. DeGeneres, 13.05.2021). В остальных случаях количество слов между повторами составляет четыре и более единиц, поэтому сообщения не обладают четко выраженным ритмом, и эмоции носят сглаженный характер. Например: *Our* commitment to the people of Northern Ireland and *our* Union is unshakeable.

Однако при работе с практическим материалом мы столкнулись с твитом, который заслуживает отдельного внимания: More than one-third of people who live in rural America lack access to *reliable high-speed broadband*. The American Jobs Plan will bring affordable, *reliable, high-speed*

broadband to every American–all while creating good-paying jobs (K. Harris, 14.05.2021). Здесь повтор состоит из четырех слов, и, несмотря на довольно большое расстояние между повторами, все-таки присутствует ритмичность текста и чувствуется, что автор делает акцент на повторяемых словах.

При работе с английскими примерами нам встретились случаи, когда возникал вопрос, можно ли отнести тот или иной повтор к диакопе. Например: On Holocaust Memorial Day, the world pauses to remember those *who* were murdered simply for *who* they were (T. May, 27.01.2021). Здесь повтор союза *who* разделен всего лишь четырьмя словами. С лексической точки зрения это диакопа. Однако, по своей сути, данный союз употребляется в разных падежах. С точки зрения грамматики, это разные единицы.

Также возникают сомнения, можно ли считать диакопой примеры, в которых идет повтор одного и того же слова, но оно относится к разным частям речи. Конверсия характерна для английского языка. Например, If you'd like to *help* answer a child's call for *help*, please donate (W. Rooney, 20.12.2020).

При работе с текстами на русском языке было выявлено 25 случаев диакопы. Чаще всего она представлена именем существительным. Инструмент выявил 10 примеров: *Программа* «Каково?!» – главная *программа* в интернете гребаном (О. Кушанашвили, 14.05.2021). Автор твита указывает на важность выпускаемой им программы.

Как и в английском языке в русском встретились примеры, где диакопа строится на повторе имени собственного. Если в английских текстах был выявлен один случай подобного рода, то в русском – три. Особый интерес представляет твит, в котором фамилия повторяется четыре раза, и в соответствии с системой падежей русского языка используются разные формы слова: Сегодня люди выходили в свои дворы в поддержку Алексея *Навального*, Даши *Навальной*, Юли *Навальной* и Захара *Навального*, потом что ЛюбовьСильнееСтраха (Л. Ахеджакова, 14.02.2021). Такого рода повторы не характерны ни для устной, ни для письменной речи, однако здесь диакопа призвана подчеркнуть особый, драматический характер событий и сделать акцент на каждом члене одной семьи.

В ходе анализа было выявлено три случая повтора прилагательного. Например, Состояние пятерых детей, находящихся в реанимации после стрельбы в Казани, *тяжелое*, у одного – крайне *тяжелое* – врачи (В. Соловьев, 12.05.2021). В твите говорится о трагических событиях, и при передаче чужих слов В. Соловьев использует минимум слов, разделяющих повтор прилагательного *тяжелый*, что подчеркивает гнетущую атмосферу.

Диакопа, в составе которой находится наречие, представлено также тремя примерами: Того, кого поймали, – казнить. Через четвертование. Второго – сжечь. И *снова* казнить, и *снова* сжечь (О. Кушанашвили, 11.05.2021). К диакопе можно отнести повтор слова *снова*. В тексте также повторяются глаголы *казнить* и *сжечь*, которые во втором случае разделены меньшим числом слов. Сочетание приемов помогает отлично передать эмоции говорящего и его жесткую позицию в отношении случившегося.

Другой пример повтора наречия также представляет интерес: Разумеется, я смотрел выступление Манижи. Долго, 51 секунду, выбирал между «*уродливо*» и «*стыдно*». Решил оставить обе оценки. *Стыдно*. *Уродливо* (О. Кушанашвили, 19.05.2021). В данном случае идет перестановка элементов диакопы, опущение союза и постановка точки после первого наречия, которая помогает разделить компоненты диакопы.

Местоименные диакопы представлены пятью примерами. В отличие от английских твитов, в русских не было выявлено повторов, выраженных личными и притяжательными местоимениями. В основном, присутствуют указательные и неопределенные местоимения: *Какая-то* кромешная, *какая-то* ущербная, *какая-то* психопатическая самодеятельность (О. Кушанашвили, 19.05.2021). Перечисление прилагательных, создающих негативный образ, сопровождается повтором местоимения *какая-то*, что придает особый вес словам автора.

Как и в английском языке в русском были выявлены случаи употребления диакопы, в основе которой лежит сочетание слов. Всего было обнаружено четыре повтора данного типа. Например: С каждым днем очевиднее *отсутствие равновесия в* мире и перевес людей с *отсутствием равновесия в* душе (О. Кушанашвили, 16.05.2021). В этом предложении наблюдаются разные словоформы существительного *отсутствие* в составе словосочетания, что вызвано правилами согласования слов по падежам. Автор пытается противопоставить внутренний мир человека и мир, который его окружает. В отличие от сообщений на английском языке в русских твитах противопоставление встретилось только

один раз, в данном примере.

На материале русского языка примеры также были проанализированы с точки зрения количества повторов в диакопе. В 22 случаях был выявлен один повтор: Это соображение я высказываю *бесчисленное количество* раз на *бесчисленное количество* ладов в программе «Каково?!» (О. Кушанашвили, 12.04.2021). Два повтора встретилось в двух примерах: *Какая-то* кромешная, *какая*-то ущербная, *какая*-то психопатическая самодеятельность (О. Кушанашвили, 19.05.2021). Три повтора присутствуют в одном твите: Сегодня люди выходили в свои дворы в поддержку Алексея *Навального*, Даши *Навальной*, Юли *Навальной* и Захара *Навального*, потом что ЛюбовьСильнееСтраха (Л. Ахеджакова, 14.02.2021).

Кроме того, все примеры были рассмотрены с позиции количества слов, разделяющих повторы. Диакопа разделена одним словом в четырех случаях: *Столько* нежности, *столько* сердца, *столько* злости, не перерастающей в злобу, что Елена Малышева всплакнет, а резиденты Камеди Клаб обменяются вздохами, что я недосягаем (О. Кушанашвили, 17.04.2021). Двумя или тремя словами в шести случаях: Так кто управляет *США*, если президентом *США* управляет Псаки? (В. Соловьев, 07.05.2021) Четыре слова встречается в трех случаях: Эта Победа действительно одна на всех – на *тех*, кто защищал Родину, и *тех*, кому они подарили жизнь (С. Миронов, 09.05.2021). Во всех остальных примерах использовано пять и более слов: Ну что, согласимся с тем, что актер Эллиот *Пейдж* не уступает в своих лучших качествах актрисе Эллен *Пейдж*? (Т. Канделаки, 17.03.2021).

В ходе анализа материала на английском и русском языках встретились шесть твитов, в которых используются устойчивые выражения, представляющие собой повтор слова и разделяющие его единицы. В связи с этим возникает вопрос, относятся ли данные случаи к диакопе. Например: Why Didn't They Ask Evans? starts shooting in June, which is not *as* far away *as* I'd like (H. Laurie, 12.04.2021). Вам бы ещё *жить да жить* (С. Миронов, 11.05.2021).

В двух примерах с устойчивыми выражениями на русском языке были использованы названия компании и проекта, написанные на английском языке. Авторы посчитали, что русскоговорящая аудитория знает, что обозначают данные названия: Проблемы с эффективностью вакцин против новых штаммов коронавируса отмечает не только компания AstraZeneca, но и Novavax и *Johnson & Johnson* (В. Соловьев, 12.02.2021). Сильвия Вентурини-Фенди представляет проект *Hand in Hand*, в рамках которого ремесленники из 20 регионов Италии создали свою версию сумки Fendi Baguette (Э. Хромченко, 18.05.2021).

Проанализировав данные примеры, мы пришли к следующему выводу: поскольку эти единицы представляют собой устойчивые выражения и воспринимаются как единое целое, то к диакопе их можно отнести только в том случае, когда идет повтор всего выражения.

Заключение

Итак, диакопа является одним из самых распространенных стилистических приемов, который может встретиться в тексте любого жанра. Она представляет собой вид позиционно неограниченного лексического повтора. Ограничением служит лишь контекст, в котором она употребляется.

Главная цель данного приема заключается в выделении в тексте наиболее важных моментов и передаче как положительных, так и отрицательных эмоций автора.

Проведенный анализ позволяет классифицировать диакопу по частям речи. Можно выделить повторы знаменательных (субстантивные, адъективные, глагольные, наречные, местоименные) и служебных частей речи (союзы, предлоги, частицы), повторы сочетаний слов. В обоих языках чаще всего присутствуют повторы существительного, и отсутствуют примеры глагольной диакопы.

Анализ показал, что величина расстояния между повторяющимися единицами может быть различной. Чем меньше слов между элементами диакопы, тем убедительнее и эмоциональнее звучат слова. При этом остается вопрос, какое количество слов допустимо между повторами, чтобы их можно было отнести к данному приему.

Число повторений также может варьироваться. Диакопа чаще всего представляет собой однократный повтор основного элемента. Обычно речь идет о повторе в рамках одного предложения. Однако такого рода повторы могут присутствовать и в соседних предложениях.

В целом, следует отметить, что в твитах на английском языке диакопа встретилась практически в два раза чаще, чем в сообщениях на русском языке.

Возникшие в ходе исследования вопросы о том, что именно относится к диакопе, определя-

ют целесообразность ее дальнейшего изучения и системного описания.

Библиографический список

Атажахова С. Т. Стилистические функции повторов в художественном тексте // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 341–343.

Белова О. В. Повтор как средство взаимодействия заголовка и текста // Современные гуманитарные исследования. 2020. № 1(92). С. 16–17.

Бойчук Е. И. Специфика ритма современной французской прозы (на материале романов Ж. Легардинье, М. Леви, Г. Мюссо) // Романские языки : взаимодействие литературы и культуры народов : Материалы Международной научной онлайн-конференции, Москва, 23–24 июня 2020 года / отв. редактор И.В. Скуратов. Москва : Московский государственный областной университет, 2020. С. 242–253.

Замальдинов В. Е. Экспрессивно-игровые окказионализмы в языке современных российских СМИ // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 2(49). С. 116–120.

Кукуева Г. В. Маркеры риторичности как один из приемов эффективной коммуникации в текстах рассказов Т. Толстой // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4(15). С. 34–41.

Кукшинова Е. Н. Различные виды повторов как средство усиления убедительности самоидентифицирующих высказываний // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2020. № 3(18). С. 168–173.

Михалчева А. В. К вопросу об экспрессивном потенциале некоторых видов синтаксических повторов в англоязычном публицистическом тексте // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее : Сборник материалов XIV Региональной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и магистрантов, Тула, 20–24 февраля 2018 года. Тула : Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2018. С. 163–166.

Петренко А. Ф. О многоплановости приема повтора-подхвата в дискурсе художественного текста // Казанская наука. 2019. № 10. С. 97–99.

Петренко С. А. Кольцевой и цепной повторы в дискурсе художественного текста // Гуманитарные исследования. 2021. № 1(77). С. 152–156.

Сковородников А. П. Тмезис // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник / Сибирский федеральный университет; под редакцией А. П. Сковородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. С. 687–688.

Таюпова О. И. Текстоорганизующая функция повторов с учетом дискурсивной принадлежности текстов // Новый мир. Новый язык. Новое мышление : Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Москва, 03 февраля 2021 года. Москва : Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. С. 151–156.

Хазагеров Т. Г. Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов-на-Дону : РГУ, 1994. 192 с.

Чистякова И. Ю. Фигуры речи и мысли в риторике и поэтике // Гуманитарные исследования. 2019. № 3(71). С. 66–72.

Юдаева О. В. Интертекстуальные и разноуровневые языковые повторы в сказках Н.К. Рериха и их функциональное предназначение // Вестник адъюнкта. 2019. № 3(5). С. 8.

Abeles O., Jack J., Singer S. A. Resilient Turns: Epistrophe, Incrementum, Metonymy. Poroi 15, Iss. 1 (2020): Article 10. https://doi.org/10.13008/2151-2957.1300

Adams M. Meaningful infixing: A Nonexpletive Form. American Speech, vol. 79, no.1, 2004. P. 110–112.

Chierchia G. Anaphora and Attitudes De Se. Semantics and Contextual Expression. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2019, P. 1–32. URL: https://doi.org/10.1515/9783110877335-002

Dubremetz M., Nivre J. Rhetorical Figure Detection: Chiasmus, Epanaphora, Epiphora. Front. Digit. Humanit. 2018, 5:10. URL: https://doi.org/10.3389/fdigh.2018.00010

Egan C., Cristino F., Payne J. S., Thierry G., Jones M. W. How alliteration enhances conceptual–attentional interactions in reading, Cortex, Vol. 124, 2020, P. 111–118. URL: https://doi.org/10.1016/j.cortex.2019.11.005

Ferrareto R., Abreu A. Inducing multimodality to make scientific text reading easy and attractive. 2018. URL:
https://www.researchgate.net/publication/329701143

Gromoglasova T. I. Formal characteristics of repetitions in Russian and English speech of the youth // Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. 2019. No 2(75). P. 542–545.

Kauffman C. A. Reduplication Reflects Uniqueness and Innovation in Language, Thought and Culture. 2019. URL:
http://www.omniglot.com/language/articles/reduplication.htm

Kone A. Repetitions in Soekarno's speech. 2nd Workshop on Language, Literature and Society for Education. 2019.

Schwaiger T. The derivational nature of reduplication: towards a functional discourse grammar account of a non-concatenative morphological process // Word Structure. 2018. Volume 11, Issue 1. P. 118–144.

Tu K. Collocation in Rhetorical Figures: A Case Study in Parison, Epanaphora and Homoioptoton. UWSpace. 2019. URL: http://hdl.handle.net/10012/14778.

Usarov I. K., Yakubov J. A., Sharipova B. I., Pulatova S. B., Kengboeva M. Y. The Theory of Syntactic Stylistic Meams in Cognitive Linguistics and the Problem of Anadiplosis. Journal of Critical Reviews. Vol 7, Issue 3, 2020. P. 489–492.

Reference list

Atazhahova S. T. Stilisticheskie funkcii povtorov v hudozhestvennom tekste = Stylistic functions of repetitions in a fiction text // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2019. № 2(75). S. 341–343.

Belova O. V. Povtor kak sredstvo vzaimodejstvija zagolovka i teksta = Repetition as a means of headline and text interaction // Sovremennye gumanitarnye issledovanija. 2020. № 1(92). S. 16–17.

Bojchuk E. I. Specifika ritma sovremennoj francuzskoj prozy (na materiale romanov Zh. Legardin'e, M. Levi, G. Mjusso) = Specifics of the rhythm in contemporary French prose (in the novels by J. Legardinier, M. Levy, and H. Mussaud) // Romanskie jazyki : vzaimodejstvie literatury i kul'tury narodov : Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn-konferencii, Moskva, 23–24 ijunja 2020 goda / otv. redaktor I.V. Skuratov. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2020. S. 242–253.

Zamal'dinov V. E. Jekspressivno-igrovye okkazionalizmy v jazyke sovremennyh rossijskih SMI = Expressive and game occasionalisms in the language of modern Russian media // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. 2020. № 2(49). S. 116–120.

Kukueva G. V. Markery ritorichnosti kak odin iz priemov jeffektivnoj kommunikacii v tekstah rasskazov T. Tolstoj = Rhetorical markers as an effective communication technique in T. Tolstaya's short stories // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2018. № 4(15). S. 34–41.

Kukshinova E. N. Razlichnye vidy povtorov kak sredstvo usilenija ubeditel'nosti samoidentificirujushhih vyskazyvanij = Different types of repetition as a means of enhancing persuasiveness of self-identifying statements // Na peresechenii jazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znanija. 2020. № 3(18). S. 168–173.

Mihalcheva A. V. K voprosu ob jekspressivnom potenciale nekotoryh vidov sintaksicheskih povtorov v anglojazychnom publicisticheskom tekste = On the expressive potential of certain types of syntactic repetitions in English journalistic texts // Issledovatel'skij potencial molodyh uchenyh: vzgljad v budushhee : Sbornik materialov XIV Regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i magistrantov, Tula, 20–24 fevralja 2018 goda. Tula : Tul'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. L. N. Tolstogo, 2018. S. 163–166.

Petrenko A. F. O mnogoplanovosti priema povtora-podhvata v diskurse hudozhestvennogo teksta = On the multiplicity of repetition-interception technique in the literary text discourse // Kazanskaja nauka. 2019. № 10. S. 97–99.

Petrenko S. A. Kol'cevoj i cepnoj povtory v diskurse hudozhestvennogo teksta = Ring and chain repetition in the literary text discourse // Gumanitarnye issledovanija. 2021. № 1(77). S. 152–156.

Skovorodnikov A. P. Tmezis // Jeffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovye kompetencii) = Effective speech communication (basic competence) : Slovar'-spravochnik / Sibirskij federal'nyj universitet; pod redakciej A. P. Skovorodnikova. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Krasnojarsk : Sibirskij federal'nyj universitet, 2014. S. 687–688.

Tajupova O. I. Tekstoorganizujushhaja funkcija povtorov s uchetom diskursivnoj prinadlezhnosti tekstov = Text-organizing function of repetitions with regard to the discursive nature of texts // Novyj mir. Novyj jazyk. Novoe myshlenie : Sbornik materialov IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 03 fevralja 2021 goda. Moskva : Diplomaticheskaja akademija Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, 2021. S. 151–156.

Hazagerov T. G. Obshhaja ritorika: kurs lekcij i slovar' ritoricheskih figur = General rhetoric: a course of lectures and a dictionary of rhetoric means. Rostov-na-Donu : RGU, 1994. 192 s.

Chistjakova I. Ju. Figury rechi i mysli v ritorike i pojetike = Figures of speech and thought in rhetoric and poetics // Gumanitarnye issledovanija. 2019. № 3(71). S. 66–72.

Judaeva O. V. Intertekstual'nye i raznourovnevye jazykovye povtory v skazkah N.K. Reriha i ih funkcional'noe prednaznachenie = Intertextual and multi-level linguistic repetitions in N.K. Roerich's tales and their functional purpose // Vestnik ad#junkta. 2019. № 3(5). S. 8.

Abeles O., Jack J., Singer S. A. Resilient Turns: Epistrophe, Incrementum, Metonymy. Poroi 15, Iss. 1 (2020): Article 10. https://doi.org/10.13008/2151-2957.1300

Adams M. Meaningful infixing: A Nonexpletive Form. American Speech, vol. 79, no.1, 2004. P. 110–112.

Chierchia G. Anaphora and Attitudes De Se. Semantics and Contextual Expression. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2019, P. 1–32. URL: https://doi.org/10.1515/9783110877335-002

Dubremetz M., Nivre J. Rhetorical Figure Detection: Chiasmus, Epanaphora, Epiphora. Front. Digit. Humanit. 2018, 5:10. URL: https://doi.org/10.3389/fdigh.2018.00010

Egan C., Cristino F., Payne J. S., Thierry G., Jones M. W. How alliteration enhances conceptual–attentional interactions in reading, Cortex, Vol. 124, 2020, P. 111–118. URL: https://doi.org/10.1016/j.cortex.2019.11.005

Ferrareto R., Abreu A. Inducing multimodality to make scientific text reading easy and attractive. 2018. URL:
https://www.researchgate.net/publication/329701143

Gromoglasova T. I. Formal characteristics of repetitions in Russian and English speech of the youth // Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. 2019. No 2(75). P. 542–545.

Kauffman C. A. Reduplication Reflects Uniqueness and Innovation in Language, Thought and Culture. 2019. URL:

http://www.omniglot.com/language/articles/reduplication.htm

Kone A. Repetitions in Soekarno's speech. 2nd Workshop on Language, Literature and Society for Education. 2019.

Schwaiger T. The derivational nature of reduplication: towards a functional discourse grammar account of a non-concatenative morphological process // Word Structure. 2018. Volume 11, Issue 1. P. 118–144.

Tu K. Collocation in Rhetorical Figures: A Case Study in Parison, Epanaphora and Homoioptoton. UWSpace. 2019. URL: http://hdl.handle.net/10012/14778.

Usarov I. K., Yakubov J. A., Sharipova B. I., Pulatova S. B., Kengboeva M. Y. The Theory of Syntactic Stylistic Meams in Cognitive Linguistics and the Problem of Anadiplosis. Journal of Critical Reviews. Vol 7, Issue 3, 2020. P. 489–492.

Статья поступила в редакцию 15.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 15.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 81’22
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-128-134

Речевой акт ‘молчание’в структуре коммуникации в сакральной сфере

Светлана Николаевна Воробьева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет». 170023, Тверь, ул. Маршала Конева, д. 12
vorobeva-66@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0980-8893

Аннотация. Статья посвящена изучению речевого акта «молчание», который рассматривается как неотъемлемая часть межличностной сакральной коммуникации. Специальное изучение молчания как составляющей коммуникативного события представляет несомненный научный интерес (исследованию этого вопроса посвящены работы Г. Г. Почепцова, В. В. Богданова, С. В. Крестинского, Н. Д. Арутюновой, Д. Курзона, Д .Б. Мухаметовой и др.). Обращение к этой проблеме имеет важное значение при изучении религиозного дискурса, к сожалению, в настоящее время мало исследованного.

В данной статье впервые на материале текстов Священного Писания анализируется коммуникативная ситуация, когда говорящим выступает верующий человек, а молчащим адресатом становится Бог. Вовлеченность в коммуникативный процесс адресанта – говорящего и адресата – молчащего Бога становится отличительной особенностью сакрального коммуникативного акта «молчание».

В ходе исследования показано, что «молчание» является очевидным значимым структурным компонентом интеракции. Основными коммуникативными характеристиками молчания как речевого акта можно считать адресованность, преднамеренность, целенаправленность. Анализируя библейский материал, автор статьи приходит к следующим выводам: 1) молчание, в отличие от других речевых актов, становится более эффективным в межличностной сакральной ситуации; 2) молчание является наиболее выразительным и удобным способом передачи информации; 3) молчание выступает стратегическим средством, которое используется для выражения коммуникативной цели, связанной с духовным преображением человека; 4) молчание в межличностной коммуникации применяется Богом как средство воздействия на собеседника; 5) восприятие молчания слушающим зависит от коммуникативной обстановки, а правильная интерпретация интенций адресата напрямую зависит от пресуппозиционных духовных знаний адресанта.

Результаты исследования важны для того, чтобы понимать суть религиозного общения, иметь объективное представление о процессе религиозной коммуникации.

Ключевые слова: молчание, речевой акт, сакральная коммуникация, духовная информация, Священное Писание, интенции, интерпретация

Для цитирования: Воробьева С. Н. Речевой акт ‘молчание’в структуре коммуникации в сакральной сфере // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 128-134. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-128-134

Original article

The speech act 'silence' in the structure of sacred communication

Svetlana N. Vorobyeva
Candidate of philological sciences, associate professor, department of the russian language, Tver state technical university. 170023, Tver, Marshal Konev st., 12
vorobeva-66@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0980-8893

Abstract. The article is devoted to the study of the speech act «silence» which is considered as an integral part of interpersonal sacred communication. In this article, for the first time, the communicative situation is analyzed on the basis of the texts of the Holy Scripture, when a believer acts as a speaker, and God becomes the silent addressee. The involvement of the addressant – the speaker and the addressee – the silent God in the communicative process becomes a distinctive feature of the sacred communicative act «silence».

© Воробьева С. Н., 2021

The study shows that silence is an obvious significant structural component of interaction. Targeting, intentionality and purposefulness can be considered the main communicative characteristics of silence as a speech act. Analyzing the biblical material, the author of the article comes to the following conclusions: 1) silence, unlike other speech acts, becomes more effective in an interpersonal sacred situation; 2) silence is the most expressive and convenient way of transmitting information; 3) silence is a strategic tool that is used to express a communicative goal related to the spiritual transformation of a person; 4) silence in interpersonal communication is used by God as a means of influencing the interlocutor; 5) the perception of silence by the listener depends on the communicative situation, and the correct interpretation of the addressee's intentions directly depends on the addressant's presuppositional spiritual knowledge.

The results of the study are important in order to understand the essence of religious communication, to have an objective idea of the process of religious communication.

Key words: silence, speech act, sacred communication, spiritual information

For citation: Vorobyeva S. N. The speech act 'silence' in the structure of sacred communication. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):128-134. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-128-134

Введение

Для неверующего человека понятие «общение с Богом» является нереальным и противоестественным фактом, потому что Бога нет, а значит, нет, и не может быть никакого общения. Для верующего – это реальность и естественная потребность. В Послании к Евреям апостол Павел пишет о том, что Бог говорит с человеком многообразно [Библия, 2007, с. 1270], используя различные виды и способы общения. Так, в Священном Писании мы встречаем: Ссылки на источники оформляются следующим образом: **1. Прямое непосредственное общение** (с такими праведниками, как Ной, Авраам, Иосиф, Моисей и др.). «И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты?» [Библия, 2007, с. 9]: В псалме 39 читаем: «Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь – хвалу Богу нашему» [Библия, 2007, с. 540]. Способом общения становились**: а) знамения и чудеса**. «Господь сказал: брось его на землю. Он бросил его на землю, и жезл превратился в змея, и Моисей побежал. И сказал Господь Моисею: простри руку твою и возьми его за хвост. Он простёр руку свою и взял его; и стал жезлом в руке его» [Библия, 2007, с. 63]; **б) сон:** «И увидел во сне: вот лестница стоит на земле, а верх её касается неба, и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот Господь стоит на ней и говорит: Я Господь Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему» [Библия, 2007, с. 34]; **в) видение**: «После сих происшествий было слово Господа к Авраму в видении, и сказано не бойся Аврам; Я твой щит; награда твоя весьма великая» [Библия, 2007, с. 20]; **г) постановление завета**: «И благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался голоса Моего» [Библия, 2007, с. 27]; «Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов: «ибо Моя вся земля» [Библия, 2007, с. 79]; **д) жертвоприношение**: «И ниспал огонь Господень и пожрал всесожжение и дрова, и камни, и прах, и поглотил воду, которая во рве. Увидев это, весь народ пал на лицо своё и сказал: Господь есть Бог!» [Библия, 2007, с. 361]. Бог говорит с человеком через совесть, различные обстоятельства в жизни, болезни, природные явления и т. д.

2. Опосредованное общение через: **а) ангелов** «И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома. Лот увидел, и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли» [Библия, 2007, с. 23]; **б) пророков и праведников**. «И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? И кто пойдёт для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал Он: пойди и скажи этому народу» [Библия, 2007, с. 628].

Как видно из текстов Священного Писания, факт сакральной коммуникации обозначен вербально. Однако нередко ответная реакция собеседника растворяется в молчании, и безмолвие Бога становится для многих показателем Его отсутствия: «Были слёзы мои мне хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: «Где Бог твой?»**,** «Когда сокрушались кости мои, поносили меня враги мои, когда говорили мне всякий день: «Где Бог твой?» [Библия, 2007, с. 541]. Когда же Бог молчит, не желая разговаривать с нами, даже при усиленном взывании к Нему, осуществляется ли коммуникация? Если да, какое место занимает молчание в структуре сакральной коммуникации? В данной статье мы предприняли попытку рассмотреть молчание как речевой

акт сакральной коммуникации, сосредоточив внимание на его коммуникативных характеристиках.

Результаты

Изучение молчания является актуальным направлением современной науки и носит междисциплинарный характер, потому что данный феномен стал предметом интереса таких научных дисциплин, как философия, психология, теория коммуникации, семиотика, этнография, культурология, лингвистика. Различным аспектам молчания в современной лингвистике посвящены работы Г. Г. Почепцова, В. В. Богданова, С. В. Крестинского, Н. Д. Арутюновой, Д. Курзона, Д. Б. Мухаметовой и др. Молчание в научной литературе интерпретируется: 1. как невербальный знак [Корнилова, 2003]; 2. как этноречевой запрет [Садыкова]; 3. как силенциальный акт [Григорьева, 2007, с. 71]; 4. как нулевой речевой акт [Арутюнова, 1994, с. 106-117]. С точки зрения Н. Д. Арутюновой, сущность молчания формируется на фоне прагматики говорения. Этот факт не отрицается и М.Н. Эпштейном, который разделяет точку зрения о том, что феномен молчания получает свою тематическую полноту только в разговоре. «Если бы не было разговора, не было бы и молчания – не о чем было бы молчать. Разговор не просто отрицается или прекращается молчанием – он по-новому продолжается в молчании, он создает возможность молчания, обозначает то, о чем молчат» [Эпштейн, 2006, с. 15]. В. В. Богданов выделяет в связи с этим коммуникативно-незначимое молчание, «не имеющее функциональной нагрузки и исключающее ситуацию общения», и коммуникативно-значимое, которое несет смысловую нагрузку и обладает определенными функциями, к числу основных относятся функция связи и функция воздействия [Богданов, 1986, с. 12–18]. С. В. Крестинский, чье исследование акта молчания считается наиболее полным, подошел к данному явлению с позиции теории речевых актов. Рассматривая акт молчания в дискурсе, исследователь приходит к выводу, что молчание – это сложная коммуникативная единица. Ее особенность заключается в том, что она обладает признаками как знака, так и речевого акта. Прежде всего, это проявляется в том, что она имеет коммуникативно-прагматическую структуру речевого акта, обладает способностью в соответствующем контексте передавать некоторую (определенную) информацию [Крестинский, 1989, с. 92–97]. Такая интерпретация молчания представляется нам наиболее полной, и мы будем рассматривать молчание как речевой акт, занимающий особое место в структуре сакральной коммуникации.

Сакральное общение, как и любое другое, предполагает наличие говорящего (верующий человек) и слушающего (Бог), которые произносят в процессе коммуникации некие высказывания, при этом одно из них имеет нулевое использование языковых средств, то есть молчание. Содержащиеся вставки коммуникативно значимого молчания возникают «при мене коммуникативных ролей, то есть чередовании минимум двух речевых ходов, «один из которых является неречевым» [Сусов, 1987, с. 13]. Другими словами, наблюдается отсутствие очередной реплики в диалоге, «дискурса со стороны субъекта коммуникации в тот момент, когда дискурс ожидается» [Кибрик, 1994, с. 49]. «Молчание используется вместо говорения» [Богданов, 1987, с. 22]**,** и в роли промолчавшего собеседника выступает Бог: «Доколе, Господи, будешь забывать меня до конца? Доколе будешь отвращать лицо Твоё от меня? Доколе мне слагать советы в душе моей, скорби – в сердце моём день и ночь? Доколе будет возноситься мой враг надо мной? Взгляни, услышь меня, Господи, Боже мой» [Библия, 2007, с. 529].

Молчание в сакральной коммуникации имеет структуру, сходную со структурой традиционного речевого акта, которая включает локуцию, иллокуцию и перлокуцию [Сёрль, 1986, с. 151–169; Остин, 1986, с. 122–130]. Отличие состоит в том, что в нашем случае наблюдается отсутствие локутивного акта. Однако, как считает Я.В. Шабанова, отсутствие ожидаемого акта коммуникативно значимо, его можно считать нулевой локутивной силой речевого акта «молчание» [Шабанова], которая составляет пропозициональное содержание. Что касается иллокутивной силы и перлокутивного действия, то их составляют намерения и интенции адресата (Бога), которые он сообщает собеседнику (человеку) с помощью молчания. И хотя, как известно, Бог находится за пределами нашего полного понимания, и в нём есть много таинственного, Он открывается верующим через праведников.

Так, сакральные тексты Священного Писания свидетельствуют о том, что молчание служит средством выражения различных намерений Бога, которые направлены на благо человека: «Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, го-

ворит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду» [Библия, 2007, с. 700]. Стратегические ресурсы молчания позволяют выделить следующие «группы намерений» Бога: 1) молчание как проявление интереса к ситуации общения и непосредственно к собеседнику; 2) молчание как выражение участия Бога в жизни человека; 3) молчание как показатель совершенной любви Бога к человечеству; 4) молчание как открытие возможности человека обретения пути к вечной жизни; 5) молчание как стратегия защиты человека от греха; 7) молчание как средство примирения Бога и человека; 8) молчание как показатель силы веры, с помощью которой преодолеваются неизбежно возникающие сомнения при отсутствии ответа на просьбу; 9) молчание как проявление Бога Таким, Каков Он есть во всех аспектах жизни и. т.д.

Молчание служит средством выражения различных интенций слушающего Бога:

1. интенция отказа. Бог отказывается исполнять то, что считает для просящего неполезным, потому что, обладая большей информированностью, знает последствия исполнения наших просьб. По этому поводу апостол Иаковов утверждает: «Про́сите, и не получаете, потому что про́сите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» [Библия, 2007, с. 1189].

2. интенция защиты. Наши просьбы исходят из земного представления о человеческом благополучии и счастье, которое крайне ограниченно. Желание Бога более масштабное – привести нас к спасению и жизни вечной. Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины [Библия, 2007, с. 1260].

3. **интенция любви.** Бог, отказывая в просьбе, проявляет благость к неразумному человеку, могущему пострадать или погибнуть от последствий своих необдуманных желаний: «Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» [Библия, 2007, с. 1045].

4. интенция веры. Не откликаясь на призывы просящего, Бог проверяет его реакцию на предмет сохранения / несохранения веры и доверия к себе. «Но пусть просит с верой и без сомнений. Ведь тот, кто сомневается, подобен морской волне, которую ветер гонит и швыряет из стороны в сторону. Пусть такой человек, двоедушный, нетвердый во всех своих поступках, не надеется что-то получить от Господа» [Библия, 2007, с. 1187].

5. исполнение воли Божией. Не всегда адресуемые Богу прошения соотносятся с его волей. Не исполняются эгоистичные, тщеславные просьбы, в которых проявляется отсутствие любви к ближнему и желание принести ему вред. Для верующего человека исполнение воли Божией является приоритетной. Апостол Павел по этому поводу писал: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» [Библия, 2007, с. 1213–1214].

6. интенция постоянства. Связана с последовательными действиями со стороны человека, которые осуществляются в соответствии с заповедями Бога. Исполняются прошения, в которых испрашиваются духовные блага, направленные на спасение, избавление от страстей, здоровье, продление жизни и т. д.

7. интенция выражения полноты бытия проявляется в Его любви и участии человека в блаженстве этого бытия. Откладывание помощи, предоставление времени необходимо для исправления в нераскаянном грехе, который препятствует осуществлению желаний и свободному общению с Богом. Зрелое размышление приводит к отказу от греховных желаний.

8. интенция смирения: Бог молчит и не исполняет наших прошений, чтобы «смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоем, будешь ли хранить заповеди Его или нет; Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек» [Библия, 2007, с. 189]. Как видим, молчание содержит в себе коммуникативные намерения, представляет собой реализованную речевую интенцию, которые необходимы для выражения смысла, важного для общения – наследование жизни вечной.

С точки зрения верующего человека, молчание со стороны Бога является осознанным, целенаправленным и преднамеренным коммуникативным актом, так как используется Богом, чтобы повлиять на его образ мыслей, поведение, принятие решения. Пропозициональным содержанием акта молчания Бога является та мысль, которая не высказывается, но понимается просящим: «Ибо все из Него, Им и к Нему». [Библия, 2007, с. 1212]. Она воздействует на адресан-

та и на его дальнейшее (вербальное или невербальное) поведение. Другими словами, молчание Бога интенционально, потому что направлено на собеседника. Оно коммуникативно значимое, может быть рассмотрено как особый вид коммуникации, поскольку предполагает передачу жизненно важной информации, хотя и не может рассматриваться как исключительный источник ее передачи. Молчание имплицитно выражает отношение Бога к действиям/словам собеседника. При этом неязыковое выражение, как справедливо заметила Т. Р. Копылова, обладает высокой степенью выразительности и пониманием без слов. «Именно эта способность выражать и понимать без слов придает молчанию огромную коммуникативную силу» и «позволяет характеризовать его как особый вид коммуникации». [Копылова, 2012, с. 36–39]. Целевая установка, преднамеренность молчания Бога создают сильный коммуникативный эффект, которые воздействуют на собеседника и помогают добиться коммуникативной цели – духовное преобразование человека.

О силе воздействия в сакральном коммуникативном акта молчания говорит реакция адресанта. Она, в первую очередь, свидетельствует о «вербализованной версии молчащего текста» [Копылова, 2014, с. 36–39]. Полученная информация расшифровывается адресантом на основе «знания контекста, ситуации, пресуппозиции и всех прочих обстоятельств, при которых происходит процесс общения» [Крестинский, 1989, с. 93]. Другими словами, понимание заложенных Богом в молчании смыслов интерпретируется верующим в зависимости от конкретной ситуации. При этом собеседник по коммуникации адекватно декодирует информацию, посланную ему таким способом, потому что владеет специфическими духовными знаниями, «общими знаниями относительно значения молчания» [Почепцов, 1986, с. 90–98], через собственный и чужой опыт духовного общения осведомлен о намеренном характере молчания и его причинах. Основными причинами молчания Бога в понимании верующего становятся 1) нераскаянные грехи: например, в Псалме 21 на собственный вопрос «Боже, Боже мой, внемли мне! Почему Ты оставил меня?» псалмопевец отвечает: «Удаляют меня от спасения грехопадения мои». Об этом же свидетельствует пророк Исайя: «Послушайте, Господь достаточно могуществен, чтобы спасти вас, Он слышит вас, когда вы просите Его о помощи. Но ваши грехи отдаляют вас от Бога, Господь видит ваши грехи и отворачивается от вас» [Библия, 2007, с. 666], 2) нежелание соблюдать заповеди, 3) отсутствие любви и доверия к Нему в любых ситуациях; 4) духовное состояние верующего, 5) недостаток веры*:* «А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает» [Библия, 2007, с. 1276].

Однако Священное Писание четко говорит нам о том, что молитвы получают ответ, потому что «чего ни попросим, получим от Него, потому что *соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним*» [Библия, 2007, с. 1197]. Примером являются молитвы Моисея, пророка Даниила, царя Давида и др. праведников. Свидетельством становятся обретение ими душевного мира, спокойствия, изменение обстоятельств жизни: «*поднял Ты* меня и *не дал* торжествовать врагам моим надо мной», «и *Ты исцелил* меня», «*извел Ты* из ада душу мою, *удалил* меня от нисходящих в гроб» [Библия, 2007, с. 535].

Заключение

Таким образом, молчание является частью коммуникации, значимым и неотъемлемым компонентом интеракции, имеющим невербальное выражение. На основе проведенного анализа можно говорить о том, что молчание является стратегическим компонентом в ситуации общения человека с Богом. Неязыковое выражение используется в коммуникативном акте как наиболее удобный способ передачи духовной информации, средство воздействия Бога, применяемое Им для достижения коммуникативной цели, направленной на духовного преобразования собеседника. Восприятие молчания слушающим находится в прямой зависимости от коммуникативной обстановки, предполагаемых интенций молчащего и пресуппозиционных духовных знаний говорящего. Основными свойствами молчания являются адресованность, преднамеренность, целенаправленность.

Библиографический список

Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. Москва : Наука, 1994. С. 106–117.

Богданов В. В. Молчание как нулевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое обобщение и его единицы. Калинин : Издательство Калининского университета, 1986. С. 12–18.

Богданов В. В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 18–25.

Бытие // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Второзаконие // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов : Издательство Тамбовского государственного техннического университета, 2007. 288 с.

Исход // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Евангелие от Матфея // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Кибрик А. А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: Тезисы доклада. Москва, 1991. С. 49–50.

Книга пророка Исайи // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Книга пророка Иеремии // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Корнилова Н.Б. Слово и молчание: аспекты взаимодействия // Педагогический вестник. URL: http://www.yspu.yar.ru/ vestnik/ (дата обращения: 12.01.2021).

Крестинский С. В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: Сб. науч. тр. Тверь : ТвГУ, 1993. С. 50–67.

Крестинский С. В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 92–98.

Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения. Воронеж : ВГУ, 2003. 180 с.

Мухаметова Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 77–82.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Москва : Прогресс, 1986.С. 22–130.

Первое послание Иоанна // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Первое послание к Тимофею // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Послание к Евреям // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Послание Иакова // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва 2007. 1296 с.

Послание к Римлянам // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Почепцов Г. Г. Молчание как знак // Анализ знаковых систем: История логики и методологии науки. Киев, 1986. С. 90–91.

Псалтирь// Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Садыкова И. А Этнокультурные традиции в речевом поведении личности (на материале этноречевых запретов). URL: http://www.kcn. ru/tat-ru/universitet (дата обращения: 12.01.2021).

Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17: Теория речевых актов. Москва : Прогресс, 1986. С. 151–169.

Сусов И. П. Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987. 138 с.

Третья книга Царств // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

Шабанова Я. В. Речевой акт «молчание» в структуре вербальной и невербальной коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 7. Воронеж : ВГУ, 2007. С. 183–192.

Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. Москва : Высшая школа, 2006. 559 с.

Reference list

Arutjunova N. D. Molchanie: konteksty upotreblenija = Silence: contexts of usage // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk rechevyh dejstvij. Moskva : Nauka, 1994. S. 106–117.

Bogdanov V. V. Molchanie kak nulevoj znak i ego rol' v verbal'noj kommunikacii = Silence as a zero sign and its role in verbal communication // Jazykovoe obobshhenie i ego edinicy. Kalinin : Izdatel'stvo Kalininskogo universiteta, 1986. S. 12–18.

Bogdanov V. V. Funkcii verbal'nyh i neverbal'nyh komponentov v rechevom obshhenii = Functions of verbal and non-verbal components in verbal communication // Jazykovoe obshhenie: Edinicy i reguljativy. Kalinin, 1987. S. 18–25.

Bytie = Genesis // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Vtorozakonie = Deuteronomy // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Grigor'eva V. S. Diskurs kak jelement kommunikativnogo processa: pragmalingvisticheskij i kognitivnyj aspekty = Discourse as an element of communicative process: pragmatic-linguistic and cognitive aspects : monografija. Tambov : Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tehnnicheskogo universiteta, 2007. 288 s.

Ishod = Exodus // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Evangelie ot Matfeja = Gospel of St. Matthew // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Kibrik A. A. Molchanie kak kommunikativnyj akt = Silence as a communicative act // Dejstvie:

lingvisticheskie i logicheskie modeli: Tezisy doklada. Moskva, 1991. S. 49–50.

Kniga proroka Isaji = Book of the Prophet Isaiah // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Kniga proroka Ieremii = Book of the Prophet Jeremiah // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Kornilova N. B. Slovo i molchanie: aspekty vzaimodejstvija = Word and silence: aspects of interaction // Pedagogicheskij vestnik. URL: http://www.yspu.yar.ru/ vestnik/ (data obrashhenija: 12.01.2021).

Krestinskij S. V. Kommunikativno-pragmaticheskaja struktura akta molchanija = Communicative pragmatic structure of the silence act // Kommunikativno-funkcional'nyj aspekt jazykovyh edinic: Sb. nauch. tr. Tver' : TvGU, 1993. S. 50–67.

Krestinskij S. V. Kommunikativnaja nagruzka molchanija v dialoge = The communicative meaning of silence in dialogue // Lichnostnye aspekty jazykovogo obshhenija. Kalinin, 1989. S. 92–98.

Melikjan S. V. Rechevoj akt molchanija v strukture obshhenija = Speech act of silence in communication. Voronezh : VGU, 2003. 180 s.

Muhametova D. B. Molchanie kak komponent russkoj kul'tury = Silence as a component of Russian culture // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2012. № 5 (3). S. 77–82.

Ostin Dzh. L. Slovo kak dejstvie = Word as action // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teorija rechevyh aktov. Moskva : Progress, 1986.S. 22–130.

Pervoe poslanie Ioanna = First Epistle of John// Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Pervoe poslanie k Timofeju = First Epistle to Timothy // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Poslanie k Evrejam = Epistle to the Hebrews // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Poslanie Iakova = Epistle of James // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva 2007. 1296 c.

Poslanie k Rimljanam = Epistle to the Romans // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Pochepcov G. G. Molchanie kak znak = Silence as a sign // Analiz znakovyh sistem: Istorija logiki i metodologii nauki. Kiev, 1986. S. 90–91.

Psaltir' = Psalter // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Sadykova I. A Jetnokul'turnye tradicii v rechevom povedenii lichnosti (na materiale jetnorechevyh zapretov) = Ethnic-cultural traditions in personal speech behavior (on the material of ethnic speech taboos). URL: http://www.kcn. ru/tat-ru/universitet (data obrashhenija: 12.01.2021).

Sjorl' Dzh. R. Chto takoe rechevoj akt? = What is a speech act? // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp.17: Teorija rechevyh aktov. Moskva : Progress, 1986. C. 151–169.

Susov I. P. Jazykovoe obshhenie: Edinicy i reguljativy = Verbal communication: Units and regulatives. Kalinin, 1987. 138 s.

Tret'ja kniga Carstv = First Book of the Kings // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 c.

Shabanova Ja. V. Rechevoj akt «molchanie» v strukture verbal'noj i neverbal'noj kommunikacii = Speech act of «silence» in verbal and non-verbal communication // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. Vyp. 7. Voronezh : VGU, 2007. S. 183–192.

Jepshtejn M. N. Slovo i molchanie: Metafizika russkoj literatury = Word and silence: Metaphysics of Russian literature. Moskva : Vysshaja shkola, 2006. 559 s.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 26.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 811.161.1’42
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-135-143

Метод субъектного позиционирования как способ выявления аксиологических характеристик (на примере медиатекста)

Наталья Александровна Пром
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков ФБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет». 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 28
natalyprom77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2711-4916

Аннотация. Поскольку ценностный аспект учитывается автором для успешной адаптации информации об объективной реальности к потребностям конкретной аудитории с целью оказания воздействия разного рода, лингвисты разрабатывают эффективные методы выявления аксиологических характеристик медиатекста. Для этого мы предлагаем применить метод субъектного позиционирования, суть которого состоит в том, что субъект оценки приписывает ценность медиафакту как объекту оценивания. Установленными позициями субъектов оценивания выступают автор медиафакта и адресат как потенциальный ретранслятор его интерпретаций. Эти позиции лежат в основе предпочтений и оценок, которые человек дает тем или иным предметам, качествам и событиям. В статье демонстрируется пример применения метода субъектного позиционирования. Список ценностей, выявленных в результате анализа, вирируется в зависимости от позиции конкретного субъекта. С точки зрения авторской ориентированности на аудиторию, новостными ценностями являются свойства медиафакта быть предметом интереса и предметом заинтересованности, то есть, интересным и значимым. С позиции адресата-ретранслятора – аудитории, интерпретирующий новостной факт для последующей передачи другим реципиентам, – главными качествами медиафакта, необходимыми для развития темы, являются достаточный потенциал провоцировать дискуссию и риторический аспект. Эти характеристики текста способны вызывать эмоции, сопереживание и затрагивать личный интерес большей части аудитории. Медиадискурс прагматично использует ценности в зависимости от поставленных задач: эксплуатирует существующие либо генерирует новые при необходимости, что свидетельствует о подвижности системы ценностей. Перспективу работы мы видим в применении метода субъектного позиционирования при изучении аксиологических критериев отбора материала в авторских проектах.

Ключевые слова: субъектное позиционирование, аксиологические характеристики, медиатекст, метод, объект и субъект анализа, ценности, прагматическая функция, интересность

Для цитирования Пром Н. А. Метод субъектного позиционирования как способ выявления аксиологических характеристик (на примере медиатекста) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 135-143. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-135-143

Original article

The method of subject positioning to identify axiological characteristics of a media text

Natalia A. Prom
Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the department of foreign languages, Volgograd state technical university. 400005, Volgograd, Lenin ave., 28
natalyprom77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2711-4916

Abstract. Since the value aspect is taken into account by the media text author to successfully adapt information about objective reality to the needs of a specific audience in order to exert various kinds of influence, linguists develop effective methods for identifying axiological characteristics of a media text. For this purpose, we have proposed the subject positioning method. The subject of assessment ascribes value to a media fact as an object of assessment. The established positions of the subjects of assessment are the author of the media fact and potential repeaters of his interpretations. The positions underlie the preferences and assessments that a person gives to certain objects, qualities and events. The article demonstrates an example of applying the subject positioning method. The list of values identified as a result of the analysis is verified depending on the position of a particular subject. In terms of the author's

© Пром Н. А., 2021

focus on the audience, news values are the properties of a media fact to be of interest and concern, that is, interesting and significant. From the perspective of the addressee-repeater – the audience interpreting the news fact for subsequent transmission to other recipients, the main qualities of the media fact necessary for the development of the topic are the sufficient potential to provoke a discussion and the rhetorical aspect. These text characteristics can evoke emotions and empathy and affect the personal interest of a large part of the audience. Media discourse pragmatically uses values depending on the tasks set, namely, exploits current ones or generates new ones if necessary, which indicates the mobility of the value system. We see the prospect of work in applying the method of subjective positioning in studying the axiological criteria for the selection of material in the signature projects.

Key words: subject positioning, axiological characteristics, media text, method, object and subject of analysis, values, pragmatic function, interestingness

For citation: Prom N. A. The method of subject positioning to identify axiological characteristics of a media text. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):135-143. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-135-143

Введение

Многие современные филологические исследования не обходятся без рассмотрения вопроса об аксиологической ценности материала. Исследования медиадискурса не являются исключением. Чтобы склонить слушающего к определенному выбору, а также оправдать этот выбор перед другими, адресант обращается к ценностям [Федосеева, 2014]. Под ценностями мы понимаем фундаментальные характеристики культуры и ориентиры поведения в структуре языковых личностей [Карасик, 2015]. Традиционно в основе классификации ценностей лежат границы языкового коллектива, соответствующие типам коммуникативных дистанций. Здесь выделяют 1) индивидуальные (персональные, авторские); 2) микрогрупповые (семейные, дружеские); 3) макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные); 4) этнические; и 5) общечеловеческие [Hall, 1969, p. 116–125]. Списки ценностей современного общества выработаны в философии, культурологи, социологии и, не в последнюю очередь, филологии для различных лингвокультур и человечества в целом.

Средоточием ценностей, выполняющих ориентационную функцию в жизни человека, является картины мира – ценностные доминанты базовой информации, определяющие все поведение человека, обычно неосознаваемые участниками общения. Изучению ценностной картины мира общества посвящено довольно много исследований, в том числе в лингвистике [Карасик, 2002; Буряковская, 2014 и др.]. Важно отметить, что даже в рамках одной языковой культуры ценностная картина мира «представляет собой неоднородное образование, поскольку у различных социальных групп могут быть различные (даже противоположные) ценности» [Карасик, 2002, с. 168].

Существует иное понимание ценности, которое включает то, в чем человек нуждается, к чему стремится [Аниськина, 2014, с. 22]. Данная трактовка выражает ассоциацию ценностей с потребностями человека. Вступая в коммуникацию, человек реализует свои потребности, которые являются главной причиной инициации общения. Из этого следует, что в основе всего спектра потребностей оказывается получение информации [Олянич, 2004, с. 57]. Сообщение о том или ином событии представляет собой знание, которое в любом качестве стало ценностью постиндустриального общества. По образному замечанию В. З. Демьянкова, модные, трендовые знания, к числу которых, в первую очередь, относятся новости, подобно аксессуарам входят в потребительскую корзину культурных ценностей так называемого «продвинутого» человека [Демьянков, 2004, с. 71].

Познание не может и не должно поглощать всю информацию извне. Оно избирательно благодаря биологическим свойствам восприятия, игнорирующего случайные сигналы, нерелевантные прошлому опыту, знаниям, мышлению [Тимошенко, 2015, с. 208]. Учет аксиологического аспекта подразумевает, что на фактуализацию, также как и на понимание, влияет не только содержание факта, но и то, как люди видят этот факт, какие ценностные установки способствуют этим процессам.

Нашу задачу мы видим в том, чтобы показать, как работают ценности в рамках медиафактов. Мы ответим на вопросы: Каким образом можно выявить конкретные ценностные фильтры, задействованые при отборе фактов действительности для размещения в медиа? Каковы при этом ценностные характеристики самого медиафакта?

Методы исследования

В силу неоднородности аудитории медиадискурса необходимо, на наш взгляд, рассматривать ценности, применив метод субъектного позиционирования, предложенный В. И. Карасиком, который состоит в определении точек зрения разных субъектов в отношении рассматриваемого объекта [Карасик, 2012, с. 25]. В качестве субъектов оценки мы рассматриваем аудиторное поле медиадискурса с учетом его типологии, поскольку ценности – это знания, интериоризированные в картину мира в соответствии с их значимостью, характеристиками, ракурсом оценки и интерпретации. Кроме того, ценности представляют собой основание оценки, то есть позицию, с точки зрения которой производится оценивание, а потому заслуживают особого внимания [Иванова, 2018, с. 41; Аниськина, 2014, с. 22]. Субъект оценки приписывает ценность объекту. Объектом оценивания, которому приписывается ценность, либо ценность которого сопоставляется с ценностью другого объекта, в нашем исследовании является медиафакт. Вспомогательными в работе являются методы прагматического и контекстуального анализа и лингвостилистической интерпретации текста.

Результаты исследования

Важно выявить ценности как критерии оценки факта и его характеристики с учетом позиций субъектов оценивания – ***автора*** медиафакта и адресатов как ***ретрансляторов***, располагающих интенцией дальнейшей передачи этой информации [Пром, 2020]. В данном контексте ценности представляются стандартами в основе прогноза эффективного потенциала факта – гипотетически просчитанных его интерпретаций, закодированных функций и последствий. Приемлемыми могут быть определенные диапазоны отклонений от установленных ценностей.

Авторское позиционирование. Отбор фактов и их аспектов производится журналистом на основе социальных, редакционных и профессиональных ценностных установок в отношении содержания их событийности [Распопова, 2015, с. 155]. Исследование, проведенное А. В. Колесниченко, выявило 9 существующих в России и за рубежом списков критериев отбора событий. Был составлен единый перечень, учитывающий 15 показателей, из которых востребованными в современной журналистской практике оказались только шесть. Это актуальность, участие знаменитости в новости, разветвленный новостной сюжет, масштабность по составу участников, интересность для широкой аудитории и негативность, из которых актуальность представляет собой критерий, само собой разумеющийся [Колесниченко, 2018]. Представляется необходимым кратко остановиться на некоторых их них, учитывая при этом обусловленность отбора событий следующими участниками медиакоммуникации: медиасубъектом, социальными институтами и аудиторией.

Учет интересов медиасубъекта подразумевает соответствие медиаматериалов информационной и социальной политике медиаресурса, его содержательной и стилистической модели. Информагентства освещают, прежде всего, события массовые или происходящие в рамках новостных сюжетов и относятся к качественным изданиям, основными задачами являются информирование и воздействие. Их главными новостными ценностями являются масштаб, обсуждаемая в данный период тема, негатив и интересность. Необычные, побуждающие к сопереживанию события не являются для них приоритетными. Журналисты региональных информагентств гораздо чаще при отборе событий для освещения используют такие ценности, как эмоциональность и знаменитости. Присутствие критерия «географическая близость» указывает на региональность СМИ с провинциальной аудиторией. Доминирование «интересности», «необычности» и «эмоциональность» события указывает на принадлежность изданий к массовой прессе [Колесниченко, 2018].

Присутствие социальных институтов, основными задачами которых являются воздействие и информирование населения, прослеживается в сообщениях по-разному. Например, в «Российской газете» отмечено доминирование признака «значение новости в жизни людей», что связано с миссией издания информировать граждан о законодательных нововведениях. Многие исследователи при этом отмечают, что значимость события определяется не аудиторией, а самим социальным институтом [Пищальникова, 2018, с. 186; Львов, 2009, с. 21; Graham, Greenhill, 2015 и др.]. Неудивительно, что социологические опросы демонстрируют несовпадение приоритетов СМИ и проблематики, обозначенной населением. Выражая интересы того или иного социального субъекта, автор вторичного текста идентифицирует себя с этим субъектом, поэтому манипулятивные намерения обычно не демонстрируются открыто и выявляются только социо- и

психолингвистическими методами.

Анализ новостных ценностей с точки зрения ориентированности на аудиторию показал возможность разделить их на две группы: ценности, определяющие свойство медиафакта быть предметом интереса и предметом заинтересованности. Интересность в журналистике определяется как признак новости побуждать адресата рассказать о событии другому, например, когда новость станет предметом обсуждения среди коллег и друзей [Колесниченко, 2018]. Как видим, дефиниция данного понятия основана на эффекте новости. К данной группе мы относим такие признаки фрагментов действительности, как присутствие знаменитой личности; необычность события, выбивающегося из общего ряда; повышенные конфликтность и эмоциональность; общая негативность; тревожный тренд нескольких событий, связанных одной линией, как предвестник возможных ухудшений; эксклюзивный материал издания. Представленные критерии являются ценностями современного медиадискурса, а материал, обладающий такими качествами, будет интересен ретрансляторам и пассивным потребителям медиаинформации. Стоит уточнить, что психологи отмечают важность интереса как положительной эмоции не для аудитории в целом, а именно для конкретного человека [Шестерина, 2011].

На приоритет интересного в сравнении с истинным для человека указывают философы: «то, что предложение интересно, более важно, нежели то, что оно истинно» писал А. Уайтхед [Уайтхед, 1990, с. 646]. Философия также признает смысл сомнительного, туманного, парадоксального, может быть, заведомо ложного даже в науке, если оно приводит к сколько-нибудь ценным (интересным) результатам [Фейерабенд, 1974; цит. по: Левин, 1998, с. 159], поскольку истина – это наука плюс что-то еще [Левин, 1998, с. 159].

К категории интересного относится развлекательный контент. Большинство продуктов массмедиа предназначены для развлечения, которое определяют как эффективное и приятное средство облегчения через снижение неудовлетворенности и неизбежных стрессов жизни. На решение человека выбрать определенную развлекательную передачу может влиять множество различных факторов: личностные предпочтения и потребности, эмоциональное состояние и настроение. Юмор, понижающий осторожность и повышающий расположение к источнику сообщения, очень часто используется в средствах массовой информации как средство убеждения [Bryant et al., 2013]. Формами развлечения служат комедии, трагедии, музыкальные и танцевальные представления, артистические шоу, игровые шоу, спортивные соревнования. Из-за успешности подобных материалов в медиа развлекательность внедряется во все форматы, жанры, типы общения, тексты с любой целевой аудиторией.

Потенциал факта действительности касаться всех или многих указывает на его способность быть предметом заинтересованности. Таковыми могут быть медиафакты о событиях, близких широкому кругу реципиентов, когда что-то произошло с «нашими», например, с российскими военными в Сирии, а также географическую близость, когда событие привлекло внимание журналистов только потому, что произошло локально близко с адресатом сообщения.

Позиционирование адресатов-ретрансляторов. Фактуализация первичного текста адресатом-ретранслятором становится основой для рационально-оценочных медиафактов в развитии темы в медиадискурсе. Это так называемые размышления на тему – аналитика, оценки, прогнозы. Развлекательный контент, рассчитанный на кратковременные эмоции аудитории, не рассматривается в качестве потенциального для вторичных текстов. Новостной медиафакт интерпретируется в соответствии с ассоциативно-апперцепционным содержанием своего сознания и мотивами познавательной деятельности. При этом подчеркивается авторское властвование над чужим словом с риторической точки зрения [Анненкова, 2011, с. 14], поскольку ретранслятор не столько творит, сколько истолковывает чужие высказывания таким образом, чтобы изменить его значение в выгодную для себя сторону.

Доминирование риторического аспекта выражается в приоритете ценностей над фактуальными данными, эмоционального над рациональным [Желтухина, 2016, с. 154], эстетической стороны в ущерб этике [Карасик, 2014, с. 216]. Интерпретация не исключает домысливания при достраивании неизвестных либо замене неудобных элементов действительности, которые кроме воздействующего эффекта, способны формировать эстетическую ценность текста за счет языковых средств. Это явление в психологии получило название эвристики.

Репрезентативный медиафакт на новостной ленте может выполнять ряд функций, наиболее ценной из которых в глазах реципиентов-

ретрансляторов является функция развития информационной волны. Анализ многочисленных критериев репрезентативного медиафакта показал, что главным его качеством, необходимым для развития темы, является достаточный потенциал провоцировать дискуссию благодаря способности вызывать эмоции, сопереживание и затрагивать личный интерес большей части аудитории. Достоверность и объективность как ценностные критерии усиливают значимость сообщения [Мельникова, 2014]. Помимо сущности проблемы, языковая личность автора вторичного медиатекста настроена на репрезентацию ментальных смыслов и ценностей, которые он стремится отразить в речевой структуре текста с целью демонстрации совпадения с ценностным арсеналом своего адресата.

Моральные и духовные ценности, управляющие потребностями, находят отражение в рационально- и эмоционально-оценочных медиафактах и затем влияют на культурные интересы, осуществляются в мнениях и оценках, влияют на реальные события [Ремезов, Коробкина, 2015, с. 85]. Они также являются одним из ментальных барьеров при восприятии концептов, выражающих неконгруэнтные ценности, поэтому любое научное исследование на данную тему должно быть культурно оговоренным. Универсальным может быть только присутствие ценностей, их роль в том или ином процессе. Понимание данного явления присутствует в журналистике. Свидетельством служит диалог ведущих политического шоу о роли России в мире:

Е. Стриженова: *Почему мы не можем на международной арене доказать свою правду? Может быть, у нас хромает механизм доставки правды? Где мы проигрываем?* – А. Кузичев: *У них уши так устроены, что мы никогда не доставим свою правду* [Время покажет, 27.05.2019].

В контексте нашей работы вопросы ведущей можно перефразировать следующим образом: в силу каких факторов аргументы, приводимые российской стороной, не поддаются фактуализации в западной аудитории? Как необходимо строить сообщения и что при этом учитывать? Интерпретация приведенного метафоричного ответа на вопросы состоит в том, что успешная фактуализация во многом обусловлена ценностными установками массового адресата и пресуппозициями, сформированными прежними сообщениями. Эти ценностные ориентации, личный психофизиологический и житейский опыт, содержащийся в групповой памяти, представляют собой неустранимые социальные барьеры [Соколов, 2002]. Ценности, в свою очередь, лежат в основе предпочтений и оценок, которые человек дает тем или иным предметам, качествам и событиям – фактам действительности. Следовательно, в результате фактуализации в сознании реципиента создаются новые когнитивные структуры, способствующие быстрому и эффективному усвоению последующих медиафактов [Пищальникова, 2018, с. 188], поэтому иная точка зрения, противоположная тому, к чему аудитория привыкла, воспринимается как враждебная и вряд ли будет принята.

В качестве примера рассмотрим рассуждения У. Волоховой и М. Бессмертной в журнале «Коммерсантъ Weekend» о новом ревизионизме культурных завоеваний XX века, в частности, пьесе «Питер Пен» Дж. Барри. Читателю предлагают три отзыва, каждый из которых представляет свою точку зрения и имплицитно призывает адресата согласиться.

Отзыв 1 (авторы статьи): *Питер Пен – это пьеса о мальчике, который не хотел взрослеть, позже переделанная самим автором в роман, моментально стала культовой историей о детстве как для детей, так и для их родителей. Роман входит в список 20 лучших детских книг всех времен по версии*. Отзыв 2 (Бернард Шоу, 1910): *Несколько лет назад Джеймс Барри написал сказочную пьеску «Питер Пэн», которая имела такой огромный успех, что теперь ее ставят каждое Рождество как якобы праздничное развлечение для детей, хотя на самом деле с большим удовольствием ее смотрят взрослые. Отныне мечта каждого лондонского антрепренера – найти нового Питера Пэна.* Отзыв 3 (BUSTLE, 2017): *Это история о том, что мальчики навсегда остаются детьми, а девочки должны быть их матерями. Венди сразу же берет на себя эту роль, что уж говорить про других женских персонажей: Динь-Динь – классическая ревнивая жена, а Тигровая Лилия типичная «девица в беде», к тому же ходячий расистский стереотип о коренных американцах* [Коммерсантъ Weekend, 09.02.2017].

Проанализируем данный отрывок с учетом субъектного позиционирования.

Авторское позиционирование. Мы должны ответить на вопрос о ценностях как критериях отбора, о том, какие качества данных отрывков позволили автору выбрать именно их. Первая позиция является понятной, поскольку это мне-

ние самого автора статьи, которое выполняет интродуктивную функцию. Вторая позиция выбрана, поскольку автором цитаты является писатель-классик, известный своей образованностью и непререкаемым авторитетом в литературе. К тому же он – современник и очевидец первых постановок пьесы. Данная позиция выполняет опорную и ориентирующую функции для читателей. Третья позиция является интересной, необычной и, безусловно, провокационной в российском обществе. Очевидным представляется прогноз о том, что дискуссия в отношении этого мнения неизбежна. Следовательно, каждая из цитат располагает набором качеств, соответствующих новостным ценностям и располагающих собственным функционалом.

Позиционирование адресатов-ретрансляторов. Первый отзыв сообщает довольно объективную, на наш взгляд, информацию о произведении: главный герой *Питер Пен – это мальчик*, его основная характеристика *не хотел взрослеть*, популярность произведения в XX веке (*культовая история о детстве*), подтвержденная статистикой издания The Telegraph (*входит в список 20 лучших детских книг всех времен*). Читатель верит в объективность этой информации, хотя нельзя не отметить положительную тональность отзыва. Причиной доверия являются, во-первых, хорошая репутация издания, во-вторых, указание на авторов публикации, что не всегда можно наблюдать в современных медиа, где авторы предпочитают не брать на себя ответственность за предлагаемый материал, в-третьих, аудитория знает это произведение таким, как его описывают авторы, и разделяют их мнение, другими словами, адресант и адресат находятся в одном аксиологическом поле и имеют общую шкалу ценностей.

Второй отзыв имеет ту же аксиологическую основу, что и первый, но отличается большей степенью эмоциональности и положительной оценки *сказочная пьеска* (отметим, что пейоратив *пьеска* выражает первоначальное отношение современников к новому небольшому по объему произведению и необычной для того времени, детской постановке), *имела такой огромный успех, что теперь ее ставят каждое Рождество, с большим удовольствием ее смотрят взрослые*. Подчеркивается коммерческий успех постановки *Отныне мечта каждого лондонского антрепренера – найти нового Питера Пэна.* Этот отзыв также не подвергается сомнению в его силу эвиденциальности – высказывание оформлено как цитата, указан ее автор Бернарду Шоу и год появления. Читатели журнала «Коммерсант Weekend» доверяют автору отзыва, которого знают как выдающегося британского драматурга, и соглашаются с ним также потому, что большинство читали произведение или видели его театральные и кинопостановки.

Тем неожиданнее выглядит третий отзыв, размещенный ранее в интернет-издании BUSTLE (2017), который с позиций постмодернизма обвиняет произведение в сексизме *Динь-Динь – классическая ревнивая жена, а Тигровая Лилия типичная «девица в беде»*, пропаганде гендерных стереотипов *мальчики навсегда остаются детьми, а девочки должны быть их матерями*, расизме *ходячий расистский стереотип о коренных американцах*. Несмотря на безапелляционный тон, этот отзыв не вызывает доверия, по крайней мере, у российских читателей, которые не пытаются во всем искать то, что в культуре и аксиологической шкале постмодернизма считается пороком. Эффект данного отзыва мы можем видеть в комментариях к статье, например, *Все что я здесь прочел – еще раз доказывает что общество неисправимо больно (сама идея – оценивать шедевры с точки зрения маниакальной идеи маргинального меньшинства)* [Nick]; *Все эти современные писаки, пытающиеся потоптаться на отличном старом кино, доказывают только одно – что в современном мире если кто и стал меньшинством, так это люди с мозгами и хорошим вкусом* [Naissaar]. Для аудитории «Коммерсанта» автор третьего отзыва и издание BUSTLE в целом являются ненадежным рассказчиком (unreliable speaker) и не заслуживают доверия, поскольку не разделяют ее ценностей. В комментариях выявляется оппозиция: издание BUSTLE, которое навязывают образованному большинству идеи современной постмодернистской культуры (*маргинальное меньшинство, все эти современные писаки*) и читатели журнала «Коммерсант Weekend», которые знают о существовании таких установок, но не готовы включить их в собственную картину мира (*люди с мозгами и хорошим вкусом*). При таких пресуппозициях самые веские доводы к смыслу едва ли будут иметь какое-либо убеждающее воздействия на читателя. Именно поэтому для СМИ так важно создать единую систему национальных ценностей в обществе.

Ценностные установки в основе субъективной реальности индивида, хотя и являются устойчивым образованием, все же, не лишены динамич-

ности. Образ социального мира, складывающийся у человека под влиянием медиареальности на определенной стадии развития общества, наполняется теми смыслами, которые транслирует символический мир [Кузнецова, 2009, с. 78]. Выступая коммуникативным медиумом в познании социального мира, медиареальность обеспечивает либо, как минимум, способствует динамике общественного мнения и со временем выработке новых ценностей. Поиск новых форм презентации, в том числе и языковой, находятся в перманентном процессе трансформаций, поскольку форма является еще одним средством привлечения аудитории, аспектом отбора аттрактивной информации, а поэтому рейтингов – мерилу современных медиа.

В культурных условиях постмодернизма ни один из классических типов ценностей не остается абсолютно стабильным в медиадискурсе, который прагматично использует ценности в зависимости от поставленных задач. Он эксплуатирует их, когда они удобны и применимы в конкретной ситуации и не раздумывает, в случае если нужно использовать двойные стандарты, генерирует новые при необходимости, что свидетельствует о подвижности системы ценностей. Изменение ценностей в обществе влияет на интерпретацию разных культурных феноменов и эмоциональное отношение к историческим фактам, традициям и влечет появление новых ценностных установок, результатом которых становится изменение в интерпретации этих фактов [Первухина, 2014, с. 59].

Как мы неоднократно отмечали, одной из основных функций медиадискурса является воздействующая, в задачи которой входит укрепить определенные «полезные» ценности, эффективные в интерпретации текущей ситуации, и пересматривать старые или генерировать «нужные» новые как базу для нового ракурса.

Заключение

Ценности и основанная на них шкала оценок необходимы для успешной адаптации информации о действительности к требованиям и потребностям конкретной аудитории. Оценки позволяют интерпретировать явления, события, характеризовать их участников, определять их роль и место в современной жизни, обусловливая широкую и многовариантную картину действительности. Эффективным методом выявления аксиологических характеристик медиатекста показал себя метод субъектного позиционирования. Субъект оценки приписывает ценность объекту оценивания, которым, в свою очередь, является медиафакт. Ему приписывается ценность, либо его ценность сопоставляется с ценностью другого объекта. Установленными позициями субъектов оценивания выступают автор медиафакта и потенциальные ретрансляторы.

Анализ новостных ценностей с точки зрения ориентированности на аудиторию показал возможность разделить их на две группы: ценности, определяющие свойство медиафакта быть предметом интереса и предметом заинтересованности. Эти критерии являются ценностями современного медиадискурса, а материал, обладающий такими качествами, будет интересен аудитории. Фактуализация первичного текста адресатом-ретранслятором становится основой для рационально-оценочных медиафактов в развитии темы в медиадискурсе. Ценности, в свою очередь, лежат в основе предпочтений и оценок, которые человек дает тем или иным предметам, качествам и событиям – фактам действительности.

Распространяемая информация направлена на сохранение либо изменение определенной системы ценностей в сознании адресатов. Стимулом для изменения ценностей всегда считался опыт человека. Эти задачи являются очень важными с точки зрения формирования коллективной картины мира. Медиадискурс пока не полностью заменил все источники опыта, но все же их большую часть, поэтому располагает всеми возможностями – авторитетными, техническими – для оказания такого воздействия.

Библиографический список

Аниськина Н. В. Трансформация ценностей в современной рекламе // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. С. 22–30.

Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. Москва : Изд-во МГУ имени М. В. Ломоносова. 2011. 392 с.

Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): монография. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 228 с.

Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2. Москва : Изд-во МГУ, 2004. С. 68–83.

Желтухина М. Р. Современный медиадискурс и медиакультура воздействия // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 154–159.

Иванова С. В. Культорологическая модальность в политическом дискурсе // Медиалингвистика. 2018. Т. 5 (2). С. 199–209.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград : Перемена, 2002. 447 с.

Карасик В. И. Субъектное оценочное позиционирование // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика. Москва : Флинта. 2012. С. 152–164.

Карасик В. И. Языковое проявление личности: монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 449 с.

Карасик В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в школе. 2015. №1. С. 25–35.

Колесниченко А. В. Критерии отбора новостей в современных российских СМИ // Медиаскоп. 2018. Вып. 3. URL: http://www.mediascope.ru/2467

Кузнецова Е. И. Медиареальность как коммуникативный медиум // Медиафилософия II. Границы дисциплины. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское Философское общество, 2009. С. 67–80.

Левин Ю. И. Истина в дискурсе // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. Москва : Языки русской культуры. 1998. С. 124–164.

Львов С. В. Приоритеты СМИ и приоритеты общественного мнения при определении актуальных проблем // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 5(93). С. 20–30.

Мельникова Е. А. Точность и достоверность как критерии информативности текста новостного сообщения // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 94–99.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография. Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.

Первухина С. В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: монография. Ростов-на-Дону : ФГБОУ ВПО РГУПС, 2014. 203 с.

Пищальникова В. А. Медиатекст как компонент дискурса СМИ: сущность и функционирование // Современный дискурс-анализ. 2018. Вып. 3 (20). Т. 1. С. 185–188.

Пром Н. А. Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения: монография. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. 188 с.

Пром Н. А. Типы адресата в медиадискурсе // Медиалингвистика. 2020. Том 7. № 1. С. 95–103.

Распопова С. С. Автор как реальный человек и образ автора в медиатексте // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. №2. С. 149–158.

Ремезов В. А., Коробкина А. Н. Сущность и структура современного медиакультурного пространства // Вестник МГУКИ. 2015. №2 (64). С. 83–86.

Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. 461 с.

Тимошенко Л. О. Когнитивные основы формирования картины мира // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. №2. С. 206–209.

Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. Москва : Прогресс, 1990. 718 с.

Федосеева Е. В. Типы репрезентации действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в британских и американских СМИ) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 310–316.

Шестерина А. М. Писихология журналистики. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2011. Ч. 1. 188 с.

Bryant J., Thompson S., Finklea B. W. Fundamentals of Media Effects. USA: Waveland Press, Inc., 2013. 410 p.

Graham G., Greenhill A. Value activities and newspapers // Content is King: News management in the digital age. New York: Bloomsbury Academic, 2015. Pp. 89–106.

Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 201 p.

Reference list

Anis'kina N. V. Transformacija cennostej v sovremennoj reklame = Value transformation in modern advertising // Aktivnye processy v social'noj i massovoj kommunikacii: kollektivnaja monografija. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2014. S. 22–30.

Annenkova I. V. Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosofskij aspekt jazyka SMI = XXI century media discourse. Linguistic-philosophic aspect of media language. Moskva : Izd-vo MGU imeni M. V. Lomonosova. 2011. 392 s.

Burjakovskaja V. A. Kommunikativnye harakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Communicative characteristics of mass culture in media discourse (in the Russian and English languages) : monografija. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014. 228 s.

Dem'jankov V. Z. Semiotika sobytijnosti v SMI = Semiotics of events in the media // Jazyk SMI kak ob#ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija. Chast' 2. Moskva : Izd-vo MGU, 2004. S. 68–83.

Zheltuhina M. R. Sovremennyj mediadiskurs i mediakul'tura vozdejstvija = Modern media discourse and media culture of influence // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 4. S. 154–159.

Ivanova S. V. Kul'torologicheskaja modal'nost' v politicheskom diskurse = Culturological modality in political discourse // Medialingvistika. 2018. T. 5 (2). S. 199–209.

Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = The linguistic circle: personality, concepts, discourse : monografija. Volgograd : Peremena, 2002. 447 s.

Karasik V. I. Sub#ektnoe ocenochnoe pozicionirovanie = Subjective evaluative positioning // Lingvistika rechi. Mediastilistika: koll. monografija, posvjashhennaja 80-letiju professora G. Ja. Solganika. Moskva : Flinta. 2012. S. 152–164.

Karasik V. I. Jazykovoe projavlenie lichnosti = The linguistic manifestation of personality : monografija. Volgograd : Paradigma, 2014. 449 s.

Karasik V. I. Lingvokul'turnye cennosti v diskurse = Linguistic cultural values in discourse // Inostrannye jazyki v shkole. 2015. №1. S. 25–35.

Kolesnichenko A. V. Kriterii otbora novostej v sovremennyh rossijskih SMI = Criteria for news selection in contemporary Russian media // Mediaskop. 2018. Vyp. 3. URL: http://www.mediascope.ru/2467

Kuznecova E. I. Mediareal'nost' kak kommunikativnyj medium = Media reality as a communicative medium // Mediafilosofija II. Granicy discipliny. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe Filosofskoe obshhestvo, 2009. S. 67–80.

Levin Ju. I. Istina v diskurse = The truth in discourse // Levin Ju. I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury. 1998. S. 124–164.

L'vov S. V. Prioritety SMI i prioritety obshhestvennogo mnenija pri opredelenii aktual'nyh problem = Media priorities and public opinion priorities in identifying current issues // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2009. № 5(93). S. 20–30.

Mel'nikova E. A. Tochnost' i dostovernost' kak kriterii informativnosti teksta novostnogo soobshhenija = Accuracy and credibility as informational criteria of the news // Vestnik Volgograd. gos. un-ta. Serija 2. Jazykoznanie. 2014. № 5 (24). S. 94–99.

Oljanich A. V. Prezentacionnaja teorija diskursa = Discourse presentational theory : monografija. Volgograd : Paradigma, 2004. 507 s.

Pervuhina S. V. Strukturno-semanticheskie i diskursivno-pragmaticheskie harakteristiki adaptirovannogo teksta = Structural-semantic and discourse-pragmatic characteristics of an adapted text : monografija. Rostov-na-Donu : FGBOU VPO RGUPS, 2014. 203 s.

Pishhal'nikova V. A. Mediatekst kak komponent diskursa SMI: sushhnost' i funkcionirovanie = Media text as a component of media discourse: essence and functioning // Sovremennyj diskurs-analiz. 2018. Vyp. 3 (20). T. 1. S. 185–188.

Prom N. A. Faktualizacija real'nosti v mediadiskurse: harakteristiki, tipy, sposoby vyrazhenija = Factualizing reality in media discourse: characteristics, types, and means of expression : monografija. Volgograd: PrinTerra-Dizajn, 2020. 188 s.

Prom N. A. Tipy adresata v mediadiskurse = Addressee types in media discourse // Medialingvistika. 2020. Tom 7. № 1. S. 95–103.

Raspopova S. S. Avtor kak real'nyj chelovek i obraz avtora v mediatekste = The author as a real person and the author's image in media text // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. T. 4. №2. S. 149–158.

Remezov V. A., Korobkina A. N. Sushhnost' i struktura sovremennogo mediakul'turnogo prostranstva = Essence and structure of modern media cultural space // Vestnik MGUKI. 2015. №2 (64). S. 83–86.

Sokolov A. V. Obshhaja teorija social'noj kommunikacii = General theory of social communication. Sankt-Peterburg : Izd-vo Mihajlova V. A., 2002. 461 s.

Timoshenko L. O. Kognitivnye osnovy formirovanija kartiny mira = Cognitive bases of forming a world picture // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2015. №2. S. 206–209.

Uajthed A. N. Izbrannye raboty po filosofii = Selected works on philosophy. Moskva : Progress, 1990. 718 s.

Fedoseeva E. V. Tipy reprezentacii dejstvitel'nosti v mediadiskurse (na materiale statej o Rossii v britanskih i amerikanskih SMI) = Types of reality representation in media discourse (based on articles about Russia in the British and American media) // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 2. S. 310–316.

Shesterina A. M. Psihologija zhurnalistiki = Psychology of journalism. Voronezh : Izd-vo VGU, 2011. Ch. 1. 188 s.

Bryant J., Thompson S., Finklea B. W. Fundamentals of Media Effects. USA: Waveland Press, Inc., 2013. 410 p.

Graham G., Greenhill A. Value activities and newspapers // Content is King: News management in the digital age. New York: Bloomsbury Academic, 2015. Pp. 89–106.

Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 201 r.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 27.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья
УДК 81-23
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-144-149

https://orcid.org/0000-0003-1640-8054

О лексической синонимии в романских языках

Ирина Александровна Цыбова
Доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры французского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ». 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76
ia.tsybova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1640-8054

Аннотация. В статье сопоставляются синонимы в романских языках (французском, испанском, португальском, итальянском, румынском). Синонимия как одна из языковых универсалий является одним из проявлений асимметрии языкового знака. В когнитивной лингвистике синонимы рассматриваются как единицы одного ментального пространства. Синонимия функционально выступает как способность языковых единиц благодаря тождеству или сходству их значений замещать друг друга во всех или определенных контекстах, не меняя содержания высказывания. Другой важной функцией синонимии является функция уточнения, состоящей в раскрытии свойств и различных характерных признаков обозначаемых предметов и явлений. Синонимы отличаются от таких своих функциональных эквивалентов как гиперонимы, а также эвфемизмов, являющихся их функционально-стилистическими эквивалентами. В рассматриваемых романских языках существуют абсолютные и относительные синонимы. Абсолютные синонимы часто встречаются в научно-технической терминологии и в арго. Абсолютные синонимы отличаются от вариантов слов. Относительные синонимы подразделяются на денотативные и коннотативные (стилистические). При когнитивном подходе к синонимии в романских языках наблюдается семейное (фамильное) сходство при наличии прототипа. Поскольку целью статьи является показать, как представлена лексическая синонимия в анализируемых романских языках (черты их сходства и различия), в работе применялся сопоставительный метод. Основным результатом проведенного исследования является выделение общих типов синонимов для таких романских языков, как французский, испанский, португальский, итальянский и румынский. Автором отмечается наибольшая близость испанского и португальского языков с точки зрения фонетического и орфографического сходства.

Ключевые слова: романские языки (французский, испанский, португальский, итальянский, румынский), сопоставительный метод, абсолютные и относительные (денотативные и коннотативные) синонимы, семейное сходство, прототип

Для цитирования: Цыбова И. А. О лексической синонимии в романских языках // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 144-149. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-144-149

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

On lexical synonymy in romance languages

Irina A. Tsybova
Doctor of philological sciences, professor, senior researcher of the french language department, Moscow state institute of international relations (university), the RF Ministry of foreign affairs. 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76
ia.tsybova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1640-8054

Abstract. The article compares synonyms in romance languages (french, spanish, portuguese, italian, romanian). Synonymy as one of the linguistic universals is a manifestation of the linguistic sign asymmetry. In cognitive

© Цыбова И. А., 2021

linguistics, synonyms are regarded as units of the same mental space. Synonymy represents the ability of linguistic units to replace one another in all or certain contexts without changing the content of the utterance, due to the identity or similarity of their meanings. Another important function of synonymy is the function of clarification which consists in identifying the properties and various features of the denoted objects and phenomena. Synonyms differ from their functional equivalents such as hyperonyms and euphemisms which are their functional and stylistic equivalents. In the romance languages in question, there are absolute and relative synonyms. Absolute synonyms are often found in scientific and technical terminology and in argot. They are different from variant words. Relative synonyms are divided into denotative and connotative (stylistic). In romance languages, the cognitive approach to synonymy shows family similarity in the presence of a prototype. Since the purpose of the article is to show how lexical synonymy is represented in the analyzed Romance languages (their similarities and differences), the comparative method was used. The main result of this study is the identification of common synonym types for such romance languages as french, spanish, portuguese, italian and romanian. The author notes a greater closeness of the spanish and portuguese languages in terms of phonetic and orthographic similarities.

Key words: romance languages (french, spanish, portuguese, italian, romanian), comparative method, absolute and relative (denotative and connotative) synonyms, family similarity, prototype

For citation: Tsybova I. A. On lexical synonymy in romance languages. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):144-149. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-144-149

Введение

Синонимия является одной из языковых универсалий. Синонимия – одно из проявлений асимметрии языкового знака. При когнитивном подходе синонимы рассматриваются «как единицы одного ментального или концептуального пространства, но занимающие в этом пространстве разные места, а главное, соответствующие в нем разным образом обозначаемой или же описываемой действительности» [Кубрякова, 2004, с. 432]. «В функциональном плане синонимия выступает как способность языковых единиц благодаря тождеству или сходству их значений замещать друг друга во всех или определенных контекстах, не меняя содержания высказывания» [Новиков, 1990, с. 446]. Другой важной функцией синонимии является функция уточнения, которая «состоит в раскрытии свойств и различных характерных признаков обозначаемых предметов и явлений действительности». В синонимы общелитературного языка не следует включать территориальные диалектизмы. Что касается слов профессионального и социального арго, то их можно рассматривать как синонимы общелитературного языка с указанием их стилевых особенностей.

Сопоставительный метод [Виноградов, 1990, с. 481] успешно применяется по отношению как к родственным [Будагов, 1985; Алисова, Репина, Таривердиева 1982; Гурычева, Катагощина 1985; Цыбова, 2008; 2020;], так и неродственным языкам [Bally, 1950; Гак, 1976; Овчинникова, 2020].

Целью статьи является показать как представлена лексическая синонимия в романских языках (французском, испанском, португальском, итальянском, румынском), черты их сходства и различия.

Типы лексических синонимов

Существуют **абсолютные** и **относительные** синонимы. Пример абсолютного синонима:

«Nous n'avons *nulle (aucune*) envie de retourner dans ce pays» [NDS, p. 477].

Абсолютные синонимы часто встречаются в **научно-технической терминологии**. Например, во **французском**: *hyperonyme / superordonné* (гипероним); *constrictif / fricative / spirant* (щелевой, фрикативный, спирант); в **итальянском**: *fricative /spirante*; в **румыгнском**: *fricative* / *spirantă*.

С другой стороны, абсолютные синонимы имеются в **арго:** *grisbi / oseille / pèze / pognon* (деньги). По мнению Р. Мартена, абсолютная синонимия носит временный характер [Martin 1976, p. 114]. Некоторые авторы сомневаются в наличии абсолютных синонимов [Chiss, Filliolet, Maingueneau 2001, p. 131].

Следует отличать абсолютные синонимы от **вариантов** слов. [Цыбова 2014, с. 127–130] В абсолютных синонимах единство плана содержания при различии плана выражения. В вариантах слов также наблюдается единство плана содержания при сходстве плана выражения: *le jour de l'An; un enfant de six ans/ cette année, année scolaire*.

Относительные синонимы встречаются значительно чаще. Они различаются одной или несколькими семами. Например,

во **французском**: *courageux* (смелый, упорный, трудолюбивый) / *audacieux* (смелый, дерзкий) / *hardi* (отважный, дерзкий, рискованный) / *intrépide* (бесстрашный, упорный, невозмутимый) / *téméraire* (дерзкий, безрассудно смелый);

в **испанском**: *audaz* (смелый) / *intrepido* (бесстрашный) / *osado* (смелый, дерзкий, рискованный) / *temerario* (смелый, отчаянный, безрассудный) / *corajudo* (вспыльчивый, раздражительный, смелый);

в **португальском**: *audaz* / *corajoso* (смелый, отважный)/ *intrepido* (отважный, бесстрашный)/ *temerario* (смелый, дерзкий);

в **итальянском**: *coraggioso* (смелый, мужественный) / *audace* (смелый, дерзкий, удалой) / *intrepido* (бесстрашный) / *temerario* (отважный, безрассудный;

в **румынском**: *curajos* (смелый) / *îndrăzneţ* (смелый, дерзкий, наглый)/ *temerăr* (смелый, безрассудный).

Таким образом, при **семейном сходстве прототипами** можно считать *courageux* во французском, *audaz* в испанском и португальском, *coraggioso* в итальянском, *curajos* в румынском.

Прототипами являются также *grand* во французском, *grande* в испанскои, португальском, итальянском, *mare* в румынском. **Семейное сходство** можно наблюдать в следующих примерах. Во французском: *grand* (большой) / *important* (важный, значительный) / *considérable* (большой, огромный, значительный, важный, известный) / *ample* (просторный, широкий) / *étendu* (обширный, широкий, протяженный) / *large* (широкий, большой, обширный*) / vaste* (большой, огромный, обширный, широкий);

в испанском: *grande* (большой) / *amplio* (просторный, обширный, широкий) / *espacioso* (широкий, просторный; медленный, спокойный) / *considerable/ importante* (важный, значительный) / *largo* (длинный, продолжительный, обильный);

в португальском: *grande* (большой, высокий, крупный) / *amplo* (просторный, широкий, обширный; свободный) / *consideravel* (важный, значительный, большой) / *importante* (важный, значительный; высокомерный) / *largo* (широкий, просторный, обильный);

в итальянском: *grande* (большой, крупный, высокий) / *amplo* (широкий, просторный), *considerabile* (значительный, важный, большой, многочисленный) / *estensivo* (широкий, расширительный) / *largo* (широкий, просторный);

в румынском: *mare* (большой, высокий, великий, важный) / *amplu* (широкий, просторный, обширный) / *considerabil* (значительный, большой) / *important* (важный, значительный, крупный) / *larg* (широкий, обширный).

Среди **относительных синонимов** различаются следующие типы: **денотативные** (fr.: *répondre / répliquer*), **коннотативные** или **стилистические** (fr.: *mourir / s'éteindre / expirer / décéder*; esp.: *morir / expirar*); port.: *morrer/ expirer*; it.: *morire / decedere*; roum.: *muri / decedă*.

Что касается **стилистической синонимии**, то имеется две группы слов: *литературные* и *обиходные*: *cheval / coursier, tomber / choir*. Употребление одного из этих синонимов зависит от ситуации общения. Например:

во французском: *manger* (есть) / *dévorer* (пожирать) / *bouffer* (жрать);

в испанском и португальском: *comer* (есть) / *devorar* (пожирать) / *mascar* (жевать);

в итальянском: *mangiare* (есть) / *divorare* (пожирать);

в румынском: *mîncă (*есть) / *devoră* (пожирать).

Следует отличать синонимы от функциональных эквивалентов слов. Таковыми могут быть **гиперонимы**. Например:

во французском: *animal* (животное): *chat* (кот) / *chien* (пёс) / *loup* (волк)/ *ours* (медведь);

в испанском: *animal* (животное): *gato* (кот) / *perro* (пёс) / *lobo* (волк) / *oso* (медведь);

в португальском: *animal* (животное): *gato* (кот)/ *perro* (пёс)/ *lobo* (волк) / *urso* (медведь);

в итальянском: *anmale* (животное): *gatto*.(кот) / *cane* (пёс) / *lupo* (волк)/ *orso* (медведь);

в румынском: *animal* (животное): *pisică* (кошка) / *cline* (собака) / *lup* (волк) / *urs* (медведь).

Эвфемизмы [Цыбова, 2008, с. 161–168] также отличаются от синонимов, являясь функционально-стилистическими эквивалентами слов. Например:

во французском: *prudent* (осторожный) вместо *peureux / poltron* (трусливый, трус); в испанском и португальском: *prudente* (осторожный) вместо *cobarde* (трус); в итальянском: *prudente* (осторожный) вместо *vigliacco* (трус); в румынском: *prudent* (осторожный) вместо *fricos* (трусливый, трус).

При **когнитивном** подходе синонимы рассматриваются как имеющие **семейное** или **фамильное сходство** [Кубрякова 1996, с. 170–172]. При этом один из синонимов является **прототипом** [Демьянков, 1996]. Например, из рассмотренных выше групп синонимов прототипом является *grand* во французском, *grande* в испанском, португальском, итальянском, *mare* в румынском.

Примером использования прототипа *grand* в семье других синонимов в стилистических целях (усиление качества) может служить следующий отрывок из романа современного французского писателя Ф. Бегбедера (F. Beigbeder):

En ce temps-là, tout était ***grand****. Nous passions nos journées dans de* ***grandes*** *écoles et nos nuits dans de* ***grands*** *appartements. Nous avions de* ***grande****s mains, des* ***grands****-parents et de* ***grande****s espérances. Les adjectifs qui revenaient le plus souvent dans nos conversations étaient «grandiose», «immense», «gigantesque», «énorme». Nous-mêmes n'avions probablement pas terminé notre croissance.*

De ***grands*** *hommes ordonnaient de* ***grands*** *travaux, d'autres opéraient de* ***grands*** *changements un peu plus à droite sur la carte de la* ***Grande*** *Europe. De* ***grandes*** *épidémies menaçaient nos* ***grandes*** *envolées lyriques.*

Nous n'avions ***grand****-peur* que cela ne tourne mal (F. Beigbeder Mémoires d'un jeune homme dérangé, p. 13).

Заключение

Сопоставление синонимии в романских языках (французском, испанском,, португальском, итальянском, румынском) показало наличие общих типов синонимов: **абсолютных** и **относительных** (**денотативных** и **коннотативных**). Синонимы в романских языках можно рассматривать по **когнитивному** принципу **семейного (фамильного) сходства**, выделяя при этом **прототип**. Что касается материального (фонетического и орфографического) сходства, то наиболее близки синонимы в испанском и португальском, а наименьшее сходство наблюдается в румынском.

Библиографический список

Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию : учебник для студ.-романистов филол. фак. ун-тов. Москва : Высш. школа, 1982. 343 с.

Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. Москва : Наука, 1985. 272 с.

Виноградов В. А. Сопоставительный метод// лингвистический энциклопедический словарь. Москва : Советская Энциклопедия» 1990. 481 с.

Виноградов В. С. Курс лексикологии испанского языка : учеб. для университетов. Москва : Высш. шк., 1994. 192 с.

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков : учеб. пособие для студентов фак. и ин-тов ин. яз. Ленинград : «Просвещение», 1976. 293 с.

Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. Москва : Русский язык, 1997. 1905 с.

Громова Т. Н., Гринева Е. Ф. Dictionnaire français – russe de l'argot, de la langue populaire et familière. Французско-русский словарь арго, просторечия и фамильяризмов : справ. издание. Москва : ООО издательство «Нестор Академик», 2012. 1168 с.

Гурычева М. С., Катагощина Н. А. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская подгруппа. Москва : Наука, 1985. 208 с.

Демьянков В. З. Прототипический подход // Краткий словарь когнитивных терминов. Москва : Изд-во МГУ, 1996. С. 140–145.

Испанско-русский словарь / под общ. ред. Ф. В. Кельина. Москва : Изд-во иностранных и v национальных словарей, 1961. 914 с.

Итальянско-русский словарь / сост. Н. А. Скворцова, Б. Н. Майзель. Москва : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 964 с.

Кубрякова Е. С. Семейное или фамильное сходство // Краткий словарь когнитивных терминов. Москва : Изд-во МГУ, 1996. С. 170–172.

Кубрякова Е. С. Язык и знание / РАН. Ин-т языкознания. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Новиков Л. А. Синонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990. С. 446–447.

Овчинникова Г. В. De la valence syntaxique à la valence dérivationnelle dans les langues romanes, germanques et slaves // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов. Материалы Международной научной онлайн конференции. Москва, 2020. С. 61–67.

Португальско-русский словарь / сост. С. М. Старец, Е. Н. Фееpштейн. Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 948 с.

Румынско-русский словарь / под общ. ред. Б. А. Андрианова и Д. Е. Михальчи. Изд. 2 стереотип. Москва : Гос. из-во иностранных и национальных словарей, 1954. 975 с.

Цыбова И. А. Lexicologie française. Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2017. 224 с.

Цыбова И. А. О лексико-семантических средствах эвфемии // Актуальные проблемы истории и теории

романских языков: Материалы Международной научной конференции. К 100-летию выдающегося учёного-романиста, доктора филологических наук, профессора Нины Алексеевны Катагощиной, 24-25 июня. М.: Министерство образования и науки РФ, Министерство образования Московской области, Московский государственный областной университет, Ин-т лингвистики и межкультурной коммуникации, Педагогич. фак-т. Кафедра романской филологии, 2008. С. 161–168.

Цыбова И. А. Perspective de l'étude confrontative de la formation de mots en fraçais et en italien // Департамент образования г. Москвы. Московский гуманитарный педагогический ин-т. Ученые записки МГПИ. Т. 6. Москва, 2008. С. 497–507.

Цыбова И. А. Sur la formation de mots en langues romanes // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов. Москва, 2020. С. 87–92.

Bally Ch. Linguistique générale et lnguistique française. Berne, 1950. 440 p.

Beigbeder F. Mémoires d'un jeune homme dérangé. Paris : La Table Ronde, 2009. 150 p.

Chiss J.-L., Filiolet JMaingueneau D. Introduction à la linguistique française. Tome 1: notions fondamentales, phonétique, lexique. Paris : Hachette, 2001. 159 p.

Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi Chr., Marcelles J.-B., Mével J.-P. Dictionnaire de linguistiqe et des sciences du langage. Paris : Larousse, 1999.

NDS-Genouvrier E., Désirat C., Hordé T. Nouveau dictionnaire des synonymes. Paris : Larousse, 1998. 741 p.

Petit Larousse illustré. Paris, 2005. 1856 p.

Reference list

Alisova T. B., Repina T. A., Tariverdieva M. A. Vvedenie v romanskuju filologiju = Introduction to Romance philology : uchebnik dlja stud.-romanistov filol. fak. un-tov. Moskva : Vyssh. shkola, 1982. 343 s.

Budagov R. A. Shodstva i neshodstva mezhdu rodstvennymi jazykami. Romanskij lingvisticheskij material = Similarities and dissimilarities between related languages. Romance linguistic material. Moskva : Nauka, 1985. 272 s.

Vinogradov V. A. Sopostavitel'nyj metod = Comparative method // lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Moskva : Sovetskaja Jenciklopedija» 1990. 481 s.

Vinogradov V. S. Kurs leksikologii ispanskogo jazyka = A course in Spanish lexicology : ucheb. dlja universitetov. Moskva : Vyssh. shk., 1994. 192 s.

Gak V. G. Sravnitel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov = Comparative typology of French and Russian : ucheb. posobie dlja studentov fak. i in-tov in. jaz. Leningrad : «Prosveshhenie», 1976. 293 s.

Gak V. G., Ganshina K. A. Novyj francuzsko-russkij slovar' = New French-Russian dictionary. Moskva : Russkij jazyk, 1997. 1905 s.

Gromova T. N., Grineva E. F. Dictionnaire français – russe de l'argot, de la langue populaire et familière. Francuzsko-russkij slovar' argo, prostorechija i famil'jarizmov = French-Russian dictionary of argot, colloquialisms and familiarisms : sprav. izdanie. Moskva : OOO izdatel'stvo «Nestor Akademik», 2012. 1168 s.

Gurycheva M. S., Katagoshhina N. A. Sravnitel'no-sopostavitel'naja grammatika romanskih jazykov = Comparative grammar of Romance languages. Gallo-romanskaja podgruppa. Moskva : Nauka, 1985. 208 s.

Dem'jankov V. Z. Prototipicheskij podhod // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. Moskva : Izd-vo MGU, 1996. S. 140–145.

Ispansko-russkij slovar' = Spanish-Russian dictionary / pod obshh. red. F. V. Kel'ina. Moskva : Izd-vo inostrannyh i v nacional'nyh slovarej, 1961. 914 s.

Ital'jansko-russkij slovar' = Italian-Russian dictionary / sost. N. A. Skvorcova, B. N. Majzel'. Moskva : Izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1963. 964 s.

Kubrjakova E. S. Semejnoe ili famil'noe shodstvo = Group or family similarities // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. Moskva : Izd-vo MGU, 1996. S. 170–172.

Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie = Language and knowledge / RAN. In-t jazykoznanija. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.

Novikov L. A. Sinonimija = Synonymy // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Moskva, 1990. S. 446–447.

Ovchinnikova G. V. De la valence syntaxique à la valence dérivationnelle dans les langues romanes, germanques et slaves // Romanskie jazyki: vzaimodejstvie literatury i kul'tury narodov. Materialy Mezhdunarodnoj

Portugal'sko-russkij slovar' = Portugese-Russian dictionary / sost. S. M. Starec, E. N. Feershtejn. Moskva : Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1961. 948 s.

Rumynsko-russkij slovar' = Romanian-Russian dictionary / pod obshh. red. B. A. Andrianova i D. E. Mihal'chi. Izd. 2 stereotip. Moskva : Gos. iz-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1954. 975 s.

Cybova I. A. Lexicologie française. Moskva : Knizhnyj dom LIBROKOM, 2017. 224 s.

Cybova I. A. O leksiko-semanticheskih sredstvah jevfemii = On lexico-semantic means of euphemia // Aktual'nye problemy istorii i teorii romanskih jazykov: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. K 100-letiju vydajushhegosja uchjonogo-romanista, doktora filologicheskih nauk, professora Niny Alekseevny Katagoshhinoj, 24-25 ijunja. M.: Ministerstvo obrazovanija i nauki RF, Ministerstvo obrazovanija Moskovskoj oblasti, Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, In-t lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii, Pedagogich. fak-t. Kafedra romanskoj filologii, 2008. S. 161–168.

Cybova I. A. Perspective de l'étude confrontative de la formation de mots en fraçais et en italien // Departament obrazovanija g. Moskvy. Moskovskij gumanitarnyj pedagogicheskij in-t. Uchenye zapiski MGPI. T. 6. Moskva, 2008. S. 497–507.

Cybova I. A. Sur la formation de mots en langues romanes // Romanskie jazyki: vzaimodejstvie literatury i kul'tury narodov. Moskva, 2020. S. 87–92.

Bally Ch. Linguistique générale et lnguistique française. Berne, 1950. 440 r.

Beigbeder F. Mémoires d'un jeune homme dérangé. Paris : La Table Ronde, 2009. 150 p.

Chiss J.-L., Filiolet JMaingueneau D. Introduction à la linguistique française. Tome 1: notions fondamentales, phonétique, lexique. Paris : Hachette, 2001. 159 p.

Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi Chr., Marcelles J.-B., Mével J.-P. Dictionnaire de linguistiqe et des sciences du langage. Paris : Larousse, 1999.

NDS-Genouvrier E., Désirat C., Hordé T. Nouveau dictionnaire des synonymes. Paris : Larousse, 1998. 741 p.

Petit Larousse illustré. Paris, 2005. 1856 p.

Статья поступила в редакцию 16.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 16.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 81’276.2
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-150-157

Структурно-семантические характеристики французского молодежного арго

Любовь Евгеньевна Бахвалова[1], Лариса Владимировна Ухова[2]✉

[1]Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

[2]Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

[1]180457@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5241-768X

[2]larissauchowa@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-6502-2540

Аннотация. Статья посвящена исследованию арго французской учащейся молодежи. В центре внимания авторов – структурно-семантические характеристики исследуемого феномена. Представлена методика сбора языковых фактов, которая позволяет более структурированно и глубоко исследовать лингвистические явления, их функции и характеристики. Применение такой методики сбора и верификации данных помогает осуществлять всесторонний анализ языка не только как системы, но и как средства коммуникации, а обширность и аутентичность материала открывает возможность выхода на ментальный уровень. В первой части статьи описана процедура сбора, верификации и обработки актуального языкового материала; во второй части представлены результаты анализа структурно-семантических характеристик сленгизмов: типологизируются деривационные механизмы студенческого сленга, выявляются универсальные и уникальные деривационные механизмы; интерпретируется принадлежность сленгизмов к различным тематическим полям, моделируется «портрет» представителя современной французской студенческой молодежи.

В ходе исследования применялся комплекс как общенаучных, так и специальных методов и методик исследования: на уровне *сбора данных* это были полевой и кабинетный анализ данных количественных и качественных исследований, а также опрос, личное и глубинное интервью, интернет-опрос (google forms), ранжирование и др. Для *анализа данных* применялись методы научного наблюдения, аналитического описания, анализа семантического поля, ретроспективного, семасиологического, ономасиологического анализа, анализа по словарным пометам, лингвистического комментирования, лингвистической интерпретации экспериментальных данных. Эмпирической базой исследования послужил языковой материал, собранный при помощи комбинирования методов интроспекции и корпусной лингвистики с опорой на данные, зафиксированные в последних изданиях словарей неконвенциональной лексики.

Авторы приходят к выводу, что поскольку язык является фактором, детерминирующим не только культурную реальность, но и ментальные матрицы, национальные стереотипы и мировоззренческие модели, то молодежный сленг является одним из важных инструментов моделирования языковой (наивной) картины мира его носителей, отражения реалий мира молодых.

Ключевые слова: молодежный сленг, арго, структурно-семантические характеристики сленга, полевая структура, деривационные механизмы, универсальные и уникальные деривационные механизмы, тематическое поле, языковая картина мира

Для цитирования: Бахвалова Л. Е., Ухова Л. В. Структурно-семантические характеристики французского молодежного арго // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 150-157. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-150-157

Original article

Structural and semantic characteristics of french youth argot

Lyubov E. Bakhvalova[1], Larisa V. Ukhova[2]✉

[1]Candidate of philological sciences, senior lecturer, department of journalism and media communications, Yaroslavl state

© Бахвалова Л. Е., Ухова Л. В., 2021

pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
[2]doctor of philological sciences, professor, department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
[1]180457@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5241-768X
[2]larissauchowa@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-6502-2540

Abstract. The article is devoted to studying the argot of french students. The authors focus on the structural and semantic characteristics of the phenomenon in question. The article presents the methodology of collecting linguistic facts, which allows a more structured and in-depth study of linguistic phenomena, their functions and characteristics. Applying this methodology of data collection and verification helps to carry out a comprehensive linguistic analysis not only as a system, but also as a means of communication, and the extensive authentic material enables to reach the mental level. The first part of the article describes the procedure for collecting, verifying and processing the actual linguistic material; the second part presents the results of analyzing the slang structural and semantic characteristics: the typology of derivational mechanisms in student slang is presented, identifying universal and unique derivational mechanisms; slang units belonging to different thematic fields are interpreted, and a «portrait» of a representative of modern French student is modeled. In the course of the research the authors used both general scientific and specialist methods and techniques: at the level of data collection these were field and desk analysis of quantitative and qualitative data, as well as surveys, personal and in-depth interviews, Internet questionnaires (google forms), ranking, etc. To analyze the data we use methods of scientific observation, analytical description, semantic field analysis, retrospective, semasiological and onomasiological analysis, analysis by dictionary marks, linguistic commentary and linguistic interpretation of experimental data. The empirical basis of the study is the linguistic material collected by combining the methods of introspection and corpus linguistics, based on the entries in the latest dictionaries of unconventional lexis.

The authors conclude that since language is a factor determining not only cultural reality, but also mental matrices, national stereotypes and worldview models, the youth slang is an important tools for modeling the linguistic (naive) picture of the world of its speakers, and reflecting the realities of the youth's world.

Key words: youth slang, argot, structural-semantic characteristics of slang, field structure, derivational mechanisms, universal and unique derivational mechanisms, thematic field, language picture of the world

For citation: Bakhvalova L. E., Ukhova L. V. Structural and semantic characteristics of french youth argot. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):150-157. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-150-157

Введение

В современной лингвистической традиции перспективными и все чаще используемыми в практике являются возможности корпусной лингвистики. Появление корпусов дает возможность лингвистам по-новому взглянуть на анализ языковых фактов, что свидетельствует о тяготении современной науки к функционально-когнитивному направлению; где осуществляется перенос интереса исследователя от «языка» к «речи», то есть от «системы» к «узусу». Речь идет о концентрации внимания не на слове или предложении, а на дискурсе как реальном инструменте коммуникации в целом, а также об учете, в первую очередь, более частотных его элементов по сравнению с менее частотными, что подчеркивает значимость квантитативного компонента языка. Интерес проявляется и к синхронной вариативности языка, что говорит о признании важности психологических, биологических и социальных факторов в языке, тогда как внимание к диахронической вариативности языка видится в изменении отношения к понятию языковой нормы и языковой правильности.

Предлагаемая статья представляет собой попытку продемонстрировать возможности разработанной методики сбора языковых фактов, которая позволяет более структурированно и глубоко исследовать некоторые лингвистические явления, их функции и характеристики, в частности особенности молодежного сленга как отражения языковой картины мира (ЯКМ) его носителей.

К изучению некодифицированных форм языка, в том числе социолектов, в разное время обращался целый ряд исследователей (Н. В. Аниськина, В. П. Белянин, Э. М. Береговская, Б. Л. Бойко, Е. Г. Борисова, С. В. Вахитов, М.А. Грачев, Н.Н. Копытина, С. Г. Макарова, М. Ю. Титоренко, Т. И. Ретинская, П. С. Ухова, Л. А. Юшкова, C. Blanche-Benveniste, L.-J. Calvet, F. Gadet, J.-P. Goudailler, P. Merle и др.), однако, несмотря на устойчивый исследовательский интерес к некодифицированной лексике, жаргоны, арго, сленг освещены в науке менее системно, чем, к примеру, разговорная лексика или просторечие. Здесь наблюдаются значительные расхождения в

терминологии, в подходах и методах исследования, ощущаются пробелы в теоретическом осмыслении и лексикографическом описании молодежной речи, в частности, в изучении сленга.

Сленг понимается нами как «комплекс некодифицированных лексических единиц, который признан и употребляется референтной группой как знак языкового обособления, а также способ оригинального самовыражения, с помощью которого члены группы оценивают и выражают свое отношение к окружающей их действительности» [Ухова, 2012, с. 131], и представляется преимущественно оценочным явлением, единицы которого проявляют в разных контекстах от шутливо-вульгарной до обидно-высокомерной коннотации. Оценочность является свойством лексических и стилистических единиц, однако данные оценочные средства не функционируют в речи самостоятельно – законченную форму они получают только в рамках высказывания, где огромное значение имеет и субъект, и объект оценки, а также оценочная ситуация в целом. Сленговые же выражения всегда направлены на субъект, то есть возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение.

Кроме того, сленг, как язык молодого поколения, чутко и быстро реагирует на все передовое и, используя инновации в механизмах формирования, постоянно совершенствуется, моделируя ЯКМ его носителей. По сути, это «лакмусовая бумажка» современного состояния и бытования языка подростков и молодежи, которая маркирует самые актуальные проблемы и эксплицирует ценностные установки мира молодых.

Исходя из вышесказанного, **целью** настоящего исследования является выявление структурно-семантических особенностей студенческого сленга; систематизация, структуризация и описание механизмов формирования сленговых единиц; классификация, оптимизация и ранжирование тематических полей, способствующие созданию актуального языкового портрета современного французского студента.

В соответствии с поставленной целью разработаны следующие **исследовательские задачи**:

- определить универсальные и уникальные деривационные механизмы сленговых единиц;
- на основе данных корпусов сленга реконструировать модель языковой личности французского студента.

Цель и задачи определили программу исследования и структуру настоящей статьи: в **разделе I** описываются этапы процедуры сбора, верификации и обработки фактического материала; **раздел II** посвящен описанию основных результатов анализа структурно-семантических характеристик сленгизмов, собранных в ходе применения комплексной методики.

I. Процедура сбора и обработки данных. Этапы, методы, гипотезы.

В ходе исследования применялся комплекс как общенаучных, так и специальных методов и методик исследования: на уровне *сбора данных* это были полевой и кабинетный анализ данных количественных и качественных исследований, а также опрос, личное и глубинное интервью, интернет-опрос (google forms), ранжирование и др. Для *анализа данных* применялись методы научного наблюдения, аналитического описания, анализа семантического поля, ретроспективного, семасиологического, ономасиологического анализа, анализа по словарным пометам, лингвистического комментирования, лингвистической интерпретации экспериментальных данных.

Материалом для исследования послужил собранный в период 2018–2019 гг. корпус французского молодежного арго. Общий объем составил 377 единиц. Процедура исследования проходила в несколько этапов: 1) сбор материала; 2) оптимизация тематических полей; 3) верификация данных; 4) интерпретация данных [Ухова, 2012].

Эмпирической базой исследования послужили данные, собранные в ходе социологического опроса, в котором участвовали студенты Университета города Бордо (Франция). Основанием разработанной для респондентов анкеты стало исследование Т. И. Ретинской [Ретинская, 2004], которая в процессе анализа первичных данных выявила тематические поля французского студенческого арго. В ходе нашего анкетирования список детерминированных исследователем семантических полей был частично использован в исходном виде – для получение актуальных лингвистических данных, а частично – оптимизирован, в том числе и с учетом национальной специфики экспериментальной группы.

Так, мы посчитали не вполне оправданным выделять в самостоятельное поле *«Национальность»*, а наряду с *«Социальным статусом»* рассматриваем как составляющую поля *«Чело-*

век»; действия мошенников и воров, на наш взгляд, можно квалифицировать как поступки преступников, поэтому не видим необходимости выделять их в отдельные поля, вследствие чего всю незаконную деятельность включаем в поле *«Преступление (криминал)»;* избыточным считаем наличие поля *«Некрасивый»* при имеющемся в списке *«Красота / безобразие»,* всецело разделяя точку зрения Пьера Монтея, который в своем труде «Beau et laid en latin» [Monteil, 1964] говорит о возможности анализировать лексемы этих двух полей в тесной связи друг с другом. Лингвист объясняет свой подход тем, что «речь идет об одном и том же классе, а связь двух понятий неоспорима. Нельзя считать их антонимами в полном смысле этого слова, это два взаимоисключающих качества. Их взаимоисключающее свойство является связующим звеном, который делает их неотделимыми друг от друга с точки зрения выражения ими эстетических ценностей» [Monteil, 1964, p. 11–12]. Кроме того, из списка было удалено и поле *«Плохой»,* как чрезмерно абстрактное и отсылающее к разнородным референтам.

Список оптимизированных полей стал основой анкеты, разработанной для последующего исследования с применением интроспективного метода. Целью социолингвистического опроса стало определить наличие / отсутствие актуальных на данный период времени тематических полей в ЯКМ французской молодежи, чтобы провести структурно-семантический анализ собранного корпуса сленговых единиц по лексическому, семантическому, аксиологическому аспектам.

На использовании метода интроспекции основано традиционное лингвистическое экспериментирование (восходящее к идеям Л. В. Щербы), в границах которого оптимальность той или иной языковой единицы верифицируется интуицией носителя языка. Несмотря на конкурирование интроспективной лингвистики с корпусной, считаем эти методы взаимодополняющими, а их комбинирование – положительно влияющим на результаты лингвистических исследований. Дело в том, что благодаря интроспективному методу исследователь может только обнаружить языковые единицы – для описания функционирования лексем в тексте или их использования носителем он нерелевантен, поскольку социально-контекстуальный аспект в данном случае априори будет упущен. При использовании корпусов социальный аспект, напротив, может быть учтен, однако в них нередко попадают тексты, покрывающие далеко не все зоны языковой активности носителей. В настоящем исследовании были использованы данные корпусов, доступных в интернете, а также корпусы французского языка – MPF, CFPP 2000, ESLO.

Итак, в социолингвистическом опросе приняли участие 50 человек – студенты Университета г. Бордо (возраст – от 18 лет до 21 года) разных направлений подготовки, представляющие различные регионы Франции. В задачу респондентов входило наполнить предложенные тематические поля сленгизмами, которые они реально употребляют в своей речи (последнее условие было обязательным к выполнению). Итоговый вопрос анкеты участники эксперимента могли либо проигнорировать (если у них не имелось вариантов), либо, напротив, дать на него развернутый ответ. Респондентам предлагалось расширить предложенный список тематических полей, наполнив их релевантными сленговыми единицами.

Собранные данные должны были помочь доказать / опровергнуть **гипотезу** этого этапа экспериментального исследования: 1) результаты анкетирования позволят обнаружить как активные, так и в целом отсутствующие в системе французского арго тематические категории; 2) результаты анкетирования помогут смоделировать ЯКМ современного французского студенчества; 3) появится возможность на основе предложенных респондентами вариантов сленговых единиц разработать типологию деривационных механизмов, систематизировать и структурировать продуктивные универсальные и уникальные механизмы формирования.

Результаты опроса были верифицированы по словарям современного сленга, наиболее популярными из которых являются словари французского арго под авторством Ж.-П. Гудайе [Goudailler, 2001] и Ж.-П. Колена [Colin , 2006]. Мы посчитали возможным оставить в качестве материала для исследования все лексемы, которые хотя бы в одном из использованных для верификации словарей были зафиксированы как сленговые.

Заключительным этапом стала оптимизация тематических полей, которая позволила перемоделировать ЯКМ носителей с учетом полученных в ходе социолингвистического эксперимента аутентичных данных. В ходе интерпретации языкового материала активно использовались тексты из корпусов французского молодежного

языка (CFPP 2000, ESLO, MPF). Часть примеров взята из фактов словоупотребления, зафиксированных на страницах социальных сетей и интернет-форумов, а также в ходе полевых исследований с использованием метода включенного наблюдения, проведенных в студенческой среде (были осуществлены и расшифрованы диктофонные записи спонтанной речи студентов). Еще раз подчеркнем, что данные отличаются аутентичностью, которая является основным критерием исследования.

Таким образом, эмпирической базой исследования послужил языковой материал, который был собран при помощи комбинирования методов интроспекции и корпусной лингвистики с опорой на данные, зафиксированные в последних изданиях словарей неконвенциональной лексики.

II. Результаты исследования структурно-семантических характеристик французского молодежного арго.

1. Данное исследование было направлено, в первую очередь, на описание деривационных механизмов формирования студенческого сленга и выявление наиболее и наименее популярных (по частоте использования) механизмов, которые можно считать продуктивными универсальными и уникальными с точки зрения функционирования в речи молодых. Каждый механизм проиллюстрирован репрезентативными примерами, анализ которых позволил сделать промежуточные выводы.

Итак, к **популярным** механизмам формирования французского арго относятся:

- метафоризация *(craquer sur qn, délirer, une prison (об учебном заведении), un navet (плохая отметка), un flan (о ленивом человеке), planer, défoncé),*
- заимствование (*stone, swag, spliff, fight, des blacks, junkie (из английского языка), la hess, la choune, la seum (из арабского языка), des flics (из немецкого языка), flouze, les groles, des condés,),*
- идиоматизация *(se mettre une murge, avoir une bonne descente, se faire du mauvais sang, avoir la tête de pou, avoir la pêche/la patate),*
- суффиксация *(connard, feignasse, pétasse, gratos),*
- кодирование «верлан» (*les keufs<flic, les meufs<femmes, la teuf<la fête, un oinj<un joint*),
- усечение *(les bourges<bourgeois, la dèche< déchéance, la zic<music, dégeu<dégeulasse*),
- метонимизация *(le son (о музыке), les bleus, les poulets, les nuggets (о полицейских), une pervenche (сотрудник ДПС), la mouise, la panade (о нищете)).*

Из них – самыми популярными механизмами оказались **метафоризация, заимствования, идиоматизация, усечение** и **суффиксация**. При этом метафоризации, как показало наше исследование, подвергаются в основном глаголы, приобретая в речи студентов переносный смысл (например, *délirer, planer, arnaquer*); заимствуются лексемы из арабского (*une brêle < beghel =mulet*) , цыганского (*chourrer < tchorav = voler*) и диалектов (*Les groles < провансальского grola = vieux soulier*); идиоматические обороты приобретают в французском арго чаще всего шутливо-ироническую коннотацию *(avoir la tête de pou, se faire du mauvais sang)*; механизм метонимизации входит в список ведущих механизмов формирования французских единиц, а сочетание метафоризации и суффиксации, напротив, широко не представлено. Предпочтение же молодые французы отдают **кодированию verlan (верлан)**, играя с формой слов, которая меняется от перестановки слогов. Лексемы из самых разных тематических полей образованы путем верланизации. Отдельно следует сказать о механизме сложения корней, который в французском языке присутствует в чистом виде *(Chinetoque, daron).*

Особенностью же французского молодежного арго можно считать сочетание наибольшего числа механизмов. Так, четыре механизма (**заимствование + кодирование verlan + усечение + суффиксация**) использованы, например, для образования слова *taspeche*.

Что касается заимствований, то в французский язык они проникают из театрального арго, арго зуавов и типографской сферы.

2. На следующем этапе анализу были подвергнуты оптимизированные ранее тематические категории молодежного арго (общий объем составил 377 языковых единиц) с целью выявления наиболее и наименее популярных тематических полей, что позволило создать «портрет» современного молодого француза.

Так, наиболее популярными оказались тематические поля *Наркомания / Пьянство, Криминал, Глупость / Безумие, Человек, Красота / Безобразие, Учебный процесс.* Наименее популярными являются такие тематические поля, как *Транспорт, Жилье, Дружба.* На трех последних остановимся подробнее. У французов отсутствует интерес к проблемам транспорта и жилья, поскольку уровень жизни во Франции позволяет большинству семей оплачивать съем жилья или

комнаты в общежитии для учащихся детей, нередкий факт и наличия у студентов транспортного средства. Неактивность же тематического поля *«Дружба»* связана, на наш взгляд, с особенностью французской системы образования. Дети меняют учебные заведения (переходя из начальной школы в колледж, а затем в лицей), а соответственно, меняются и коллективы учащихся. Французские семьи чаще переезжают из города в город (что связано со сменой места работы родителей). Что касается высшего образования, то учащиеся вынуждены уезжать в другие города, а часто имеют возможность поехать и в другие страны по программе Erasmus. Таким образом, у молодых французов нет возможности часто видеться с друзьями, ежедневно участвовать в их жизни. Однако они более открыты новым людям, легко заводят новые знакомства, хотя так же легко с ними расстаются. Вероятно, поэтому в французском языке отсутствует многообразие лексических единиц для определения дружеской близости, какое есть, например, в русском языке, и это поле остается неактивным.

Самыми объемными у молодых французов оказались поля *«Наркомания / Пьянство»* и *«Человек»*. Французская молодежь подобрала больше арготизмов, обозначающих наркотические вещества, их дозу и эффекты, чем спиртные напитки. Анализ поля *«Человек»,* где предлагалось указывать на возраст, социальный статус, пол и национальность, дал интересные результаты. В отличие, например, от русских студентов, традиционно указывающих прежде всего единицы, отражающие родственные и дружеские отношения, французы отметили много единиц, указывающих на материальный достаток людей, и все эти единицы носят пейоративную коннотацию. Во французском менталитете заложено негативное отношение к открытой демонстрации материального достатка, и, вероятно, в этом причина наличия подобных единиц в данном поле.

Поле *«Красота / Безобразие»* также фигурирует среди активных полей в французском арго. Интересно, что французы предложили больше единиц с положительной коннотацией (синонимичных прилагательному *«красивый, физически крепкий»*), нежели единиц, обозначающих безобразие, физический дефект.

Что же касается недостатков характера, поведения и интеллектуального развития, то французские студенты оказались достаточно критичными, что следует из популярности тематического поля *«Глупость / Безумие»*. Следует обратить внимание на то, что большинство этих единиц вульгарны и носят отрицательную коннотацию.

Активность же тематического поля *«Криминал»,* скорее всего, обусловлена тем, что, с одной стороны, молодые люди в большей степени, чем взрослая часть населения, склонны к нарушению правопорядка, а с другой – слишком велика популярность детективных сериалов и сериалов про полицию/полицейских, заполонивших эфиры телевизионных каналов. Объемность же этого тематического поля определяется количеством единиц, связанных с различными наименованиями видов оружия, обмана, грабежа, а прежде всего – с наименованием представителей правоохранительных органов и их действий. Последние чаще всего заимствуются из общего (старого) арго, основной функцией которого исторически являлась криптолалическая (конспиративная), а сегодня, благодаря популярности полицейских сериалов и триллеров, входят в активный вокабуляр арготирующей молодежи наравне с единицами, обозначающими оружие и грабеж.

Очевидны тематические поля, обусловленные сферой деятельности *(«Учебный процесс»*), возрастом *(«Досуг / музыка»),* а также вниманием к внешнему виду («*Красота / безобразие*»).

И, наконец, в системе французского арго в целом отсутствует поле *«Техника»,* а добавлено респондентами поле *«Недовольство / раздражение».*

Таким образом, проведенный анализ позволил смоделировать «портрет» современного французского студента: это уверенный в себе, знающий себе цену индивидуалист, всегда готовый отстаивать свои права и бороться за права других, любящий критиковать. Он легко идет на контакт с людьми, но так же легко и отпускает их из своей жизни. Комфорт во всех сферах жизнедеятельности является для него приоритетным.

Заключение

Представленный в работе алгоритм сбора лингвистических данных имеет одно несомненное преимущество: учет достоинств и недостатков различных существующих методик и их эффективное комбинированное использование, положительно влияющее на результат проводимых исследований. Это, во-первых, учет устной и письменной форм коммуникации (сочетание примеров, зафиксированных в устной спонтанной речевой практике, а также в письменной, на просторах интернет-сообществ, обращение как к интуиции носителей, так и к реальным примерам

речевой активности и их интерпретации с отстраненной позиции лингвиста, работа не только со словарными статьями, но и примерами, взятыми из существующих корпусов для фиксации самых актуальных процессов, происходящих в языке молодежи, и их динамики). Применение такой методики сбора и верификации данных позволяет осуществлять всесторонний анализ языка не только как системы, но и как средства коммуникации. Обширность и аутентичность материала открывает возможность выхода даже на ментальный уровень, что говорит о бесспорной эффективности разработанной методологии.

Проведенный многоаспектный анализ дает основание констатировать: поскольку язык является фактором, детерминирующим не только культурную реальность, но и ментальные матрицы, национальные стереотипы и мировоззренческие модели, то молодежный сленг является одним из важных инструментов моделирования языковой (наивной) картины мира его носителей, отражения реалий мира молодых. Были выявлены универсальные и уникальные деривационные механизмы формирования сленговых единиц, а в результате анализа объема и качества тематических полей был смоделирован «портрет» современного французского студента.

Библиографический список

Аниськина Н. В. Семантика слов школьного сленга // Семантика языковых единиц разных уровней: Межвуз.сб.науч.трудов / отв.ред. Н. Р. Рогоза. Иваново, 2001. С. 140–147.

Белянин В. П. Фразеология подростков как языковая субкультура // Фразеология в контексте культуры. Москва : Языки русской культуры, 1999. С. 114–117.

Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. Москва, 1996. № 3. С. 32–41.

Бойко Б. Л. Молодежный жаргон как отражение взаимодействующих субкультур // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте): Научный совет по истории мировой культуры. Москва : Наука, 2002. С. 352–361.

Борисова Е. Г. Современный молодежный жаргон // Русская речь. 1980. № 5. С. 51–54.

Борисова-Лукашанец Е. Г. О лексике современного молодежного жаргона (Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60–70-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. Москва : Наука, 1983. С. 104–120.

Борисова Е. Г. Трансформация ценностно-смыслового кода в языке молодежи // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2 (17). С. 138–142.

Вахитов С. В. К изучению сленга как части русского субстандарта // Вопросы региональной лингвистики : Сб. науч. тр. Волгоград, 2002. С. 257–260.

Грачев М. А. Арготизмы в молодежном жаргоне // Русский язык в школе. 1996. № 1. С. 78–85.

Копытина Н. Н. Молодежный социолект как одна из форм существования французского языка // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2011. №12 (107). Выпуск 10. С. 123–130.

Макарова С. Г. Современное арго // Когнитивная семантика: Сб науч. тр. Тамбов : ТГУ, 2000. С. 170–171.

Ретинская Т. И. Сочетание специфических и неспецифических механизмов словообразования в современном французском студенческом арго // Scripta manent. 2004. Вып. 8. С. 90–95.

Титоренко М. Ю. Сленг как средство выражения пристрастий современной молодежи (на примере сленга американских подростков) // Социокультурное варьирование в языке. Сб. научных трудов. Вып. 452. Москва : МГЛУ, 2001. С. 45–51.

Ухова П. С. Механизмы формирования лексического состава сленга русской и французской молодежи: сопоставительный анализ // Ярославский педагогический вестник. Том 1 (Гуманитарные науки). 2012. №3. С. 130–136.

Юшкова Л. А. Роль молодежной и разговорной лексики в процессе освоения заимствованных аффиксов (на материале немецкого языка) // Междисциплинарный подход к изучению языка специальности. Ижевск, 2009. С. 231–236.

Blanche-Benveniste C. Approches de la langue parlée en français. Paris : Ophrys, 2000. 164 p.

Calvet L.-J. L'argot. Paris : PUF, 1999. 127 p.

Colin J.-P. Argot & français populaire. Paris, 2006. 549 p.

Corpus de Français Parlé Parisien des années 2000 (CFPP2000). URL: http://cfpp2000.univ-paris3.fr/Corpus.html (дата обращения: 28.01.2021).

Corpus des ESLO (Enquête SocioLinguistique à Orléans). URL: http://eslo.huma-num.fr/index.php/pagecorpus/pageacces corpus (дата обращения: 07.02.2021).

Corpus Multicultural Paris French. URL: https://www.ortolang.fr/market/corpora/mpf (дата обращения: 07.02.2021).

Gadet F. La variation sociale en français, Paris : Ophrys, 2003. 135 p.

Goudailler J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. 3-ed. Paris : Maison neuve et la rose, 2001. 304 p.

Goudaillier J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités // La linguistique, Vol. 38. 2002. P. 5–24.

Monteil P. Beau et laid en latin, étude de vocabulaire. Libr. Klincksieck, 1964. 439 p.

Reference list

Anis'kina N. V. Semantika slov shkol'nogo slenga = Semiotics of school slang words // Semantika jazykovyh

edinic raznyh urovnej: Mezhvuz.sb.nauch.trudov / otv.red. N. R. Rogoza. Ivanovo, 2001. S. 140–147.

Beljanin V. P. Frazeologija podrostkov kak jazykovaja subkul'tura = Teenagers' phraseology as a linguistic subculture // Frazeologija v kontekste kul'tury. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 114–117.

Beregovskaja Je. M. Molodezhnyj sleng: formirovanie i funkcionirovanie = Youth slang: formation and functioning // Voprosy jazykoznanija. Moskva, 1996. № 3. S. 32–41.

Bojko B. L. Molodezhnyj zhargon kak otrazhenie vzaimodejstvujushhih subkul'tur = Youth argot as a reflection of interacting cultures // Vstrechi jetnicheskih kul'tur v zerkale jazyka: (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte): Nauchnyj sovet po istorii mirovoj kul'tury. Moskva : Nauka, 2002. S. 352–361.

Borisova E. G. Sovremennyj molodezhnyj zhargon = Modern youth argot // Russkaja rech'. 1980. № 5. S. 51–54.

Borisova-Lukashanec E. G. O leksike sovremennogo molodezhnogo zhargona (Anglojazychnye zaimstvovanija v studencheskom slenge 60–70-h godov) = On the vocabulary of modern youth argot (English loanwords in student slang of the 60s and 70s) // Literaturnaja norma v leksike i frazeologii. Moskva : Nauka, 1983. S. 104–120.

Borisova E. G. Transformacija cennostno-smyslovogo koda v jazyke molodezhi = Transformation of the value and meaning code in the youth language // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 2 (17). S. 138–142.

Vahitov S. V. K izucheniju slenga kak chasti russkogo substandarta = Toward studying slang as part of the Russian substandard // Voprosy regional'noj lingvistiki : Sb. nauch. tr. Volgograd, 2002. S. 257–260.

Grachev M. A. Argotizmy v molodezhnom zhargone = Argot units in youth slang // Russkij jazyk v shkole. 1996. № 1. S. 78–85.

Kopytina N. N. Molodezhnyj sociolekt kak odna iz form sushhestvovanija francuzskogo jazyka = Youth sociolect as a form of the French language existence // Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki. 2011. №12 (107). Vypusk 10. S. 123–130.

Makarova S. G. Sovremennoe argo = Modern argot // Kognitivnaja semantika: Sb nauch. tr. Tambov : TGU, 2000. S. 170–171.

Retinskaja T. I. Sochetanie specificheskih i nespecificheskih mehanizmov slovoobrazovanija v sovremennom francuzskom studencheskom argo = Combination of specific and nonspecific word-formation mechanisms in modern French student's argot // Scripta manent. 2004. Vyp. 8. S. 90–95.

Titorenko M. Ju. Sleng kak sredstvo vyrazhenija pristrastij sovremennoj molodezhi (na primere slenga amerikanskih podrostkov) = Slang as a means of expressing the passions of today's youth (using American teenage slang as an example) // Sociokul'turnoe var'irovanie v jazyke. Sb. nauchnyh trudov. Vyp. 452. Moskva : MGLU, 2001. S. 45–51.

Uhova P. S. Mehanizmy formirovanija leksicheskogo sostava slenga russkoj i francuzskoj molodezhi: sopostavitel'nyj analiz = Mechanisms of forming the lexical structure of Russian and French youth slang: a comparative analysis // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom 1 (Gumanitarnye nauki). 2012. №3. S. 130–136.

Jushkova L. A. Rol' molodezhnoj i razgovornoj leksiki v processe osvoenija zaimstvovannyh affiksov (na materiale nemeckogo jazyka) = The role of youth and colloquial vocabulary in assimilating borrowed affixes (in the German language) // Mezhdisciplinarnyj podhod k izucheniju jazyka special'nosti. Izhevsk, 2009. S. 231–236.

Blanche-Benveniste C. Approches de la langue parlée en français. Paris : Ophrys, 2000. 164 p.

Calvet L.-J. L'argot. Paris : PUF, 1999. 127 p.

Colin J.-P. Argot & français populaire. Paris, 2006. 549 r.

Corpus de Français Parlé Parisien des années 2000 (CFPP2000). URL: http://cfpp2000.univ-paris3.fr/Corpus.html (data obrashhenija: 28.01.2021).

Corpus des ESLO (Enquête SocioLinguistique à Orléans). URL: http://eslo.huma-num.fr/index.php/pagecorpus/pageacces corpus (data obrashhenija: 07.02.2021).

Corpus Multicultural Paris French. URL: https://www.ortolang.fr/market/corpora/mpf (data obrashhenija: 07.02.2021).

Gadet F. La variation sociale en français, Paris : Ophrys, 2003. 135 p.

Goudailler J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. 3-ed. Paris : Maison neuve et la rose, 2001. 304 p.

Goudaillier J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités // La linguistique, Vol. 38. 2002. P. 5–24.

Monteil P. Beau et laid en latin, étude de vocabulaire. Libr. Klincksieck, 1964. 439 p.

Статья поступила в редакцию 15.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 15.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 82091
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-158-164

Лексико-семантический анализ образа России (на материале современной французской прессы)

Светлана Борисовна Барушкова[1]✉, Анастасия Рустамовна Комиссарова[2]
[1]Кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
[2]Студентка 3 курса факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
[1]svetlana.barushkova@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-2488-4977
[2]nastya-kom.724@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9175-6588

Аннотация. Целью настоящей статьи является формирование образа современной России, создаваемого во французской прессе на материале лингво-культурного контент-анализа фактического материала, отобранного методом сплошной выборки из статей современных популярных французских изданий :«Le Monde»; «Paris Match»; «L'Express»; «Le Figaro»; «Le Point»; «L'Équipe»; «Les Échos»; «Le Nouvel Observateur». Подборка лингвистического материала осуществлялась из различных рубрик указанных печатных изданий. В ходе исследования были изучены следующие сферы, освещаемые во французской прессе: политика (Politique), экономика (Économique), культура (Culture), спорт (Sport), здоровье (Santé (COVID – 19)); события (Événement), которые, в свою очередь, были разбиты на более мелкие тематические группы.

Перечисленные выше печатные издания Франции входят в число самых популярных среди населения страны и за её пределами. Так, например, «Le Monde» – одно из самых известных и цитируемых во всем мире французских ппизначально являющаяся сатирическим литературным журналом-еженедельником, трансформированным в середине XIX века в бесцензурную сенсационную газету.

Основные результаты исследования представляют собой классифицированный по тематической составляющей пласт лингвистических единиц, описывающих образ России во французской прессе. Отметим, что оценочная маркированность варьируется в зависимости от сферы освещения, Так, например, в политике, экономике и новостях, описывающие вопросы пандемии (COVID-19), образ России, как правило, рисуется с негативной точки зрения, что находит отражение в выборе лингвистических и стилистических средств. В сфере спорта, коннотация используемых единиц может носить как положительную оценку (освещение новостей из мира большого тенниса), так и отрицательную (допинг российских спортсменов). Результаты исследования представлены в виде цифрового показателя, что наглядно демонстрирует, как выбор освещаемых проблем, так и распределение фактического материала внутри данных тематик.

Ключевые слова: Россия, образ, пресса, рубрики, тематические группы

Для цитирования: Барушкова С. Б., Комиссарова А. Р. Лексико-семантический анализ образа России (на материале современной французской прессы) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 158–164. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-158-164

Original article

Lexical-semantic analysis of Russia's image in the modern french press

Svetlana B. Barushkova[1]✉, Anastasia R. Komissarova[2]
[1]Candidate of philological sciences, associate professor, romance languages department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
[2]3rd year student, faculty of foreign languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
[1]svetlana.barushkova@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-2488-4977
[2]nastya-kom.724@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9175-6588

© Барушкова С. Б., Комиссарова А. Р., 2021

Abstract. The purpose of this article is to form the image of modern Russia, created in the french press on the basis of linguistic and cultural content analysis of factual material made by the method of continuous sampling of articles from such modern popular french publications as: «Le Monde», «Paris Match», «L'Express», «Le Figaro», «Le Point», «L'Équipe», «Les Échos», «Le Nouvel Observateur». The selection of linguistic material was carried out from various headings of the above mentioned publications. The study examined the following areas covered in the french press: politics (Politique), economy (Économique), culture (Culture), sport (Sport), Santé (COVID-19); events (Événement) which, in turn, were divided into smaller thematic groups.

The french publications listed above are among the most popular both in the country and abroad. For example, «Le Monde «is one of the most famous and quoted french publications in the world, and «Le Figaro « is the oldest national French newspaper, originally a weekly satirical literary magazine, transformed in the middle of the XIX century into an uncensored sensation newspaper.

The main result of the study is a layer of linguistic units classified according to the thematic component that describe the image of Russia in the french press. It should be noted that the evaluation marking varies depending on the scope of coverage. Thus, for example, in politics, economics and news covering the pandemic (COVID-19), the image of Russia is usually presented from a negative point of view, which is reflected in the choice of linguistic and stylistic means. In the field of sports, the connotation of the units used can be both positive (news coverage from the world of lawn tennis) and negative (doping of russian athletes). The results of the study are presented in the form of a digital indicator, which clearly demonstrates both the choice of the problems covered and the distribution of the actual material within these topics.

Key words: Russia, image, press, categories, thematic groups

For citation: Barushkova S. B., Komissarova A. R. Lexical-semantic analysis of Russia's image in the modern french press. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):158-164. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-158-164

Введение

В любой национальной культуре сформировано представление о том или ином мировом событии отдельной страны в произведениях различных видов искусства, в создании которого отчасти принимают участие средства массовой информации (далее СМИ), к которым, несомненно, относится и пресса.

Образ России, отраженный в любых зарубежных СМИ, является базой для формирования у иностранных граждан личного отношения к освещаемой проблеме, стране в целом. Безусловно, многие повседневные, бытовые ситуации оцениваются индивидом с позиции личного жизненного опыта, в то время как образ иноязычной культуры в сознании личности формируется с подачи журналистов того или иного печатного издания, которое отбирает информацию и освещает её исходя из направленности журнала или газеты [Нешина, 2017].

Основополагающим аспектом в создании образа России во Франции является роль авторитетных печатных изданий и их Интернет-версий. В этой связи подчеркнем, что к гигантам печатной прессы относятся: «Le Monde»; «Paris Match»; «L'Express»; «Le Figaro»; «Le Point»; «L'Équipe»; «Les Échos»; «Le Nouvel Observateur». Данные издания не просто публикуют информацию, излагают её, осуществляя тем самым информационную функцию, они подвергают представляемый материал анализу, что, безусловно, оказывает влияние на читательскую позицию не только в вопросах отношении к России в целом, но и к ее роли в международных отношениях, в частности в отношениях с Францией.

Методы исследования

Образ современной России, представленный в разных сферах, был проанализирован на материале 60 статей из 8 различных французских печатных изданий («Le Monde»; «Paris Match»; «L'Express»; «Le Figaro»; «Le Point»; «L'Équipe»; «Les Échos»; «Le Nouvel Observateur») с точки зрения лингво-стилистических особенностей использования отобранного методом сплошной выборки фактического материала. На начальном этапе сбора информации по анализируемой теме отбор статей, представленных в электронном виде на интернет-платформах французских печатных изданий, осуществлялся по двум параметрам: **тематическому**, то есть по поиску в текстах статей ключевых слов, связанных тем или иным образом с Российской Федерацией; **временному**, то есть, поиск информации был ограничен определенным временным промежутком, а именно, все отобранные статьи датированы периодом с 20.06.2020 по 15.11.2020.

По результатам начального этапа работы нами был сформирован корпус материалов, куда вошли информационные сводки, в заголовках и

кратком описании которых фигурировало название страны. Далее отобранный фактический материал был классифицирован по рубрикам, что позволило вывести количественное и процентное соотношение частотности появления статей, связанных с Россией в той или иной тематическом разделе. Так, было выявлено следующее соотношение в порядке убывания: политика Politique – 31.5 % (19 статей); события (Événement) – 18.5 % (11 статей); спорт (Sport) – 16.5 % (10 статей); культура (Culture), – 16.5 % (10 статей); экономика (Économique), – 8.5 % (5 статей); здоровье (Santé (COVID-19))– 8.5 % (5 статей). Представленные данные показывают, что самой популярной сферой, связанной с Россией, является политика.

Результаты исследования.

Особенностью создания образа, представления, мифологемы о своей или иноязычной культуре в целом или отдельном феномене действительности частности отметим процесс стереотипизации. Указанное явление свойственно также и печатной французской прессе. Являясь инструментом социального воздействия, пресса создает социальные стереотипы. Вслед за В. С. Агеевым подчеркнем, что характерной чертой подобных стереотипов, «полных этноцентризма, предрассудков, враждебности и т.п», является их отрицательное свойство, способствующее искажающему восприятию отличных энокультур [Агеев, 1987, с. 87].

1. Именно этим объясняется создание отрицательного образа РФ в рамках рубрики здоровья (Santé (COVID-19)), где государство, не имеющее устойчивой базы социального обеспечения, рисуется угнетенным, не способным к борьбе, неготовым противостоять пандемии. Изображается лишь внешняя сторона проблемы – это переполненные больницы, нехватка мед.персонала, средств защиты и так далее, однако недостаточно информации о достижениях России в этой области – а именно, в создании вакцины. Изложенное выше нашло выражение в использовании лингвистических средств с отрицательной коннотацией: *hôpitaux* ***bondés;*** *morgues* ***débordées;*** ***manque*** *de moyens et de personnel* soignant; des malades allongés sur le sol; un système de soins dépassé; le ministère de la santé, lui, interdit aux médecins de s'exprimer dans les médias sans autorisation [«L'express» – Actualités Politique, Monde, Economie et Culture, «Le Figaro» – Actualités en direct et informations en continu, «Le Monde» – Actualités et Infos en France et dans le monde].

В освещении спортивных тем также формируется отрицательный образ, основанный, например, на таком стереотипе, появившемся сравнительно недавно – использование запрещенных препаратов (допинга) российскими спортсменами. Исходя из представленных в прессе материалов, можно сделать вывод о том, что Франция, как и многие другие европейские государства, требует исключения России из числа участников мировых и международных соревнований: *le* ***vaste scandale de tricheries*** *à répétition* ***opposant la Russie*** *à l'Agence mondiale antidopage (WAMA) la Russie* ***doit être exclue*** *pour quatre ans des compétitions internationales;* ***le trucage*** *des fichiers informatiques du laboratoire antidopage* ***de Moscou; l'abscence la bonne foi russe*** [«L'Équipe» – L'actualité du sport en continu]. Всё это формирует негативный образ России. Создается впечатление, что в её адрес направлены всевозможные обвинения и упрёки. Страна никак не может оправдать себя в этом деле, арбитражные суды и другие мировые организации стремятся сделать всё, чтобы лишить страну спорта и возможности участвовать в соревнованиях.

Экономические показатели развития той или иной страны определяют место и роль любого государства в мировой экономике. В анализируемом материале образ России представлен с отрицательной стороны, поскольку с помощью лексических единиц подчеркивается статус страны с ослабленной экономикой, подорванной чередой кризисов и санкциями. Более того, в мировой экономике наблюдается экономический спад, связанный с захватившей мир пандемией, что усугубило положение дел в России и в других государствах. Страна скорее изображена слабой, находящейся в затруднительном экономическом положении об этом можно судить по такой лексике как: ***rebond*** *des ventes de voitures; une grande flexibilité – большая гибкость;* ***une baisse*** *des ventes de 2,3% en 2019; un pouvoir d'achat* ***déprimé****; une économie* ***amorphe****;* ***crise*** *économique;* ***l'importance de la stabilité*** *des prix de l'or noir – важность стабильности цен на черное золото;* ***la plongée des prix*** *et* ***la volatilité des marchés*** *offrent de nouvelles opportunités pour la politique de substitution;* ***l'inflation*** *poursuit* ***sa hausse*** *– инфляция продолжает расти;* ***l'affaiblissement*** *du rouble – ослабление рубля;* ***le ralentissement*** *économique mondial* [«L'express» – Actualités Politique, Monde, Economie et Culture,

«Le Figaro» – Actualités en direct et informations en continu, «Le Monde» – Actualités et Infos en France et dans le monde, «Les Échos» – Actualités en direct, Economie, Finance, Politique].

Следующий стереотип о России, заключается в том, что ее считают страной-угрозой демократии. Он получил новый виток развития в связи с выборами президента США – 2020. Анализируя статьи из раздела политики, посвященные президентской кампании этого года, стоит отметить, что французские СМИ настроены негативно в отношении России и её роли, а точнее вмешательстве в американские выборы. Образ России в данной сфере изображен больше с отрицательной стороны, чем с положительной. Например, *la politique* ***de sanctions****;* ***ingérences russes*** *dans la campagne américaine,* ***cyberattaques****,* ***espionnage,*** *gazoduc Nord Stream 2… -;* ***la relation*** *entre Washington et Moscou;* ***se dégrader****;* ***une déception****;* ***les sanctions*** *contre Moscou* [«Les Échos» – Actualités en direct, Economie, Finance, Politique, «Le Point» Actualité Politique, Monde, France, Economie, High-Tech, Culture].

Негативный образ страны в политической сфере был дополнен и нашумевшим делом об отравлении «Новичком» оппозиционера Алексея Навального. Французская пресса поддержала общую точку зрения о том, что это был заказ Москвы. Используя приём метонимии, заменяя термином Кремль понятие всей России – это ещё раз подчёркивает обвинительную позицию не только прессы, но и целого государства. В связи с этим статьи, освещающие данную тему, содержат следующий лингвистический материал: *Vladimir Poutine se refuse à prononcer* ***le nom****; Sa sortie… rend encore un peu plus délicate la confrontation du pouvoir russe avec* ***son nouveau « problème Navalny »;*** ***la chronique de son rétablissement*** *est suivie* ***avec ferveur*** *sur les réseaux sociaux -; Alexeï Navalny* ***accuse*** *Vladimir Poutine d'avoir commandité* ***son empoisonnement****, ce que Moscou continue de contester; Cette accusation est "****sans fondement et inacceptable****" – это обвинение необоснованно и неприемлемо* [«Les Échos» – Actualités en direct, Economie, Finance, Politique, «Le Point» Actualité Politique, Monde, France, Economie, High-Tech, Culture].

Рассматривая политическую сферу нельзя не отметить конфликт в Нагорном Карабахе. Вопреки сложившемуся стереотипу, что Россия – это странна агрессор и захватчик, французская пресса формирует положительный образ страны в данной военной кампании. Об этом свидетельствуют следующие лексические единицы: ***cessez-le-feu*** *total;* ***l'égide*** *de Moscou; Moscou sera* ***le garant*** *du respect du cessez-le-feu dans le Haut-Karabakh;* ***un accord*** *de paix – мирное соглашение; le rôle de la Russie comme* ***arbitre ultime*** *du conflit; les soldats de* ***maintien*** *de la paix* [«L'express» – Actualités Politique, Monde, Economie et Culture, «Le Figaro» – Actualités en direct et informations en continu, «Le Monde» – Actualités et Infos en France et dans le monde, «Les Échos» – Actualités en direct, Economie, Finance, Politique].

Все эти примеры указывают на признание действий России в зоне конфликта исключительно как миротворческих, так как все ее действия, отмеченные французской прессой, направленны исключительно на мирное урегулирование данного военного конфликта.

Переходя к оценке положительного образа России в прессе Франции, стоит отметить культурную сферу. Неудивительно, что именно она несет в себе позитивную окраску, поскольку Россия является страной с богатейшей историей, которую она бережно хранит в объектах культуры, например, таких как архитектура. Именно этому и посвящены многие статьи во французских изданиях. Об этом свидетельствует следующие выражения: ***La cathédrale orthodoxe de Nice; la Chambre d'ambre; le trésor des tsars de Russie –; le palais Catherine à Pouchkine; le troisième palais d'hiver de Saint-Pétersbourg; Considéré comme la «8e merveille du monde»; la technique de la mosaïque florentine; Les précieux panneaux d'ambre; la couronne impériale*** [«Le Nouvel Observateur» (L'OBS) – Actualités du jour en direct, «Le Point» Actualité Politique, Monde, France, Economie, High-Tech, Culture].

Пласт отобранного фактического материала, обладающий положительной оценочной коннотацией, стоит дополнить статьями из раздела спорт (Sport), посвященными большому теннису. Данная тема раскрыта с помощью такой лексики, как: ***le Russe*** *Daniil Medvedev;* ***vainqueur*** *du Masters 1000 de Paris ; un troisième trophée;* ***l'adversaire russe*** *qui a pris* ***l'avantage****; le Russe Andrey Rublev ; le joueur qui a* ***remporté le plus*** *de titres dans une saison 2020 amputée de cinq mois; le Russe n'a pas concédé un seul jeu de service; Avec Medvedev et Rublev, la Russie aura* ***deux représentants*** *en simple au Masters pour la première fois depuis 2000* [«L'Équipe» – L'actualité du sport en continu, «Paris Match»]. Россия представлена победами и достижениями конкретных

спортсменов, которые боролись честно и упорно, их победы заслужены и для мира тенниса.

Заключение

Отобранный из различных рубрик (политика (Politique), экономика (Économique), культура (Culture), спорт (Sport), здоровье (Santé (COVID-19)); события (Événement)) современных французских печатных изданий лингвистический материал, позволивший сформировать образ России, существующий в иноязычной культуре, позволяет заключить, что Россия является довольно популярной страной во французской печатной прессе.

Двукомпонентный характер стереотипа как социолингвистического явления подтверждается наличием отрицательной и положительной оценочной коннотации исследуемого материала. Так, в наиболее освещаемой сфере политической жизни страны из 19 отобранных по данной теме статей, только в 3 (15 %) отмечается формирование положительного образа РФ, остальной материал (85 %) содержит критику и негативную оценку действий государства как во внутренней политике, так и во внешней. Следующая рубрика Événement, в которой чаще всего встречается материал, посвященный событиям в России, содержит примерно равное количество статей, как с положительной, так и с отрицательной оценкой (54 % и 63 % соответственно). Спортивные победы и достижения российских спортсменов отмечены в 7 статьях (70 % – положительная коннотация), вопросы и споры, связанные с употреблением запрещенных препаратов освещены в 3 статьях (30 % – отрицательная коннотация). Также преобладание материалов с положительной оценочностью наблюдается в рубрике Culture (100 %). Экономика страны освещается исключительно с точки зрения слабости и уязвимости государства (100 % – отрицательная оценка), та же тенденция прослеживается при описании сферы здравоохранения (100 % – отрицательная коннотация). В общей сложности, процентное соотношение на шкале оценочности распределяется следующим образом – 60 % отобранного фактического материала формирует отрицательный образ РФ в иноязычной прессе, 40 % – положительный.

Создание оценочности в представленных текстах осуществляется за счет использования авторами эпитетов, превосходной степени, наличия противопоставлений и сравнительных конструкций, применение числительных. Немалую роль в создании образа России сыграли заголовки, содержащие прямое указание на чьё-либо мнение «*Si la Biélorussie tombe, la prochaine sera la Russie*», estime Loukachenko, а также представленные в виде вопроса *«Pourquoi la Russie s'intéresse autant à l'Arctique?»* [«L'express» – Actualités Politique, Monde, Economie et Culture, «Le Figaro» – Actualités en direct et informations en continu].

Библиографический список

Агеев В. С. Стереотипизация как механизм социального восприятия // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. Москва : Моск. ун-т, 1987. 253 с.

Гуревич П. С. Стереотип // Современная западная социология: словарь. Москва : Нау ка. 1990. 332 с.

Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : монография. Москва : Р. Валент, 2016. 220 с.

Ильюшкин В. В. A stereotyped as an important factor in the perception and cognition of people to each other / Стереотипизация как важный фактор в восприятии и познании людьми друг друга : EUROPEAN SCIENCE. 2014. №1. С. 31–36.

Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва : Яз. славянской культуры, 2005. 544 с.

Нешина Е. Б. Франкоязычные СМИ как источник формирования имиджа России // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11. URL: https://research-journal.org/culture/frankoyazychnye-smi-kak-istochnik-formirovaniya-imidzha-rossii/ (дата обращения 17.11.2020).

Ощепков А. Р. Образ России во французской литературе XIX в. : моног рафия. Москва : МП ГУ, 2011. 318 с.

Пашукова Т. И., Ухлинова Н. С. Структура имиджа России во французских печатных СМИ // Прикладная юридическая психология. 2013. №2 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-imidzha-rossii-vo-frantsuzskih-pechatnyh-smi/viewer (дата обращения 05.12.2020)

Полякова О. А. Репрезентация образа России во французской литературе в оценках российский компаритивистов : научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 9.

Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментал ьность. Москва : Наука, 2006. 320 с.

Цилюрик Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008–2012гг.) :

научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 5. Москва.

Amossy Ruth, Anne Herdchberg Pierrot. Stéréotypes et clic hés. Langue, disc ours, société. 3-me édition. Pa ris : Arm and Colin. 20 11. 325 p.

Aronson, Joshua; Stelle, Claude M. Chapter 24: Stereotypes and the Fragility of Academic Competence, Motivation, and Self-Concept. New York : Guilford Press. 2005. P. 436–443.

Levontina I. B., Shmelyov A. D. Key ideas of the Russian language picture of the world. M.: Yaz. Slavyanskoy kultury, 2005. 544 p.

Operario, Don; Fiske, Susan T. Stereotypes: Content, Structures, Processes, and Context Malden: MA: Blackwell. 2003. P. 22–44.

Tajfel, Henri. Social stereotypes and social groups : Intergroup behaviour. Oxford: Blackwell. 1981. P. 144–167.

«L'express» – Actualités Politique, Monde, Economie et Culture. URL: https://www.lexpress.fr/ (дата обращения 29.09.2020)

«Le Figaro» – Actualités en direct et informations en continu. URL: https://www.lefigaro.fr/ (Дата обращения 8/10/2020)

«Le Monde» – Actualités et Infos en France et dans le monde. URL: https://www.lemonde.fr/ (дата обращения 27.09.2020)

«Le Nouvel Observateur» (L'OBS) – Actualités du jour en direct. URL: https://www.nouvelobs.com/ (дата обращения 26.10.2020)

«Le Point» Actualité Politique, Monde, France, Economie, High-Tech, Culture. URL: https://www.lepoint.fr/ (дата обращения 11.09.2020)

«L'Équipe» – L'actualité du sport en continu. URL: https://www.lequipe.fr/ (дата обращения 24/09/2020)

«Les Échos» – Actualités en direct, Economie, Finance, Politique. URL: https://www.lesechos.fr/ (дата обращения 23.11.2020)

«Paris Match» URL: https://www.parismatch.com/ (дата обращения 23.09.2020).

Lippman Walter, Public opinion New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 380 p.

Reference list

Ageev V. S. Stereotipizacija kak mehanizm social'nogo vosprijatija = Stereotyping as a mechanism of social perception // Obshhenie i optimizacija sovmestnoj dejatel'nosti / pod red. G. M. Andreevoj, Ja. Janousheka. Moskva : Mosk. un-t, 1987. 253 s.

Gurevich P. S. Stereotip = Stereotype // Sovremennaja zapadnaja sociologija: slovar'. Moskva : Nau ka. 1990. 332 s.

Zaripov R. I. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse = Metaphorical modeling of Russia' image in contemporary French political discourse : monografija. Moskva : R. Valent, 2016. 220 s.

Il'jushkin V. V. A stereotyped as an important factor in the perception and cognition of people to each other / Stereotipizacija kak vazhnyj faktor v vosprijatii i poznanii ljud'mi drug druga : EUROPEAN SCIENCE. 2014. №1. S. 31–36.

Levontina I. B., Shmelev A. D. Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira = Key ideas of the Russian linguistic world picture. Moskva : Jaz. slavjanskoj kul'tury, 2005. 544 s.

Neshina E. B. Frankojazychnye SMI kak istochnik formirovanija imidzha Rossii = The francophone media as a source of shaping Russia's image // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2017. № 11. URL: https://research-journal.org/culture/frankoyazychnye-smi-kak-istochnik-formirovaniya-imidzha-rossii/ (data obrashhenija 17.11.2020).

Oshhepkov A. R. Obraz Rossii vo francuzskoj literature XIX v. = Russia's image in the XIX century French literature : monog rafija. Moskva : MP GU, 2011. 318 s.

Pashukova T. I., Uhlinova N. S. Struktura imidzha Rossii vo francuzskih pechatnyh SMI = The structure of Russia's image in the French printed media // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2013. №2 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-imidzha-rossii-vo-frantsuzskih-pechatnyh-smi/viewer (data obrashhenija 05.12.2020)

Poljakova O. A. Reprezentacija obraza Rossii vo francuzskoj literature v ocenkah rossijskij komparitivistov = Representation of Russia in French literature as evaluated by Russian compativists : nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2016. № 9.

Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedenija, tradicii, mental 'nost' = Russians: behavioural stereotypes, traditions, mentality. Moskva : Nauka, 2006. 320 s.

Ciljurik D. D. Obraz Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom mediadiskurse (po materialam jelektronnyh versij ezhednevnyh gazet «Mond», «Figaro» i «Liberas'on» za 2008–2012gg.) = The image of Russia in contemporary French political media discourse (based on the electronic versions of the dailies Le Monde, Le Figaro and Liberation, 2008-2012) : nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2013. № 5. Moskva.

Amossy Ruth, Anne Herdchberg Pierrot. Stéréotypes et clic hés. Langue, disc ours, société. 3-me édition. Pa ris : Arm and Colin. 20 11. 325 r.

Aronson, Joshua; Stelle, Claude M. Chapter 24: Stereotypes and the Fragility of Academic Competence, Motivation, and Self-Concept. New York : Guilford Press. 2005. P. 436–443.

Levontina I. B., Shmelyov A. D. Key ideas of the Russian language picture of the world. M.: Yaz. Slavyanskoy kultury, 2005. 544 p.

Operario, Don; Fiske, Susan T. Stereotypes: Content, Structures, Processes, and Context Malden: MA: Blackwell. 2003. R. 22–44.

Tajfel, Henri. Social stereotypes and social groups : Intergroup behaviour. Oxford: Blackwell. 1981. R. 144–167.

«L'express» – Actualités Politique, Monde, Economie et Culture. URL: https://www.lexpress.fr/ (data obrashhenija 29.09.2020)

«Le Figaro» – Actualités en direct et informations en continu. URL: https://www.lefigaro.fr/ (Data obrashhenija 8/10/2020)

«Le Monde» – Actualités et Infos en France et dans le monde. URL: https://www.lemonde.fr/ (data obrashhenija 27.09.2020)

«Le Nouvel Observateur» (L'OBS) – Actualités du jour en direct. URL: https://www.nouvelobs.com/ (data obrashhenija 26.10.2020)

«Le Point» Actualité Politique, Monde, France, Economie, High-Tech, Culture. URL: https://www.lepoint.fr/ (data obrashhenija 11.09.2020)

«L'Équipe» – L'actualité du sport en continu. URL: https://www.lequipe.fr/ (data obrashhenija 24/09/2020)

«Les Échos» – Actualités en direct, Economie, Finance, Politique. URL: https://www.lesechos.fr/ (data obrashhenija 23.11.2020)

«Paris Match» URL: https://www.parismatch.com/ (data obrashhenija 23.09.2020).

Lippman Walter, Public opinion New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 380 r.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 24.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья
УДК 811.111
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-165-175

Роль заглавий в формировании лингвоаксиологической специфики англоязычного драматургического дискурса

Юлия Сергеевна Старостина
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С.П. Королева». 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34
juliatim@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1578-7590

Аннотация. Статья посвящена изучению номинативной парадигмы англоязычных драматургических произведений с позиций лингвоаксиологии как актуального научного направления, ориентированного на анализ вербальной репрезентации ценностей и оценочных отношений. Цель исследования заключается в определении вариативного лингвоаксиологического статуса заглавий, включенных в пространство британского и американского драматургического дискурса, с их последующей систематизацией, направленной на уточнение формата и степени их участия в ценностно-оценочной манифестации. Материалом исследования послужила равнопропорциональная выборка заглавий британский и американских пьес современного периода, общим объемом 600 единиц. В качестве центрального метода был задействован метод лингвоаксиологической интепретации, предполагающий ценностно-оценочную параметризацию дискурсивного фрагмента при учете характеристик широкого дискурсивного контекста. В результате исследования зафиксировано долевое участие заглавий пьес в формировании лингвоаксиологического потенциала англоязычного драматургического дискурса. Разработана классификация заглавий в соответствии с градуальным характером их ценностной и оценочной маркированности. Представлены итоги сопоставительного анализа британских и американских заглавий, в ходе которого выявлена зона взаимопересечения национально-маркированных лингвоаксиосфер. Сделан вывод о том, что с помощью заглавий драматургом может быть осуществлена как эксплицитная акцентуализация ценностных доминант, так и имплицитная отсылка к ним; часть заглавий при этом могут выступать в роли «лингвоаксиологического фокуса», аппелируя к фоновым знаниям реципиентов о ценностных установках, релевантных в пределах конкретного лингвокультурного сообщества. Проведенное исследование доказывает эффективность лингвоаксиологического подхода к исследованию заглавий как значимого структурного блока англоязычного драматургического дискурса, что открывает новые перспективы для научного осмысления данной предметной области.

Ключевые слова: лингвоаксиология, драматургический дискурс, заглавия, лингвоаксиологический потенциал, ценностная доминанта, оценочный маркер, лингвоаксиосфера

Для цитирования: Старостина Ю. С. Роль заглавий в формировании лингвоаксиологической специфики англоязычного драматургического дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 165-175. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-165-175

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

The role of titles in forming linguistic axiological features in english drama discourse

Yulia S. Starostina
Candidate of philological sciences, associate professor, department of english philology, Samara national research university. 443086, Samara, Moskovskoye shosse st., 34
juliatim@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1578-7590

© Старостина Ю. С., 2021

Abstract. The article is devoted to studying the nominative paradigm of english drama from the standpoint of linguistic axiology as a mainstream scientific direction focusing on verbal representation of values and evaluation. The aim of the study is to determine the variable linguo-axiological status of titles in british and american drama discourse, with subsequent systematization, aimed at clarifying the format and the extent of their participation in the value-evaluation manifestation. The research material is an equally proportional corpus of modern british and american play titles with a total scope of 600 units. The method of linguo-axiological interpretation has been used as the key method, which implies value-evaluation parameterization of the discourse fragment while taking into account the characteristics of the broad discourse context. The research has recorded that titles contribute to the formation of linguistic axiological potential in english drama discourse. The classification of titles has been developed in accordance with the gradual nature of their value and evaluative marking. The article also presents the results of a comparative analysis of British and american drama titles, which help identify the zone of intersection of nationally marked linguoaxiospheres. The author concludes that with the help of titles the playwright can carry out both an explicit accentuation of value dominants and an implicit reference to them; some of the titles can act as a «linguo-axiological focus,» appealing to the recipients' background knowledge of the values relevant within a particular linguocultural community. The study proves the validity of linguoaxiological approach to the study of titles as significant structural blocks of english drama discourse, thus, opening up new prospects for further scientific investigation of the subject area.

Key words: linguistic axiology, drama discourse, titles, linguoaxiological potential, value dominant, evaluative marker, linguoaxiosphere

For citation: Starostina Y. S. The role of titles in forming linguistic axiological features in english drama discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):165-175. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-165-175

Введение

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики предопределяет ее повышенное внимание к специфике вербальной репрезентации ценностных ориентиров, формирующих основу человеческого бытия. Аксиологические установки оказывают влияние на все аспекты деятельности человека и манифестируются как на уровне поступков, так и в языковой деятельности. Особо актуальным в этом аспекте представляется изучение актуализации ценностей в процессе поливекторного коммуникативного взаимодействия, исследование различных параметров которого является перспективным научным трендом. Будучи зоной повышенной оценочности, языковая интеракция представляет собой сферу активной трансляции аксиологических доминант, которые выступают в качестве ядерных ценностных концептов в пределах социальной лингвоаксиосферы. Современная коммуникация, осуществляемая в многообразных форматах в соответствии со спецификой различных дискурсивных пространств, может быть как прямой, то есть индивидуально-ориентированной, так и непрямой, то есть социально-опосредованной. Одним из дискурсов, репрезентирующих подобное полинаправленное общение, выступает драматургический дискурс. С одной стороны, в его пределах воспроизводятся актуальные модели устной межличностной коммуникации. С другой стороны, драматургический дискурс является отражением художественного замысла автора и апеллирует к широкой аудитории зрителей или читателей, осуществляя общение по вектору «драматург – реципиент». Обозначенная ситуация способствует множественной аксиологической актуализации, что формирует специфические ценностно-оценочные характеристики дискурсивного пространства. Вместе с тем, потенциал англоязычного драматургического дискурса в плане отражения лингвоаксиологических процессов, имеющих место в англоязычных лингвокультурных сообществах, а также его способность к фиксации и коммуникативной репрезентации социальных лингвоаксиологических характеристик остается недостаточно исследованной областью в современной науке о языке и находится в стадии разработки.

Относительно ограниченное количество исследований, посвященных системным языковым аспектам драматургического дискурса (в качестве показательных исследований последних лет стоит упомянуть работы А. Петерсона и Дж. Уинстона [Peterson, 2021], К. Фрибоди [Freebody, 2021], М. Уотер [Water, 2021], Ф. Намазовой [Namazova, 2021], Ю. Пикулевой [Pikuleva, 2019]) объясняется сложностью данной предметной области, то есть ее комплексным и многослойным характером. Драматургический дискурс является структурно-организованным коммуникативным феноменом, включающим в себя субдискурс стилизованного диалога к качестве центрального компонента, субдискурс авторской ремарки, формирующий паралингвистическое сопровождение персонажной коммуникации, а

также ряд субдискурсов, обеспечивающих релевантную интеграцию драматургии в социально-культурную среду, таких как субдискурс заглавий, сопроводительных аннотаций и т. п. За счет системного взаимодействия обозначенных субдискурсов драматургия формирует единое поле, для осмысления которого необходим учет языковых характеристик всех композиционных единиц при учете множественных экстралингвистических факторов.

С позиций лингвоаксиологии как актуального научного направления, нацеленного в современных реалиях на всестороннюю ценностно-оценочную параметризацию дискурса [Старостина, 2021, с. 248], драматургия представляет собой уникальное дискурсивно-коммуникативное пространство, поскольку трансляция фрагмента социальной аксиосферы происходит в специфическом формате стилизованного коммуникативного взаимодействия при обязательном участии вспомогательных субдискурсивных компонентов. Подчеркнем, что драматургический диалог, обладающий очевидным потенциалом для лингвоаксиологической интерпретации, формирует только часть общей зоны драматургического дискурса и не должен рассматриваться как тождественный ему. Другие структурные единицы также принимают участие в создании лингвоаксиологического дискурсивного плана, хотя, безусловно, играют дополнительную роль в сопоставлении со сферой коммуникативного взаимодействия персонажей. В силу этого предыдущие лингвоаксиологические исследования англоязычного драматургического дискурса (см. в качестве примера [Старостина, 2021]) были ограничены именно сферой стилизованного диалога как речевой интеракции героев. Вместе с тем, облигаторной частью драматургического дискурса выступает и субдискурс заглавий пьес, служащий маркером первичной авторской аппеляции к читательской и зрительской аудитории.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении лингвоаксиологического статуса заглавий, включенных в пространство современного британского и американского драматургического дискурса, в совокупности с лингвоаксиологической классификацией заглавий, направленной на уточнение формата их участия в ценностно-оценочной манифестации. Круг исследовательских задач, работающих на достижение поставленной цели, можно определить следующим образом: а) формирование теоретической платформы исследования посредством систематизации сформировавшихся на данный момент научных взглядов на лингвистическую интерпретацию заглавий; б) лингвоаксиологический анализ корпуса заглавий англоязычных драматургических произведений современного периода на предмет наличия или отсутствия у них маркированной способности к ценностно-оценочной трансляции; в) выявление качественно-количественного соотношения блоков заглавий в зависимости от их лингвоаксиологической маркированности; г) сравнительно-сопоставительный анализ результатов лингвоаксиологической классификации британских и американских заглавий с выделением зон взаимопересечения в сопокупности с их последующей дискурсивной интерпретацией.

Обзор литературы

На этапе формирования основополагающих теоретических положений исследования нами было выявлено три подхода к изучению заглавий, функционирующих в пределах различных дискурсивных континуумов. Прежде всего, поскольку заглавия являются первым элементом, с которым сталкивается реципиент, очевидной представляется их высокий прагматический потенциал, прежде всего в терминах реализации аттрактивной функции. Интерес к заглавиям с обозначенных позиций определяется его уникальной локацией относительно других структурных компонентов текста, в сочетании с семантической сложностью, поскольку заглавия симультанно репрезентируют сущность произведения и выступают в качестве «соединительного звена между текстом и внешней действительностью» [Исаева, Акимцева, 2019, с. 56]. Е. А. Тутатина [Татутина, 2019] рассматривает комплекс проблем, связанных с прагматикой заглавия исключительно с позиций его целостного восприятия читателями, в то время как А. Ю. Исаева и Ю. В. Акимцева [Исаева, Акимцева, 2019, с. 57] в большей степени концентрируются на аспекте эмоционального отклика. Л. М. Леонович уточняет, что, поскольку с помощью заглавия автор имеет возможность заявить о своем творчестве, его подход к номинации в обязательном порядке оказывается связанным с желанием обеспечить

известность и успех произведению [Леонович, 2019, с. 108]. Ю. В. Шуйская, Р. Ю. Анисимов и Е. А. Дроздова, также анализируя заглавия с точки зрения конденсированного прагматического потенциала [Шуйская, 2021], выявляют конкретные синтаксические механизмы его актуализации, направленные на манипуляцию сознанием реципиента.

Второй подход предполагает изучение заглавий в русле теории малоформатных текстов, обладающих четким набором специфичных характеристик, таких как лаконичность, автономность, целостность и предельная концентрация смыслов при обязательной реализации гетерогенной функциональной нагрузки. Ю. В. Веденева и А. А. Харьковская справедливо указывают на то, что обозначенные характеристики малоформатных текстов предопределяют спектр задействованных в них языковых средств, формирующий целостный смысловой блок [Веденева, 2019, с. 7], который может также выступать как лингвосинергетический комплекс [Харьковская, 2019, с. 141]. О. Н. Исаева и И. Б. Кривченко доказывают наличие у заголовков собственной функциональной парадигмы, в которую входят информативная, апеллятивная, экспрессивная и аттрактивная функции [Исаева, 2019, с. 236], при этом одна из функций может выходить на позицию доминирования [Черкунова, 2021, с. 149], оттесняя прочие, но не нивелируя их. Вместе с тем, как уточняет К. Норд, автономность заглавий художественных произведений как малоформатных текстов нужно признать относительной [Nord, 2019, с. 335], поскольку они формируют тесную взаимосвязь с основным блоком текста, вне которого функциональная реализация оказывается неполной.

В пределах третьего подхода заглавия рассматриваются в терминах лингвокогнитивистики, то есть в качестве сферы концептуальной репрезентации. Ряд исследователей изучают заглавия разножанровых образцов художественного дискурса с целью выявить и систематизировать индивидуально-авторские концепты, нашедшие языковое отражение в их пределах. Так, Е. В. Гусева и Е. В. Стрельцова анализируют концепты в заглавиях как «отражение мировоззренческой позиции автора» [Гусева, 2021, с. 29]; А. Ю. Трусова и А. С. Чигринова подтверждают, что заглавия выступают в качестве одного из способов писательского самовыражения [Трусова, 2019, с. 110]. О. Ю. Богданова и В. Н. Бабаян в ходе эмотивно-диктемного анализа заглавий художественных произведений [Богданова, 2019] последовательно обосновывают тезис о том, что с помощью заглавия писатель имеет уникальную возможность транслировать собственное миропонимание и актуализировать в сознании реципиента релевантные эмоционально окрашенные образы. За счет этого заглавие устанавливает прочные ментальные связи между автором и реципиентом [Bogdanova, 2020, с. 163], с помощью чего осуществляется эффективная коммуникация между ними. Н. А. Хайдарова, рассматривая заглавия как своеобразные маркеры авторской интенции [Хайдарова, 2020, с. 38], говорит о том, что лингвокогнитивный анализ заглавий способствует не только выявлению индивидуально-авторских концептов, но и определению специфики их дискурсивного функционирования. И. В. Драбкина, выделяя ядерные компоненты концептосферы заглавий произведений массовой литературы [Драбкина, 2019], дополняет предыдущие положения выводом о том, что за счет концептуальной акцентуализации в заглавиях находит отражение их жанровая специфика. Некоторые другие, более узкие исследования (см., например, научные труды Е. А. Гончаровой [Goncharova, 2020], Ф. Пакпахан [Pakpahan, 2021], Ю. С. Старостиной, М. В. Черкуновой, А. А. Харьковской [Starostina, 2020], В. Шмидта [Schmidt, 2021] и др.) также анализируют заглавия и соположенные с ними текстовые образования сквозь призму концептуальной манифестации.

Признавая правомерность трех выявленных подходов и учитывая валидность полученных с их помощью научных результатов, уточним, что корпус заглавий в принципе, а также заглавия англоязычных драматургических произведений в частности, ранее не подвергались анализу в русле лингвоаксиологического подхода. Недостаток исследований обозначенного фрагмента номинативного фонда в терминах его участия в формировании лингвоаксиологической дискурсивной специфики определяет лакунарность данной проблематики как с позиций исследования драматургического дискурса в целом, так и при его рассмотрении в лингвоаксиологическом ракурсе.

Материалы и методы исследования

Материалом нашего анализа послужил корпус заглавий британских и американских пьес общим объемом 600 единиц, полученный при помощи методики формирования равнопропорциональной выборки. Все пьесы, заглавия которых выступили фактическим материалом практического этапа исследования, относятся к современному историческому периоду. Как заглавия, так и сами драматургические произведения, задействованные в исследовании, представлены на открытой специализированной интернет-платформе https://www.playscripts.com [Playscripts], а также могут быть найдены в антологии «105 Five-Minute Plays for Study and Performance» [Capacci, 2017]. Центральным методом исследования выступил комплексный метод лингвоаксиологической дискурсивной интерпретации, предполагающий комбинированный учет данных лингвоаксиологического анализа и дискурс-анализа в сочетании с результатами статистических подсчетов. Метод дискурсивной лингвоаксиологической интерпретации подразумевает всестороннее качественно-количественное исследование вербальных способов репрезентации ценностно-оценочных характеристик при должном внимании к экстралингвистическим параметрам дискурсивного фрагмента.

Результаты и дискуссия

Художественные заглавия можно в целом охарактеризовать как специфический смысловой узел, который стягивает все разноплановые стороны дискурса в единую точку. В значительной степени данный тезис актуален и для лингвоаксиологического плана англоязычного драматургического дискурса. По итогам лингвоаксиологического анализа и систематизации корпуса заглавий англоязычных драматургических произведений, разделенных на два равнопропорциональных блока по принципу их принадлежности к британскому или американскому драматургическому дискурсу, нами было обнаружено два достаточно объемных класса заглавий в соответствии со степенью их участия в актуализации лингвоаксиологических дискурсивных характеристик.

К первому классу были отнесены заглавия, обладающие лингвоаксиологическим потенциалом в одном из двух форматов – это эксплицитная номинация ценностной доминанты или имплицитная отсылка к ней за счет наличия в пределах заглавия оценочной лексемы. Ко второму классу были отнесены заглавия, не обладающие вербальной ценностно-оценочной маркированностью. Вместе с тем, данный класс не может рассматриваться как гомогенная группа, поскольку в нем оказалось возможным выделение подкласса заглавий, не содержащих лингвоаксиологической маркированности как таковой, но репрезентирующих информационный фрагмент, так или иначе значимый для адекватной интерпретации актуализированного в драматургическом произведении аксиосферного фрагмента. В другую подгруппу в пределах второго класса вошли заглавия, не имеющие какой-либо связи с лингвоаксиологическим уровнем драматургического произведения. Таким образом, очевиден градуальный характер лингвоаксиологического потенциала в корпусе драматургических заглавий: от прямого указания на ценностную доминанту до отсутствия каких бы то ни было лингвоаксиологических характеристик. Качественно-количественные результаты систематизации заглавий англоязычных драматургических произведений по степени их участия в формировании лингвоаксиологической специфики исследуемого дискурса отражены в Таблице 1.

Таблица 1

Классификация заглавий британских и американских драматургических произведений в соответствии с градуальным характером их лингвоаксиологической маркированности

№	Класс заглавий с учетом лингвоаксиологического потенциала	№	Подкласс заглавий с учетом градуальных лингвоаксиологических характеристик	Процентное соотношение заглавий пьес (британский драматургический дискурс)	Процентное соотношение заглавий пьес (американский драматургический дискурс)
1	Заглавия, обладающие ценностно-оценочной маркированностью	1А	Заглавия с эксплицитной номинацией ценностной доминанты	27	13

		1Б	Заглавия с имплицитной отсылкой к ценностной доминанте или ее содержательному оценочному вектору посредством оценочной лексемы	21	23,5
2	Заглавия без ценностно-оценочной маркированности			48	36,5
		2А	Заглавия, содержащие отсылку к какой-либо характеристике лингвоаксиосферы	22	20
		2Б	Заглавия с нулевым лингвоаксиологическим потенциалом	30	43,5
				52	63,5
				100	100

Нужно отметить, что номинация ценностной доминанты в заглавиях (подкласс 1А), то есть эксплицитная вербальная отсылка к общесоциальной аксиосфере, далеко не всегда означает, что указанная ценность будет единственным манифестированным в процессе стилизованной коммуникации персонажей аксиосферным компонентом. Более того, в силу крайне ограниченного объема заголовка, в нем обычно не уточняется, какой именно оценочный вектор в пределах содержания ценностной доминанты будет акцентуализирован, то есть какой аспект ценностной доминанты будет далее репрезентирован в стилизованном диалоге как центральном структурном элементе драматургического дискурса. Заглавия подкласса 1А характеризуются либо монолексической структурой, например, *Faith, Home, Honesty, Friend, Choice, Empathy* и т. д., либо представляют собой словосочетания с различными типами связи: *In the Name of Love, A Love Never Forgotten, Family Planning, Foulweather Friend, Dr Reason, Miss Independent, Pretty Lucky,* и др. Каждое из представленных заглавий является достаточно четкой и однозначной номинацией социальных ценностных установок (вера, любовь, красота, интеллект, удача, независимость и т. д.). Кроме того, ценностная доминанта может номинироваться в пределах заглавия-предложения, в том числе в составе паремий: *The Cost of Love is not Immune to Inflation, Lies You Can't Make Up, Better Safe Than Sorry*. Уточним, что аппеляция к аксиологическому ориентиру может актуализироваться не только за счет прямой номинации ценности, но и с помощью указания на ее оборотную сторону: например, ценностная доминанта *истина* может быть акцентуализирована в заглавии при помощи лексической единицы *lie*.

Итоги качественно-количественных подсчетов показывают, что британские драматурги значительно активнее используют ценностную маркированность в заглавиях пьес по сравнению с американскими, и, соответственно, круг аксиологических установок, номинация которых задействована в заглавиях в британском драматургическом дискурсе, шире. При анализе названий британских пьес в рамках подкласса 1А была зафиксирована номинация 11 ценностных доминант, а именно *любовь*, *дружба*, *вера*, *семья*, *независимость*, *свобода выбора*, *безопасность, красота*, *истина*, *рациональность*, *эмпатия,* в то время как в заголовках американских пьес фигурируют номинации 5 ценностей, таких как *любовь, дружба, семья, интеллект, удача*. Таким образом, три ценностные доминанты (*любовь, дружба, семья*) формируют зону пересечения национально-маркированных лингвоаксиосфер в пределах заглавий как стуктурного компонента англоязычного драматургического дискурса. Подобные результаты, на наш взгляд, можно объяснить тем, что американское лингвокультурное сообщество как традиционно полинациональное пространство характеризуется таким обилием разнородных ценностных ориентиров, что в целях охвата максимально объемной аудитории драматурги склонны использовать лишь те аксиологические номинации, которые тяготеют к универсальности и входят в качестве ядра в наибольшее количество социально-групповых и индивидуально-личностных лингвоаксиосфер. Британское же лингвокультурное сообщество как традиционно более гомогенное социальное пространство (по крайней мере относительно американского) опирается на более ограниченный фиксированный круг ценностей, разделяемых большинством его представителей, и соответственно, без каких-либо сомнений используемых авторами в качестве номинативного элемента драматургических произведений.

В заглавиях, систематизированных в пределах подкласса 1Б, наблюдается оценочная маркированность, то есть присутствует лексическая единица с позитивной или негативной оценочной семантикой. Оценочный маркер не является прямой номинацией аксиологической доминанты, однако, реализует лингвоаксиологический потенциал заглавия за счет косвенной отсылки к той или иной ценностной установке или одному из ее содержательных оценочных векторов, при этом степень имплицитности в пределах выборки варьируется. Например, в заглавии пьесы Дж. Б. Пристли *The Dangerous Corner* с помощью оценочного прилагательного имплицитно актуализируется ценностная доминанта *безопасность*, без уточнения оценочного вектора, то есть не обозначается, о какой именно безопасности пойдет речь. Отсылки разной степени очевидности к ценностной доминанте *любовь* реализуются за счет включения в состав заглавия релевантных оценочных лексем в таких примерах как *Broken Heart Syndrome, Lonely Heart, Prince Charming*; к ценности *вера – Blasphemous Rumours*, к ценности *истина – Confession Air, The True Story of Cinderella*; к ценности *семья – Happy Wife, Unhappily Ever After*; к ценности *красота – Gorgeous, Lovely to Look at*; к ценности *удача – Heir to a Misfortune,* к ценности *рациональность – Covidiots* и т. д. Лингвоаксиологическая специфика заглавий обозначенного подкласса заключается в примерно равном использовании драматургами негативно- и позитивно-оценочных лексических единиц, а также в том, что ценностные доминанты, имплицирование которых реализуется в заглавиях подкласса 1Б, дублируют ценности, номинированные эксплицитно в рамках подкласса 1А и соотносятся с национально-маркированной принадлежностью англоязычного драматургического дискурса. Данный факт, на наш взгляд, подтверждает системную корреляцию выделенных при лингвоаксиологическом анализе заглавий ценностных доминант с фрагментом социальной лингвоаксиосферы, репрезентированной в англоязычном драматургическом дискурсе.

Во второй класс были включены заглавия без какой-либо ценностно-оценочной маркированности, то есть формально не участвующие в создании лингвоаксиологического плана драматургического дискурса. Тем не менее, в пределах данной группы можно, по нашему мнению, выделить подкласс 2А, объединяющий заглавия, содержащие информацию, релевантную для лимитирования блока аксиосферы, который будет далее отражен в пространстве коммуникативного взаимодействия персонажей. Подобная информация как бы отсылает зрителей к тому или иному аспекту социальной действительности и активизирует в зрительском сознании соответствующие аксиологические стереотипы и ценностные ожидания. С точки зрения нашего исследования данный подкласс представляет интерес в той мере, что заглавия в нем отражают фактологические характеристики, значимые для адекватной интерпретации всей пьесы с позиций дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода.

Во-первых, в заголовки подкласса 2А может быть включена информация о пространственно-временных параметрах драматургического действия, то есть содержится указание на место и / или время событий, транслируемых в произведении. Например, заглавие *Buckingham Palace* позволяет читателю или зрителю сделать предположение о том, что в пьесе будет представлен фрагмент британской социальной действительности, связанный с жизнью аристократии и, соответственно, репрезентирующий ценностные ориентиры, стереотипно ассоциирующиеся с королевской семьей и их приближенными. Заглавие *Last Tree – Easter Island* имплицитно отсылает нас к сфере экологических ценностей в рамках темы охраны природы, а заглавие *Black Press in the White House* сообщает о том, что события в пьесе будут разворачиваться в США в современном историческом периоде и, по всей видимости, будут так или иначе связаны с темой расизма, что моментально актуализирует в сознании реципиента такие ценностные доминанты как *права национальных меньшинств, власть* и *свобода слова*.

Аналогичным образом указание на этническую принадлежность персонажа аппелирует к релевантной национально-маркированной лингвоаксиосфере: например, заглавия *The Dane* или *But I'm French* позволяет предположить потенциальное столкновение ценностных ориентиров или оценочных векторов в ходе межкультурного коммуникативного взаимодействия. Обозначение социальных характеристик персонажей, таких как пол, возраст, родственные связи, профессиональная принадлежность, занимаемая должность и т. п. или номинация события, относящегося к определенной социальной сфере, также несет информацию, значимую для формирования релевантных линвоаксиологических ассоциаций

и ожиданий зрителей-реципиентов. Такие заголовки как *Sisters, My Child, Anniversary* имплицитно отсылают нас к сфере семейных ценностей, а заголовки *Girlfriends, Guy Meets Girl, A Blind Date, Dinner Date* – к фрагменту лингвоаксиосферы, содержащему ценностные доминанты *любовь* и *романтические отношения*. По заглавиям *Car and Carriage Collide* и *Drowning* можно предположить акцентуализацию в пьесе ценностной доминанты *безопасность* и далее содержательного оценочного вектора *безопасность жизни и здоровья*, в прямом или переносном смысле.

В целом, лингвоаксиологическая перспективизация в пределах подкласса 2А характеризуется достаточным разнообразием, поскольку обозначенные заглавия содержат фокусные отсылки к разноплановым аспектам фрагмента социальной лингвоаксиосферы, представленным в англоязычном драматургическом дискурсе. При этом заголовок уточняет тот или иной параметр лингвоаксиосферы, но не дает однозначного представления о конкретных ценностных доминантах, на основе которых будет построено вербальное и невербальное поведение персонажей, т. е. заголовок закладывает определенные аксиологические ожидания, но не гарантирует их правомерность и не уточняет способ и степень их реализации. При сопоставительном анализе британских и американских заглавий в пределах данной подгруппы были выявлены лишь минимальные количественные флуктуации, отраженные в приведенной выше Таблице 1; в то время как качественных контрастов зафиксировано не было.

Подкласс 2Б, включающий более трети всех проанализированных единиц выборки как в ее британском, так и в американском сегменте, содержит заглавия с нулевым лингвоаксиологическим потенциалом, не предоставляющих зрителю никаких отсылок к тому или иному фрагменту или аспекту лингвоаксиосферы. В основном в таких названиях содержатся личные имена персонажей без каких-либо дополнительных характеристик, номинации материальных объектов или событий, допускающих размытую или множественную интерпретацию: *Bob, Benny and Boris, Call me Stan, Blanket, Chicken Salad, Grey Red Violet, Lilies, Radio, Crossword, The Interview, Pidgeons* и т. п. Сопоставительный количественный анализ британских и американских заголовков показал, что американские драматурги чаще задействуют для номинации своих произведений названия с нулевым лингвоаксиологическим потенциалом, возможно в целях максимальной реализации аттрактивной функции через интригу вне актуализации каких бы то ни было зрительских оценок на начальном этапе знакомства с драматургическим произведением, что позволяет избежать возможных расхождений с индивидуально-личностными лингвоаксиосферами зрителей.

В целом нужно отметить, что лингвоаксиологическая специфика заглавия как обязательного структурного компонента англоязычного драматургического дискурса в значительной степени коррелируется с традиционной функциональной парадигмой заглавий при очевидном доминировании аттрактивной функции и вспомогательной роли функции информирования. Ценностные номинации, а также оценочные маркеры, представленные в заглавиях, относящихся к подклассам 1А и 1Б, по сути выступают как возможные способы привлечения внимания потенциального зрителя. Заглавия могут использоваться драматургами для прямой акцентуализации тех ценностных доминант и оценочных векторов, на основе которых будут выстраиваться события в пьесе, взаимоотношения героев, которые будут задействованы в раскрытии центрального конфликта, и которые, как следствие, найдут то или иное вербальное оформление в процессе стилизованной дискурсивно-коммуникативной практики. В равной степени заглавия могут выступать в роли «лингвоаксиологического фокуса», аппелируя к фоновым знаниям реципиентов о ценностных доминантах, актуальных для тех или иных социальных групп в пределах лингвокультурного сообщества.

Заключение

Полученные в ходе исследования итоги лингвоаксиологической интерпретации заглавий позволяют уточнить научные представления о системных характеристиках номинативной парадигмы и предложить новый ракурс ее научного осмысления, наряду с исследовательскими схемами, разработанными учеными, работающими с метатекстуальными дискурсивными элементами. Необходимо отметить, что по сравнению с прагматическим, функциональным и концептологическим подходами, лингвоаксиологический подход выступает как более специфичный, поскольку может быть направлен на детальный анализ только части заглавий, в то время как весь фонд названий пьес при обозначенном фокусе может быть типологизирован лишь в аспекте участия

или неучастия в ценностно-оценочной актуализации.

С другой стороны, с позиций развития лингвоаксиологии как актуальной научной области, особенно в русле ее дискурсивно-коммуникативного направления, один из этапов лингвоаксиологической интерпретации англоязычного драматургического дискурса должен заключаться в анализе структурно-компонентных и содержательных характеристик всего драматургического текста как продукта и итога дискурсивной деятельности с целью определения лингвоаксиологического потенциала каждого структурного блока и выявления степени его участия в формировании общей лингвоаксиологической специфики. Представленное в данной статье исследование доказывает наличие лингвоаксиологического потенциала у части заглавий пьес, а также уточняет их роль в терминах ценностно-оценочной манифестации, чем существенно расширяет и дополняет полученные ранее научные представления о предметной области и способствует получению более объективной картины относительно языковых способов трансляции ценностно-оценочных социальных установок в англоязычной драматургии как дискусивно-коммуникативной практике. В целом, в контексте лингвоаксиологического подхода заглавия следует признать значимым вспомогательным элементом, номинирующим или детализирующим различные лингвоаксиологические аспекты англоязычного драматургического дискурса и в этом плане выступающим в качестве фокуса его лингвоаксиологических характеристик. Представленные типы заглавий в пределах разработанной нами классификации в полной мере отражают вариативность их лингвоаксиологического потенциала. Можно предположить, что и другие компоненты англоязычного драматургического дискурса должны характеризоваться поливариантной степенью участия в оформлении лингвоаксиологической специфики. Для полного научного представления кажется правомерным в дальнейшем обратиться к анализу лингвоаксиологического плана прочих структурных компонентов драматургических произведений, а именно к персонажным афишам, сеттингам и межрепликовым ремаркам, что может выступить перспективным вектором лингвоаксиологического анализа.

Библиографический список

1. Богданова О. Ю. Эмотивно-диктемный анализ заглавий британских художественных произведений / О. Ю. Богданова, В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4(19). С. 172–179.

2. Веденева Ю. В. Заглавия англоязычных поэтических произведений для детей как вид малоформатного текста / Ю. В. Веденева, А. А. Харьковская // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса. Самара : Самарама, 2019. С. 7–16.

3. Гусева Е. В. Дискурсивный анализ как средство интерпретации заглавия англоязычного художественного текста / Е. В. Гусева, Е. В. Стрельцова // Казанская наука. 2021. № 6. С. 61–65.

4. Драбкина И. В. Прогностические функции малоформатных текстов-заглавий произведений массовой литературы // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса. Самара : Самарама, 2019. С. 16–32.

5. Исаева А. Ю. Прагматический потенциал заглавия англоязычного художественного произведения / А. Ю. Исаева, Ю. В. Акимцева // Известия Южного федерального университета. 2019. № 4. С. 56–61.

6. Исаева О. Н. Функциональные характеристики малоформатных текстов заглавий в образовательном дискурсе (на материале американских учебников по гражданскому правоведению) / О. Н. Исаева, И. Б. Кривченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 234–238.

7. Леонович Л. М. Динамика номинативной парадигмы мфт в современном англоязычном драматургическом дискурсе // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса. Самара : Самарама, 2019. С. 106–116.

8. Старостина Ю. С. Англоязычные дискурсивные практики в русле лингвоаксиологического подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 248–253.

9. Старостина Ю. С. Лингвоаксиосфера социума и личности в американском драматургическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 203–213.

10. Татутина Е. А. Заглавие книги: прагматика, поэтика и эволюция // Неофилология. 2019. Том 5. Вып. 19. С. 349–356.

11. Трусова А. Ю. К вопросу о многофункциональности заглавия в автобиографических произведениях иноязычных авторов / А. Ю. Трусова, А. С. Чигринова // Вестник научных конференций. 2019. № 4–1(44). С. 108–110.

12. Хайдарова Н. А. Моделирование художественной целостности текста: от поэтики заглавий к смыслу // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2020. № 5–6. С. 38–47.

13. Харьковская А. А. Лингвосинергетический потенциал научных публикаций по гуманитарной проблематике: на материале английских малоформатных

текстов // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса. Самара : Самарама, 2019. С. 140–149.

14. Черкунова М. В. Экспрессивная матрица малоформатных метатекстов современного англоязычного научного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2(25). С. 148–155.

15. Шуйская Ю. В. Синтаксические средства формирования образа политического деятеля в заголовках ведущих американских газет / Ю. В. Шуйская, Р. Ю. Анисимов, Е. А. Дроздова // Научный диалог. 2021. № 4 URL: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-168-180

16. Bogdanova O. Y. Fiction title semantic and grammatical features / O. Y Bogdanova, V. N. Babayan, O. L. Kramarenko // Philology. Theory & Practice. 2020. Vol.13, issue 11. Pp. 161–164.

17. Capacci J., Ziegler I. (eds.) 105 Five-Minute Plays for Study and Performance. Hanover : Smith and Kraus Inc., 2017. 525 p.

18. Goncharova E. A. Characteristics of author's individual style in the mode of text formulating // Proceedings of the philological readings (PHR 2019) Orenburg State University. London: EPSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Pp. 118–126.

19. Freebody K., Finneran M. Critical Themes in Drama Social, Cultural and Political Analysis. 2021. London : Routledge, 248 p.

20. Namazova F. Characteristics of drama genre and drama language // Bulletin Series of Philological Sciences. 2021. № 1(75). Pp. 79–84.

21. Nord Ch. Paving the way to the text: forms and functions of book titles in translation // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23, issue 2. Pp. 328–343.

22. Pakpahan F. Denotation and Connotation in Korean Drama Titles of 2019–2020 // KnE Social Sciences: Annual International Conference on Language and Literature. 2021. Pp. 318–327.

23. Peterson A., Winston J. Drama and social and moral responsibility // International Perspectives on Drama and Citizenship Education. London : Routledge, 2021. Pp. 172–180.

24. Pikuleva Yu. Linguoaxiological view on the types of speech acts (on the basis of oral colloquial speech). Studia rossica posnaniensia. 2019. № 44. Pp. 319–325.

25. Playscrips. URL: http://playscripts.com (Accessed 20 October 2021)

26. Water M. Drama in education: why drama is necessary // The Third Annual International Symposium «Education and City: Education and Quality of Living in the City» (Education and City 2020). SHS Web of Conferences 98:02009. 2021. № 98.

27. Starostina J. Mini-texts of abstracts to modern English drama in the context of linguoaxiological approach / J. Starostina, M. Cherkunova, A. Kharkovskaya // Functional aspects of intercultural communication, translation and interpreting issues. 2020. Vol. 7. Pp. 413–420.

28. Schmidt W. It's all in the title // FEBS Letters. 2021. October.

Reference list

1. Bogdanova O. Ju. Jemotivno-diktemnyj analiz zaglavij britanskih hudozhestvennyh proizvedenij = Emotional-dictamic tittle analysis of British literary works / O. Ju. Bogdanova, V. N. Babajan // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 4(19). S. 172–179.

2. Vedeneva Ju. V. Zaglavija anglojazychnyh pojeticheskih proizvedenij dlja detej kak vid maloformatnogo teksta = Titles of English poems for children as a type of small-format text / Ju. V. Vedeneva, A. A. Har'kovskaja // Maloformatnye teksty v razlichnyh tipah anglojazychnogo diskursa. Samara : Samarama, 2019. S. 7–16.

3. Guseva E. V. Diskursivnyj analiz kak sredstvo interpretacii zaglavija anglojazychnogo hudozhestvennogo teksta = Discourse analysis as a means of interpreting the title of an English fiction text / E. V. Guseva, E. V. Strel'cova // Kazanskaja nauka. 2021. № 6. S. 61–65.

4. Drabkina I. V. Prognosticheskie funkcii maloformatnyh tekstov-zaglavij proizvedenij massovoj literatury = Predictive functions of small-format texts-titles of mass literature works // Maloformatnye teksty v razlichnyh tipah anglojazychnogo diskursa. Samara : Samarama, 2019. S. 16–32.

5. Isaeva A. Ju. Pragmaticheskij potencial zaglavija anglojazychnogo hudozhestvennogo proizvedenija = The pragmatic potential of the title for an English work of fiction / A. Ju. Isaeva, Ju. V. Akimceva // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. 2019. № 4. S. 56–61.

6. Isaeva O. N. Funkcional'nye harakteristiki maloformatnyh tekstov zaglavij v obrazovatel'nom diskurse (na materiale amerikanskih uchebnikov po grazhdanskomu pravovedeniju) = Functional characteristics of small-format texts of titles in educational discourse (on the material of American civics textbooks) / O. N. Isaeva, I. B. Krivchenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12. Vyp. 9. S. 234–238.

7. Leonovich L. M. Dinamika nominativnoj paradigmy mft v sovremennom anglojazychnom dramaturgicheskom diskurse = Dynamics of the nominative paradigm mft in modern English dramaturgical discourse // Maloformatnye teksty v razlichnyh tipah anglojazychnogo diskursa. Samara : Samarama, 2019. S. 106–116.

8. Starostina Ju. S. Anglojazychnye diskursivnye praktiki v rusle lingvoaksiologicheskogo podhoda = English discursive practices in the framework of the linguistic axiological approach // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2021. T. 21. Vyp. 3. S. 248–253.

9. Starostina Ju. S. Lingvoaksiosfera sociuma i lichnosti v amerikanskom dramaturgicheskom diskurse = The linguistic axiosphere of society and personality in American drama discourse // Aktual'nye problemy

filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2021. № 1. S. 203–213.

10. Tatutina E. A. Zaglavie knigi: pragmatika, pojetika i jevoljucija = Book title: pragmatics, poetics, and evolution // Neofilologija. 2019. Tom 5. Vyp. 19. S. 349–356.

11. Trusova A. Ju. K voprosu o mnogofunkcional'nosti zaglavija v avtobiograficheskih proizvedenijah inojazychnyh avtorov = On multifunctionality of the title in autobiographies of foreign authors / A. Ju. Trusova, A. S. Chigrinova // Vestnik nauchnyh konferencij. 2019. № 4–1(44). S. 108–110.

12. Hajdarova N. A. Modelirovanie hudozhestvennoj celostnosti teksta: ot pojetiki zaglavij k smyslu = Modeling the artistic integrity of the text: from the poetics of titles to the meaning // Avstrijskij zhurnal gumanitarnyh i obshhestvennyh nauk. 2020. № 5–6. S. 38–47.

13. Har'kovskaja A. A. Lingvosinergeticheskij potencial nauchnyh publikacij po gumanitarnoj problematike: na materiale anglijskih maloformatnyh tekstov = The linguistic-synergetic potential of scientific publications on humanitarian issues: based on English small-format texts // Maloformatnye teksty v razlichnyh tipah anglojazychnogo diskursa. Samara : Samarama, 2019. S. 140–149.

14. Cherkunova M. V. Jekspressivnaja matrica maloformatnyh metatekstov sovremennogo anglojazychnogo nauchnogo diskursa = Expressive matrix of small-format metatexts in modern English scientific discourse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 2(25). S. 148–155.

15. Shujskaja Ju. V. Sintaksicheskie sredstva formirovanija obraza politicheskogo dejatelja v zagolovkah vedushhih amerikanskih gazet = Syntactic means of forming an image of a political figure in the headlines of leading American newspapers / Ju. V. Shujskaja, R. Ju. Anisimov, E. A. Drozdova // Nauchnyj dialog. 2021. № 4 URL: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-168-180

16. Bogdanova O. Y. Fiction title semantic and grammatical features / O. Y Bogdanova, V. N. Babayan, O. L. Kramarenko // Philology. Theory & Practice. 2020. Vol.13, issue 11. Pp. 161–164.

17. Capacci J., Ziegler I. (eds.) 105 Five-Minute Plays for Study and Performance. Hanover : Smith and Kraus Inc., 2017. 525 p.

18. Goncharova E. A. Characteristics of author's individual style in the mode of text formulating // Proceedings of the philological readings (PHR 2019)

Orenburg State University. London: EPSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Pp. 118–126.

19. Freebody K., Finneran M. Critical Themes in Drama Social, Cultural and Political Analysis. 2021. London : Routledge, 248 p.

20. Namazova F. Characteristics of drama genre and drama language // Bulletin Series of Philological Sciences. 2021. № 1(75). Pp. 79–84.

21. Nord Ch. Paving the way to the text: forms and functions of book titles in translation // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23, issue 2. Pp. 328–343.

22. Pakpahan F. Denotation and Connotation in Korean Drama Titles of 2019–2020 // KnE Social Sciences: Annual International Conference on Language and Literature. 2021. Pp. 318–327.

23. Peterson A., Winston J. Drama and social and moral responsibility // International Perspectives on Drama and Citizenship Education. London : Routledge, 2021. Pp. 172–180.

24. Pikuleva Yu. Linguoaxiological view on the types of speech acts (on the basis of oral colloquial speech). Studia rossica posnaniensia. 2019. № 44. Pp. 319–325.

25. Playscrips. URL: http://playscripts.com (Accessed 20 October 2021)

26. Water M. Drama in education: why drama is necessary // The Third Annual International Symposium «Education and City: Education and Quality of Living in the City» (Education and City 2020). SHS Web of Conferences 98:02009. 2021. № 98.

27. Starostina J. Mini-texts of abstracts to modern English drama in the context of linguoaxiological approach / J. Starostina, M. Cherkunova, A. Kharkovskaya // Functional aspects of intercultural communication, translation and interpreting issues. 2020. Vol. 7. Pp. 413–420.

28. Schmidt W. It's all in the title // FEBS Letters. 2021. October.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 26.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 81'373.47
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-176-186

Специфика семантического компонента англоязычных неологизмов периода пандемии COVID-19

Марина Аркадьевна Никулина
Кандидат филологических наук, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1
nikulinoj.marine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0874-275X

Аннотация. В статье анализируется актуальный лексический материал, связанный с периодом пандемии COVID-19. В частности, рассматривается взаимосвязь между языковой картиной мира, сформированной англоязычным менталитетом, и спецификой неологической лексики, созданной для обозначения новых реалий (карантина, самоизоляции, удаленной работы, дистанционного обучения, ограничений на перемещение в пространстве, вакцинации и т. п.). Кроме того, исследуются англоязычные лексические новации, употребляемые для обозначения межличностных отношений и чувств, испытываемых людьми в условиях пандемии. Статья также содержит тематическую классификацию «коронавирусных» неологизмов, многие из которых приведены с развернутой интерпретацией их семантического значения. Помимо этого, в работе рассматриваются некоторые деривационные аспекты, обуславливающие словообразовательную специфику англоязычных «коронавирусных» неологизмов.

В работе затрагиваются и некоторые переводческие аспекты. Так, в результате краткого сравнительного анализа русскоязычной и англоязычной лексики, употребляемой для обозначения чувств и межличностных отношений в период пандемии, выявляются «переводческие лакуны», вызванные дефицитом русскоязычных эквивалентов для передачи на английский язык анализируемых концептов. Кроме того, в статье дается обоснование «полезности» введения в широкий обиход эмоционально окрашенных «коронавирусных» неологизмов (обладающих, как правило, отрицательным коннотативным значением). В целом, проведенное исследование служит подтверждением способности национального языка создавать в сложные исторические периоды специфические лингвистические инструменты, способствующие адаптации человека к существованию в условиях «новой реальности».

Ключевые слова: коронавирусная пандемия, современный английский язык, неологизмы, языковые новации, тематическая классификация, семантический анализ

Для цитирования: Никулина М. А. Специфика семантического компонента англоязычных неологизмов периода пандемии COVID-19 // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 176-186. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-176-186

Original article

The peculiar nature of the semantic component of english «Coronavirus» neologisms

Marina A. Nikulina
Candidate of philological sciences, associate professor, Center of linguistics and professional communication, Institute of law and national security, Russian presidential academy of national economy and public administration. 119571, Moscow, Vernadsky prospect, 82, building 1
nikulinoj.marine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0874-275X

Abstract. The article contains analysis of new lexical units which have appeared in the english language in the period of COVID-19 pandemic. Special attention is paid to the relationship between the linguistic picture of the world, created by the english mentality, and peculiarities of the so called, «coronavirus» neologisms, denoting objects and phenomena of «new reality» (quarantine, self-isolation, distance working, distance learning, restrictions imposed on travelling, vaccination, etc.). Also, the research contains a thematic classification of the analyzed group of neologisms - many of them are given with the interpretation of their semantic meanings. Besides, the study touches upon some

© Никулина М. А., 2021

features of the derivational potential of the english language, which determine the peculiar morphological nature of numerous «coronavirus» neologisms.

The article also includes a brief comparative analysis of new english and russian lexical units which are used to denote interpersonal relationships and feelings, experienced by people during the period of COVID-19 pandemic. Thus, the analysis reveals numerous «translation lacunas» caused by obvious prevailing of english neologisms, denoting this type of concepts, over russian ones.

In addition, the article proves the «usefulness» of emotionally colored «coronavirus» neologisms whose importance is basically determined by the fact that the ironical naming of hard emotional states and unpleasant phenomena, unavoidable during the period of pandemic, leads to decreasing the level of stress, thus helping to raise social mental spirit.

On the whole, the results of the research prove that during hard historical periods, native languages are capable of producing such effective linguistic tools that can be used for easing the adaptation of their speakers to «new reality».

Key words: coronavirus pandemic, modern english language, linguistic innovations, thematic classification, semantic analysis

For citation: Nikulina M. A. The peculiar nature of the semantic component of english «Coronavirus» neologisms. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):176-186. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-176-186

Введение

Будучи беспрецедентно значимым для человечества событием, период пандемии COVID-19 стал «генератором» многочисленных лексических новообразований во многих языках мира. Столкнувшись с новой реальностью, носители национальных языков оказались вынуждены прибегать к словотворчеству для создания новых языковых единиц: словообразовательных и семантических неологизмов, заимствований, мемов, слов-композитов и т. п.

В период пандемии подобные лексические новации стали необходимы по нескольким причинам: *во-первых,* для заполнения постоянно возникающих «понятийных лакун»; *во-вторых, –* для выражения отношения людей к новым реалиям. Кроме того, ряд «коронавирусных» неологизмов (относящихся, преимущественно, к разговорным лексическим единицам с преобладающим оценочным компонентом значения (напр., *«ковидло»* или «*coronoia» (**coron**avirus + **paranoia**)*), выполняют также психологическую функцию, помогая снижать уровень тревожности и страха, вызванных негативными новостями из СМИ и неопределенностью происходящих событий.

В широком смысле, поставив все страны мира в похожие, приближенные к «чрезвычайной ситуации», условиям, пандемия COVID-19 оказалась аналогом «лакмусовой бумажки», проявляющей особенности менталитета носителей того или иного национального языка. По большому счету, происходящие на сегодняшний день события могут рассматриваться в языковом плане как некий беспрецедентный лингвистический эксперимент, выявляющий тенденции эволюции разных языков мира, а также – их способность к осмыслению новых реалий, с последующим наименованием («означиванием») новых концептов посредством неологической лексики.

В этой связи, следует отметить важнейшую роль, которую в условиях вынужденного разрыва физических социальных контактов сыграл – и продолжает играть – Интернет. «Всемирная паутина» превратилась, по сути, в единственно возможную среду, где в период карантина и других ограничений сохраняется возможность формировать оценку того или иного явления, «выковывать», обсуждать и распространять новые лексические единицы. Отметим, что неологизмы, возникающие в результате стихийного словотворчества в период пандемии COVID-19, становятся объектами пристального внимания со стороны лингвистов и фиксируются на соответствующих языковых сайтах. Так, на сайте немецкого языка в онлайн-неологическом словаре «*Neuer Wortschatz»* зафиксировано 473 неологизма, пополнивших немецкий язык с начала пандемии по июнь 2020 г. [Neuer Wortschatz rund um die Coronaepidemie, 2020], а в электронной базе английского словаря *«Merriam-Webster…»* за тот же период было зарегистрировано 535 неологизмов [Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words, 2021]. Статистика, выполненная на базе данных российского электронного ресурса *Integrum*, показала, что за аналогичный период русский язык был пополнен приблизительно 600 единицами лексики неологического характера, связанными с пандемией. [Цит. по: Зеленин, Буцева, 2020, с. 98].

Цель данной статьи – проанализировать специфику актуальной неологической лексики, по-

полнившей лексикон английского языка, в связи с пандемией COVID-19. В статье рассматриваются особенности англоязычного менталитета, обуславливающие выбор экстралингвистических реалий для дальнейшего формирования новых понятий, а также способы их «называния». Кроме того, в задачи данной работы входит анализ семантического компонента ряда лексических единиц, вошедших в «ковид-словарь» английского языка. На основе семантического анализа разработана классификация неологизмов, которая может быть полезна для дальнейшего анализа эволюции лексического состава английского языка в период «коронавирусной» пандемии.

Методика исследования

Для исследования нами был выбран корпус лексики неологического характера, состоящий преимущественно из лексических единиц, зафиксированных в следующих электронных ресурсах: 1) электронной базе английского словаря «Merriam-Webster Dictionary» [Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words, 2021]; 2) «Oxford Learner Dictionary» [Oxford Learner Dictionary, 2021]; 3) «The Collins Dictionary» [The Collins Dictionary]; 4) «The Macmillan Dictionary»: [The Macmillan Dictionary, 2021]; 5) «Coronaspeak – the language of COVID-19 goes viral» [Thorne T., 2021].

Методы исследования включают в себя системный, дескриптивный и классификационный виды анализа.

Анализ

Влияние «языковой картины мира» на специфику неологической лексики

Отметим, что для решения перечисленных задач, наряду с лингвистическими аспектами, необходимо принимать в расчет и *психологические аспекты* словотворчества, присущие носителям языка. В качестве философской основы исследования целесообразно, на наш взгляд, руководствоваться тезисами, выдвинутыми видным философом в области языкознания А. Х. Султановым, который писал:

«…Так же, как своими телесными глазами человек видит реальные материальные вещи, а не галлюцинации, точно так же своим умственным взором он созерцает смысл вещей, а не создает его в своей фантазии. Не будь смысла самого по себе, никакой ум не был бы в состоянии его в этих вещах узреть, они так и оставались бы бессмысленными… Смысл часто смешивают с понятием о предмете. Но это все-таки очень разные вещи. Понятие – это особым образом обработанный рационально модифицированный смысл вещи… Но чтобы человеческий ум был в состоянии разработать понятие о чем бы то ни было, это последнее должно обязательно проявиться само именно смысловым образом…» [Султанов, 2007, с. 41–42].

Вышеприведенная цитата подводит нас к мысли о том, что реалии, возникшие в связи с пандемией (введение локдауна, всеобщей вакцинации, ограничений на перемещение в пространстве и т. п.), *универсальны* для носителей разных языков – следовательно, не в меньшей степени *универсален и их смысл.* Однако *понятия*, формируемые в связи с появлением данных реалий, у носителей разных языков далеко не всегда совпадают. Иными словами, каждый народ вычленяет для выработки понятия лишь те аспекты *смысла*, заключенного в той или иной реалии, которые максимально соответствуют специфике его мировоззрения, в наибольшей степени вписываясь в его собственную языковую картину мира (ЯКМ) [Никулина, 2014, с. 57].

Способы «означивания» этих понятий, соответственно, тоже разнятся – в значительной степени они обусловлены спецификой деривационного потенциала национального языка. Так, в связи с необходимостью последовательной вакцинации двумя компонентами вакцины, в английском языке появился неологизм «*halfcinated»*, означающий «вакцинированный наполовину», то есть вакцинированный одной дозой вакцины. В то же время, в русском языке данная реалия хотя и существует, однако на сегодняшний день она не обрела точного наименования – англоязычное слово «*halfcinated»*, может быть передано на русский язык лишь с помощью описательного перевода.

Рассуждая о языковой картине мира, большинство лингвистов сходятся во мнении, что ее наиболее характерными чертами (ядерной, инвариантной частью) в значительной мере обладают все носители данного языка. Так, характеризуя отличительные черты языковой личности, Ю. Н. Караулов отмечает, что «…каждая языковая личность обладает инвариантом (национальной составляющей), на основе которой в общеязыковой картине мира выделяется ее ядерная (инвариантная) часть. Именно эта инвариантная часть обеспечивает возможность взаимопонимания носителей разных диалектов, социальных и культурных кодов… и обусловливает существо-

вание общенационального языкового типа...» [Караулов, 2010, с. 37–38].

Лингвокультурологический портрет представителей того или иного народа включает в себя совокупность культурных особенностей, отразившихся в речевой коммуникации, присущей данному народу. По сути, «нарисовать» лингвокультурологический портрет без учета этнических стереотипов невозможно [Крысько, 2019, с. 189]. Так, с целью изучения этнического стереотипа, или схематизированного образа жизни, отражающего упрощенное знание о психологических особенностях и поведении англичан, в 2008 году исследовательской компанией www.onepoll.com был проведен опрос, в ходе которого 5000 англичан отвечали на вопрос, какие черты характера ими рассматриваются как «чисто английские». В результате опроса был составлен список, состоящий из 50 автостереотипов, или суждений англичан о себе. В «рейтинге стереотипов» одно из первых мест занял стереотип «о чувстве неловкости, когда люди говорят о своих эмоциях». Часто респондентами упоминался и стереотип «об английском юморе», включающем «сарказм, иронию, остроумие, умение смеяться над собой». Среди стереотипов о типичном отдыхе англичан были названы такие занятия, как: просмотр мыльных опер, выпивка, телевизор, стрижка газона и т. д. Стереотипы о привычках англичан включали в себя, среди прочего, привычку «выпить чашку чая при наличии проблем», а также – «пристрастие к мясным и овощным блюдам».

В целом, данное исследование показало, что когнитивно-коммуникативные особенности англоязычной личности включают в себя такие черты, как: *гибкость мышления, адаптивность, сдержанность в проявлении эмоций, самоконтроль, практичность (прагматизм), терпимость, рационализм, оптимизм, чувство собственного достоинства, индивидуализм* и *дистанцированность*. [Хамиуллина, Паморцева, 2017].

Причем последнее из перечисленных качеств (стремление к дистанцированности (*privacy)*) рассматривается многими исследователями как «стержневой» компонент, определяющий специфику характера типичного англичанина. Так, Ларина Т. В. отмечает: «Если для какого-то концепта в языке существует специальное слово, это значит, что он имеет особое значение для данной культуры. Таким компонентом в английской культуре является «privacy» («привеси»). Данное слово не имеет эквивалента в русском языке» [Ларина, 2003, с. 128]. А. М. Бальян, С. А. Кушу и Е. Ю. Задорожная разделяют мысль о том, что «англичанина невозможно представить вне духа *индивидуализма*» [Бальян, Кушу, Задорожная, 2017, с. 53]. В свою очередь, А. Г. Бент присовокупляет к портрету типичного англичанина такие качества, как *сплин, юмор* и *чудачество* [Бент, 2011].

Ниже мы рассмотрим, какие из перечисленных качеств языковой личности в максимальной степени отражены в неологизмах и окказионализмах, пополнивших английский лексикон в период пандемии COVID-19.

Тематическая классификация англоязычных неологизмов, связанных с периодом коронавируса

Тематическая классификация, создаваемая по принципу общности темы, связывает различные обозначения понятий предметного мира. Формирование тематических групп позволяет лингвистам решать сразу несколько задач: *во-первых*, определять примерный объем той или иной тематической группы; *во-вторых*, – выявлять степень детализации лексических единиц, которые к этой группе принадлежат, и, *в-третьих*, – устанавливать степень актуальности экстралингвистических реалий для языковой картины мира носителей конкретного национального языка.

Лингвисты, исследующие неологизмы, связанные с периодом COVID-19, предлагают разные подходы к их тематической классификации. Так, британский эксперт в области слэнга Tony Thorne – автор словаря «Covidictionary: Glossary of Coronacoinages» (также известного как «Coronaspeak»), включил в него «коронавирусные» неологизмы, окказионализмы, акронимы и мемы, классифицируя их по следующим темам:

1) ***«Describing the new reality»*** (69 lexical units), 2) ***«Nicknames»*** (13 lexical units), 3) ***«Slang»*** (36 lexical units), 4) ***«Homeworking and Teleconferencing»*** (39 lexical units), 5) ***«Demographics»*** (3 lexical units), 6) ***«Security measures»*** (20 lexical units), 7) ***«Inappropriate terms»*** (46 lexical units), 8) ***«Emoji»*** (67 lexical units), 9) ***«Recently trending terms»*** (29 lexical units) (данные на 30 июня 2021) [Thorne, 2021].

В качестве другого, – весьма, на наш взгляд, перспективного, – способа классификации «коронавирусной» лексики, целесообразно рассмотреть подход, предложенный языковедами А. В. Зелениным и Т. Н. Буцевой. Анализируя различные контексты российских СМИ, исследователи

фиксируют в них неологические «наименования лиц» (около 90 неолексем), классифицируя их по следующим темам:

1) коронавирусные больные; 2) законопослушные граждане, соблюдающие требования карантина; 3) нарушители карантинной дисциплины; 4) паникеры; 5) пострадавшие во время пандемии; 6) добровольные помощники; 7) медицинский персонал; 8) правовые нарушители, жулики; 9) дети, появление которых на свет прямо или косвенно связано с периодом карантина [Зеленин, Буцева, 2020]. Попутно отметим, что «наименования лиц», по сути, можно рассматривать и как групповые (или коллективные) прозвища, которые даются группе людей в соответствии с характерной поведенческой чертой или сопутствующим их жизни обстоятельством [Леонович, 2007]. Склонность англичан к широкому употреблению прозвищ, по всей видимости, отражает их, упомянутые выше, коммуникативно-когнитивные особенности: юмор и рационализм (в данном случае – стремление к классификации поведенческих особенностей сограждан).

Не менее любопытным представляется и подход к классификации «коронавирусных» неологизмов, предложенный А. М. Самигуллиной. Данный подход основан на исследовании неологической лексики с точки зрения деривационного потенциала английского языка: А. М. Сигматуллиной проведен функционально-семантический анализ лексических неологизмов, созданных при помощи такого распространенного в английском языке способа словообразования, как блендинг (*blending),* предполагающего генерацию новых слов с помощью аббревиации, слияния морфем или их частей, а также – различных смешанных типов лексических единиц. В своем исследовании неологические лексические контаминации (бленды) А. М. Сигматуллина группирует по 11 тематическим категориям:

1. *Неологизмы (бленды), описывающие новую реальность «COVID-19» и паузу в привычной активности людей (5 лексем);* **2.** *Неологизмы (бленды), описывающие жизнь во время локдауна и ее монотонный характер (8 лексем);* **3.** *Неологизмы (бленды), относящиеся к чрезмерному объему информации или распространению недостоверной информации о пандемии COVID-19 (7 лексем);* ***4.*** *Неологизмы (бленды), описывающие технологические средства, помогающие людям во время карантина или социального дистанцирования (7 лексем);* ***5.*** *Неологизмы (бленды), описывающие симптомы и последствия COVID-19, а также вызванного пандемией стресса (10 лексем);* ***6.*** *Неологизмы (бленды), дающие юмористические названия способам справиться с тревогой и страхом при помощи употребления алкоголя «в медицинских целях» (4 лексемы);* ***7.*** *Неологизмы (бленды), относящиеся к демографическим тенденциям, типам людей и их взаимоотношениям (15 лексем);* ***8.*** *Неологизмы (бленды), дающие названия типам отпуска или каникул во время пандемии COVID-19 (7 лексем);* ***9.*** *Неологизмы (бленды), описывающие экономические последствия пандемии (3 лексемы);* ***10.*** *Неологизмы (бленды), относящиеся к «новому языку», созданному под влиянием пандемии (3 лексемы);* ***11.*** *Неологизмы (бленды), называющие ожидаемое окончание локдаунов (2 лексемы).* [Сигматуллина, 2021] .

Результаты

По сути, каждый из вышеприведенных подходов показывает, на какие именно *смыслы* обращен «умственный взор» носителей английского языка в период пандемии коронавируса. Не умаляя значимости каждого из упомянутых – и ряда других – подходов к анализу «коронавирусных» лексем, мы предлагаем разбить эту категорию лексических новаций на более дифференцированные тематические группы:

1. Неологизмы, связанные с наименованием пандемии, отношением к «новой реальности» и перспективами выхода из нее: *corona, rona, coronatimes, quarantimes, isocosm* (в знач.: «усеченная реальность, в которой приходится жить в условиях самоизоляции»), *coronaverse, coronaphobia, coronanoia, coronapocalypse, coronavirusing, covexit, panny (pandemic), panda (= pandemia, (Australian)), pancession (=pandemic recession), unlockdown* (в знач.: «выход из локдауна»), *decompression* (в знач.: «ослабление карантинных мер»), *BCV/ BC* (от *«before coronavirus»* – в знач.: «в доковидную эпоху»), *pandemicide* (в знач.: «намеренное пренебрежение мерами безопасности или другая стратегия органов власти, ведущая к увеличению смертности во время пандемии»), *casedemic* (в знач.:«подозрения в том, что власти намеренно завышают количество случаев заражения и смертности, чтобы ввести необоснованные ограничения»), *mockdown* (от: «mock + lockdown», в знач.: «недостаточно соблюдаемый или игнорируемый людьми локдаун») и т. п.

2. Неологизмы, связанные с официальными нововведениями и правилами поведения в обществе: *lockdown, self-quarantining, self-isolation, social distancing, air-bridge, Covid-free zone, Covid-marshals* (в знач.: «чиновники, отправленные в общественные места для обеспечения соблюдения правил социального дистанцирования»), *parklet* (в знач.: «создание общественной зоны отдыха, представляющей собой продолжение тротуара и организованной на парковочных местах для обеспечения социального дистанцирования») и т. п.

3. Неологизмы, связанные с работой или учебой: *homeference, flexi-schooling (смешанное обучение), hyflex* (от *«hybrid + flexible» – в знач.: «смешанный вид обучения, при котором часть учеников присутствуют в классе, а другие участвуют в уроке в удаленном формате»)*, *phygital* (от *«physical + digital*»), *WFH/ wfh* (от *«working from home»)*, WFA/ wfa (от «*working from anywhere»*), *uberise* (в знач.: «подражать компании «Убер» в предоставлении работникам возможности выбирать удобный график работы в удаленном формате», *zoomroom* (в знач.: «хорошо убранная часть комнаты, используемая как фон во время участия в видеоконференции»), *zoombie* (в знач.: «работник, обессилевший или потерявший способность думать, в результате долгого сидения перед экраном компьютера» и т. п.

4. Неологизмы, связанные с медицинскими и цифровыми реалиями, введенными для обеспечения мер санитарной безопасности: *COVI-pass, QR-code, PCR/ PCR-test, biosurveillance (биомониторинг, бионаблюдение), tech-celeration* (от *«technical + acceleration»,* в знач.: «ускоренное в результате пандемии внедрение цифровых технологий (видеоконференций, покупок онлайн, дистанционного обучения»), и т. п.

5. Неологизмы, связанные с поведением людей в общественных местах: *elbump* (от *«elbow + bump»* – в знач.: «приветствие в виде легкого удара локтями»), *couple spreading* (в знач.: «нахождение пары в общественном месте на расстоянии друг от друга»), *Covid waltz* (в знач.: «неловкие телодвижения, совершаемые пешеходами, чтобы избежать столкновения или нарушения «социальной дистанции»»), *smizing* (в знач.: «улыбаться глазами во время ношения маски») и т. п.

6. Неологизмы, связанные с особенностями поведения людей в Интернете: *zoombombing, zumping, quarantrolls* (в знач.: «люди, отправляющие вредоносные сообщения, связанные с карантином»), *the elephant in the Zoom* (в знач.: «незаметное, тайное присутствие на онлайн встрече») и т. п.

7. Неологизмы, связанные с привычками, состоянием, убеждениями и особенностями поведения людей во время пандемии: *homecation* (в знач.: «отпуск или каникулы, проведенные дома»), *safecation* (в знач.: «отпуск, проведенный в удаленном месте, воспринимаемом как безопасное в период пандемии»), *skin hunger* (в знач.: «кожный, или тактильный голод» – для обозначения состояния, при котором человек, в связи с карантином, испытывает недостаток прикосновений), *coronasomnia* (в знач.: «бессонница,в результате тревоги, вызванной пандемией»), *vaccine hesitancy* (в знач.: «нежелание вакцинироваться из-за боязни последствий прививки»), *spendemic / revenge-spending* (в знач.: «привычка много тратить во время пандемии»), *infodemic* (в знач:. «информационный фон, созданный СМИ и блогерами в связи с пандемией»), *coronasplaining* (от *«corona + explain»* – в знач.: «попытки объяснить происходящие в период пандемии события»), *coronaspiracy theories* (в знач.: «конспирологические теории о происхождении коронавируса»), *armchair virologist* (в знач.:«диванный вирусолог», то есть «человек, не являющийся экспертом в вирусологии, но дающий советы, как лечиться или избежать заражения в период пандемии»), *vaccine sommelier* (в знач.: «вакцинный сомелье», то есть «человек, откладывающий прививку до того момента, пока не будет разработана наилучшая вакцина», *anti-natalism* (в знач.: «убеждение в нежелательности рождения детей в период пандемии»), *microcoughing* (в знач.: «микрокашель», то есть «попытка сдержать кашель в общественном месте»), *quarantunes* (в знач.: «мелодии, которые приятно слушать во время карантина»), *coronalit* (в знач.: «литература, созданная в период и/или под влиянием пандемии»), *corona-compromised (event)* (в знач.: «мероприятие, отложенное или отмененное из-за пандемии») и т. п.

8. Неологизмы, связанные со здоровьем и медициной: *coronavision* (в знач.: «зрение, ослабленное в результате длительной дистанционной работы или учебы в период пандемии», *coronic* (в знач.: «носитель коронавируса»), *coroned* (в знач.: «заболевший коронавирусом»), *second / third wave* (в знач.:

«вторая / третья волна пандемии»), *twindemic* (в знач.: «сценарий, при котором пандемия сопровождается вспышкой другой инфекционной болезни»), *long-haulers* (в знач.: «люди, выздоровевшие от коронавируса, но страдающие от долгосрочных побочных последствий болезни») и т. п.

9. Неологизмы, связанные с внешностью и одеждой: *apocalypse beard, zoom mullet* (в знач.: «прическа, подходящая для работы перед камерой во время локдауна, при которой волосы опрятны спереди, но растрепаны на затылке и по бокам)», *lockdown locks* (в знач.: «отросшие волосы, в течение долгого времени не подлежавшие стрижке или укладке из-за пандемии», *upperwear* / zoomwear(в знач.: «одежда для телеконференции: официальный верх-домашний низ»), *hatewear* (в знач.: «ненавистная одежда», то есть «одежда, зачастую старая и поношенная, которая не является стильной, но которую носят во время карантина из-за ее функциональности»), *sadwear* (в знач.: «нелепые или чрезмерно яркие вещи, в которых приятно грустить во время карантина») [Priya Elan,2021, с. 3].

10. Неологизмы, связанные с едой: COVID-*speakeasy* (в знач.: «нелегально работающий бар, где можно собраться и выпить с друзьями во время карантина»*), quarantini* (от *«quarantine + martini»), locktail hour* (в знач.: «приготовление и употребление коктейля в домашних условиях в период локдауна»), *isobaking (от «isolation + baking», в знач.: «увлекаться выпечкой во время изоляции»*) и т. п.

11. Неологизмы, связанные с путешествиями: *philantourism, halftourist (в знач.:* «турист, работающий из другой страны удаленно в промежутках между экскурсиями», *air bridge* (в знач.: «коридор между двумя или несколькими странами, позволяющий путешествовать в период карантина») и т. п.

12. Неологизмы, связанные с возрастным или социальным статусом человека в период пандемии: *coronnial / COVID-boomer* (в знач.: «ребенок, родившийся в период пандемии»), *quaranteen* (в знач.: «тинэйджер периода пандемии COVID-19»), *Gen C* (в знач.: «поколение эпохи коронавируса») и т. п.

13. Неологизмы, связанные с нарушителями карантинных мер и людьми, слишком рьяно исполняющими правила поведения в период пандемии: *covidiot, anti-masker, mask-hole, masklessness, vax, vax-hole, rat-lickers* (в знач.:«невежды, отказывающиеся носить маски» – по аналогии со средневековыми жертвами бубонной чумы, верившими в то, что «лизать крыс» – верный способ отогнать от себя инфекцию»), *anti-social nearing, curtain-twitching (букв. «подергиванье занавески» – в знач.: «незаметное подглядывание за поведением соседей»), cleanliness theater* (в знач.: «уборка напоказ», или «подозрительно тщательная уборка в ресторане, гостинице или другом общественном месте – с целью убедить посетителей в безопасности этого места»), *hygiene theater* (в знач.: «показательно тщательная уборка или мойка в больнице»), *co-rona-shaming* (в знач.: «критика за нарушение ограничений в условиях пандемии»), *covidobbing* (в знач.: «стучать», то есть «информировать власти о нарушителях ограничений», *cladestine barbers* (в знач.: «нелегальная парикмахерская», то есть «парикмахерская не прекратившая работу в период пандемии»), *wet pubs* (Irish) (в знач.: «питейные заведения, продающие только алкогольные напитки», то есть пабы, которым, в случае спада пандемии, разрешат открыться лишь после всех других заведений») и т. п.

14. Неологизмы, связанные с образом жизни людей в период пандемии: *cottagecore* (в знач.: «приверженность к сельской жизни: простой пище, холщевой одежде, ремеслам, и т. п.»), *homecation* (в знач.: «отпуск или каникулы, проведенные дома») и т. п.

15. Неологизмы, связанные с чувствами людей в период пандемии: *lockstalgia* (от *«lock-down» + «nostalgia»* – в знач.: «ностальгия по периоду локдауна», *coronacoaster* (в знач.: «перепады настроения в связи с пандемией»), *coronly* (в знач.: «чувство одиночества из-за пандемии») и т. п.

16. Неологизмы, связанные с личными отношениями людей в период пандемии: *coronalationship (в знач.: ««*временные отношения, необходимые для того, чтобы не проводить карантин в одиночестве»), *covi-divorce* (в знач.: «развод, вызванный постоянным пребыванием со своим супругом или супругой взаперти, в связи с карантином»), *zumping* (от: *«Zoom + to dump* («бросать, разрывать отношения») – в знач.: *«*расставание с партнером по видеосвязи»), *quaranteam* (от: *«quarantine + team»,* в знач.: *«*группа людей, которая находится вместе на карантине во время пандемии»), *bubble* (в знач.: «небольшая группа людей

(родственники, друзья или учитель с учениками, которым разрешено находиться вместе во время пандемии»), *corona-party* (в знач.: «вечеринка в Скайпе или в Зуме на карантине», *digital campfire* (в знач.: «дружеское общение в сети») и т. п.

Результаты

Таким образом, проведенное исследование показывает, что неологизмы, связанные с COVID-19, помогают адаптировать англоязычное общество к «новой реальности» в следующих отношениях:

А) в отношении физического и экономического выживания (в основном, это касается неологизмов, принадлежащих к группам № 2-5, 8). Многие из лексем, принадлежащих к категории «А», входят в пласт нейтральной лексики и не являются лексическими единицами, имеющими стилистическую окраску. Как правило, эти лексемы переходят в активный общеязыковой обиход из сферы медицинской и цифровой терминологии. В то же время, значительная часть неологизмов, относящихся к данной категории (напр.: *zoombie, elbump, Covid waltz* и др.) принадлежат к пласту разговорной, обладая как денотативным, так и коннотативным компонентами значения;

В) в отношении экзистенциальных и поведенческих ориентиров (в основном, это касается неологизмов, принадлежащих к группам № 1, 2, 6–7, 9–11, 12, 13, 14). Некоторая часть лексем, принадлежащих к категории «В», относятся к пласту нейтральной лексики, обладают лишь денотативным компонентом значения (напр., *coronavirusing, social distancing,air-bridge*). В морфологическом плане, многие из неологизмов этой категории образованы путем словосложения (напр., *COVID-free zone, COVID-marshalls, self-quarantining* и др.). Значительная часть слов, принадлежащих к этой категории, относятся к пласту разговорной лексики, в семантическом плане являются экспрессивно окрашенными и носят оценочный характер (например: *covididiot, quarantrolls, quaranteen, curtain-twitching, covid-dobbing* и др.).

С) в отношении сохранения психического здоровья (в основном, это касается неологизмов, принадлежащих к группам № 13, 15, 16). Лексемы, входящие в категорию «С», служат для обозначения лиц, нарушающих карантинные меры, а также людей, исполняющих свои обязанности с чрезмерным усердием (например, *anti-masker, mask-hole, vax-hole, rat-licker, corona-shaming, cleanliness theater* и др.). В основном, эти лексические единицы обладают отрицательным коннотативным значением.

Кроме того, в категорию «С» входят лексические новации, обозначающие чувства или личные отношения людей в период пандемии (напр., *lockstalgia, covi-divorce, zumping, quaranteam, coronacoaster, coronalationship, digital campfire* и др.).

Обсуждение результатов

Анализируемый материал показал, что зачастую англоязычные «короноавирусные» неологизмы носят эмоционально-оценочный характер. С морфологической точки зрения, многие из них образованы, благодаря лексической контаминации, или словообразовательного приема *блендинг (blending).* Как известно, данный прием представляет собой такую «игру слов», при которой слова-композиты «конструируются» из двух слов таким образом, что от реципиента требуется определенное мыслительное усилие для «разгадывания» их этимологии (например: *covidiot = covid + idiot, zumping = zoom + dumping, quaranteam = quarantine + team* и т. п.). Примечательно, что блендинг чрезвычайно распространен в морфологии современного английского языка – по сути, его широкое применение отражает такие вышеупомянутые характерные особенности англоязычного менталитета, как *«тяга к игре», «юмор»* и «*чудачество».*

В психологическом отношении, неологизмы, принадлежащие к категории *«С»*, представляются особенно функциональными, полезными и своевременными. Давая ироничные названия чувствам, испытываемым многими людьми в период пандемии (тревоги, страха, одиночества и т. п.), эти лексические новации являются, в широком смысле, своеобразным языковым «амортизатором», смягчающим столкновение носителей английского языка с «новой реальностью». Будучи названными в ироничном ключе, испытываемые ощущения перестают вызывать такие чувства, как страх или стыд: благодаря вхождению в обиход этих лексических единиц, человек понимает, что многие люди испытывают аналогичные состояния в условиях пандемии. Иными словами, благодаря ироничному называнию негативных чувств, «коронавирусные» неологизмы помогают снизить уровень стресса в обществе.

Заключение

Сам факт появления в английском языке большого числа неологизмов, связанных с пан-

демией COVID-19 и выражающих чувства, эмоции, межличностные отношения, свидетельствует о том, что «умственный взор» носителей английского языка часто бывает обращен к явлениям, свойственным человеческой психике. Это обстоятельство не должно вызывать удивления: англоязычному менталитету, вообще, в значительно большей мере, чем русскоязычному, свойственно «заниматься внутренним миром» человека: замечать, осознавать и дифференцировать тонкие нюансы эмоциональных переживаний личности, перерабатывать эти наблюдения в понятия и «означивать» их, облекая в фонетическую или графическую форму. Логично предположить, что столь ярко выраженная обращенность англичан к психическим переживаниям (взгляд «внутрь человека») исторически обусловлена «островным» образом жизни населения «туманного Альбиона». Примечательно, что данная особенность национального менталитета находит свое отражение в созданной англичанами языковой картине мира: в частности, как упомянуто выше, в ней отражена одна из наиболее характерных черт, присущих «типичному англичанину», – «стремление к уединенности (*privacy*)».

Другая особенность, свойственная англоязычному языковому мышлению, – склонность к широкому употреблению прозвищ (в том числе, «коллективных», или «групповых»), – также нашла свое отражение в создании «коронавирусных» неологизмов. Вхождение в обиход таких оценочных лексических новаций, как *anti-maskers, vax-holes, quarantrolls, elbumpers*, является ярким проявлением этой тенденции. В прагматическом плане, существование этой категории неологизмов, обладающих негативной окраской, дает носителям языка ориентиры, давая понять, принадлежность к какой социальной группе обеспечивает им более высокую степень безопасности в период пандемии.

Отметим, что русскоязычный менталитет, в отличие от англоязычного, исторически тяготеет к *коллективному* сознанию: по-видимому, это свойство исторически обусловлено *общинным*, а впоследствии – «*коммунальным»,* укладом жизни. Данное обстоятельство в значительной степени объясняет, почему, оказавшись в не менее сложных условиях (пандемии COVID-19), собственных неологизмов, отражающих специфику чувств и межличностных отношений, проживаемых человеком в этот период, русский язык, по нашим наблюдениям, почти не создал. Сегодня для эквивалентной передачи на русский язык концептов, выражающих чувства и межличностные отношения в период пандемии (обозначенных англоязычными неологизмами из групп № 14 и 15), переводчикам приходится, в основном, прибегать к англоязычным заимствованиям или описательному переводу.

Кроме того, исследование показало, что само название пандемии (а также болезни, ставшей ее причиной), тоже «удостоилось» прозвищ: *corona, rona, panda*. В психологическом плане появление данных лексических новаций вполне объяснимо: болезнь воспринимается человечеством как «враг», а приведенные неологизмы способствуют «снижению образа врага», тем самым, придавая уверенности в собственных силах и возможности «победы над врагом». Отметим, что эту категорию прозвищ можно рассматривать как «рудимент» языческого восприятия мира, а в языковом плане – как пример языкового антроморфизма (наделения человеческими качествами явления природы (болезни)).

В целом, активное словотворчество, направленное на пополнение «ковид-словарей» национальных языков мира, обусловлено острой потребностью людей в появлении эффективного коммуникативного инструмента, способствующего упрощению форм и способов взаимодействия с «внезапно нагрянувшей» сложной внеязыковой реальностью. На сегодняшний день можно констатировать лишь общие тенденции развития данной категории лексических новаций – для подтверждения или опровержения отмеченных тенденций необходимы дальнейшие наблюдения.

Библиографический список

Бальян А. М., Кушу С. А., Задорожная Е. Ю. Лингвокультурные особенности англоговорящей языковой личности // Вестник АГУ. Майкоп : АГУ, 2017. № 4 (207). С. 49–56.

Бент А. Г. «Недуг, которого причину…»: английский сплин, юмор и чудачество как выражение национальной ментальности // Вестник ЧГУ. Серия «Филология. Искусствоведение». 2011. №8 (223). С. 3–10.

Зеленин А. В., Буцева Т. Н. «От сидидомцев до коронапофигистов» (наименования лиц в период пандемии коронавируса) / Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 6. С. 97–106.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. Москва : ЛКИ, 2010. 264 с.

Крысько В. Г. Этническая психология: учебник для академического бакалавриата. Москва : Юрайт, 2019. 359 с.

Ларина Т. В. «Privacy», или автономия личности, как важнейший концепт английской культуры // Вест-

ник РУДН. Серия: «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2003. № 1. С. 128–134.

Леонович О. А. Краткий словарь английских прозвищ : учебное пособие. Москва : Высшая школа, 2007. 183 с.

Никулина М. А. К вопросу о целесообразности англоязычных заимствований в русскоязычные терминологические системы «нового времени». Москва : Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2014. № 2. С. 54–63.

Самигуллина А. Д. Англоязычные неологизмы в период пандемии коронавируса: функции и семантика // Международный научно-исследовательский журнал. Серия «Филологические науки». 2021. Вып. № 3 (105). С. 166–170.

Султанов А. Х. Слово и термин (пролегомены и философия имени). Москва : РУДН, 2007. 205 с.

Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Т. 1. Серия: Философские технологии. Москва : Академический Проект, 2017. 684 с.

Халиуллина И. Х., Поморцева Н. П. Проявление стереотипов об англичанах в их речевой коммуникации (на примере книги Kate Fox «Watching the English») // Terra Linguae. 2017. Вып. № 3. С. 122–125.

Cambridge Dictionary Blog: Neologisms. URL: https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/page/6/ (дата обращения 12.02.2021)

Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words. URL: https://www.merriam-webster.com/words-at-play/coronavirus-words-guide (дата обращения 12.02.2021).

Neuer Wortschatz rund um die Coronaepidemie. URL: https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp# (дата обращения 20.08.2020).

OED: Social change and linguistic change: the language of COVID-19. URL: https://public.oed.com/blog/the-language-of-COVID-19/ (дата обращения 12.02.2021)

Oxford Learner Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/COVIDiot (дата обращения 12.02.2021)

Priya Elan «Hate-wear» and «sadwear»: fashion`s new names for lockdown dressing» // The Guardian, 17 Jan 2021. URL: https://www.theguardian.com/fashion/2021/jan/17/hate-wear-and-sadwear-fashion-new-names-for-covid-lockdown-dressing (дата обращения 12.02.2021)

The Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/English (дата обращения 12.02.2021)

The Macmillan Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary (дата обращения 12.02.2021)

Thorne T. Coronaspeak – the language of COVID-19 goes viral. URL: https://language-and» innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-COVID-19-goes-viral/ (дата обращения 12.02.2021).

Reference list

Balyan A. M., Kushu S. A., Zadorozhnaya E. Yu. 1. Bal'jan A. M., Kushu S. A., Zadorozhnaja E. Ju. Lingvokul'turnye osobennosti anglogovorjashhej jazykovoj lichnosti = Linguistic and cultural features of a linguistic personality speaking English // Vestnik AGU. Majkop : AGU, 2017. № 4 (207). S. 49–56.

Bent A. G. «Nedug, kotorogo prichinu…»: anglijskij splin, jumor i chudachestvo kak vyrazhenie nacional'noj mental'nosti = «An affliction whose cause...»: English spleen, humor, and eccentricity as a national mentality expression // Vestnik ChGU. Serija «Filologija. Iskusstvovedenie». 2011. №8 (223). S. 3–10.

Zelenin A. V., Buceva T. N. «Ot sididomcev do koronapofigistov» (naimenovanija lic v period pandemii koronavirusa) = «From Stay-at-homes to Corona-indifferents» (naming persons during the coronavirus pandemic) / Russkij jazyk v shkole. 2020. T. 81. № 6. S. 97–106.

Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and linguistic personality. Izd. 7-e. Moskva : LKI, 2010. 264 s.

Krys'ko V. G. Jetnicheskaja psihologija = Ethnic psychology : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. Moskva : Jurajt, 2019. 359 s.

Larina T. V. «Privacy», ili avtonomija lichnosti, kak vazhnejshij koncept anglijskoj kul'tury = «Privacy,» or individual autonomy, as an essential concept in English culture // Vestnik RUDN. Serija: «Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija». 2003. № 1. S. 128–134.

Leonovich O. A. Kratkij slovar' anglijskih prozvishh = A concise dictionary of English nicknames : uchebnoe posobie. Moskva : Vysshaja shkola, 2007. 183 s.

Nikulina M. A. K voprosu o celesoobraznosti anglojazychnyh zaimstvovanij v russkojazychnye terminologicheskie sistemy «novogo vremeni» = On the expediency of English loanwords in the Russian terminology systems of the «new era». Moskva : Vestnik RUDN. Serija «Lingvistika». 2014. №2. S. 54–63.

Samigullina A. D. Anglojazychnye neologizmy v period pandemii koronavirusa: funkcii i semantika = English neologisms in the Coronavirus pandemic: function and semantics // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Serija «Filologicheskie nauki». 2021. Vyp. № 3 (105). S. 166–170.

Sultanov A. H. Slovo i termin (prolegomeny i filosofija imeni) = Word and term (prolegomena and philosophy of name). Moskva : RUDN, 2007. 205 s.

Florenskij P. A. U vodorazdelov mysli = At the watersheds of thought. T. 1. Serija: Filosofskie tehnologii. Moskva : Akademicheskij Proekt, 2017. 684 s.

Haliullina I. H., Pomorceva N. P. Projavlenie stereotipov ob anglichanah v ih rechevoj kommunikacii (na primere knigi Kate Fox «Watching the English») = The expression of stereotypes about the English in their speech communication (on Kate Fox's book «Watching the English») // Terra Linguae. 2017. Vyp. № 3. S. 122–125.

Cambridge Dictionary Blog: Neologisms. URL: https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/page/6/ (data obrashhenija 12.02.2021)

Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words. URL: https://www.merriam-webster.com/words-at-play/coronavirus-words-guide (data obrashhenija 12.02.2021).

Neuer Wortschatz rund um die Coronaepidemie. URL: https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp# (data obrashhenija 20.08.2020).

OED: Social change and linguistic change: the language of COVID-19. URL: https://public.oed.com/blog/the-language-of-COVID-19/ (data obrashhenija 12.02.2021)

Oxford Learner Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/COVIDiot (data obrashhenija 12.02.2021)

Priya Elan «Hate-wear» and «sadwear»: fashion`s new names for lockdown dressing» // The Guardian, 17 Jan 2021. URL: https://www.theguardian.com/fashion/2021/jan/17/hate-wear-and-sadwear-fashion-new-names-for-covid-lockdown-dressing (data obrashhenija 12.02.2021)

The Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/English (data obrashhenija 12.02.2021)

The Macmillan Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary (data obrashhenija 12.02.2021)

Thorne T. Coronaspeak – the language of COVID-19 goes viral. URL: https://language-and» innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-COVID-19-goes-viral/ (data obrashhenija 12.02.2021).

Статья поступила в редакцию 28.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 28.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

Научная статья
УДК 008:1-027.21, 008(091)
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-187-196

Концепт «Другого» в конструировании цивилизационной идентичности

Николай Андреевич Хренов
Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5
nihrenov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6890-7894

Аннотация. В данном фрагменте масштабного исследования взаимоотношений на рубеже XX–XXI веков трех цивилизаций – Америки, Китая и России по принципу «Другого», основное внимание уделено присутствию цивилизации как Другого в конструировании цивилизационной идентичности. Зафиксировано, что в ситуации становления и поддержания цивилизационной идентичности Другой оказывается не только неустранимым, но и неизбежным. Более того, присутствие Другого – условие конструирования цивилизационной идентичности. Причем, не важно выступает ли этот Другой в роли друга или врага. Вариантов здесь может быть много. Доказывая этот тезис, автор обращается к исследованиям американского философа Э. Саида, доказывающего, что образ Востока был сформирован Западом. Такой образ Э. Саид называет «ориенталистским дискурсом». Он был сконструирован и внедрен в сознание других народов, в том числе, и восточных, с целью подчинения интересам Запада. Эта идентичность, присвоенная Востоку, якобы находящемуся по сравнению с Западом на низком уровне развития, оказалась выражением имперского комплекса Запада. Созданный Западом «ориенталистский дискурс с распадом империй в XX веке не ушел в прошлое, он был подхвачен Америкой. Основная задача статьи показать, что аналогичный механизм лежит и в основе конструирования идентичности России. С точки зрения Запада Россия все еще продолжает оставаться Востоком. Во всяком случае, оказывается ближе Востоку, чем Западу, чему невозможно не удивляться, поскольку с эпохи Петра I Россия ускоренными темпами проходила все этапы вестернизации, утверждая себя прозападной цивилизацией. Однако русская революция продемонстрировала, что она, кроме всего прочего, разрушала созданный Западом образ России как миссионера, внедряющего установки Запада в сознание восточных народов. На протяжении XX века в мире оказалась возможной цепная реакция освобождения народов, прежде вывших подчиненными Западу, а ныне обретающих свободу. В статье также ставится вопрос об участии в становлении идентичности не только внешних, но и внутренних факторов, в частности, ментальности народа. Рассмотрение этого фактора в статье сведен к проблеме ментальности и, в частности, к такому признаку этой ментальности как мессианизм или вера народа в свою избранность среди других народов. Опираясь на суждения В. Розанова, автор констатирует существование в мировой истории народов с присущим им и ярко выраженным мессианизмом и народов, у которых этот комплекс отсутствует. Так утверждается, что мессианизм присущ американцам, что, конечно, взаимоотношения Америки с другими цивилизациями усложняет. В статье также продолжает обсуждаться вопрос о средствах, с помощью которых осуществляется конструирование идентичности народа. В качестве такого средства автор рассматривает искусство и, в частности, кино.

Ключевые слова: Россия, Америка, Китай, американская цивилизация, цивилизационная идентичность, Другой, конструирование идентичности, ориенталистский дискурс, мессианизм, европоцентризм, Трельч, Шпенглер, Бодрийяр, Нойманн

Для цитирования: Хренов Н. А. Концепт «Другого» в конструировании цивилизационной идентичности // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 187-196. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-187-196

© Хренов Н. А., 2021

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

Original article

The concept of the «Other» in the construction of civilizational identity

Nikolai A. Khrenov
Doctor of philosophical sciences, professor, chief researcher, department of media and mass arts, entertainment culture sector, State institute of art studies. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5
nihrenov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6890-7894

Abstract. Being a part of a large-scale study, the article is devoted to the relationship between three civilizations, America, China, and Russia, at the turn of the XXth and XXIst centuries. The author focuses on civilization as the Other in the construction of civilizational identity. It has been noted that in forming and maintaining civilizational identity the Other turns out to be not only irremovable, but also unavoidable. Moreover, the presence of the Other is a condition for constructing civilizational identity. Besides, it does not matter whether this Other acts as a friend or an enemy. There can be many variants here. Proving this thesis, the author turns to the research of the American philosopher E. Said who argues that the image of the East has been shaped by the West. E. Said calls this image an «Orientalist discourse» constructed and implanted in the minds of other peoples, including eastern peoples, in order to subordinate them to the interests of the West. This identity, attributed to the East which, allegedly, is at a low level of development compared to the West, turned out to be an expression of the West's imperial complex. The «Orientalist discourse» created by the West did not go away with the collapse of empires in the XX century, but was picked up by America. The main purpose of this article is to show that a similar mechanism underlies the construction of Russia's identity. From the point of view of the West, Russia still belongs to the East. Or at least closer to the East than to the West, which is impossible not to be surprised at, because since Peter the Great, Russia has accelerated through all stages of Westernization, establishing itself as a pro-Western civilization. However, the Russian revolution demonstrated that it, among other things, destroyed the image of Russia as a missionary instilling Western attitudes in the minds of eastern peoples, an image created by the West. In the course of the XX century, a world-wide chain reaction of liberating nations, formerly oppressed by the West and now gaining freedom, became possible. The article also raises the question of external and internal factors, particularly national mentality, in shaping identity. The article considers the problem of mentality and, in particular, such a feature of this mentality as messiahship or the belief of the nation in their uniqueness among other nations. On the basis of the opinions of V. Rozanov, the author states that in the world history, there are peoples with inherent and pronounced messiahship and peoples who do not have this complex. So, it is argued that messiahship is inherent in Americans, which of course complicates America's relationship with other civilizations. The article also continues to discuss the means to build the identity of the nation. The author considers art and, in particular, the cinema as such means.

Key words: Russia, America, China, American civilization, civilizational identity, the Other, identity construction, Orientalist discourse, messiahship, Eurocentrism, Trelch, Spengler, Baudrillard, Neumann

For citation: Khrenov N. A. The concept of the «Other» in the construction of civilizational identity. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):187-196. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-187-196

Введение

В ранее представленных размышлениях [Хренов, 2020б, с. 151–160; Хренов, 2021, с. 187–199] мы, касаясь трех цивилизаций (России, Америки и Китая), ограничивались лишь констатацией того, что каждый из рассмотренных народов представляет собой самостоятельный тип цивилизации [Лернер, 1992]. Но важно не только констатировать, но и доказывать. Судьба распорядилась так, что на горизонте мировой истории в XX веке, после того, как возник, подошел к завершению и отрефлексирован период европоцентризма, в центре внимания оказались три цивилизации: Америка, Китай и Россия [Хренов, 2020а]. Мы пока лишь поставили вопрос о присущих каждой из них особой ментальности и, соответственно, особой идентичности [Кондаков, 2011]. Эти три цивилизации не просто оказались заметными. Независимо от того, осознавалось это их представителями или нет, они оказались, кроме всего прочего, и претендентами на лидерство в мировой истории. И коль скоро это именно так,

то они не могли оставаться по отношению к своим соперникам безразличными и нейтральными.

Результаты исследования

Каждый из названных цивилизаций принимал во внимание и свое сходство и несходство с другими цивилизациями. Это более активное между ними взаимодействие, разумеется, не могло не повлиять на изменения их идентичности. Это были не просто изменения. Их идентичности как бы заново конструировались. Это особенно заметно по сегодняшней России, актуализирующей свои евразийские комплексы [Панарин, 1995]. Но вообще-то, как считалось еще в первые десятилетия прошлого века, и Шпенглер здесь – не исключение, великие цивилизации понимают другие цивилизации плохо и, более того, и не стараются их понимать, оставаясь безразличными к тому, что в них происходит. На этой точке зрения стоял, в частности, Э. Трельч. Нельзя утверждать, что в суждении Э. Трельча нет никакой истины. Вообще, контакт между цивилизациями – одна из самых сложных проблем. И дело тут не только в том, что в настоящем времени предельно обостряется, в силу отмеченной ранее причины, – активизации цивилизационного фактора в истории, вопрос о взаимодействии между народами.

Дело однако в том, что это вообще сложная проблема на протяжении всей истории. Пожалуй, смысл этой сложности точнее всего сформулировал Эрнст Трельч, констатируя извечную неспособность взаимопонимания между, как он выражается, «великими культурами». «Великие культуры Запада, ислама, Китая и Индии – пишет он- понимают в сущности лишь самих себя, пользуясь контрастами только как средством для самопонимания и, пожалуй, для самообновления» [Трельч, 1994, с. 158]. К этой кажущейся весьма справедливой мысли Э. Трельч в своем сочинении возвращается снова и снова, уточняя ее. «В сущности – пишет он – мы знаем только самих себя и понимаем только наше собственное бытие, а поэтому только наше собственное развитие. Лишь знание их является нашей практической потребностью и необходимостью, предпосылкой собственной формирующей культуру деятельности и желание будущего. Если кругосветное путешествие есть и самый краткий путь к самим себе, то мы на этом пути, сравнивая и учась, всегда и приходим именно к самим себе. Знание чужих культур может быть чрезвычайно важным для самопознания, понимания мира и практических отношений. Но во всем этом мы понимаем и утверждаем только самих себя, формируем сколько бы мы ни приспосабливались к чужим культурам и как бы ни воспринимали их, только самих себя такими, как мы сложились и создавались в течение тысячелетий. Надо иметь мужество признать свою историческую судьбу, ибо нам не удается выпрыгнуть из нашей исторической кожи» [Трельч, 1994, с. 610].

Этот нарциссизм, это бремя непонимания, в частности, между Россией и Западом мимо внимания немецкого философа не прошло. «Уже по отношению к России, которая ведь, как и мы, унаследовала христианство и позднеантичную мистику спасения – пишет Э. Трельч – наши культурно-философские масштабы оказываются недейственными, так как у нас нет общего с ней латинского прошлого. Что же касается души Востока, то все, кто полагает, что постигли ее, признаются, что все-таки ее не поняли» [Трельч, 1994, с. 158]. Еще в 20-е годы прошлого века Э. Трельч нашел проблему, но, к сожалению, ограничился лишь констатацией ее значимости. А что же все-таки лежит в основе этого непонимания? Попробуем по поводу определяющей причины выдвинуть гипотезу такого взаимного непонимания народов.

Она связана, прежде всего, с тем образом, который сопровождает историю каждого народа. Отчасти этот образ создается самим народом. Этот образ народа является таким, каким народ представляет себя, и в этом смысле история Америки эту мысль подтверждает [Хантингтон, 2004]. Например, Ж. Бодрийяр пишет, что американцы убеждены в том, что они – центр мира, высшая сила и безусловный образец для подражания. Америка знает, что она достигла всего, о чем другие только мечтают. И вот вывод: «Америка это знает, она этому верит и, в конце концов, другие тоже верят этому» [Бодрийяр, 2000, с. 151]. Верят и будут верить до определенного времени. Да и то не все. Впрочем, как свидетельствует кинематограф, не все в это верят даже в самой Америке, о чем и свидетельствуют проанализированные в предшествующих наших публикациях анализы некоторых американских фильмов. Может быть, апогей в истории становления этой цивилизации уже и в самом деле миновал. Но, конечно, возникновению и поддержанию этого образа способствуют и внешние факторы. Иногда они всецело определяют образ того или иного народа. Это образ, каким тот или иной народ представляет другой народ. Иначе говоря,

образ определенного народа создается другим народом. Он может соответствовать этому народу или не соответствовать, но он существует и во многом определяет к нему отношение.

Когда Э. Трельч говорит, что это только кажется, что западный человек понимает Восток, что он его все-таки не понимает, то это не вся правда. Правда же состоит в том, что, несмотря на непонимание другой культуры, эта культура все-таки создает образ другой культуры. Причем, нередко создает в своих интересах, то есть получается, что этот образ не соответствует реальности. Одна цивилизация проецирует на другую то, что она отторгает в собственной культуре. На этой основе между разными цивилизациями возникает противостояние [Хантингтон, 2003]. Собственно, в XIX веке из этого непонимания Западом России и из несоответствия создаваемого Западом образа России исходил Н. Данилевский. Но можно привести пример и из более поздней истории. Из этого непонимания Западом Востока исходит в своей книге американский интеллектуал арабского происхождения, профессор Колумбийского университета Э. Саид, утверждая, что такое непонимание может быть осознанным. Из непонимания конструируется образ Востока как недоразвившейся, неполноценной, нуждающейся в опеке Запада цивилизации.

По сути, ориентация на неполноценность, что стала основой создания в XIX веке образа России, оказалась в основании того, что Э. Саид называет ориенталистским дискурсом. Генезис этого дискурса Э. Саид усматривает еще в античности. Запад продолжил эту традицию, создавая образ враждебного Востока в собственных интересах. Такой сконструированный как способ самопонимания и самоопределения самого Запада образ Востока оказался сильнее реальности. По сути, ориенталистский дискурс, по мнению Э. Саида, является средством власти Запада над Востоком. Но самое существенное здесь то, что европейская культура, как пишет Э. Саид, «выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставила себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному «я» [Саид, 2006, с. 10]. Получается, что Восток никогда не интересовал Запад как таковой. Еще Гете критиковал западных интерпретаторов Востока за то, что они пытаются понимать Восток в соответствии с критериями, заимствованными Западом в античности. Ориенталистский дискурс – это порождение имперской традиции Запада. По мнению Э. Саида, наука и искусство Запада в этот дискурс вписываются.

Так мы имеем сконструированную Западом восточную идентичность. А теперь затронем вопрос, как конструировался Западом образ России [Хренов, 2013, с. 110–148]. Как утверждают некоторые источники, этот образ России, создаваемый Западом, был образом «врага у ворот». Рост могущества России приводит к тому, что ее Запад начинает пугаться. Считалось, что Россия – это отсталая страна, которую христианство не могло цивилизовать. Россия по-прежнему остается Востоком, а Западу является чуждой. В качестве иллюстрации такие авторы имели в виду мусульманские, а, следовательно, азиатские национальные меньшинства внутри России. У татар, проживающих в России, были, как утверждал в 1813 году лорд Абердин, китайские лица. Комментируя это наблюдение, И. Нойманн пишет: «Отсюда лишь полшага до мысли, что если поскрести русского, увидишь татарина. Уберите внешний лоск европейской цивилизации и военную мощь России – и варвар (или даже дикарь, если поскрести достаточно сильно) появится перед вами во всей своей красе» [Нойманн, 2004, с. 130]. Отсюда, от этой наделяемой Россию идентичности делались далеко идущие выводы, о чем свидетельствуют высказывания 1832 года члена британского парламента Р. Поттера: «Пошлите флот в Балтийское море и заприте русские порты – чем станет тогда император России? – калмыком, окруженным несколькими варварскими племенами, дикарем, у которого не более власти на море, когда ему противостоит Англия и Франция, чем у императора Китая» [Нойманн, 2004, с. 130].

А как возникает цивилизационная идентичность Америки? Ведь, как утверждает И. Нойманн, любая разновидность идентичности возникает лишь на границе между цивилизациями. Кстати, эта мысль И. Нойманом заимствована у М. Бахтина, что, собственно, он и не скрывает, называя его имя. И. Нойманн критикует западных мыслителей за гносеологизм, которому присуща фетишизация знающего и суверенного «я», отрезанного от сознания Другого [Нойманн, 2004, с. 39]. Это гносеологическое, т.е. западное сознание не допускает существования вне себя и противостоящего ему сознания. Но, как утверждает И. Нойманн, без этого невозможно понять возникновение и поддержание идентичности, которая конституируется при участии Другого. Но что означает эта пограничность? А то, что возникновение идентичности любого сообщест-

ва, в том числе, и самого многочисленного – цивилизационного, предполагает наличие Другого или Других. Новая цивилизация не может быть ничем другим, кроме как или продолжающей какую-то другую, более древнюю, то есть растворяющейся в этой другой, хотя и обретающей некоторую самостоятельность, или противостоящей этой другой вплоть до столкновения с ней. Сегодня пример с Украиной в ее отношениях с Россией является весьма красноречивым примером второго варианта поддержания коллективной идентичности. Правда, Украина самостоятельной цивилизацией не является.

Иначе говоря, Другой, то есть иная цивилизация может стать необходимым условием формирования и поддержания цивилизационной идентичности. Без этого Другого формирование цивилизационной идентичности вообще невозможно. Если использовать более грубую формулировку, то другая цивилизация может представать не только Другим, но Другим – врагом, способствующим консолидации людей внутри цивилизации. Как мы убедились на примере фильма А. Пенна «Маленький большой человек», наличие врага, который ассоциировался с индейцами, способствовал консолидации американцев и, следовательно, становлению цивилизационной идентичности Америки. С этой точки зрения следует признать уже устаревшими те заключения, которые в свое время сделал немецкий историк и философ Э. Трельч.

Пытаясь ставить вопрос о самостоятельности каждой из трех цивилизаций, нельзя пройти мимо того, как каждая из них осваивала возможности кинематографа и ими пользовалась в конструировании своей идентичности и идентичности Другого [Christopher Berry, 2006]. Так, существует точка зрения, согласно которой открытие природы и языка кинематографа по-настоящему произошло в Америке. В данном случае американским режиссерам помогло то, что в Америке отсутствуют жесткие эстетические традиции, что имеет место в европейских странах. Ведь что, собственно, было актуальным на рубеже XIX–XX веков, когда благодаря технике оказался возможным кинематограф. По-видимому, ощущение усталости и омертвения благополучно развивающейся с эпохи Ренессанса культуры, а вместе с ней и тех эстетических норм, что в границах этой культуры возникали. Пожалуй, точнее всех этот кризис культуры еще во второй половине XIX века диагностировал Ф. Ницше. Но, как всегда это бывает, там, где культура оказывается в кризисе, активизируется природа. Это знали уже романтики, но позднее, констатируя переход от культуры к цивилизации, Шпенглер вписал возвращение к природе в эти процессы. Природное, то есть в соответствии с Ф. Ницше, дионисийское начало прорывается в реальность, разрушает аполлоновские каноны и, вторгаясь в искусство, диктует ему радикальное изменение художественных форм.

Но из всех существовавших на рубеже XIX–XX веков культур Америке было легче дать природе свободу выражения, поскольку традиции не могли ей сопротивляться, тормозить ее развитие, поскольку их, как и вообще истории, в Америке просто не было. Все начиналось сызнова, с пустыни, которая начинала обживаться. Ж. Бодрийяр ведь не зря говорит, что, в сущности, Америка – это «единственное реально существующее первобытное общество» [Бодрийяр, 2000, с. 74]. Не это ли имеет в виду автор семитомной «Истории искусства» – Эли Фор, когда пытается осмыслить овладение в истории киноязыком разными народами. Так, сравнивая французское и американское кино, он не склонен отдавать пальму первенства французам, утверждая, что французский фильм – это незаконнорожденный сын вырождающегося театра. Не то – американский фильм, за которым будущее. «Мне кажется – пишет Э. Фор – что приверженность американцев к тому порченному товару, который мы им экспортируем, связана с известной привлекательностью, которую имеют для первобытных народов формы разлагающегося искусства. А американцы – дикари и варвары, что и составляет ту силу и жизненность, которую они вносят в кино. Именно у них кино должно приобрести и, я думаю, непременно приобретет свое истинное значение действующей пластической драмы, собственным своим движением увлекаемой в длительность и уносящей с собой свое пространство, свое собственное пространство, то, в котором она жива, в котором ищет равновесия, то, которое придает ей в наших глазах психологическое и социальное значение. Естественно, что новое искусство выбирает в качестве носителя новый народ, народ, до того не имевший никакого подлинно своего искусства» [Фор, 1988, с. 53].

Поскольку кино возникает за пределами эстетических норм культуры чувственного типа, то оно становится формой выражения того первобытного, внекультурного взрыва, что оказался в момент его появления столь востребованным. Не случайно Ж. Бодрийяр не проходит мимо удиви-

тельного совпадения американской ментальности и кинематографических форм выражения. Для него кинематографична в Америке по самой своей сути сама жизнь. В данном случае кинематографичность следует понимать как динамичность. Может быть, лишь американский тиль жизни не подтверждает метафору Платона, согласно которой люди существуют в пещере, довольствуясь тенями, не имея возможности прорваться к подлинному существованию. В Америке такой прорыв осуществился, осуществился радикально и впервые. Она вышла из культуры, чтобы создать ее заново. «Точно так же, хотя американская реальность появилась раньше кино – пишет Ж. Бодрийяр – ее сегодняшний облик наводит на мысль, что она создавалась под его влиянием, что она отражение гигантского экрана, но не как мерцание платоновских теней, а в том смысле, что все здесь как бы несет на себе отсветы этого экрана. Вместе с потоком машин и общей мобильностью экран и его рефракция фундаментальным образом определяют повседневные события. Кинетика и кинематика, смешиваясь, порождают особую ментальную конфигурацию, восприятие, которое принципиально отличается от нашего. Ибо эту процессию мобильности и экранирования реальности вы никогда не найдете в том же виде в Европе, где вещи чаще всего сохраняют статическую форму территории и ощутимую форму субстанции» [Бодрийяр, 2000, с. 126].

Что же касается китайской цивилизации и кинематографа, то тут совсем другая история [Торопцев, 1979]. Выясняется, что соответствующая этой цивилизации культура с самого начала и насквозь кинематографична. Этому не противоречит та ее особенность, что связана с ее древностью. Только эта ее кинематографичность латентна, она не бросается в глаза, являясь бессознательной. Более того, она даже не открыта и не освоена самим китайским кинематографом. И это парадокс. Разгадывая его смысл, мы получаем возможность понять что-то очень существенное не только о китайском кино или китайском театре [Mackerras, 1988], а о китайской культуре в целом. Смысл этого парадокса поможет разгадать С. Эйзенштейн. Правда, разгадывая этот парадокс, он имеет в виду не только китайскую, но и японскую культуру, у которой с китайской культурой много общего. Именно С. Эйзенштейн констатирует «пронизанность разнообразнейших отраслей японской культуры чисто кинематографической стихией и основным нервом ее – монтажом» [Эйзенштейн, 1964, с. 295].

Но удивительное дело, утверждает С. Эйзенштейн, сами японские кинематографисты, кажется, об этом не подозревают. Так, анализируя поэтику и эстетику традиционного театра Кабуки [Серова, 2005], режиссер критикует деятелей театра, подражающих школе переживания в европейском и русском театре, а также художественным образцам в американском кино. И вот- призыв мастера к тому, чтобы японцы поняли и осмыслили кинематографическую природу древнейшего театрального языка. «Понять и применить свою культурную особенность к своему кино – пишет С. Эйзенштейн – вот на очереди для Японии! Товарищи японцы! Неужели вы это предоставите сделать нам?» [Эйзенштейн, 1964, с. 296]. Дело тут не только в театральной эстетике, но прежде всего в письменности, которая в этих восточных регионах насквозь идеографична, т.е. предстает в системе иероглифов. Поэтому возникает ощущение, что это письмо – то ли буквенное начертание, то ли самостоятельное произведение графики. Японская и китайская письменность определяет здесь и театральную поэтику, и форму изобразительного искусства, и поэзию.

Кроме того, что это письмо – графика, она выстраивается по принципу монтажа, т.е. разложения изображаемого действия на отдельные мгновения, соответствующие кадрированию в кино. В качестве иллюстрации С. Эйзенштейн приводит такой монтажный прием из спектакля Кабуки. «Игра одной правой рукой. Игра одной ногой. Игра только шеей и головой. Весь процесс общей предсмертной агонии был разъят на сольные отыгрывания каждой «партии» врозь; партии ног, партии рук, партии головы. Разложенность на планы» [Эйзенштейн, 1964, с. 295]. Подобная специфика художественного мышления избегает той логики повествования, что характерна для европейской культуры, которая такую эстетику на поздних этапах своего развития совершенно утратила. Она в большей степени соответствует структуре чувственного мышления и кажется по сравнению с европейским мышлением более архаичной, а, следовательно, и менее зависимой от абстрактных причинно- следственных построений. Так, посвящая одну из своих статей китайскому актеру Мэй Лань – фану, С. Эйзенштейн констатирует в китайской культуре эту архаическую структуру чувственного мышления. «Закрепленный традиционализм китайской культуры тем самым донес нам как бы

закрепленными в великолепном изваянии памятники системы представлений и мышления, чувственный этап которых приходится каждой культурой на определенном этапе своего существования» [Эйзенштейн, 1968, с. 322]. Изучение структуры иероглифического языка пронизывает теоретические и не только теоретические работы С. Эйзенштейна. Сегодня к этой идее пытается вернуть кино П. Гринуэй. Понятно, что иероглифический язык необычайно обогатил эстетику и практику кино.

Касаясь конструирования цивилизационной идентичности, мы подчеркиваем, что это конструирование происходит в результате или внутренних или внешних факторов. Если исходить из внешних факторов, то здесь важно иметь в виду такой комплекс цивилизации как мессианизм [Трубецкой, 1912, с. 83–94]. Судя по всему, мессианизм как значимый признак ментальности присущ не каждому народу. Об этом в свое время размышлял В. Розанов, сопоставляя древних греков с евреями. Комплекс мессианизма связан с претензией какого-либо народна на избранность и право вести за собой другие народы. По мнению В. Розанова, такая ментальность характерна для еврейского народа. Что же касается эллинов, то такой комплекс у них отсутствует. «Греки не знали мессианизма, не звали его, – пишет В. Розанов – В эпоху, однако, нашествия персов до смерти Александра Македонского, приблизительно века в два, они натворили таких и столько дел, что «мессианизм» в светской и образовательной форме у них как-то сам собою вышел» [Розанов, 2008, с. 245].

Касаясь далее ментальности разных народов, мессианизм В. Розанов усматривал у поляков и у немцев, и его отсутствие, например, у французов. Тем не менее, например, Э. Трельч мессианизм приписывает западному или «фаустовскому» человеку вообще. Он говорит о «преувеличенном чувстве собственной значимости, присущем европейцам» [Трельч, 1994, с. 608]. Вот как предстает критика философом этого образа. «В европейском мышлении всегда присутствует завоеватель, колонизатор и миссионер. В этом источник его практической силы и плодотворности, но и многих теоретических ошибок и преувеличений» [Трельч, 1994, с. 608]. Об этом и пишет Э. Саид [Саид, 2021] Но нам интересно мнение В. Розанова о ментальности русских и о том, присущ им мессианизм или нет. По этому поводу философ говорит так: «У русских – мессианизм славянофилов и главным образом Достоевского, сказавшиеся в знаменитом монологе Ставрогина о «народе – богоносце» и в речи самого Достоевского на открытии памятника Пушкину» [Розанов, 2008, с. 245]. По этому поводу единой точки зрения не существует.

Так, например, позднее А. Солженицын, вступая в полемику с А. Яновым, констатирующим комплекс мессианизма у русских, наличие такого комплекса отрицает [Солженицын, 1995, с. 350]. Однако признание мессианизма русских давно стало традицией. В этом был убежден не только В. Розанов, но, в том числе, и В. Соловьев. Так, Н. Бердяев называет его «философом русского мессианизма». Конечно, идея мессианизма к В. Соловьеву приходит от славянофилов, которых, как известно, он критиковал. Но эта критика не исключала того, что он подхватывает идею мессианизма русских от славянофилов. Но у В. Соловьева она носит уже иной характер. Как утверждает Н. Бердяев, мессианизм в понимании В. Соловьева – это уже новый фазис этой идеи. Что же является главным в мессианизме, как его видят славянофилы? Прежде всего убеждение в том, что Россия подхватывает идею лидерства истории у распадающейся Византии, которая в лучшие периоды в своей истории была таким лидером («вторым Римом»), а после исчезновения этой империи такое лидерство должны осуществить русские. Отсюда – идея Руси как «третьего Рима». Это и есть мессианизм в самой отчетливой и очень понятной форме. Еще бы, образ (Рим это именно образ) всегда понятен.

Однако если это, действительно, так, если идея русского мессианизма концентрируется в образе «третьего Рима», как русские сами себя представляют и воспринимают (и это во многом определяет их идентичность), то при чем тут славянофилы, рефлексия которых и дает повод некоторым вести историю русского мессианизма с их появления. В чем же тут заслуга славянофилов, если, как пишет Н. Бердяев, сознание России как «третьего Рима» «проходит через всю почти русскую историю» [Бердяев, 1911, с. 108]. Дело в том, что когда появились славянофилы, идентичность русских уже давно существовала, более того, она уже успела получить выражение в имперском комплексе, который, кстати, ее не то чтобы вульгаризировал, заменяя религиозный смысл идентичности секулярным ее выражением, но политизировал. Это воспроизводит С. Эйзенштейн в своем фильме «Иван Грозный». Тогда причем же тут славянофилы? А притом, что они в России были первыми философами, и

именно с них начинается философская рефлексия о русской ментальности и русской идентичности, хотя, конечно, современной научной терминологией они пользоваться еще не могли. Именно с них, со славянофилов, начинается рефлексия о России, о взаимоотношениях ее с другими цивилизациями и, соответственно, именно они первыми начали размышлять об идентичности. Более того, они были носителями идеи мессианизма, не подозревая об этом и не пользуясь этой терминологией.

Тогда в чем же заключается вклад В. Соловьева в эту проблему, если Н. Бердяев его прямо называет философом русского мессианизма. Все дело в том, что, во-первых, философ усматривает в русском мессианизме некое самодовольство и убежденность в исключительности и избранности русского народа (и этот комплекс, по его мнению, требует покаяния и отречения от него [Хренов, 2018]), а, во-вторых, он пытается доказать, что вместе с XX веком, прихода которого он не дождался, приходится преодолевать то напряжение, которое возникло между Западом и Россией и смысл которого в XIX веке попытался объяснить Н. Данилевский, констатируя разрыв между тем образом, которым Россию наделяет Запад, и реальной Россией, этому образу не соответствующей и утверждающей свою самостоятельность. Зачем же это напряжение между Западом и Россией нужно преодолевать, если с точки зрения сегодняшнего дня очевидно, что впереди будут мировые войны? Но этот вопрос и в самом деле позволяет понять, почему рефлексия В. Соловьева вводит в новый период и русского мессианизма, и русской цивилизационной идентичности. Нет, не зря Н. Бердяев называет В. Соловьева еще и пророком.

Философ доказывал, что в будущей истории, то есть уже в наше время Россия обязана позабыть все распри с Западом и с ним объединиться. Это необходимо для выживания и Запада, и России. Дело в том, что В. Соловьев ощущал ужас перед надвигающейся монгольской опасностью. Она в истории уже имела место и может еще повториться. Эту опасность философ называет одним словом – «панмонголизм». И этот ужас великий мыслитель и пророк переживает в исторический момент, когда Восток почти забыт, пребывает в дремоте и ничего такого, что так пугает философа, не предпринимает. Так, задолго до появления концепции Л. Гумилева как концепции альтернативной, в соответствии с которой Россия обязана активизировать свое восточное начало и включиться в круг восточных культур [Л. Н. Гумилев… , 2012], В. Соловьев выдвигает другой вариант идентичности русских – быть ближе к Западу и укреплять связи именно с ним.

Заключение

Таким образом, из этих двух точек зрения можно вывести и не очень оптимистический для России вывод: России как самостоятельной цивилизации не получается. Чтобы выживать, она должна или примыкать к западной или к восточной цивилизации. Получается также, что такая альтернатива перед Россией стоит не только на рубеже XX–XXI веков. Она была актуальной в истории России всегда [Ионов, 2004]. Отсюда, от взаимоотношений между цивилизациями проистекает и эта вечная неустойчивость и неопределенность и, еще более точно, открытость ее идентичности. Но так получается, если принимать точку зрения и Гумилева, и Соловьева за истину в последней инстанции. Ведь очевидно, что, несмотря на желание заключить Россию в какие-то жесткие рамки, это не получается. Во всех ситуациях она стремится во что бы то ни стало проявлять свою самостоятельность, часто поражая другие народы неожиданными поворотами в своей истории. Потому что, несмотря на все риски и опасности, этот народ верит прежде всего и в свое особое предназначение в мире.

Библиографический список

Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании В. Соловьева // О Владимире Соловьеве. Сборник первый. Москва : Путь, 1911. С. 108.

Бодрийяр Ж. Америка. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2000. С. 74, 126, 151.

Ионов И. Пути развития цивилизационного сознания в Евразии и проблемы евразийства // Цивилизации. Выпуск 6. Россия в цивилизационной структуре европейского континента. Москва, 2004.

Кондаков И., Соколов К., Хренов Н. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. Москва : Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.

Л. Н. Гумилев и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. Сборник статей Международного научного конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. Санкт-Петербург. 1-3 октября 2012 года. Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 571 с.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. В 2-х т. Москва : Радуга, 1992.

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. Москва : Новое издательство, 2004. С. 39, 130.

Панарин А. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. Выпуск 2. 1995.

Розанов В. Идея « мессианизма» (По поводу новой книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества») // Розанов В. В чаду войны. Статьи и очерки. 1916–1918. Москва–Санкт-Петербург : Республика – Росток, 2008. С. 245.

Саид Э. Культура и империализм. Санкт-Петербург : «Владимир Даль». 2021. 736 с.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург, 2006. С. 10.

Серова С. Китайский театр – эстетический образ мира. Москва : Издательство «Восточная литература», 2005.

Солженицын А. Чем грозит Америке плохое понимание России // Солженицын А. Публицистика. В 3-х т. Т 1. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. С. 350.

Торопцев С. Очерк истории китайского кино. 1896–1966. Москва : Наука, 1979.

Трельч Э. Историзм и его проблемы. Москва : Юрист, 1994. С. 158, 608, 610.

Трубецкой Е. Старый и новый национальный мессианизм // Русская мысль. 1912. № 3. С. 83–94.

Фор Э. О кинопластике // Из истории французской киномысли. Москва : Искусство. 1988. С. 53.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва, 2004.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва, 2003.

Хренов Н. Имперский комплекс России и его критики: А. И. Солженицын // Личность и творчество А. И. Солженицына в современном искусстве и литературе: Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А. И. Солженицына Москва. 15–17 марта 2017. Государственный институт искусствознания; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский благотворительный фонд Александра Солженицына. Москва : Государственный институт искусствознания; Русский путь. 2018. 408 с.

Хренов Н. Между Америкой и Китаем. «Другой» в становлении и трансформации цивилизационной идентичности России // Китай, Россия, США, Искусство, гуманитарные науки: От поколения к поколению. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург : Издательство «Скифия-Принт», 2020.

Хренов Н. Русская культура на перекрестке Запада и Востока. Россия как подсознание Запада. Восток как подсознание России // Искусствознание. Государственный институт искусствознания. 2013. № 3–4. С. 110–148.

Хренов Н. Соперничество цивилизаций за лидерство в истории: Америка как тип цивилизации в XX веке (культурологический аспект) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2. С. 187–199.

Хренов Н. Трансформация цивилизационной идентичности России на рубеже XX–XXI веков: от вестернизации к евразийству // Верхневолжский филологический Вестник. 2020. № 4. С. 151–160.

Эйзенштейн С. Избранные произведения в 6 т. Т. 2. Москва : Искусство. 1964. С. 295, 296;

Эйзенштейн С. Избранные произведения в 6 т. Т. 5. Москва : Искусство, 1968. С. 322.

Christopher Berry Ph. D. China on Screen: Cinema and Nation (Китай на экране: кино и нация). 2006. Columbia University Press.

Mackerras C. Chinese Theater: From its Origins to the Present Day. 1988. University of Hawaii Press.

Reference list

Berdjaev N. Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii V. Solov'eva = The problem of East and West in Vladimir Soloviev's religious consciousness // O Vladimire Solov'eve. Sbornik pervyj. Moskva : Put', 1911. S. 108.

Bodrijjar Zh. Amerika = America. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal', 2000. S. 74, 126, 151.

Ionov I. Puti razvitija civilizacionnogo soznanija v Evrazii i problemy evrazijstva = Ways of developing civilizational consciousness in Euroasia and the problems of Eurasianism // Civilizacii. Vypusk 6. Rossija v civilizacionnoj strukture evropejskogo kontinenta. Moskva, 2004.

Kondakov I., Sokolov K., Hrenov N. Civilizacionnaja identichnost' v perehodnuju jepohu: kul'turologicheskij, sociologicheskij i iskusstvovedcheskij aspekty = Civilizational identity in transition period: cultural, sociological, and artistic aspects. Moskva : Progress-Tradicija, 2011. 1024 s.

L. N. Gumilev i sud'by narodov Evrazii: istorija, sovremennost', perspektivy. Sbornik statej Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, posvjashhennogo 100-letiju so dnja rozhdenija L. N. Gumileva = L. Gumilev and the fate of Euro-Asian peoples: history, present, and prospects. Collection of articles of the International Scientific Congress devoted to the 100th anniversary of L.N. Gumilev. Sankt-Peterburg. 1-3 oktjabrja 2012 goda. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena, 2012. 571 s.

Lerner M. Razvitie civilizacii v Amerike. V 2-h t. = Civilizational development in America. In 2 vols. Moskva : Raduga, 1992.

Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskoj identichnosti = Using the «Other». Images of the East in forming European identity. Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2004. S. 39, 130.

Panarin A. Vybor Rossii: mezhdu atlantizmom i evrazijstvom = Russia's choice: between Atlanticism and Eurasianism // Civilizacii i kul'tury. Vypusk 2. 1995.

Rozanov V. Ideja « messianizma» (Po povodu novoj knigi N. A. Berdjaeva «Smysl tvorchestva») = The Idea of «messianism» (On N. A. Berdyaev's new book «The Meaning of Creativity») // Rozanov V. V chadu vojny. Stat'i i ocherki. 1916–1918. Moskva–Sankt-Peterburg : Respublika – Rostok, 2008. S. 245.

Said Je. Kul'tura i imperializm = Culture and imperialism. Sankt-Peterburg : «Vladimir Dal'». 2021. 736 s.

Said Je. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka = Orientalism. Western concepts of the East. Sankt-Peterburg, 2006. S. 10.

Serova S. Kitajskij teatr – jesteticheskij obraz mira = Chinese theatre – esthetic picture of the world. Moskva : Izdatel'stvo «Vostochnaja literatura», 2005.

Solzhenicyn A. Chem grozit Amerike plohoe ponimanie Rossii = The threat of America's poor understanding of Russia // Solzhenicyn A. Publicistika. V 3-h t. T 1. Jaroslavl': Verhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. S. 350.

Toropcev S. Ocherk istorii kitajskogo kino. 1896–1966 = Essay on the history of Chinese cinema. 1896-1966. Moskva : Nauka, 1979.

Trel'ch Je. Istorizm i ego problemy = Historicism and its problems. Moskva : Jurist, 1994. S. 158, 608, 610.

Trubeckoj E. Staryj i novyj nacional'nyj messianizm = Old and new national messianism // Russkaja mysl'. 1912. № 3. S. 83–94.

For Je. O kinoplastike = On film plasticity // Iz istorii francuzskoj kinomysli. Moskva : Iskusstvo. 1988. S. 53.

Hantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti = Who are we? American national identity challenges. Moskva, 2004.

Hantington S. Stolknovenie civilizacij = Colliding civilizations. Moskva, 2003.

Hrenov N. Imperskij kompleks Rossii i ego kritiki: A. I. Solzhenicyn = Russia's imperial complex and its criticism: A. I. Solzhenitsyn // Lichnost' i tvorchestvo A. I. Solzhenicyna v sovremennom iskusstve i literature: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj stoletiju so dnja rozhdenija A. I. Solzhenicyna Moskva. 15–17 marta 2017. Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija; Dom russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna: Russkij blagotvoritel'nyj fond Aleksandra Solzhenicyna. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija; Russkij put'. 2018. 408 s.

Hrenov N. Mezhdu Amerikoj i Kitaem. «Drugoj» v stanovlenii i transformacii civilizacionnoj identichnosti Rossii = Between America and China. The «Other» in the formation and transformation of Russia's civilizational identity // Kitaj, Rossija, SShA, Iskusstvo, gumanitarnye nauki: Ot pokolenija k pokoleniju. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Skifija-Print», 2020.

Hrenov N. Russkaja kul'tura na perekrestke Zapada i Vostoka. Rossija kak podsoznanie Zapada. Vostok kak podsoznanie Rossii = Russian culture at the crossroads of East and West. Russia as a subconsciousness of the West. The East as the subconsciousness of Russia // Iskusstvoznanie. Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija. 2013. № 3–4. S. 110–148.

Hrenov N. Sopernichestvo civilizacij za liderstvo v istorii: Amerika kak tip civilizacii v HH veke (kul'turologicheskij aspekt) = The rivalry among civilizations for leadership in history: America as a type of civilization in the twentieth century (a cultural aspect) // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 2. C. 187–199.

Hrenov N. Transformacija civilizacionnoj identichnosti Rossii na rubezhe HH–HHI vekov: ot vesternizacii k evrazijstvu = Transformation of Russia's civilizational identity at the turn of the HHth - HHIst centuries: from Westernization to Eurasianism // Verhnevolzhskij filologicheskij Vestnik. 2020. № 4. S. 151–160.

Jejzenshtejn S. Izbrannye proizvedenija v 6 t. T. 2 = Selected works in 6 vols. V.2. Moskva : Iskusstvo. 1964. S. 295, 296;

Jejzenshtejn S. Izbrannye proizvedenija v 6 t. T. 5 = Selected works in 6 vols. V.5. Moskva : Iskusstvo, 1968. S. 322.

Christopher Berry Ph. D. China on Screen: Cinema and Nation (Kitaj na jekrane: kino i nacija). 2006. Columbia University Press.

Mackerras C. Chinese Theater: From its Origins to the Present Day. 1988. University of Hawaii Press.

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 08.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 791.43
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-197-204

Репрезентация образа целинника в советском художественном кинематографе

Геннадий Николаевич Кочешков[1]✉, Александр Васильевич Гребенщиков[2]

[1]Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

[2]Студент II курса магистерской программы «Образовательно-просветительские аспекты публичной истории» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

[1]kocheshg@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-2630-6668

[2]grebenshikov_al@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6555-7120

Аннотация. В статье выявляются, осмысляются и сравниваются художественные образы «целинников», формируемые советским кинематографом, являющимся важным каналом исторической памяти народа и средством коммуникации нашего времени. В работе дана подробная характеристика историографии проблемы. Был сделан вывод о преобладании исследований, посвященных социально-экономическим, политическим и экологическим последствиям освоения целины. В статье использованы различные методы исследования: ретроспективный, сравнительно-исторический, семиотический, дискурс-анализ. В ходе исследования определены особенности репрезентации целины в массовой культуре как особого социокультурного пространства, показана нелегкая судьба целинников, их нравственное отношение к системе ценностей, сложившихся в послевоенном советском обществе. Основными героями целинной эпопеи, представленными в кинематографе, являются молодежь и «компетентные руководители», без которых невозможно представить успешную реализацию крупных партийных проектов. Отношение покорителей целины к глобальному проекту можно охарактеризовать как неоднозначное и многослойное: целина рассматривается и как важный аграрный проект, позволяющий при благоприятном стечении обстоятельств решить «вечную» зерновую проблему, и как важный социальный лифт для советской молодежи, и как необходимый этап на пути построения коммунизма. Исследование демонстрирует как схожие черты идейно-смысловых концепций целинной фильмографии, так и их различия, а также выявляет определенную трансформацию художественного замысла режиссеров: от агитационно-пропагандистского и героического посыла, характерного для фильмов, снятых в 1950-е годы, до желания авторов выявить духовно-нравственные потенции главных героев целинной кампании, характерного для фильмов 1960–70-х годов.

Ключевые слова: репрезентация, советский кинематограф, кинематограф, массовая культура, освоение целинных и залежных земель, целинная эпопея, целина, аграрная политика, «оттепель»

Для цитирования: Кочешков Г. Н., Гребенщиков А. В. Репрезентация образа целинника в советском художественном кинематографе // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 197-204. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-197-204

Original article

Presenting the image of a virgin lands worker in soviet cinematography

Gennady N. Kocheshkov[1]✉, Alexander V. Grebenshchikov[2]

[1]Doctor of historical sciences, professor, head of the national history department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1

[2]II year student, master's program «Educational aspects of public history». Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

[1]kocheshg@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-2630-6668

[2]grebenshikov_al@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6555-7120

Abstract. The article identifies, interprets and compares the artistic images of «virgin lands workers» formed by the soviet cinema, which is an important channel of the nation's historical memory and a means of communication of our

© Кочешков Г. Н., Гребенщиков А. В., 2021

time. The work gives a detailed description of the problem's historiography. A conclusion is made about the predominance of studies devoted to the social-economic, political and environmental consequences of the virgin lands development. At the same time, despite the growing interest of scientists in the social-cultural aspects of the virgin lands campaign in recent decades, there are very few works analyzing the daily life of virgin landers. The article uses various research methods: retrospective, comparative-historical, semiotic, and discourse analysis. In the course of the research, the author determines the features of virgin lands representation in mass culture as a special social-cultural space, shows the hard fate of virgin lands workers, their attitude to the system of values established in the post-war soviet society. The main characters of the virgin lands epic represented in the cinematography are young people and «competent leaders», without whom it is impossible to imagine the success of major party projects. The attitude of the virgin lands explorers to the global project can be characterized as ambiguous and multi-layered: virgin land is seen both as an important agricultural project, allowing, under favorable circumstances, to solve the «eternal» grain problem, as an important social elevator for soviet youth, and as a necessary stage of building communism. The study demonstrates both similarities and differences in the ideological and semantic concepts of the virgin lands filmography, and also reveals a certain transformation of directors' artistic ideas: from the propaganda and heroic message characteristic of 1950s films to the authors' desire to reveal the spiritual and moral potency of the campaign's heroes, characteristic of the 1960s and 1970s films.

Key words: representation, soviet cinema, cinematography, mass culture, virgin lands campaign, virgin lands epic, virgin lands, agricultural policy, «thaw»

For citation: Kocheshkov G. N., Grebenshchikov A. V. Presenting the image of a virgin lands worker in soviet cinematography. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):197-204. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-197-204

Постановка проблемы

Целинная кампания 1950-х годов является одним из наиболее ярких процессов периода «оттепели». В послевоенный период в СССР резко обострилась зерновая проблема; в стране возникло ярко выраженное несоответствие между производством зерна и постоянно увеличивавшимися потребностями населения в нем [Зеленин, 1998, с. 111]. После неурожая 1953 г. стало ясно, что без глубоких реформ повысить эффективность сельского хозяйства невозможно. Поэтому было принято решение в кратчайшие сроки возродить целинные залежные земли. Масштабная эпопея, в ходе которой было освоено более 40 млн. га [Зеленин, 1998, с. 120] – в районах Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Сибири, северного Казахстана поддерживалась властями в течение всего периода нахождения у власти Н. С. Хрущева. Для ее реализации только в первые годы на целину выехало около 1 млн. человек, а в уборке урожая приняло участие более 3 млн. студентов, рабочих, военнослужащих [Томилин, 2009, с. 84].

Анализируя историческую литературу, можно сделать вывод о том, что в последние десятилетия возрос интерес ученых к изучению социокультурных аспектов советской истории. Большой вклад в развитие представления о целинной кампании как социокультурном пространстве внесла американский историк М. Поль. По ее мнению, освоение целины, «несмотря на экономические и экологические издержки» является «одной из наиболее успешных и продолжительных реформ Н. Хрущева» [Поль, 2004, с. 7]; «целина, это заново созданная этноконтактная территория, новая малая родина, возникшая в пределах большой советской родины, добавила советской идентичности свои яркие краски» [Поль, 2004, с. 29]. Среди трудов историков, раскрывающих различные социокультурные аспекты целинной кампании, стоит выделить работы Лихацкой Л. Н., Севастьяновой Д. В., Буктугутовой Р. С., Волкова Е. В. и др. [Лихацкая, 2018; Севастьянова, 2018; Буктугутова…, 2021; Волков, 2020; Воронецкая-Соколова, 2018; Гершзон, 2016; Конышев, 2010]. При этом указанные авторы активно использовали новейшие методологические наработки, вводили в научный оборот новые источники: эго-документы, материалы «устной истории», визуальные изображения. Несмотря на определенный интерес научного сообщества к целинному проекту, следует констатировать крайне незначительное количество трудов, посвященных репрезентации образа «целинника» в массовой культуре. Можно отметить исследования Севастьяновой Д. В. [Севастьянова, 2018] «Освоение целины в культуре и устном народном творчестве», Деминой Е. В., Лариной Е. И., Мещерякова С. Н «Целина: фотографические практики восприятия» [Демина, Ларина, Мещеряков, 2018]. Так, по мнению Севастьяновой Д. В., чей труд посвящен фольклорному искусству хрущевской эпохи, устное народное творчество «чутко улавливало тенденции происходящих событий и в модифицированном виде

доносило их до слушателей и зрителей» [Севастьянова, 2018, с. 175]. Любопытен труд уральского историка Мазур Л. Н. «Забытая легенда: художественные фильмы об освоение целины 1950–1970-х гг.». Автор, анализируя фильмы о целинной программе, приходит к выводу, что они «содержат два основных мифологических сюжета – героический миф и миф преображения» [Мазур, 2017, с. 483]. К сожалению, по мнению авторов статьи, в данной работе образ «целинника» как представителя особой социальной группы советского общества раскрыт не самым полным образом.

Цель данной работы – раскрыть особенности репрезентации образа «целинника» в советском кинематографе через выявление, осмысление и сравнение художественных образов, используемых создателями фильмов. Для доказательства обоснованности результатов исследования авторы использовали целый ряд методов: реконструктивный, сравнительно-исторический, семиотический, дискурс-анализ. Несомненную помощь при написании статьи оказали работы исследователей Колотаева В. А., Коробко Р. В., Косиновой М. И., Кузнецовой М. И., Куровой Е. Г., посвященные искусству кинематографии эпохи «оттепели», а также сборник документов «Кинематограф «оттепели»: документы и свидетельства» [Кинематограф…, 1996-2002; Колотаев, 2011; Коробко, 2019; Косинова, 2016; Кузнецова, 2019; Курова, 2019].

В качестве объекта исследования были выбраны более десятка фильмов, сюжет которых напрямую или косвенно связан с освоением целинных и залежных земель. Фильмографию целины мы систематизировали по десятилетиям: в 1950-е гг. на экран вышли 5 фильмов: «Надежда» (реж. С. Герасимов), «Первый эшелон» (реж. М. Калатозов), «Это начиналось так…» (реж. Л. Кулиджанов, Я. Сегель), «Березы в степи» (реж. Ю. Победоносцев), «Иван Бровкин на целине» (реж. И. Лукинский); в 1960-е гг. на экраны кинотеатров вышли фильмы «Аленка» (реж. Б. Барнет), «Зной» (реж. Л. Шепитько) и «Последний хлеб» (реж. Б. Степанов); 1970-е гг. связаны с появлением киноэпопеи «Вкус хлеба» (реж. А. Сахаров), включающий в себя 4 отдельных картины. Несмотря на явную тенденцию к снижению кинематографического интереса к данному сюжету, наличие ярких и популярных фильмов о целине более раннего времени (1950–60-е гг.) позволяет рассматривать советскую фильмографию как ценный исторический источник, позволяющий раскрыть особенности репрезентации образа участников той эпохи.

Актуальность исследования определяется также и тем, что советские картины представляют из себя важные каналы исторической памяти о целине не только у современников событий, но и у нового молодого поколения.

Результаты исследования

Первый фильм о целине с символическим названием «Надежда (реж. С. Герасимов, «Киностудия им. М. Горького») вышел в 1954 г. Сюжет картины незамысловат – в фильме показана судьба молодой девушки Надежды Вахмистровой (актриса З. Кириенко), которая в числе первых откликнулась на призыв партии и отправилась на целину. Несмотря на горячую поддержку родственников и односельчан Надежда не находит понимания у возлюбленного, не желающего кардинально менять своей тихой размеренной жизни. Отношение Николая (возлюбленного Надежды) к целине меняется под влиянием эмоционального выступления девушки на митинге в Сталинграде: «По-моему счастье – не за печкой отсиживаться, а участвовать в строительстве на передовом участке, бороться с трудностями, а нам к этому не привыкать, товарищи–сталинградцы». Говорить о каких-то художественных достоинствах фильма вряд ли уместно. Режиссер картины преследовал вполне определенную цель – агитационно-пропагандистскую. В фильме не раскрываются характеры героев целины, не показаны реальная жизнь и быт молодежи.

В 1955 г. на экраны вышел художественный фильм «Первый эшелон» (киностудия «Мосфильм») известного советского режиссера М. Калатозова. В основе сюжета – жизнь рабочих одного из совхозов, созданного в первые годы целинной кампании. Автору удалось соединить романтику целины с трудностями, с которым столкнулась молодежь: сложные погодные условия (бураны), степные пожары, грязь и необустроенность помещений, отсутствие социальной инфраструктуры, низкая квалификация большинства первопроходцев. Но трудности преодолимы, с пафосом заявляют создатели фильма, целина – это особое социокультурное пространство, площадка для творчества молодежи. Именно здесь она может проявить свои способности, умения и таланты. Главное, как отмечает один из главных героев фильма Алексей Узоров (актер О. Е. Ефремов), быть нужным в

обществе: «Вот ребята: строили Комсомольск-на-Амуре, на войне себя показали. И сейчас хочется… Ведь молодость одна… И вот поднять целину, дать хлеб народу. Я не знаю, подвиг ли это, но надо, надо! Взметнуть надо!» Стоит отметить, что картина имела зрительский успех. Мобилизационный эффект фильма был мощным: «Тогда мы с упоением смотрели фильм Михаила Калатозова «Первый эшелон», который был снят в 1955 году по сценарию Николая Погодина. В нем играли первоцелинников Всеволод Санаев, Олег Ефремов, Нина Доронина, Татьяна Доронина, Изольда Извицкая. Нам хотелось туда, в целинные степи, где романтика, где трудности, настоящие дела и необычные люди», – вспоминает целинный журналист Свитич Л. Г. [Свитич, 2009, с. 6].

Фильм «Это начиналось так…» (реж. Л. Кулиджанов, Я. Сегель), снятый в 1956 г., подробно и обстоятельно показывает социально-экономические проблемы, характерные для первых лет освоения целины: бюрократизм, безответственность руководителей, постоянные простои в работе, вызванные неритмичными поставками стройматериалов («а у нас круглые сутки перекур – кирпича нет»), нелегальная торговля спиртным. Так продолжалось день за днем, месяц за месяцем и лишь с назначением нового директора совхоза Гришанина (актер В. Емельянов) ситуация кардинально меняется и совхоз получает новый импульс к развитию. Интересен образ дочери директора, Евгении Гришаниной (актриса Н. Павлова), которая приезжает на целину к отцу на короткий период, но, несмотря на скептическое отношение к целинному быту, постепенно меняет свое отношение к краю, к людям, работавшим там, и принимает нелегкое решение остаться в совхозе.

Фильм «Березы в степи» (1956 г., реж. Ю. Победоносцев, «Казахфильм») не очень вписывается в производственную тематику. Картина лирическая, режиссер много внимания уделяет нравственной стороне взаимоотношений целинников. Трудно было молодым людям, оторванным от родных мест, налаживать жизнь в новом месте, в знойной, голой, испепеляющей степи. Спасают ситуацию молодые березки, привезенные из дома и посаженные на новом месте. В центре сюжета – судьба молодой женщины Марии Радоминой (актриса Р. Куркина), приехавшей на целину со своим мужем, который, не выдержав трудностей целинной жизни, уезжает, оставив Марию одну, с ребенком на руках. И если бы не дружный, молодой коллектив и зарождающаяся любовь с агрономом Дмитрием, вряд ли бы Мария смогла адаптироваться на новом месте. В фильме ярко показаны тяжелые условия жизни и быта целинников, нередко становившиеся причиной отъезда молодежи с целины, формирующиеся традиции первоцелинников.

Пожалуй, наиболее известным из целинной фильмографии является картина И. Лукинского «Иван Бровкин на целине», снятая в 1958 в совхозе «Комсомольский» Оренбургской области («Киностудия им. М. Горького). Главный герой фильма – Иван Бровкин (актер Л. Харитонов) – находчивый, активный молодой человек, отслуживший в армии, отправился на целину, манящую своей неизвестностью, романтикой. Достаточно быстро Иван добился уважения и авторитета среди целинников и был назначен бригадиром. Стоит отметить, что в фильме отсутствуют отрицательные герои, при этом на первый план выходят два персонажа – Иван Бровкин как собирательный образ молодежи и директор совхоза Сергей Владимирович Барабанов (актер К. Синицын) как образ управленца. Оба героя обладают музыкальными способностями, хорошим слухом. Так, директор совхоза проникновенно исполняет песню «Комсомольцы тридцатых годов» (муз. А. Лепина, слова А. Фатьянова): «Ничего, что виски побелели, / Но глаза тем же светом горят, / Никогда, никогда не стареет / Тот, кто смолоду сердцем богат». Иван Бровкин исполняет песню «На трудных дорогах» (муз. А. Лепин, слова А. Фатьянов, 1958), также написанную для фильма: «Порою нам просто обидно до слез, / Ну, честное слово, обидно, / Что строить не нам довелось Комсомольск, / Магнитку, Шатуру, Хибины. / Ну, пусть удалость нам немного пройти, / И сделано нами немного, / Мы к счастью идем, значит нам по пути, / В дорогу, в дорогу, в дорогу».

Вообще, для советских фильмов характерно музыкальное сопровождение; песни создают некий эмоциональный настрой, точнее, бодрый заряд, столь необходимый для преодоления любых трудностей. Как пел когда-то великий Леонид Утесов: «Нам песня строить и жить помогает, Она как друг и зовет, и ведет, И тот кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет». В фильм удачно вписывается образ матери Ивана Бровкина, доброй и заботливой хозяйки, понимающей сына и помогающей ему своими советами (актриса Т. Пельтцер), показаны колорит национальных культур, зарождающаяся ин-

фраструктура целинных хозяйств, образ целины как мощного социального лифта.

Обобщая обзор фильмографии 1950-х гг., стоит отметить ряд особенностей, характерных для первых картин о целине. Режиссеры не затушевывают проблемы, трудности целинной жизни, показывают сомнения, метания главных героев, тяжелые бытовые условия, с которыми они столкнулись. Перефразируя В. Маяковского, можно сказать, что романтика разбилась о быт. Но… советский человек не может пасовать перед трудностями, это недостойно его. Главные герои преодолевают любые сложности, стоявшие на их пути; они – созидатели, первопроходцы. Родина ждет от них подвига, и молодежь не подводит: в скором времени в степи вырастают поселки, строятся дороги, дома, бурлит жизнь, создается целинное социокультурное пространство.

Фильмография 1960-х гг. открывается комедией «Аленка» (1961, реж. Б. Барнет, киностудия «Мосфильм»), снятой по мотивам одноименной повести С. П. Антонова. В центре повествования – судьбы разных людей, невольно оказавшихся в одном тесном пространстве грузовика, шофер которого из-за песчаной бури потерял дорогу. В кузове оказались ребенок, ученица начальной школы Алена Муратова (актриса Н. Оводова), выпускница медицинского университета, главный механик, тракторист, работница, у которой на целине трагически погибла дочь. Разные по возрасту и гендерной принадлежности, по национальностям и взглядам, эти люди вынуждены коротать время, рассказывая истории своей жизни, делясь переживаниями, надеждами, пытаясь поддержать друг друга, успокоить. Главное отличие фильма «Аленка» от предыдущих целинных картин – акцент на внутренних переживаниях отдельных людей, коллективизм как важный образ фильмов 1950-х гг. уступает место проблемам поиску себя, своего места в жизни. Однако, советская символика, советские ценности по-прежнему присутствуют в фильме: «Подумай, что бы на твоем месте сделал Павка Корчагин?» – не раз повторяла врач-стоматолог Эльза (актриса А. Зайце). Стоит отметить, что в фильме присутствуют необычные интерпретации целинной кампании: «Нынешняя уборочная имеет международное значение! Каждая тонна хлеба удаляет войну!»; «<…> Здесь шли на тяжелые и славные бои за коммунизм!»

Трансформация сюжетов о целине продолжается и в последующих фильмах 1960-х гг. – в драме «Зной» (реж. Л. Шепитько, 1963, «Киргизфильм») и в фильме «Последний хлеб» (реж. Б. Степанов, 1963, «Беларусьфильм»). Картины сняты по литературным произведениям («Верблюжий глаз» Ч. Айтматова и «Последний хлеб» В. Трунина). Целина в данных фильмах лишь место, где разворачивается основной сюжет, а центральное место занимает рассказ о сложном, внутреннем мире главных героев.

В драме «Зной» в центре внимания – взаимоотношения между молодым человеком, по-юношески категоричным, непреклонным в своих взглядах Кемелем и авторитарным, властным трактористом Абакиром Джураевым. Отношения сопровождаются конфликтами, сближениями, ультиматумами и компромиссами. Любопытно отношение тракториста Абакира Джураева к целинному проекту: «А ты знаешь, что там? Байконур – дорога в космос. Вот и подался бы туда работать. А в Антрахае не работают, в Антрахае вкалывают и не суют нос в чужие дела»; «оглянись, посмотри на эту мертвую землю. А ты знаешь, зачем мы пашем эту пыль? Чтоб доказать потомкам, что здесь не может расти даже люцерна».

Кинокартина «Последний хлеб» повествует о ночной поездке двух молодых людей и девушки в соседний совхоз в поисках шестеренки для комбайна. Отправившись в путь на ГАЗ-63, молодые люди сталкиваются с массой трудностей, в процессе преодоления которых открываются новые черты, новые стороны характеров героев. Дружба, взаимовыручка, готовность прийти на помощь – важнейшие нравственные установки, которыми дорожат и руководствуются в своей жизни молодые целинники.

Киноэпопея «Вкус хлеба» (реж. А. Сахаров, «Казахфильм») вышла на экраны в 1979 г. и была приурочена к 25-летию целинной кампании. Фильм состоит из четырех частей: «Хлеб насущный», «Хлеб и земля», «Хлеб и люди», «Хлеб Отечества». В отличие от фильмографии 1950-1960-х гг., где в центре внимания простые рядовые целинники, киноэпопея «Вкус хлеба» большое внимание уделяет партийным и советским руководителям: директору совхоза «Бескрайний» Степану Сечкину (актер С. Шакуров), секретарю целинного райкома партии Владимиру Ерошину (актер В. Рыжаков), ученому-агроному Сергею Игнатьеву (актер Э. Романов). Сюжетная канва фильмов – чисто производственная. Авторы обращают особое внимание на проблему кадров, низкую культуру управленцев, бюрократизм: «Я не понимаю, что же нужно: хлеб или сводки? / – Пока сводки, до хлеба еще далеко». Настойчи-

вость, уверенность и твердость главных героев позволяют победить консерватизм отдельных партийных чиновников, доказать значимость и важность научного подхода к освоению целинных земель. Зритель убеждается в том, что умный, грамотный управленец непременно добьется своей цели при несомненной поддержке партии. Показателен в фильме диалог директора совхоза Сечкина и агронома Игнатьева: «Как дальше жить? – Бороться. Каждый на своем участке. Именно из этих усилий отдельных людей сложится будущее». Вторая сюжетная линия фильма, как и во многих других фильмах о целине, – любовная, романтическая.

Выводы

Таким образом, анализ кинопроизведений 1950–1970-х гг. позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, создатели фильмов предлагают зрителю воспринимать целину как особое социокультурное пространство послевоенного периода. Данное пространство характеризуется гендерным, этническим равенством, возможностью сделать карьеру (социальный лифт). Но, самое главное, фильмы демонстрируют нравственное отношение молодежи к социальным проектам, беззаветную преданность советскому обществу и государству, готовность решать любые самые сложные проблемы. В-вторых, авторы фильмов рисуют различные художественные образы целинных первопроходцев: активную, творческую молодежь и профессиональных руководителей, без которых невозможен ни один государственный проект. В-третьих, в фильмах четко просматриваются единые сюжетные концепции: вера в будущее, преодоление героями различных трудностей, и, непременно, положительный финал. Важно подчеркнуть и трансформацию фильмографии: ярко выраженный агитационный посыл, характерный для первых кинокартин, сменяется попыткой авторов вникнуть в сложный, внутренний мир героев целины.

Библиографический список

Буктугутова Р. С., Бекишев К. О., Жанаева Г. К. Целинная эпопея: взгляд из Казахстана // Наука и реальность. 2021. № 1. С. 147–150.

Волков Е. В. «Ущемление интересов кино – это есть ущемление интересов зрителя»: проблемы советского кинопроката и качества фильмов в текстах периода «оттепели» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 2. С. 25–30.

Воронецкая-Соколова Ю. Г. Экзистенциальная драма героев Ларисы Шепитько // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 4. С. 95–104.

Гершзон М. М. Культурная политика Советского Союза в 1953 – начале 1954 г. (по материалам фонда министерства культуры СССР) // Преподаватель XXI в. 2016. № 4-2. С. 441–458.

Грибан И. В., Неволин А. В. Кино как источник формирования исторической памяти: из опыта деятельности студенческого киноклуба «Двадцать пятый кадр» // Бюллетень науки и практики – научный журнал // 2017. № 9. С. 184–188.

Демина Е. В., Ларина Е. И., Мещеряков С. Н. Целина: фотографические практики восприятия // Вестник антропологии. 2019. № 1. С. 30–53.

Ерохина Т. И. Кинематографические коды Серебряного века в массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 235–231.

Зеленин И. Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.

Кинематограф «оттепели»: Документы и свидетельства (сост. Фомин В. И.). В 2-х кн. Москва : Материк, 1996–2002. 458 с.

Колотаев В. А. Репродуктивная модель идентичности в советском кино 1960-х гг. // Артикульт. 2011. № 3. С. 1–25.

Конышев Д. Н. Аграрные реформы Н. С. Хрущева // Преподавание истории в школе. 2010. № 2. С. 33–38.

Коробко Р. В. Семиотика и синергетика ракурса в контексте творчества кинооператора // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №1. С. 162–170.

Косинова М. И. Кинорепертуар и зрительские предпочтения в эпоху «Застоя». // Вестник университета. 2016. № 16. С. 255–259.

Кузнецова М. О. Мотив отцеприимства: от кинематографа «оттепели» к российскому кинематографу «новой искренности» // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2019. №2. С. 161–177.

Кузнецова О. В. Повседневная жизнь первоцелинников (1954–1965 гг.): на материалах Оренбургской области. Оренбург, 2008. 318 с.

Куляпин А. И. Другой Шукшин: заметки о современном шукиноведении. // Сибирский филологический форум. 2020. № 2. С. 39–52.

Курова Е. Г. Кадр как способ построения значения в кино // Человек. Культура. Образование. 2019. № 4. С. 90–101.

Лихацкая Л. Н. Целина как фактор развития художественной культуры Алтая (на примере творчества Андрея Вагина) // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры искусств). Научный журнал. 2018, № 3. С. 157–160.

Мазур Л. Н. Забытая легенда: художественные фильмы об освоении целины 1950–1970-х гг. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/44137/1/dais_2016_119.pdf (дата обращения 20.02.200.

Поль М. «Планета ста языков». Этнические отношения и советская идентичность на целине / пер. с

англ. Н. Космарской // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 5–33.

Свитич Л. Г. Целинная журналистика времен хрущевской оттепели. Москва : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. 434 с.

Севастьянова Д. В. Освоение целины в культуре и устном народном творчестве. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. №3. С. 170–176.

Томилин В. Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81–93.

Reference list

Buktugutova R. S., Bekishev K. O., Zhanaeva G. K. Celinnaja jepopeja: vzgljad iz Kazahstana = The virgin lands epic: a view from Kazakhstan // Nauka i real'nost'. 2021. № 1. S. 147–150.

Volkov E. V. «Ushhemlenie interesov kino – jeto est' ushhemlenie interesov zritelja»: problemy sovetskogo kinoprokata i kachestva fil'mov v tekstah perioda «ottepeli» = «To infringe the interests of the cinema is to infringe the interests of the viewer»: the problems of Soviet film distribution and the quality of films in the «Thaw» period texts // Vestnik JuUrGU. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki». 2020. T. 20. № 2. S. 25–30.

Voroneckaja-Sokolova Ju. G. Jekzistencial'naja drama geroev Larisy Shepit'ko = Existencial drama of Larisa Shepitko's characters // Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istorija. Filosofija. Pravo. 2018. № 4. S. 95–104.

Gershzon M. M. Kul'turnaja politika Sovetskogo Sojuza v 1953 – nachale 1954 g. (po materialam fonda ministerstva kul'tury SSSR) = The USSR cultural policy in 1953 – early 1954 (based on the materials of the USSR Ministry of culture) // Prepodavatel' XXI v. 2016. № 4-2. S. 441–458.

Griban I. V., Nevolin A. V. Kino kak istochnik formirovanija istoricheskoj pamjati: iz opyta dejatel'nosti studencheskogo kinokluba «Dvadcat' pjatyj kadr» = Cinema as a source of historical memory formation: from the work of the student film club «Twenty-fifth shot»// Bjulleten' nauki i praktiki – nauchnyj zhurnal // 2017. № 9. S. 184–188.

Demina E. V., Larina E. I., Meshherjakov S. N. Celina: fotograficheskie praktiki vosprijatija = Virgin lands: photo practices of perception // Vestnik antropologii. 2019. № 1. S. 30–53.

Erohina T. I. Kinematograficheskie kody Serebrjanogo veka v massovoj kul'ture = Silver age cinema codes in mass culture // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 4. S. 235–231.

Zelenin I. E. Celinnaja jepopeja: razrabotka, prinjatie i osushhestvlenie pervoj hrushhevskoj «sverhprogrammy» = The virgin lands epic: the development, adoption, and implementation of Khrushchev's first «super-program» // Otechestvennaja istorija. 1998. №4. S. 109–122.

Kinematograf «ottepeli»: Dokumenty i svidetel'stva (sost. Fomin V. I.). V 2-h kn. = The «Thaw» cinematograph: documents and evidence (comp. by Fomin V.I.). In 2 books. Moskva : Materik, 1996–2002. 458 s.

Kolotaev V. A. Reproduktivnaja model' identichnosti v sovetskom kino 1960-h gg. = The recreative model of identity in the 1960s Soviet cinema // Artikul't. 2011. №3. S. 1–25.

Konyshev D. N. Agrarnye reformy N. S. Hrushheva = N. S. Khrushchev's agricultural reforms // Prepodavanie istorii v shkole. 2010. № 2. S. 33–38.

Korobko R. V. Semiotika i sinergetika rakursa v kontekste tvorchestva kinooperatora = Semiotics and synergy of perspective in the context of cameraman's work// Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. №1. S. 162–170.

Kosinova M. I. Kinorepertuar i zritel'skie predpochtenija v jepohu «Zastoja» = Film repertoire and audience preferences in the Stagnation years. // Vestnik universiteta. 2016. № 16. S. 255–259.

Kuznecova M. O. Motiv otcepriimstva: ot kinematografa «ottepeli» k rossijskomu kinematografu «novoj iskrennosti» = The motive of continuity: from the «thaw» cinematography to the Russian cinematography of «new sincerity» // Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka. 2019. №2. S. 161–177.

Kuznecova O. V. Povsednevnaja zhizn' pervocelinnikov (1954–1965 gg.): na materialah Orenburgskoj oblasti = The everyday life of virgin lands workers (1954-1965): on the materials of the Orenburg Region. Orenburg, 2008. 318 s.

Kuljapin A. I. Drugoj Shukshin: zametki o sovremennom shukinovedenii = Different Shukshin: notes on the current studies of Shukshin // Sibirskij filologicheskij forum. 2020. № 2. S. 39–52.

Kurova E. G. Kadr kak sposob postroenija znachenija v kino = A shot as a way of constructing meaning in films // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2019. № 4. S. 90–101.

Lihackaja L. N. Celina kak faktor razvitija hudozhestvennoj kul'tury Altaja (na primere tvorchestva Andreja Vagina) = The virgin lands as a factor in developing the artistic culture of the Altai (on the example of Andrei Vagin's work) // Uchenye zapiski (Altajskaja gosudarstvennaja akademija kul'tury iskusstv). Nauchnyj zhurnal. 2018, № 3. S. 157–160.

Mazur L. N. Zabytaja legenda: hudozhestvennye fil'my ob osvoenii celiny 1950–1970-h gg. = A forgotten legend: feature films about the virgin lands in the 1950s-1970s. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/44137/1/dais_2016_119.pdf (data obrashhenija 20.02.200.

Pol' M. «Planeta sta jazykov». Jetnicheskie otnoshenija i sovetskaja identichnost' na celine = «Planet of a hundred languages. Ethnic relations and Soviet identity on the virgin lands / per. s angl. N. Kosmarskoj // Vestnik Evrazii. 2004. № 1. S. 5–33.

Svitich L. G. Celinnaja zhurnalistika vremen hrushhevskoj ottepeli = Virgin lands journalism at times

of Khrushchev's thaw. Moskva : Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2009. 434 s.

Sevast'janova D. V. Osvoenie celiny v kul'ture i ustnom narodnom tvorchestve = Development of the virgin lands in culture and folklore // Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnojarskogo GAU. 2018. № 3. S. 170–176.

Tomilin V. N. Kampanija po osvoeniju celinnyh i zalezhnyh zemel' v 1954–1959 gg. = Virgin lands campaign in 1954-1959 // Voprosy istorii. 2009. № 9. S. 81–93.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 27.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 008 (1-6)
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-205-213

«Кому на Руси жить хорошо»: парадоксы поэмы Н. А. Некрасова на сцене современного театра

Татьяна Иосифовна Ерохина
Доктор культурологии, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 43
tatyaner@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8328-2546

Аннотация. В статье рассматривается специфика репрезентация творчества Н. А. Некрасова на театральной сцене. Автор отмечает невостребованность драматургии поэта и внимание к поэме «Кому на Руси жить хорошо» в современном театральном пространстве. Акцентируя внимание на культурных кодах, заложенных в поэме Н. А. Некрасова, автор обращается к осмыслению парадоксов сценического воплощения поэмы в спектаклях К. Серебренникова и П. Васильева. Опираясь на герменевтическую методологию, семиотический и символический анализ, в статье выделены особенности режиссёрских интерпретаций поэмы. Специфика спектакля К. Серебренникова заключается в эволюции от форм вербатима к условному театру. Сохраняя авторский текст, режиссёр выбирает смыслообразующие главы поэмы, последовательность которых расширяет временные и пространственные границы текста. В спектакле представлены разножанровые части, включающие эксперименты с различными театральными формами. Кукольный спектакль П. Васильева ориентирован на интертекстуальность и символичность поэмы Н. А. Некрасова, которые выражаются с помощью ассоциаций и аллюзий, а также посредством символики кукол и сценографии. Парадоксы бытования поэмы на современной сцене обусловлены интерпретационным потенциалом текста, заложенными в нем культурными кодами, внутренним драматизмом, незавершенностью и открытым финалом. Современный отечественный театр, тяготеющий к экспериментам и интертекстуальности, предлагает парадоксальное прочтение поэмы Н.А. Некрасова, отсылающее зрителя, как к русской классике, так и к массовой культуре.

Ключевые слова: Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо», современный театр, парадоксы, интерпретация, интертекстуальность, пограничность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей»

Для цитирования: Ерохина Т. И. «Кому на Руси жить хорошо»: парадоксы поэмы Н. А. Некрасова на сцене современного театра // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 205-213. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-205-213

Original article

Who is Happy in Russia?: paradoxes of N. A. Nekrasov's poem in contemporary theater

Tatiyana I. Erokhina
Doctor of cultural sciences, professor, vice-rector for academic work, Yaroslavl state theater institute. 150000, Yaroslavl, Pervomaiskaya st., 43
tatyaner@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8328-2546

Abstract. The article deals with the specifics in representing the work of N. A. Nekrasov on the theatrical stage. The author notes the lack of demand for the poet's dramaturgy and the attention to the poem Who is Happy in Russia? in the modern theatrical space. Focusing on the cultural codes embedded in N. A. Nekrasov's poem, the author turns to analyzing the paradoxes of the poem's stage version directed by K. Serebrennikov and P. Vasilyev. Based on hermeneutic methodology, semiotic and symbolic analysis, the article highlights the peculiarities of the directors' interpretations. The specifics of Serebrennikov's play lie in its evolution from verbatim forms to conventional theater. While respecting the author's text, the director chooses the key chapters of the poem, whose sequence extends the temporal and spatial boundaries of the text. The play features multi-genre parts that involve experiments with different theatrical forms. P. Vasilyev's puppet show focuses on intertextuality and symbolism in N. A. Nekrasov's poem,

© Ерохина Т. И., 2021

expressed through associations and allusions, as well as through the symbolism of puppets and scenography. The paradoxes of the poem's existence on the modern stage are determined by the interpretive potential of the text, its embedded cultural codes, internal drama, incompleteness and open ending. Contemporary Russian theater, gravitating toward experiments and intertextuality, offers a paradoxical interpretation of N. A. Nekrasov's poem, referring the audience both to Russian classics and to mass culture.

Key words: Nekrasov, Who is Happy in Russia?, modern theater, paradoxes, interpretation, intertextuality, borderline

The study was supported by the RFBR grant 20-012-00272 «N. A. Nekrasov: pros and cons. Personality, activity, creative heritage of Nekrasov of evaluative domestic thinkers and researchers»

For citation: Erokhina T. I. Who is Happy in Russia?: paradoxes of N. A. Nekrasov's poem in contemporary theater. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):205-213. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-205-213

Введение

Творчество Н. А. Некрасова представляет собой сложный и многогранный феномен: известность ему принесла, прежде всего, гражданская лирика, включающая в себя как стихотворения, так и поэмы. Отдельное место в его творчестве занимают прозаические произведения, которые были меньше известны современникам Некрасова, редко переиздавались, а некоторые были опубликованы после его смерти. Особое значение в культуре и литературе сыграли критические и публицистические статьи Н. А. Некрасова, в том числе – его статьи о театре. И это – не случайно. Некрасов театр любил, был завсегдатаем театральных премьер, много писал о театре. Театральной теме в творчестве Некрасова посвящены исследования В. Жданова, М. Полякова, В. Евгеньева-Максимова и др., которые анализируют влияние Н. А. Некрасова на русский театр XIX века, акцентируют внимание на элементы театральности в его творчестве, обращаются к драматургии поэта. И хотя исследователи отмечают, что драматургия Н. А. Некрасова имеет общие черты с его поэзией, «насыщена социально-демократическими мотивами; его водевили отличались остротой, сатиричностью, реалистичным изображением среды и характеров» [Театральная энциклопедия, 1965], тем не менее известно, что Н. А. Некрасов критично относился к своим драматургическим опытам, не включал их в собрания сочинений, не упоминал в автобиографических записях [Жданов, 1971; Некрасов и театр, 1948]. Вероятно, это было связано с мифотворчеством поэта [Ерохина, 2020; Ерохина, 2021], в рамках которого образу поэта-гражданина, страдающего вместе с народом, не соответствовал образ драматурга, специализировавшегося, в основном, на водевилях («Актёр», «Великодушный поступок», «Вот что значит влюбиться в актрису», «Дедушкины попугаи», «Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах», «Петербургский помещик», «Утро в редакции» и др.).

Пьесы Н. А. Некрасова редко ставились в современном ему театре, и также редко встречаются в современном отечественном театральном пространстве. Тем более показательны театральные постановки, представленные в российских театрах в ознаменование юбилейных событий, связанных с поэтом. Актуальность исследования обусловлена не только обращением к юбилейным датам в культуре, хотя они и являются поводом переосмысления и появления новых векторов осмысления классики. Актуальность исследования обусловлена интерпретационным потенциалом поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которая давно стала хрестоматийным произведением школьной программы, но при этом обретает новое звучание в современном театральном пространстве.

Целью исследования стало осмысление парадоксов сценического воплощения поэмы «Кому на Руси жить хорошо», связанных с современным прочтением содержательного уровня текста, и с выстраиванием нового коммуникативного пространства, создаваемого различными средствами театральности. Эмпирическим материалом исследования стали две театральные постановки: «Кому на Руси жить хорошо» К. Серебренникова (2015, Гоголь-центр) и одноимённая постановка П. Васильева (2021, Ярославский государственный театр кукол). Выбор эмпирического материала обусловлен обращение к разным видам театра – драматическому и кукольному – что позволит выявить специфику и универсальность кодов поэмы на театральной сцене.

Методы исследования

Методология исследования базируется на герменевтическом подходе к анализу феномена театрального воплощения поэмы Н. А. Некрасо-

ва и включает в себя методы интерпретации и семиотического анализа, театроведения и символистской критики.

Новизна исследования заключается в обращении к новому эмпирическому материалу, научное осмысление которого еще не представлено в критике, а также в выборе ракурса анализа, предполагающего изучение поэмы Н. А. Некрасова как системы кодов и символов, раскрытие которых меняется не только в зависимости от режиссёрского замысла и определённого историко-культурного и социокультурного контекстов, но и в зависимости от обращения к новым средствам театральности и коммуникативному потенциалу театрального пространства.

Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» имеет длительную историю осмысления и интерпретации: так или иначе к осмыслению некрасовской поэтики обращались И. Л. Альми, Б. Я. Бухштаб, В. А. Кошелев, М. С. Макеев, Н. В. Мокина, Н. Н. Пайков, Е. Ю. Полтавец, С. А. Ромащенко, В.А. Сапогов, Н.Н. Скатов, М.В. Теплинский, Ю.Н. Тынянов, Г. Ю. Филипповский, Е. В. Чубукова, К. И. Чуковский, Б. М. Эйхенбаум и др. Являясь одним из наиболее знаковых произведений поэта, своего рода «культурным кодом», в котором выражены самые узнаваемые некрасовские темы, сюжеты, образы (народность, гражданская позиция, социальное неравенство, феномен крестьянского сознания, стилизация народной поэзии и др.), поэма «Кому на Руси жить хорошо» до сих пор остаётся одним из самых загадочных и сложных произведений поэта в силу своей незавершенности, дискуссионности предположений по поводу композиции и сюжетного единства, открытого (недописанного) финала.

Возможно поэтому поэма «Кому на Руси жить хорошо» стала предметом современных театральных интерпретаций: она репрезентирует «некрасовский код» русской культуры и вместе с тем (в силу незавершенности) оставляет возможность режиссёрского прочтения текста. Не случайно М. В. Теплинский обращал внимание на разнообразие форм авторского сознания в поэме: «Лирическое начало не является в поэме Некрасова чем-то случайным, неорганичным, каким-то механическим привеском. Поэтому-то (!) оно проявляется не только и не столько в прямых авторских высказываниях, которых, кстати говоря, в поэме не так уж много. Гораздо существеннее то, что вся поэма организуется на основе развития авторской идеи» [Теплинский, 1972, с. 422]. Особую «лирическую событийность», которая, несмотря на эпичность жанра поэмы, демонстрирует «лирические порывы» [Саженина, 2014]. Авторская лиричность и соотносится с возможной лиричностью (субъективностью) режиссёрского подхода.

«Некрасовский код» в современном театре: К. Серебренников

Обратимся к постановке, премьера которой состоялась в 2015 году в театре «Гоголь-центр». Этот спектакль вызвал резонанс в силу ряда причин. Прежде всего, сама поэма мало сценична и воспринимается достаточно шаблонно и стереотипно в силу присутствия её в школьной программе. А. Карась справедливо отмечает, что «пристроиться заново к тексту, который со школьных времен казался скучной частью обязательной „программы”, вернуть театру возможность вновь – через всю советскую и постсоветскую цензуру, какая бы она ни была – проговорить, разыграть сказовый, „почвеннический”, некрасовский раек – уже дело немалое» [Карась, 2015]. Кроме того, имя Кирилла Серебренникова – имя режиссера эпатажного, редко озабоченного проблемами аутентичности режиссерской постановки авторскому тексту. Наконец, особый интерес вызывает жанровая специфика постановки, которая априори предполагает пограничность и синтетичность.

Театральная версия поэмы, представленная К. Серебренниковым, имеет свою предысторию: режиссёр начал подготовку к спектаклю с экспедиции по местам, связанным с Н. А. Некрасовым и персонажами его поэмы: «Начали, конечно, с Карабихи, родины Некрасова, а потом двинулись вглубь губернии. „Малые города – Рыбинск, Пошехонье, Мышкин, некогда богатые села – Пречистое, Поречье, Кукобой – еще как-то елеле живут, а вот вокруг них пространство, заросшее лесом, бурьяном, борщевиком, где больше нет почти ничего”» [Карась, 2015]. Но погружение в материал не было реализовано на уровне возможного вербатима или реалистичности (документальности), которую можно было бы ожидать. Напротив, спектакль продемонстрировал неожиданный интерпретационный потенциал, далеко выходящий за рамки классического прочтения поэмы, и снова подтвердил готовность режиссёра к экспериментам с авторским текстом.

Спектакль состоит из трёх частей, каждая из которых может претендовать на определённую самодостаточность в силу специфики

театральных форм, репрезентируемых в ней. Первая часть «Спор» начинается с традиционного и ожидаемого вопроса «Кому живется весело, вольготно на Руси?». Но вопрос задаётся в интерьерах современной культуры, в силу чего он приобретает иное звучание: на сцене вариант ток-шоу, в котором есть свои участники, общающиеся с ведущим. Участники и представляют собой «разнообразные оттенки современного простонародья: работяги, торговцы мелкие, шоферюги, может, даже бедные, как церковные крысы, интеллигенты сельские…» [Каминская, 2015]. Но, несмотря на это осовременивание, весь произносимый текст – текст Н. А. Некрасова, и вместе с тем – текст почти не узнаваемый или воспринимаемый по-новому, потому что он разбит на диалоги и монологи, в нём расставлены драматургические акценты, которые делают сам текст актуальным и злободневным: «Про царя говорят шепотом, про попа и вовсе – одними губами, про министра государева – со страхом… Здесь и актуализировать нечего – некрасовский мир нескончаемо воспроизводит себя на святой Руси, повторяя все те же слова и про царя, и про попа, и бесконечно впрягаясь в новое ярмо, новую лямку бурлаков» [Карась, 2015].

Отдельного внимания заслуживает сценография первой части, в которой доминирующее место занимает огромная труба (то ли газопровода, то ли теплотрассы), за ней – стена с кольцами колючей проволоки – пространство, в котором вопрос «Кому живется весело…» становится не только лейтмотивом, но и парадоксальным символом, обнажающим русский экзистенциализм: «В витках колючей проволоки на заднике вспыхивает белым неоном небогатая, как на придорожном кафе, рекламная надпись: «Кому на Руси жить хорошо». А что за стеной? Неведомо. Но она, стена (это как-то сразу видно) – не тюремная. А наша, родная. Это мы отсиживаемся за ней, держим оборону. Она стоит не на границе державы, а в нашем разуме» [Дьякова, 2015]. Первая часть воспринимается как политическая сатира, много в ней остроты и подтекста, аллюзий на разные периоды отечественной культуры, импровизации и провокации. Современность начинает восприниматься не как дань моде и известный театральный приём, а как обобщение, заставляющее нас задуматься о близости и преемственности традиций и кодов, берущих своё начало в некрасовский период, продолжающих свое бытие в советскую эпоху (актуализация которой на сцене происходит благодаря появлению звезды советского периода Ольги Воронец), и узнаваемых в современной культуре: «Написанная Некрасовым вскоре после отмены крепостного права поэма, буквально кричащая о невыкорчеванных корнях русского рабства, опрокидывается в последующую семидесятилетнюю утопию» [Каминская, 2015].

Границей-маркером, переворачивающим наше восприятие поэмы Н. А. Некрасова на сцене Гоголь-центра, становится вторая часть «Пьяная ночь». Парадокс этой части заключается в том, что она становится бессловесной: на сцене пластический театр, хаос пьяных тел, свободные и странные движения пьяных мужиков, то вырастающих, то падающих, то толкающих друг друга, то выступающих единым организмом, летающих и ползающих под акапельное пение девушек, напоминающее то ли плач, то ли хорал. И рождается хаос ассоциаций, которые, выходя далеко за пределы некрасовского текста, в очередной раз расширяют время и пространство происходящего действа. Не случайно, предлагая свой ассоциативный ряд, Е. Дьякова выстраивает философский дискурс сменяющих друг друга картин: «То ли это голод – но уже не некрасовский, а поволжский, 1921-го, из самых страшных. То ли лагерная баня. То ли лесоповал. То ли расстрельный ров, котлован, Чевенгур, пехота с трехлинейками под пулеметным огнем. То ли фреска «Страшный суд» в деревенской церкви. Тут валят сосны на адском морозе. Тут выносят на согнутых спинах мертвых. Тут немо мучаются, избывая всем народом веселый грех полупьяного раболепия и безумный праздник бунта» [Дьякова, 2015].

Обратим внимание на возраст актёров на сцене Гоголь-центра. Мужики в спектакле К. Серебренникова – исключительно молодые люди, поэтому вопрос о счастье и вольготной жизни обретает для них и зрителей дополнительные смыслы: жизнь этих героев еще впереди, место в этой жизни еще можно найти, изменить, исправить. Отметим, что возрастные границы персонажей в поэме Н. А. Некрасова могут быть реконструированы примерно и редко обозначаются точно (разве что по отношению к Матрёне, которая стала старухой в 38 лет и при обозначении возраста Пахома-старика). По мнению В. А. Кошелева, возрастная неопределённость персонажей Н. А. Некрасова не случайна: она открывает

«весьма своеобразную бытовую «философию возраста», отразившуюся в знаменитой поэме, в которой развернут комплекс собственно народных «возрастных» представлений о «круге жизни» человека» [Кошелев, 1998, с. 58]. Возможно, молодой возраст актёров в спектакле Серебренникова связан и с эволюцией замысла поэмы, о которой писали многие исследователи [Евгеньев-Максимов, 1953; Бухштаб, 1989; Прокшин, 1986], отмечая, что под влиянием историко-культурного контекста для поэта на первый план постепенно выходит не тема счастья, а тема эволюции странников, их «умудрения». И в этом случае эволюция взглядов молодых людей будет выглядеть более очевидной и убедительной.

Третья часть спектакля К. Серебренникова «Пир на весь мир» начинается с интерактивного действия: актёры выносят ведро водки и предлагают зрителям вознаграждение в ответ на вопрос, есть ли среди них счастливые, и в чем это счастье заключается. Ответы, как правило, касаются бытового и повседневного ощущения счастья, но спокойствие и смех сменяются самым страшным сюжетом поэмы Н.А. Некрасова – исповедью Матрёны, которая, продолжая существовать в той же обыденности и рутинных хлопотах (накрывает скатертью стол, раздаёт хлеб, выносит кашу), рассказывает страшную историю, вырастающую из личной трагедии до трагедии жизни человека в целом. Появляется психологический театр, в котором смысл ценности жизни человека звучит предельно остро и трагично. И вместе с тем в этой части снова появляется отсылка к современности, которая врывается на сцену горькой иронией и контрастом: это и демонстрация русских костюмов (дефиле на подиуме), и финал спектакля, в котором мужики «обретают счастье», надевая на себя множество футболок с символическими надписями («Жить здорово», «Счастье есть» и др.). Парадоксальность театральной интерпретации поэмы в версии К. Серебренникова в невероятном соединении того, что не вписывается в традиционную канву и символику поэмы Н. А. Некрасова (современность и эпатаж, игра и новые театральные формы, сценография и костюмы), и того, что делает все известные нам трактовки поэмы живыми и вечными, поэтичными и неизменными: «А его нескончаемая поэма-плач, поэма-смех, поэма-вербатим „Кому на Руси жить хорошо?”, казалось, попадает в самое сердце нынешних русских проблем. В сопровождении энтузиастов и „сталкеров” они шли сквозь заброшенные деревни и удивительную природу, мимо потрясающих музеев и распавшейся, давно ушедшей жизни» [Карась, 2015]. Парадоксальность в том, что, бережно относясь к тексту Н. А. Некрасова, его эмоциональности и лиричности, режиссёр произвольно меняет последовательность эпизодов, делая сюжет Некрасова вневременным, условным, «внеисторическим». Театральная интерпретация К. Серебренникова вызывает ощущение новизны и неожиданности восприятия поэмы, а также аутентичности некрасовским интонациям. Парадоксально в этом контексте восприятие спектакля современными критиками, осмысливающими не только постановку, но и поэму Н. А. Некрасова: «В жизни литературного произведения бывают поворотные моменты, и, возможно, премьера в «Гоголь-центре» станет таковым для поэмы Николая Некрасова, порастерявшей интерес читателей из-за того, что большевики и советская власть прибрали ее к рукам. Дело не только в том, что Некрасов (оказывается) писал о выборе между свободой и колбасой, о семейном насилии и правах женщин, дело и в самом его слоге. Поэтический язык Некрасова оказался на удивление гибким: стихи по воле режиссера стали звучать и как обыденная речь, и как оратория, и даже как хип-хоп» [Хитров, 2015].

Интертекстуальность поэмы Н. А. Некрасова в театре кукол: П. Васильев

Парадоксальность театральных интерпретаций поэмы «Кому на Руси жить хорошо» не заканчивается постановкой К. Серебренникова. В 2021 году в Ярославском государственном театре кукол состоялась премьера кукольного спектакля по поэме Н. А. Некрасова, режиссёром которой стал П. Васильев. Кукольные спектакли в современном театральном пространстве давно вышли за пределы детского театра: эстетика кукольного театра стала частью театра драматического, а способ актёрского существования в живом и кукольном планах отличается синтетическим и пограничным характером. Тем не менее, обращение кукольного театра к поэме Н. А. Некрасова воспринимается как эксперимент и, сразу отметим, что эксперимент успешный. В спектакле есть явные переклички с уже рассмотренной нами выше интерпретацией, которые обусловлены текстом поэмы. Так, по залу ходят мужики, предлагая зрителям отведать водки (впрочем, зрители отказываются, вопросов о счастье им не задают, поэтому условность происходящего пира очевидна). На сцене появляются все главные

персонажи поэмы, включая и мужиков, и попа, и помещика, и Утятина, и Матрёну, в спектакле много песен и танцев. И узнаваемость некрасовского текста и некрасовского кода тоже не вызывает сомнения: зрители прислушиваются к новым интонациям, диалогам, которые рождаются на сцене.

Но есть у спектакля П. Васильева иные подтексты и контексты, которые задают интерпретационный вектор спектакля. Прежде всего, это интертекстуальность, выраженная в тексте спектакля, который включает в себя не только строки из поэмы Н. А. Некрасова, но и узнаваемые цитаты из произведений М. Салтыкова-Щедрина и Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и В. Ерофеева, Е. Ильфа и В. Петрова (здесь и «птица-тройка», и «подайте бывшему депутату»). И хотя авторский текст преобладает, переклички с текстами других произведений снова расширяют наше восприятие поэмы, обозначая все беды и боли персонажей Н. А. Некрасова как не изживаемые и «русские». Интертекстуальность задаётся с первой же сцены, открывающей спектакль: мы видим «космический корабль», внешний вид которого отсылает нас к кинофильму Г. Данелии «Кин-дза-дза». Обыгрывается и знаменитое «ку», которое рождается из «ку-каре-ку». Расстановка смысловых акцентов, разбивающих некрасовские строки на диалоги, казалось бы, не имеющие отношения к поэме («В каком году? Рассчитывай! В какой земле? Угадывай!») перерастает из забавной игры в сложный подтекст («коммуна» – «кому на…»), который демонстрирует нам неистребимость чаяний и поисков героев не только на русской земле, но и во вселенной.

Еще одним уровнем интертекстуальности, который требует отдельного рассмотрения, стали куклы в спектакле. Их обилие, разноплановость и символичность создают многослойное и объемное восприятие спектакля, подчеркивают феномен текста и его звучания. Перед нами на сцене «безногие» куклы, напоминающие мешки в мужицкой одежде, с одинаковыми носатыми и бородатыми лицами без глаз, но выразительные в своих поворотах и жестах, неуклюжести и неустойчивости, падающие порой как пустые мешки, или качающиеся как тростинки на ветру, гибкие и тонкие, трогательные и пустые. Куклы, которые без рук актёров сразу «роняют» головы набок, становясь то ли потерянными, то ли удивлёнными, то ли задумчивыми. Здесь же появляется ростовая кукла, которая изначально показана нам только со спины, а передвигается она, подталкиваемая ногами актёра. Здесь и деревянные силуэтные тростевые куклы, перемещающиеся друг за другом или прилетающие по воздуху. И все это время рядом с куклами, вместо кукол, вместе с куклами – актёрский живой план, который не только подчёркивает условность происходящего, но и формирует понимание того, что куклы и люди, актёры и зрители, мужики и бабы, юродивые и «космонавты», – в одном хороводе событий, времени и пространства. Отметим, что в отличие от молодого возраста актёров-мужиков в спектакле К. Серебренникова, возрастных признаков куклы в спектакле не имеют. Точнее – возраст кукол обезличен и универсален: все мужики с бородой, примерно все одного размера. Возможно, возрастная универсальность тоже репрезентирует философский замысел Н.А. Некрасова, являясь показателем «особенного отношения поэта к «вечной» проблеме человеческого возраста» [Кошелев, 1998, с. 64].

Символична сценография спектакля, которая не исчерпана построением космического корабля на сцене, напоминающего бочку (кстати, и здесь появляется интертекстульность, отмеченная сценографом А. Торик: «бочка несет информацию и об уникальной живучести русского мужика, достаточно вспомнить сказку Александра Сергеевича Пушкина о царе Салтане: «…В бочку с сыном посадили,/ Засмолили, покатили/ И пустили в Окиян – / Так велел-де царь Салтан») [Торик, Сахарова, 2021]). Космический корабль постоянно трансформируется, превращаясь то в корабль с веслами, то в карусель, на сцене появляется огромное колесо, телега и помост, коровы и дома, и огромное количество мешков, мешкообразный костюмов, создающих ощущение чего-то недооформленного и размытого.

П. Васильев и А. Торик отмечали, что поэма Н. А. Некрасова – это поэма о «вечном поиске человеком счастья. Бесконечная, в общем, история, вне времени и пространства. А под понятие «бесконечность» более всего подходит космос. Но ведь и наша Россия тоже космос: бескрайний, непроходимый, непонятный, загадочный, местами погрязший чуть ли не в средневековье. Так в одной точке пересеклись Россия, в которой мало что изменилось с некрасовских времен, поиск человеком счастья и космос» [Торик, Сахарова, 2021]. Вечный поиск и космос актуализирую еще один некрасовский код – код вечного странничества, дороги, пути, в котором находится человек всю его жизнь. В. Е. Евгеньевым-Максимов отмечал, поэма построена как «как повествование о

путешествии семерых странников, желающих во что бы то ни стало найти истинно счастливого человека, как повествование о бесчисленных дорожных встречах странников и о разговорах их с огромным количеством людей, принадлежащих к различным социальным слоям» [Евгеньев-Максимов, 1953, с. 237]. Е. В. Саженина иронично замечает, что «некрасовские мужики, вокруг которых происходит движение, могли вообще никуда не ходить и тогда поиск истины ограничился бы застольной беседой, симпосионом, организующим главу «Пир на весь мир» [Саженина, 2013, с. 56], но затем справедливо указывает на то, что метафора пути связана с экзистенциальной тематикой: «некрасовский сюжет путешествия обретает не только прямой, но и метафорический смысл. Спор мужиков и выдвижение версий необходимы только для того, чтобы начался путь, вне которого невозможен поиск истины» [Саженина, 2013, с. 56]. В этом контексте «космическое путешествие», предложенное в спектакле приобретает не иронические, а трагические коннотации.

Новый смысл появляется и в финале незаконченной поэмы, которую «дочитывают» и завершают на сцене. Если в спектакле К. Серебренникова ведущей темой становится тема добровольного рабства и отказа от свободы, то базовой темой П. Васильева становится тема пьянства. Пришельцы обнаруживают колодец, из которого льётся водка, пьют её и предлагают зрителям, но в финале поэмы все же закрывают этот колодец и возвращаются домой.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что парадоксальность театральных интерпретаций поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» обусловлена, с одной стороны, сложностью и символичностью текста поэмы, с другой стороны, спецификой современного театрального процесса, тяготеющего к интертекстуальности и пограничности. Не являясь драматургическим текстом, не предназначаясь к постановке на сцене, более того – не являясь завершенным целостным литературным произведением, поэма Н.А. Некрасова отличается внутренним драматизмом, содержит в себе элементы трагического и комического. Незавершенность поэмы, отсутствие финала, дискуссионность сюжетной последовательности, – усиливают интерпретационный потенциал текста. Кроме того, именно поэма «Кому на Руси жить хорошо» содержит в себе культурные коды, отражающие не только специфику русской ментальности, но и особенности творчества Н. А. Некрасова («некрасовские коды»). Современный отечественный театр, тяготеющий к экспериментам и полисемантичности, предлагает современное прочтение поэмы Н. А. Некрасова, в котором мы можем выделить как общие черты, так и отличия. К общим чертам можно отнести осовременивание поэмы, включение в текстовой, визуальный, музыкальный, пластический пласты спектакля аллюзий и ассоциаций, отсылающих зрителя как к русской классике, так и к массовой культуре. Общей тенденцией становится включение поэмы Н. А. Некрасова в историко-культурный контекст отечественной культуры, в рамках которого мы обнаруживаем эволюцию и трансформацию тем, поднятых поэтом, в отечественной культуре досоветского, советского и постсоветского периодов, что расширяет временные и пространственные рамки поэмы и подчеркивает символический характер поисков счастья.

Вместе с тем, парадоксы поэмы на современной отечественной сцене обусловлены спецификой театральных форм и видов театра. Прочтение поэмы на сцене как многожанрового явления, допускающего в том числе полный отказ от вербальных форм выражения, соединение злободневной сатиры и вневременного философского подтекста, форм психологического и условного театров, отличает масштабность спектакля К. Серебренникова. Камерность и условность кукольного спектакля, соединяющая интертекстуальность и символичность, кукольный и живой актёрский планы, акцентуализацию смыслов и репрезентацию многослойности некрасовских образов посредством разных типов кукол – отличает театральную интерпретацию поэмы П. Васильевым. Парадоксы поэмы Н. А. Некрасова на театральной сцене заключаются и в двойственности звучания текста: узнаваемого и привычного и вместе с тем – нового и неожиданно современного («стихи по воле режиссера стали звучать и как обыденная речь, и как оратория, и даже как хип-хоп») [Хитров, 2015].

Библиографический список

Бухштаб Б. Н. А. Некрасов. Статьи и исследования. Ленинград : Сов. писатель, 1989. 352 с.

Дьякова Е. Матренин двор от Перми до Тавриды в Гоголь-центре – «Кому на Руси жить хорошо». 2015. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus.htm (дата обращения 25.09.2021)

Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 283 с.

Ерохина Т. И. (Авто)биография как культурный код: Н. А. Некрасов // ACTA ERUDITORUM. 2021. № 36. С. 41–47.

Ерохина Т. И. Некрасовский дискурс современного интернет-пространства // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6. С. 157–164.

Жданов В. Некрасов. Москва : Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1971. 496 с.

Каминская Н. Счастливые соотечественники «Кому на Руси жить хорошо». По поэме Н. А. Некрасова. «Гоголь-центр» (Москва), 2015. URL: https://ptj.spb.ru/archive/81/walk-with-classics/schastlivye-sootechestvenniki/ (дата обращения 25.09.2021)

Карась А. Спели голосом Некрасова. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» ожила в Гоголь-центре. 2015. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus.htm (дата обращения 25.09.2021)

Кошелев В. А. О возрастных указаниях в поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасовский сборник. Т. 11–12. Санкт-Петербург : Наука, 1998. С. 57–64.

Некрасов и театр / В. Е. Евгеньев-Максимов, К. К. Бухмейер, М. М. Гин. Ленинград ; Москва : Искусство, 1948. 280 с.

Прокшин В. Г. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Москва : Высшая школа, 1986. 78 с.

Театральная энциклопедия. Том 4 / глав. ред. П. А. Марков. Москва : Советская энциклопедия, 1965. URL: http://istoriya-teatra.ru/theatre/item/f00/s07/e0007042/index.shtml (дата обращения 25.09.2021)

Саженина Е. В. Лирическая событийность в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 42–49

Саженина Е. В. Сюжет путешествия и его модификации в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-puteshestviya-i-ego-modifikatsii-v-poeme-n-a-nekrasova-komu-na-rusi-zhit-horosho/viewer (дата обращения 25.09.2021)

Теплинский М. В. Наследие Некрасова и вопросы развития советской поэмы // Николай Алексеевич Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1972. С. 418–435.

Торик А., Сахарова Л. Разговор об искре, бочке и русских народных космонавтах. 2021. URL: http://www.yatk.yaroslavl.ru/razgovor-ob-iskre,-bochke-i-russkix-narodnyix-kosmonavtax.html (дата обращения 25.09.2021)

Хитров А. Полюбить Некрасова: «Кому на Руси жить хорошо» в «Гоголь-центре». 2015. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus.htm (дата обращения 25.09.2021)

Reference list

Buhshtab B. N. A. Nekrasov. Stat'i i issledovanija = N.A. Nekrasov. Articles and studies. Leningrad : Sov. pisatel', 1989. 352 s.

D'jakova E. Matrenin dvor ot Permi do Tavridy v Gogol'-centre – «Komu na Rusi zhit' horosho» = Matryona's yard from Perm to Tavrida in Gogol centre – Who is Happy in Russia? 2015. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus.htm (data obrashhenija 25.09.2021)

Evgen'ev-Maksimov V. E. Tvorcheskij put' N. A. Nekrasova = N.A. Nekrasov's creative way. Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953. 283 s.

Erohina T. I. (Avto)biografija kak kul'turnyj kod: N. A. Nekrasov = (Auto)biography as a cultural code: N.A. Nekrasov // ACTA ERUDITORUM. 2021. № 36. S. 41–47.

Erohina T. I. Nekrasovskij diskurs sovremennogo internet-prostranstva = Nekrasov discourse of the modern internet space // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 6. S. 157–164.

Zhdanov V. Nekrasov = Nekrasov. Moskva : Izdatel'stvo CK VLKSM «Molodaja gvardija», 1971. 496 s.

Kaminskaja N. Schastlivye sootechestvenniki «Komu na Rusi zhit' horosho». Po pojeme N. A. Nekrasova. «Gogol'-centr» (Moskva), 2015 = Happy contemporaries «Who is Happy in Russia». On N.A. Nekrasov's poem. «Gogol-centre» (Moscow), 2015. URL: https://ptj.spb.ru/archive/81/walk-withpoem-classics/schastlivye-sootechestvenniki/ (data obrashhenija 25.09.2021)

Karas' A. Speli golosom Nekrasova. Pojema «Komu na Rusi zhit' horosho» ozhila v Gogol'-centre = Sung in Nekrasov's voice. Poem «Who is Happy in Russia» is alive in Gogol-centre. 2015. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus.htm (data obrashhenija 25.09.2021)

Koshelev V. A. O vozrastnyh ukazanijah v pojeme «Komu na Rusi zhit' horosho» = On the age references in the poem «Who is Happy in Russia» // Nekrasovskij sbornik. T. 11–12. Sankt-Peterburg : Nauka, 1998. S. 57–64.

Nekrasov i teatr = Nekrasov and the theatre / V. E. Evgen'ev-Maksimov, K. K. Buhmejer, M. M. Gin. Leningrad ; Moskva : Iskusstvo, 1948. 280 s.

Prokshin V. G. Pojema N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» = N.A. Nekrasov's poem «Who is Happy in Russia». Moskva : Vysshaja shkola, 1986. 78 s.

Teatral'naja jenciklopedija. Tom 4 = Theater encyclopedia. Volume 4. / glav. red. P. A. Markov. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1965. URL: http://istoriya-teatra.ru/theatre/item/f00/s07/e0007042/index.shtml (data obrashhenija 25.09.2021)

Sazhenina E. V. Liricheskaja sobytijnost' v pojeme N.A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» = Lyrical events in N.A. Nekrasov's poem «Who is Happy in Russia» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 385. S. 42–49

Sazhenina E. V. Sjuzhet puteshestvija i ego modifikacii v pojeme N. A. Nekrasova «Komu na Rusi

zhit' horosho» = The plot of travelling and its modifications in N.A. Nekrasov's poem «Who is Happy in Russia» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-puteshestviya-i-ego-modifikatsii-v-poeme-n-a-nekrasova-komu-na-rusi-zhit-horosho/viewer (data obrashhenija 25.09.2021)

Teplinskij M. V. Nasledie Nekrasova i voprosy razvitija sovetskoj pojemy = Nekrasov's legacy and the problems of Soviet poem evolution // Nikolaj Alekseevich Nekrasov i literatura narodov Sovetskogo Sojuza. Erevan : Izd-vo Erevan. un-ta, 1972. S. 418–435.

Torik A., Saharova L. Razgovor ob iskre, bochke i russkih narodnyh kosmonavtah = Talking about a spark, a barrel, and Russian folk cosmonauts. 2021. URL: http://www.yatk.yaroslavl.ru/razgovor-ob-iskre,-bochke-i-russkix-narodnyix-kosmonavtax.html (data obrashhenija 25.09.2021)

Hitrov A. Poljubit' Nekrasova: «Komu na Rusi zhit' horosho» v «Gogol'-centre». 2015 = To love Nekrasov: «Who is Happy in Russia» in Gogol-centre. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus.htm (data obrashhenija 25.09.2021)

Статья поступила в редакцию 13.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 13.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 82-1
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-214-219

Визуальная поэзия как игра

Дарья Алексеевна Ильгова
Соискатель, кафедра теории и истории культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
dailgova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4442-0835

Аннотация. Статья посвящена анализу визуальной поэзии XX века как игрового феномена. Актуальность данного исследования объясняется попыткой расширить границы бинарного восприятия визуальной поэзии как синтеза вербального и визуального медиа. Визуальная поэзия представляет собой предмет культурологического анализа и рассматривается как сложная многоуровневая семиотическая структура, которая представляет собой всеобъемлющий мультисенсорный культурный текст, объединяющий в себе природу вербального, визуального, аудиального, кинетического, синестетического, пространственного и других медиа. Визуальная поэзия рассматривается с точки зрения интермедиальности, которая представляет собой особый тип интертекстуальных взаимосвязей различных медиа в системе единого культурного текста. В статье с помощью интермедиального анализа рассматривается один из многочисленных медиа визуальной поэзии – игровой медиум. Визуальная поэзия вбирает в себя игровое начало сразу на нескольких уровнях: на этапе замысла и зарождения идеи, на этапе воплощения этого замысла, а также на этапе интерпретации созданного произведения. В ходе исследования рассматриваются образцы визуальной поэзии, которые используют игровые аспекты на этапе создания или интерпретации произведения. В частности, рассматривается игровое начало в поэзии блэкаута, дадаизма, смешанных визуальных форм (каллиграфемы и рисунки), заикалок и других форм визуальной поэзии. Результаты исследования подтверждают, что феномен игры находит свое выражение в разнообразных формах визуальной поэзии XX века. Помимо этого, проведенный анализ позволяет выявить важность игрового медиума как части интермедиальной структуры, которая находит свое выражение в визуальной поэзии XX века.

Ключевые слова: визуальная поэзия, феномен игры, смеховое начало, поэзия блэкаута, поэзия дадаизма, каллиграфема, заикалка

Для цитирования: Ильгова Д. А. Визуальная поэзия как игра // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 214-219. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-214-219

Original article

Visual poetry as a game

Daria A. Ilgova
Candidate for a degree, department of theory and history of culture, Russian state university for the humanities. 125047, GSP-3, Moscow, Miusskaya sq. 6
dailgova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4442-0835

Abstract. The article analyzes XX century visual poetry as a game phenomenon. The relevance of this research is explained by an attempt to expand the boundaries of binary perception of visual poetry as a synthesis of verbal and visual media. Visual poetry is a subject of cultural analysis and is seen as a complex multilevel semiotic structure, which is a comprehensive multisensory cultural text that combines the nature of verbal, visual, auditory, kinetic, synesthetic, spatial and other media. Visual poetry is considered in terms of intermediality, which is a special type of intertextual relations of different media in the system of a single cultural text. This article uses intermedial analysis to examine one of the many media of visual poetry: the game medium. Visual poetry incorporates game at several levels at once: at the stage of the idea and the origin of the idea, at the stage of implementing this idea, as well as at the stage of interpreting the resulting work. The study examines visual poetry patterns that use game aspects at the stage of creating or interpreting a work. In particular, the article considers the game in the poetry of blackout, Dadaism, mixed visual forms (calligraphemes and drawings), stutters and other forms of visual poetry. The results of the research confirm that

© Ильгова Д. И., 2021

the phenomenon of the game finds its expression in various forms of the XX century visual poetry. In addition to this, the analysis shows the importance of the game medium as part of the complex intermediate structure which finds its expression in the visual poetry of the XX century.

Key words: visual poetry, phenomenon of the game, humorous beginning, blackout poetry, Dadaism poetry, calligrapheme, stutters

For citation: Ilgova D. A. Visual poetry as a game. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):204-219. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-214-219

Введение

С момента возникновения в глубокой древности и до наших дней визуальная поэзия находится в постоянном развитии и поиске новых форм и может представлять собой интерес для исследований в различных сферах культуры.

Актуальность данного исследования обусловливается тем, что те отечественные исследования, которые посвящены анализу русской или западноевропейской визуальной поэзии, зачастую ставят перед собой цель вписать визуальную поэзию как жанр в рамки литературной традиции, акцентируя внимание, в основном, только на взаимодействии двух медиа – вербального и визуального. Однако визуальная поэзия объединяет в себе не только вербальную и визуальную составляющие, но также многие другие культурологические аспекты: например, влияние историко-культурного контекста, первичность и вторичность формы и содержания, проблема синтеза искусств, а также игровое начало в визуальной поэзии.

Феномен игры и игровая проблематика являются очень важными аспектами для понимания культуры, что находит отражение в работах философов и культурологов. Еще Платон [Платон, 1994, с. 421-500] размышлял об игровом космосе, Кант [Кант, 1994] предлагал теорию эстетического состояния игры, Шиллер [Шиллер, 2018] говорил об игре как эстетическом феномене, который дарит свободу и приближает человека к красоте, а Хёйзинга [Хёйзинга, 2011] предполагал, что игра предшествует культуре и формирует ее.

Игровое начало в литературе также представляет собой большой интерес для исследования. Одна из первых попыток рассмотреть и проанализировать игровое начало в литературе принадлежит Бахтину. В монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» Бахтин [Бахтин, 1990] вводит терминологию, которая будет использоваться для дальнейших исследований игрового феномена в литературе. В частности, Бахтин говорит о «смеховом начале», «игровом элементе», «карнавальных образах» и т.д. Таким образом, Бахтин заложил основы изучения игровой проблематики в отечественной культуре.

Анализируя развитие игрового феномена в работах Бахтина и других исследователей, Ефимов приходит к выводу, что введение новых понятий «дает возможность описания игрового начала и понимания художественного смысла произведения в целом. Понятие игрового начала имеет универсальный характер для описания тематики литературного творчества, так как, с одной стороны, выражает специфику культурно-исторического содержания произведений, а с другой стороны – их актуальный смысл» [Ефимов, 2008, с. 92].

Методы исследования

Методологической основой исследования визуальной поэзии является интермедиальный метод анализа, так как визуальная поэзия представляет собой многоуровневую семиотическую структуру, всеобъемлющий мультисенсорный культурный текст, объединяющий в себе природу вербального, визуального, аудиального, кинетического, синестетического, пространственного и других медиа. В данной работе с помощью интермедиального анализа рассматривается развитие игрового медиума в визуальной поэзии.

Результаты исследования

Рассматривая игровой медиум как часть визуальной поэзии, можно сказать, что визуальная поэзия вбирает в себя игровое начало сразу на нескольких уровнях: на этапе замысла и зарождения идеи, на этапе воплощения этого замысла, а также на этапе интерпретации созданного произведения.

Феномен игры явно присутствует в создании стихотворений и поэм дадаизма.

Дадаизм, пришедший на смену футуризму и кубизму, нашел отражение не только в литературе, но также в живописи, кино и театральном искусстве. Возникший примерно в 1916 году и закончившийся в начале 20-х годов, дадаизм представил собой реакцию на события Первой миро-

вой войны, когда все культурные достижения человечества были подвергнуты разрушению. Именно поэтому в основу дадаизма был заложен принцип «всеотрицания»: нет ни бога, ни святынь, ни искусства.

Что касается непосредственно литературного выражения дадаизма, то его основатель Тристан Тзара предлагал следующую формулу создания дадаистической поэмы: нужно взять газету и ножницы, выбрать статью и вырезать ее из газеты, затем вырезать каждое слово и положить все слова в мешок, потрясти мешок и доставать из него по одному слову, записывая их на бумаге – таким образом получится поэма, которая будет похожа на вас. Таким образом, в ходе использования подобной игровой формулы получаются стихотворения и поэмы дада.

К подобным игровым образцам поэзии дадаизма можно отнести стихи самого Тзары, например, «Хвост чорта – велосипед», а также произведения Пере, Гюльзенбека, Эрнста и др.

Тристан Тзара (в переводе Парнаха) [Парнах, 2014, с. 357]

Хвост чорта – велосипед

Укус экваториальный в лиловую скалу
Терзает ночь интимный запах колыбелей аммиак.
Цветок, фонарь, кукла, слушай: поднимающаяся ртуть
Обозначает мельницу, подвешенную к водопроводам на крюк.
Позавчера – не керамика хризантем, что поворачивает голову в холод.
Час пробил у тебя во рту,
Еще один разбитый ангел упал, подобно испражненью коршуна.
Простер над вялою пустыней поцелуй.
Лохмотья ушей изгрызанных – проказа, медь.

Франсис Пикабиа (в переводе Парнаха) [Парнах, 2014, с. 356]

Пигмалион ласк, лестница, черный ход.
Золото, милостыня счастья, Пикадилли.
Слепые Парижане,
Дважды два – шестьдесят девять.
Попойка, сандвичи Арменонвилля.
Красится, отряхая пыль, скука,
Как прекрасен барак жемчугов.
Инстинкт идиотских глаз –
Это весь мир
диванов Тициана.
Клемансо обожает свое изображение.
Корсет скелет ощупывает.

Схожее игровое начало можно наблюдать при создании поэзии блэкаута, которая также известна как газетная поэзия или поэзия вычеркиваний. При создании блэкаута автор также не ограничивает свою игровую свободу и может вычеркнуть любой корпус слов из исходного текста, оставляя только наиболее значимые, из которых рождается новый текст. Дополнительно стоит также отметить, что блэкаут может быть технически построен как с помощью белой заливки текста, таки с помощью вычеркивания лишних слов и строк и заливки черным цветом.

В западноевропейской литературе в этом жанре известны работы современного художника и поэта Остина Клеона. Среди отечественных авторов стоит выделить Черкасова и его сборник под названием «Домашнее хозяйство. Избранное из двух колонок» [Черкасов, 2015б]. В основу сборника легла «Краткая энциклопедия домашнего хозяйства» (1959), текст которой был набран в две колонки. Черкасов выбелил «лишние» слова таким образом, чтобы слова в строке из двух колонок образовывали новые смысловые сочетания. Важно также отметить, что сборник представляет собой набор отдельных ненумерованных листов, которые можно читать в произвольном порядке.

Зачастую в создании блэкаутов присутствует «смеховое начало», о котором говорил Бахтин. Это можно наблюдать в некоторых блэкаутах Черкасова [Черкасов, 2015а] и Банникова [Банников, 2017–2019], которые созданы с помощью вычеркивания лишнего корпуса слов из текста-исходника, которым может быть текст другой книги, статья в газете или журнале и т.д. В результате подобных вычеркиваний у авторов получаются минималистичные тексты, оформленные в виде изображения с зачеркнутыми лишними строками.

Интересно отметить, что помимо смехового начала при обращении к игре в визуальной поэзии прослеживается также обращение к детству, которое неразрывно связано с игрой. В визуальной поэзии эта взаимосвязь выражается в использовании стилизации под детские рисунки для замены некоторых слов или иллюстрации написанных строк. Например, в стихотворениях Саприга «О страхе» или «На песке у моря» [Сап-

гир, 2009, с. 158–159]. В этих стихотворениях текстовые строки перемежаются рисунками, похожими на детские (в виде гриба или птичьих следов в виде стрелочек).

Соединение рисунка и слова в игровой форме может также носить более серьезный характер, переходя от детского исполнения рисунков к более взрослому. Это можно наблюдать, например, в каллиграфемах и рисунках Авалиани из цикла «Самурай». «Самурай» представляет собой в общей сложности 21 лист в одной папке. На каждом листе мы видим изображение самурая, который сопровождается каллиграфемой, которая может читаться в разных направлениях. С одной стороны, это всегда слово «самурай», но если перевернуть исходное слово, то читателю открывается новый смысл, новое слово или словосочетание [Авалиани, 2014, с. 81].

Еще один аспект игрового начала в визуальной поэзии проявляется с использованием формы, похожей на детскую считалку. В этом случае феномен игры распространяется и на воспроизведение читателем текста (если читатель, например, прочитает вслух такое стихотворение), и на читательское восприятие текста (как читатель может интерпретировать текст, по звучанию и строению схожий со считалкой). Наглядно это можно наблюдать в так называемых «заикалках» Дмитриева [Дмитриев], например:

ну
ну же
не же
не хра
хра пи
пи же
спи же
ви же
ви жу
жу ра
в л я
в л я
в л я
в л я
в л я

Игровое начало присутствует в стихотворениях Дмитриева не только в форме заикалок, но также в других визуальных стихотворных экспериментах. Колымагин отмечает, что Дмитриев благодаря иронии и игре смог выжить в непростые советские времена. При этом чаще всего Дмитриев «отдавал предпочтение играм с культурой» [Колымагин, 2020, с. 128], создавая визуальные произведения. Например, стихотворение «То ли мы идем по проволоке…» которое в оригинальном варианте имеет форму прямоугольника [Колымагин, 2020, с. 129]:

то ли мы идем по проволоке
то ли вокруг натянута прово
ловко! однако то ли что-то над
нами подвешено на этой:
на проволоке на тонкой ни
точке так спокойны как буд
то точно знаем выдержит она
все зависит от того что там
подвешено на проволоке. да

При этом через игру, игровые эксперименты в визуальной поэзии Дмитриев позднее приходит к более серьезным вещам, осознавая, что «жить в порубежье вечно – значит совсем не жить, значит раствориться в смехе, стать третьим, десятым, никаким» [Колымагин, 2020, с. 129].

Еще один игровой элемент, встречающийся в визуальной поэзии, заключается в причудливом сочетании букв и звуков. Например, в 1987 году Ры Никонова написала «Стихи для кретинов», среди которых были тексты с использованием только одной буквы «м». Сама Никонова объясняла замысел создания этого цикла тем, что она «использовала минимум средств, потому что кретин может только мычать, предположим, только одну букву «м», «м-м-м», «м-м-м-м-м». Ничего не может сказать больше. <…> О чем говорит вот этот стих? Может быть, о трудности коммуникации. «М-м-м», «м-м-м-м-м»... Можно полчаса пытаться что-то сказать, и процесс этой попытки сказать педалирует важность самого произнесения как такового, как это трудно» [Никонова, Михайловская, 2019, с. 13].

Необычное сочетание букв можно найти также в визуальных стихотворениях Перельмана [Перельман, 2007, с. 52]. При этом игровой аспект дополнительно выражен как в названии всей подборки стихотворений «Некоторые стихотворения с нарушением смысла», так и в комментариях, которые сопровождают стихотворение «Рыбий жир»: «лечебные слова, полученные при помощи рыбьего жира (по квазитибетскому рецепту-цептуре)», «читать друг другу перед сном, вслух, 0,5–1,5 раза».

Особое внимание при исследовании игрового феномена в визуальной поэзии нужно также обратить на поэтические визуальные пародии. Ярким примером такой пародии является стихотворение Алехина «Оральный текст», посвященное

Бирюкову и его поэтическим аудиальным экспериментам [Алехин, 2021, с. 121–122.]. При этом, помимо названия, игровой аспект в этой пародии, как и в стихотворении «Рыбий жир» Перельмана, выражается также в шутливом комментарии, который указывает, как именно нужно читать стихотворение: «произведение следует проорать как можно громче, с пафосом и размахивая руками».

Заключение

Таким образом, можно сказать, что феномен игры находит свое выражение в разнообразных формах визуальной поэзии XX века. Он может использоваться в качестве идеи, воплощения или интерпретации визуального произведения. Некоторые визуальные стихотворения опираются на смеховое начало (например, образцы блэкаутов Черкасова или заикалки Дмитриева), некоторые стихотворения построены на игровой взаимосвязи рисунка и текста (например, стихотворения Сапгира или каллиграфемы и рисунки Авалиани). Помимо этого, игровое начало можно наблюдать в нестандартном сочетании букв и звуков (например, стихотворения Никоновой или Перельмана). Отдельным видом визуальных стихотворений с ярко выраженным игровым аспектом можно считать визуальные поэтические пародии (например, пародию Алехина на аудиальные поэтические эксперименты Бирюкова). Также особое внимание при исследовании игрового медиума в визуальной поэзии следует обратить на шутливые комментарии, которыми авторы сопровождают свои произведения (например, комментарии Алехина и Перельмана). Таким образом, проведенный анализ подтверждает важность игрового медиума как части интермедиальной структуры, которая находит свое выражение в визуальной поэзии XX века.

Библиографический список

Авалиани Д. Самурай. Каллиграфемы и рисунки // Клуб N. Литературный альманах. Москва : Центр поэтической книги (при Русском Пен-Центре), 2014. С. 81–87.

Алехин А. Кривое зеркало // Новая Юность. № 3 (162). 2021. С. 121–122.

Банников П. Некоторое количество блэкаутов 2017–2019 гг., созданных во время перелётов из подручных газет // Журнал «Полутона». ULR: https://polutona.ru/printer.php3?address=0625144427 (дата обращения: 09.08.2021).

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. 543 с.

Дмитриев А. Стихи и заикалки // Неофициальная поэзия. Антология. URL: https://rvb.ru/np/publication/05supp/SDL/DMITRIEV.htm#verses (дата обращения 21.09.2021).

Ефимов А. А. К пониманию игрового начала в литературоведении // Научная мысль Кавказа. 2008. № 2. С. 87–92.

Кант И. Критика способности суждения. Москва : Искусство, 1994. 367 с.

Колымагин Б. Ф. Вот это вот. Молчание в поэзии и жизни. Москва : Виртуальная галерея, 2020. 216 с.

Никонова Р., Михайловская Т. Про амёбу, полчеловека, лошадь Мюнхгаузена и всякие глупости. Разговор новатора с консерватором // Клуб N. Литературный альманах. Москва : Центр поэтической книги, 2019. С. 7–24.

Перельман В. Некоторые стихотворения с нарушением смысла // Альманах Академии Зауми, 2007. С. 51–52.

Парнах В. Дадаистская поэзия. Переводы // Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа: История. Хронология. Антология. Документы. Москва : ОГИ, 2014. С. 356–363.

Платон. Тимей // Собрание сочинений в 4-х томах / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Москва : Мысль, 1994. Т. 3. С. 421–500.

Сапгир Г. Тринадцать ниоткуда. Стихи на неизвестном языке // Полилог. 2009. № 2. С. 132–163.

Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

Черкасов А. Блэкауты // Журнал «Воздух». 2015а. № 1–2. ULR: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2015-1-2/cherkasov/ (дата обращения: 21.09.2021).

Черкасов А. Домашнее хозяйство. Избранное из двух колонок. Москва : Tango Whiskyman, 2015б. 107 с.

Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. Москва : РИПОЛ классик, 2018. 240 с.

Reference list

Avaliani D. Samuraj. Kalligrafemy i risunki = Samurai. Calligraphemes and drawings // Klub N. Literaturnyj al'manah. Moskva : Centr pojeticheskoj knigi (pri Russkom Pen-Centre), 2014. S. 81–87.

Alehin A. Krivoe zerkalo = Distorting mirror // Novaja Junost'. № 3 (162). 2021. S. 121–122.

Bannikov P. Nekotoroe kolichestvo bljekautov 2017–2019 gg., sozdannyh vo vremja pereljotov iz podruchnyh gazet = A number of blackouts 2017-2019, made of newspapers at hand during flights // Zhurnal «Polutona». ULR: https://polutona.ru/printer.php3?address=0625144427 (data obrashhenija: 09.08.2021).

Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa = François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. 543 s.

Dmitriev A. Stihi i zaikalki = Poems and stutterings // Neoficial'naja pojezija. Antologija. URL: https://rvb.ru/np/publication/05supp/SDL/DMITRIEV.htm#verses (data obrashhenija 21.09.2021).

Efimov A. A. K ponimaniju igrovogo nachala v literaturovedenii = To understanding game in literary studies // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2008. № 2. S. 87–92.

Kant I. Kritika sposobnosti suzhdenija = Criticism of the power of judgment. Moskva : Iskusstvo, 1994. 367 s.

Kolymagin B. F. Vot jeto vot. Molchanie v pojezii i zhizni = Just this. Silence in poetry and in life. Moskva : Virtual'naja galereja, 2020. 216 s.

Nikonova R., Mihajlovskaja T. Pro amjobu, polcheloveka, loshad' Mjunhgauzena i vsjakie gluposti. Razgovor novatora s konservatorom = About an amoeba, a half-man, Munchausen's horse, and all sorts of non-sense. A talk between an innovator and a conservative // Klub N. Literaturnyj al'manah. Moskva : Centr pojeticheskoj knigi, 2019. S. 7–24.

Perel'man V. Nekotorye stihotvorenija s narusheniem smysla = Some poems with distorted sense // Al'manah Akademii Zaumi, 2007. S. 51–52.

Parnah V. Dadaistskaja pojezija. Perevody = Dadaist Poetry. Translations // Livak L., Ustinov A. Literaturnyj avangard russkogo Parizha: Istorija. Hronologija. Antologija. Dokumenty. Moskva : OGI, 2014. S. 356–363.

Platon. Timej = Plato. Timaeus // Sobranie sochinenij v 4-h tomah / pod red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Taho-Godi. Moskva : Mysl', 1994. T. 3. S. 421–500.

Sapgir G. Trinadcat' niotkuda. Stihi na neizvestnom jazyke = Thirteen from nowhere. Poems in an unknown language // Polilog. 2009. № 2. S. 132–163.

Hjojzinga J. Homo ludens. Chelovek igrajushhij = Homo ludens. Man who plays. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2011. 416 s.

Cherkasov A. Bljekauty = Blackouts // Zhurnal «Vozduh». 2015a. № 1–2. ULR: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2015-1-2/cherkasov/ (data obrashhenija: 21.09.2021).

Cherkasov A. Domashnee hozjajstvo. Izbrannoe iz dvuh kolonok = Household. Selected from two columns. Moskva : Tango Whiskyman, 2015b. 107 s.

Shiller F. Pis'ma ob jesteticheskom vospitanii cheloveka = Letters on man's esthetic upbringing. Moskva : RIPOL klassik, 2018. 240 s.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 19.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 008(1-6)
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-220-230

Исторический город в современной культуре: культурологический дискурс и юридический статус

Ольга Юрьевна Воробьева
Аспирант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
oljga101@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4554-3001

Аннотация. Целью статьи является определение сущности понятия «исторический город» в современном гуманитарном знании. Статья построена на основе анализа юридического и культурологического дискурсов исторического города. Историко-культурный метод исследования позволяет выявить причины появления дефиниции «исторический город» и проследить процесс ее развития и трансформации. Автор акцентирует внимание на правовом поле, в рамках которого процесс осмысления категории «исторический город» происходит через поиск и обоснование унифицированных критериев-признаков «историчности» города, детерминированных ценностью архитектурно-градостроительного наследия, и присвоении городу статуса «историческое поселение». При оценке историко-культурной ценности поселения учитываются определенные критерии (знак-признак времени, знак-признак стиля, знак-признак образа, знак-символ и знак-копия), на основе которых определяется градостроительная, историческая, функциональная, архитектурно-эстетическая, эмоционально-художественная и научно-познавательная ценность исторической среды города. Легитимность официального статуса «историческое поселение» помимо предмета охраны (ценные градоформирующие объекты, планировка, объемно-пространственная структура, композиционно-видовые связи), определяется такими категориями как зона охраны и границы зон охраны. Культурологический дискурс исторического города выстраивается на основе априорного принятия города как уникального явления, а затем всестороннего интегративного его исследования. Определяющим в характеристике исторического города является тезис о его целостности, невозможности «детального» рассмотрения. Взгляд на исторический город сквозь призму этого тезиса учеными формулируется по-разному: город как сложный социальный организм со своей физиологией, анатомией и психологией; город как целостное социокультурное образование, сложная саморазвивающаяся система, воплощенная в материальной, духовной и художественной культуре; исторический город русской провинции как культурный универсум, где на первый план выходят две масштабные проблемы – проблема контекста формирования и актуального существования исторического города и проблема личности. Автор отмечает, что культурологический дискурс является более разносторонним и современным, и должен учитываться при определении правового статуса исторического города.

Ключевые слова: исторический город, историческое поселение, историко-культурная среда, культурный универсум, провинция, интегративность, ментальность

Для цитирования: Воробьева О. Ю. Исторический город в современной культуре: культурологический дискурс и юридический статус // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 220-230. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-220-230

Original article

The historic city in modern culture: culturological discourse and legal status

Olga Yu. Vorobyeva
Post-graduate student, department of cultural sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
oljga101@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4554-3001

Abstract. The article aims to define the essence of the concept «historic city» in contemporary humanitarian knowledge. The article is based on analyzing the legal and culturological discourses on the historic city. Historical and cultural research method allows us to identify the reasons for the definition «historic city» to appear and trace the

© Воробьева О. Ю., 2021

process of its development and transformation. The author focuses on the legal context in which the process of understanding the category of «historic city» goes through the search for and justification of unified criteria and signs of «historicity» of the city, determined by the value of architectural and urban heritage, and on assigning the status of «historic» to the city. There are certain criteria used for assessing historical and cultural value of a city. They are sign-markers of time, style and image, sign-symbols and sign-copies used for determining urban planning, historical, functional, architectural, aesthetic, emotional, artistic and scientific-cognitive value of the city historic environment. Apart from the subject of protection (valuable urban objects, planning, three-dimensional structure, compositional and visual connections), the legitimacy of the official status «historic city» is determined by such categories as protection zones and the boundaries of protection zones. The culturological discourse of the historic city is based on an a priori acceptance of the city as a unique phenomenon and then on its comprehensive integrative study.

A defining characteristic of the historic city is the thesis of its integrity, the impossibility of «detailed» consideration. Scientists formulate the view of the historic city through the prism of this thesis in different ways: the city as a complex social organism with its own physiology, anatomy and psychology; the city as an integral socio-cultural formation, a complex self-developing system, represented in the material, spiritual and artistic culture; the Russian provincial historic city as a cultural universe, where two major problems come to the fore, i.e. the problem of the formation context and current existence of the historic city and the problem of personality. The author notes that the cultural discourse is more versatile and relevant, and should be taken into account in determining the legal status of the historic city.

Key words: historic city, historic settlement, historical and cultural environment, cultural universe, province, integrity, mentality

For citation: Vorobyeva O. Yu. The historic city in modern culture: culturological discourse and legal status. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):220-230. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-220-230

Введение

На сегодняшний день в России насчитывается более тысячи городов, различных по численности населения, занимаемой площади, уровню культурного развития. Не случайно в этой связи город переживает период своего тотального изучения различными науками. В архитектуре и градостроительстве, философии, психологии, культурологии город сегодня является одним из главных объектов исследования. Город играет огромную роль в жизни общества, современный человек – это городской житель, а современная культура – городская культура.

Особое место среди городов страны занимают исторические города (поселения). Интерес к ним обусловлен не только осознанием того, что на их территории расположена значительная часть объектов культурного наследия, но и общемировыми тенденциями развития современного общества, в котором, в условиях глобализации, все большее значение приобретают идеи поиска индивидуальности, уникальных черт, идентификации. Культурное наследие исторического города является, одновременно, формой сохранения и выражения этой уникальности. Поэтому не удивительно, что в подавляющем большинстве исследований, касающихся исторического города, предметом анализа становится именно культурное наследие. Ключевой исследовательской проблемой, в этой связи, является проблема утраты/сохранения наследи города и его культурно-исторической среды; актуальным остается вопрос о культурном наследии как потенциале экономического развития города и региона; все чаще появляются работы, трактующие исторический город как особый текст культуры. Но при этом крайне мало тех работ, которые раскрывают или пытаются раскрыть сущность понятия «исторический город», отвечая на вопросы: «Что есть исторический город?», «Каковы критерии «историчности» города, и есть ли они вообще?». Поэтому целью работы является определение сущности понятия «исторический город». Следует отметить, что опыт применения данной дефиниции рассматривается нами в российском контексте. В международных нормативных документах по вопросам сохранения наследия термин «исторический город» относится к городам, включенным в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Для определения значимых городских пространств в правовых актах («Декларация о сохранении исторических городских ландшафтов» [Декларация о сохранении…, 2005]) и научных публикациях [Stadt – Kultur – Landschaft, 2009] применяется термин «исторический городской ландшафт» – совокупность зданий, сооружений и открытых пространств в их природном и экологическом контексте, включая места археологических и палеонтологических раскопок, составляющие людские поселения в городской среде на протяжении соответствующего периода

времени, целостность и ценность которых признаны с археологической, архитектурной, доисторической, исторической, научной, эстетической, социально-культурной или экологической точек зрения.

Поскольку термин «исторический город» наиболее активно встречается в культурологических исследованиях и законодательных актах, логично рассмотреть трактовку данной категории именно в юридическом и культурологическом аспектах. Объектом исследования является исторический город как категория гуманитарного знания. Предмет исследования – юридический и культурологический подходы к осмыслению исторического города. Историко-культурный метод исследования позволяет выявить причины появления дефиниции «исторический город» и проследить процесс ее развития и трансформации.

Методы исследования

В исследовании мы опирались на следующие материалы. Во-первых, на законодательные акты, отражающие политику государства в отношении исторических поселений и, соответственно, процесс легитимизации данного статуса [Методические рекомендации…, 2014], [Постановление коллегии…, 1990; Постановление Правительства…, 2001; Приказ Министерства культуры…, 2010]. В статьях Ж. Б. Балдандоржиева и Н. В. Эйльбарт, [Балдандоржиев, Эйльбарт 2012], М. Н. Веселовой [Веселова, 2009], Л. С. Могутовой [Могутова, 1997], монографии В. Р. Крогиуса [Крогиус, 2009], сборнике статей Э. А. Шевченко [Шевченко, 2018] представлена «авторская» трактовка понятия «исторический город» на основе ряда признаков: возраст, наличие памятников истории и культуры, связь с важными историческими событиями и другие. Теоретико-методологические основы исследования города были сформулированы в трудах Н. П. Анциферова [Анциферов, 1926] и И. М. Гревса [Гревс, 2010]. Город воспринимается авторами как сложный социальный организм, мерило уровня культуры. Важное значения для понимания сути исторического города имеет учебное пособие М.С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры» [Каган, 2018], в котором ученый определяет город как особый феномен, в котором воплощается бытие национальной культуры. Методологической базой данного исследования стала интегративная парадигма изучения провинциального исторического города как культурного универсума, разработанная научным коллективом кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Методы исследования, востребованные в работе: историко-культурный, социокультурный, сравнительный метод.

Результаты исследования

Исторический город как юридический статус.

Приступая к изучению исторического города в юридическом поле, целесообразно обратиться к ретроспективному анализу положений соответствующих нормативно-правовых актов.

Первое официальное название города (как исторического) было зафиксировано указом Александра II «Об упразднении Нарвской крепости и сохранении Ивангорода и Вышгорода как исторических памятников», изданным 8 мая 1863 года [Веселова, 2009]. Но это был лишь единичный случай. После этого почти сто лет об исторических городах в России ничего не было слышно. Лишь после окончания Второй мировой войны, когда встал вопрос о восстановлении разрушенных населенных пунктов, термин «исторический город» стал употребляться чаще, но еще долгое время не имел ни юридической силы, ни сущностного определения.

В 1949 году был утвержден перечень городов, имеющих общесоюзное значение, за которыми устанавливался особый надзор, и в которых предписывалось проводить первоочередные реставрационные работы. В списке значились 20 городов, в том числе 10 российских: Москва, Ленинград, Псков, Новгород, Ростов Великий, Ярославль, Владимир, Суздаль, Смоленск и Дербент [Соседов, 2014]. Факт появления такого перечня говорил об осмыслении значимости исторических городов на государственном уровне. Активное изучение исторического города в России началось в конце 60-х – 70-х годах XX века. В 1970 году было принято Постановление Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и Коллегии Министерства культуры РСФСР № 36 «Об утверждении списка городов и других населённых мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющие археологическую и историческую цен-

ность» [Заграевский, 2011]. Этот список состоял из 115 населенных мест, основанных в период с V–XVIII века.

В 1990 году был утвержден новый список исторических населенных мест РСФСР. В преамбуле к постановлению можно прочитать: «За истекшие двадцать лет в результате проведенных работ по изучению историко-культурного наследия во всех регионах России, углубленных исследований в области археологии, истории, краеведения, архитектуры и градостроительства, совершенствования критериев оценки исторически сложившейся среды и научных методов сохранения памятников истории и культуры выявлены сотни исторических населенных мест, требующих к себе особого внимания и бережного отношения при застройке и реконструкции, заслуживающих быть включенными в Список исторических населенных мест РСФСР» [Постановление коллегии Министерства культуры РСФСР…, 1990]. Проанализировав этот список, можно констатировать, что изменились критерии оценки «историчности» населенных пунктов. В списке исторических городов появились населенные пункты, основанные в XIX веке (город Бабушкин) и даже XX веке (Магнитогорск), то есть понятие «исторический» стало определяться в большей степени не с точки зрения временного подхода (возраста города), а с «событийной» точки зрения (какое-то важное для страны событие), что привело к разрастанию списка исторических населенных мест до 539 объектов [Веселова, 2009]. Эта же тенденция характерна и для законодательных актов последующих лет [Постановление Правительства РФ…., 2001], «молодых» городов, основанных в XX веке, в списке становилось все больше, например, Мурманск, Новокузнецк, Магадан и другие.

Особенностью всех указанных выше документов является тот факт, что ни в одном из них не представлено определения «исторический город (поселение)». Лишь в 2002 году в ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» было введено понятие «историческое поселение»: «Историческим поселением… является городское… поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию» [Цит. по: Шевченко, 2018, с. 306]. Главным критерием, характеризующим «историческое поселение», в соответствии с определением, становилась ценность архитектурно-градостроительного наследия. Параллельно с принятием закона была разработана Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)» [Постановление Правительства РФ…, 2001], в которой, помимо перечня исторических городских поселений, состоявшего из 478 позиций, была представлена система их деления по выше указанному признаку на четыре категории: I категория – исторические города мирового значения; II – исторические города общенационального значения; III – исторические города регионального значения и IV – прочие исторические города. Э. А. Шевченко, занимавшая должность начальника Управления архитектуры Госстроя России в период с 2000–2004 годы, отмечает: «Программой была поставлена цель: сохранение, восстановление и совершенствование архитектурной среды, всего архитектурного облика исторических городов как важнейшего компонента национального культурного достояния России» [Шевченко, 2018, с. 306]. Именно историческая (культурная) среда становится главным критерием ценности исторического поселения, а не отдельные архитектурные ансамбли и памятники. К сожалению, программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)» была признана неэффективной и свернута в 2006 году.

В 2010 году последовал приказ Министерства культуры РФ [Приказ Министерства культуры РФ…, 2010], в котором был представлен новый, существенно сокращенный, реестр исторических поселений РФ. В этом списке остался всего 41 город, остальные исторические поселения, несмотря на возраст, наличие памятников культуры в этот список включены не были. В документе не были представлены критерии отбора городов для включения в этот список (здесь есть Арзамас, основанный в XVI веке, но нет более древних Переславля, Тутаева, Углича). При этом оговаривалось, что Департаменту культурного наследия и изобразительного искусства Минкультуры России необходимо представить в 6-месячный срок предложения по дополнению этого перечня. За прошедшие десять лет ни один город не полу-

чил статус «историческое поселение» федерального значения, то есть список дополнен не был.

В 2012 году был принят ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Градостроительный кодекс Российской Федерации», в котором дефиниция «историческое поселение» была скорректирована: «Историческим поселением… являются включенные в перечень исторических поселений федерального значения или перечень регионального значения населенный пункт или его часть, в границах которых расположены объекты культурного наследия, включенные в реестр, выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предметы охраны исторического поселения» [ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия…», 2012]. Главное отличие от формулировки 2002 года состоит в том, что объекты культурного наследия не просто расположены в границах исторического поселения, а выявлены, включены в реестр, составляют предмет охраны. Важен и тот факт, что предмет охраны включает не только здания, сооружения, но и планировочную, объемно-пространственную структуру, композицию и силуэт застройки, то есть, фактически, речь идет о сохранении именно культурной среды города.

Несмотря на то, что именно в этом законе формальное определение «историческое поселение» приобрело форму юридического статуса, здесь не были конкретизированы признаки, на основе которых город получал бы этот статус. Поэтому в 2014 году были изданы «Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения. Применение критериев историко-культурной ценности поселения в оценке недвижимости, расположенной в границах исторического поселения» [Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения, 2014]. Авторы пособия предлагают использовать для характеристики исторической среды города систему неязыковых знаков, каждый из которых оценивается в бальной системе и в нескольких направлениях. Первый показатель – знак-признак времени, он обусловлен градостроительной, исторической и функциональной ценностью объектов (опорной застройки, ландшафта, памятников, достопримечательных мест и других). Это наиболее важная характеристика, определяющая город как «исторический». Второй критерий – знак-признак стиля формируется на основе показателей в таких направлениях как архитектурно-эстетическая и эмоционально-художественная ценности. Знак-признак образа характеризуется воспроизведением в сознании полученных впечатлений от восприятия среды. Знак-символ раскрывает образную структуру среды, «он является опознавательной, наиболее характерной приметой места, в его основе лежит глубинный смысл, аналогия и знание» [Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения, 2014, с. 32]. И последний критерий – знак-копия, основу которого составляет научно-познавательная ценность объектов. Лишь обладая совокупностью этих признаков, город может приобрести статус «исторического поселения». При этом отправной точкой процесса всегда будет фиксация наличия на исследуемой территории ценных градоформирующих объектов (планировка, застройка, археологический слой, ландшафт, градостроительное наследие). Именно они будут составлять предмет охраны.

Определение критериев «историчности» города должно было завершить длительный более тридцати лет длившийся процесс правового осмысления дефиниции «историческое поселение» и дать толчок активному применению этих идей на практике. На сегодняшний день утвержденные границы территорий и предметы охраны имеют лишь пятнадцать исторических поселений федерального значения [Некоммерческое партнерство «Российская ассоциация реставраторов»]. При этом Э. А. Шевченко отмечает: «В технических заданиях, выдаваемых как Минкультуры России, так и другими заказчиками при проведении конкурсов на разработку границ и предмета охраны ИП (исторического поселения – *прим. автора*), отсутствовало отсылочное указание на необходимость применения «Методических рекомендаций оценки историко-культурной ценности поселения. Применение критериев историко-культурной ценности поселения в оценке недвижимости, расположенной в границах исторического поселения», что самым отрицательным образом сказалось на качестве и проработанности обосновывающих материалов» [Шевченко, 2018, с. 333]. «Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения» не стали общепринятым «руководством к действию», а потому вопрос о критериях включения населенного пункта в список исторических поселений не решен, фактически, до сих пор. В 2019 году по итогам встречи Президента РФ с

участниками Форума малых городов и исторических поселений Минкультуры России предложило руководствоваться при формировании предложений о включении населенного пункта или его части в перечень исторических поселений следующими критериями:

- уникальное поселение или его часть, являющееся исключительным свидетельством градостроительной деятельности и культурных традиций;
- поселение или его часть, сыгравшее значительную роль в отечественной истории;
- поселение или его часть, со времени возникновения которого прошло не менее ста лет;
- поселение или его часть, обладающее выраженной исторической идентичностью и историко-культурным потенциалом для развития;
- наличие исторически сложившейся части поселения, поддающейся четкой локализации, не утратившей цельности исторического градостроительного образования;
- наличие высокой сохранности ценной исторической планировочной структуры и общественных пространств, поддержанных исторической застройкой в увязке с природным ландшафтом и естественным рельефом;
- наличие значительного числа ценных исторических зданий и сооружений, формирующих историческую планировочную структуру, пространственную композицию и архитектурный облик поселения;
- наличие ценного нематериального наследия, связанного с историей развития поселения, в том числе исторических ярмарок, традиционных ремесел и народных художественных промыслов [О методических рекомендациях по критериям…].

На первый взгляд вполне логичные, эти критерии лишены самого важного – конкретики в характеристиках, что нивелирует их значение до формального уровня.

Таким образом, в юридическом поле, не смотря на наличие значительного объема правовых актов, вопрос о сути статуса «историческое поселение» остается открытым. Главным вектором развития в этом направлении должна стать выработка унифицированных, очень конкретных, а главное практически применимых критериев для идентификации исторических поселений.

Исторический город как культурный концепт.

Термин «исторический город» помимо правовой формы (юридический статус) имеет и иную форму бытования – как культурный концепт. Основоположниками исследования города в данном аспекте в отечественной историографии являются И. М. Гревс [Иван Михайлович Гревс…, 2010] и Н. П. Анциферов [Анциферов, 1926]. В их теории город рассматривается как живой организм, в котором все системы взаимосвязаны, и, соответственно, изучать следует не отдельные его части, а весь организм в целом. По словам Анциферова «город это – наиболее конкретный, устойчивый сложный социальный организм. Все накопленное веками слито здесь в едином, целостном облике, который доступен каждому из нас. Городской ландшафт – красноречивые страницы, на которых всякий, постигший его грамоту, сможет прочесть и о хозяйственной жизни страны, и о социальных контрастах, и о технических достижениях, а вместе с тем и о соединенных со всем этим потребностях духа человеческого» [Анциферов, 1926, с. 9]. Поскольку город – это организм, то он, по мнению Анциферова, обладает своеобразной анатомией, физиологией и психологией, что составляет его индивидуальность. Для того, чтобы всецело понять город, необходимо изучить эти его отличительные черты. К разделу «анатомия города» Анциферов относит место, на котором город построен (рельеф, почвы и т. д.); план и ядро города, вокруг которого город и начал расти; улицы и площади; реку [Анциферов, 1926, с. 18]. Под физиологией города подразумеваются его функции, а именно: социальная (место общежития), экономическая (торговля и промышленность), функция связи (транспорт), лечебная, административная, военная или стратегическая, духовная и развлекательная. Психологией города или его душой Анциферов называет городской пейзаж, исторические судьбы, художественные вкусы, характер населения. Несмотря на то, что объектом исследования И. М. Гревса и Н. П. Анциферова является не исторический город, а город вообще, здесь сформулирована важнейшая идея изучения города – идея его целостности, неделимости на отдельные категории.

М. С. Каган [Каган, 2018], занимаясь изучением культуры Санкт-Петербурга – одного из главных исторических городов России, видит специфику подхода к исследованию данного феномена в его синтетичности, то есть в восприятии города как целостного социокультурного образования, сложной саморазвивающейся системы. Ученый

говорит о том, что город – это высшее состояние истории культуры, это форма, в которой культура становится цивилизацией. Воспринимая цивилизацию как высшую ступень развития человечества, которой предшествовали периоды варварства и дикости, М. С. Каган считает город главным ее признаком. Следовательно, город не может возникнуть спонтанно, для этого необходимы особые условия: материальная культура (все многообразие форм практически-производственной деятельности людей), духовная культура (познание действительности, ее ценностное осмысление, духовное общение людей) и художественная культура (произведения искусства и их духовное содержание). Это те самые векторы, по которым и необходимо изучать любой город. Особое внимание в процессе исследования города необходимо уделять среде, в которой он возник, существует и развивается. М. С. Каган называет эту среду системой координат, куда входит географический (природный) фактор, социальный статус и характер основной деятельности его обитателей, архитектурный облик, художественная жизнь, психология горожан. Но изучить город – не значит просто исследовать эти аспекты, суммируя полученные результаты. Для целостного понимания города, по мнению М. С. Кагана, необходимо выявить и осмыслить взаимосвязи, существующие между данными категориями, а рассматривать этот процесс необходимо в исторической изменчивости, обусловленной, с одной стороны, внешними факторами – природными и социальными условиями его бытия, а с другой – внутренними – логикой саморазвития его культуры.

Наиболее масштабно и глубоко провинциальный исторический город изучался учеными ярославской культурологической школы [Исторический город в аспекте национальной ментальности, 2010; Исторический город русской провинции – культурный универсум, 2009; Исторический город русской провинции как культурный универсум, 2010; Культурный универсум в предметном поле…, 2009]. В результате исследования был представлен межнаучный интегративный подход к осмыслению исторического города, определенный как «провинциальный исторический город – культурный универсум» [Исторический город русской провинции – культурный универсум, 2009]. Ключевыми проблемами исторического города, в рамках такого подхода, авторы называют проблему контекста формирования и актуального существования исторического города («…биография и мифология») и проблему личности, ее бытия, самосознания, повседневности, даже психофизиологических особенностей жизни («…культурная антропология») [Исторический город русской провинции как культурный универсум, 2010, с. 7]. Интегративность исследования исторического города основывается не только на взаимодействии методов (культурологических, философских, исторических, искусствоведческих, филологические), но и методологических систем и концепций (семиотика, синергия, герменевтика, культурная антропология).

Кроме того, ярославскими учеными была предложена интегративно детерминированная модель провинциального исторического города как универсума, осуществляющего функции хранителя памяти и антропологической детерминанты национальной ментальности. Исторический город в данном аспекте выступает в трех ипостасях, взаимоопределяющих друг друга: как мифологическая система, как макросреда обитания человека и микросреда бытия современника, как пространство, задающее образовательный модус самореализации личности [Исторический город в аспекте национальной ментальности, 2010, с. 5].

Таким образом, в рамках культурологического дискурса суть исторического города раскрывается не через поиск и обоснование критериев «историчности», а через априорное принятие города как уникального феномена и последующее его исследование.

Заключение

Рассмотрев юридический и культурологический дискурсы исторического города, мы выяснили, что в юридическом поле понятие «исторический город» возникло и развивалось в контексте проблемы сохранения культурного наследия. Стремлением остановить разрушение памятников и выработать особую систему «хозяйствования», в рамках которой гармонично соединялись идеи сохранения исторического наследия города и перспективного его развития, объясняется преобразование термина исторический город в правовой статус «историческое поселение». Механизм признания города «историческим поселением» выглядит следующим образом. Прежде всего, выявление и включение в Единый государственный реестр объектов культурного наследия ценных объектов, которые составят предмет охраны (для определения ценности объ-

ектов необходимы четко сформулированные критерии, вокруг которых до сих пор ведутся споры). Следующим этапом становится выявление границ ценных объектов и, соответственно, поселения. Затем следует обоснование и утверждение границ зон охраны ценных объектов и поселения.

Получив представление о сущности статуса «историческое поселение», закономерным является вопрос о том, что же дает городу наличие этого статуса? Безусловно, это добавляет солидности городу, как и любые регалии и звания, это предполагает, но не гарантирует, особое бережное отношение. Но в большинстве случаев этот статус воспринимается как некое «обременение» (экономическое, хозяйственное), ограничивающее свободу действий. Как следствие – отсутствие инициативы со стороны региональных и местных властей в деле признания города «историческим поселением». А это значит, что города, не вошедшие в список 2010 года, и, соответственно, не имеющие официального статуса, нельзя отнести к категории «не исторические». Мы предлагаем определить их как «исторические города без официального статуса». Учитывая, что подобных городов в стране большинство, проблематика официального статуса «историческое поселение» требует как теоретической доработки, так и продуманного практического воплощения.

В рамках культурологического подхода исторический город воспринимается как культурно-исторический феномен, ценность которого не вызывает сомнений и не требует доказательств. Здесь самое важное – раскрыть эту ценность, внутреннюю природу, постичь город. Методология этого сложного процесса и представлена в концепции «провинциальный исторический город – культурный универсум». При этом важно понимать, что материалом для исследования будет облик горда: его историческая среда, архитектурные памятники, планировка, люди, – фактически то же, что было в фокусе юридической категоризации исторического города. Но здесь эти объекты выступают не как самоцель, а средство, посредством которого раскрываются более глубокие и важные понятия, такие как память, идентификация, ментальность. Отсутствие четких критериев и строгих рамок, определяющих «исторический город», делает его более «свободным», максимально открытым для понимания. В процессе этого понимания прошлое сополагается с настоящим и формирует будущее.

Библиографический список

Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода. Ленинград : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. 151 с.

Балдандоржиев Ж. Б., Эйльбарт Н. В. Типология и классификация малых городов Восточного Забайкалья: социально-экономический и культурно-исторический аспекты // Гуманитарный вектор. 2012. № 3 (31). С. 158–167. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17803703_19901101.pdf (дата обращения: 20.03.2021)

Веселова М. Н. Проблемы определения понятия и сущности исторического города // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. № 2. С. 117–124. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12937199 (дата обращения: 15.03.2021)

Заграевский С. В. Культурно-историческая среда российских городов // Территория и планирование. 2011. № 2 (32). URL: http://terraplan.ru/arhiv/56-2-32-2011/975-658.html (дата обращения: 16.03.2021)

Декларация о сохранении исторических городских ландшафтов (Венская декларация, принята на 15-й сессии Генеральной ассамблей государств-сторон Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия; Вена, 2005) // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. URL: https://kgiop.gov.spb.ru/nasledie/vsemirnoe-nasledie-mezhdunarodnye-dokumenty/ (дата обращения 29.11.2021)

Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение: сборник ко 150-летию со дня рождения / сост. Б. С. Каганович, А. В. Кобак. Санкт-Петербург : Издательство «Европейский дом», 2010. 116 с.

Исторический город в аспекте национальной ментальности: научный ситком (сборник научных трудов) / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Н. А. Дидковской. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. 173 с.

Исторический город русской провинции – культурный универсум: научный ситком (сборник научных трудов. Часть 2) / науч. ред. Т. С. Злотникова, Н. А. Дидковская. Ярославль, 2009. 223 с.

Исторический город русской провинции как культурный универсум: учебное пособие / науч. ред. Т. С. Злотникова, М. В. Новиков, Н. А. Дидковская, Т. И. Ерохина. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. 536 с.

Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры : учебное пособие для вузов; 2-е изд., пер. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2018. 515 с.

Крогиус В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия : монография. Москва : Прогресс-Традиция, 2009. 312 с. // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: http://www.iprbookshop.ru/7194.html (дата обращения: 29.03.2021).

Культурный универсум в предметном поле культурологии, истории, философии, искусствоведения, фи-

лологии: научный ситком (сборник научных трудов. Часть 1) / науч. ред. Т. С. Злотникова, Н. А. Дидковская. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. 152 с.

Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения. Применение критериев историко-культурной ценности поселения в оценке недвижимости, расположенной в границах исторического поселения / Э. А. Шевченко, А. А. Никифоров, А. В. Лукашев [и др.] ; под редакцией Э. А. Шевченко. Санкт-Петербург: Зодчий, 2014. 264 с. // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: http://www.iprbookshop.ru/35180.html (дата обращения: 22.03.2021).

Могутова Л. С. Исторический город: проблемы, поиски, решения // Наследие и современность. Вып. 5. Москва : Институт наследия, 1997. С. 48–58.

Некоммерческое партнерство «Российская ассоциация реставраторов». Санкт-Петербург. URL: http://rosrest.com/istoricheskie-poselenija/ (дата обращения: 22.03.2021)

О методических рекомендациях по критериям исторических поселений // Министерство культуры Российской Федерации. Москва. URL: https://culture.gov.ru/documents/o-metodicheskikh-rekomendatsiyakh-po-kriteriyam-istoricheskikh-poseleniy/ (дата обращения: 23.03.2021)

Постановление коллегии Министерства культуры РСФСР и Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства от 16 февраля 1990 г. N 12 (162) «Об утверждении нового списка исторических населенных мест РСФСР» // Официальный интернет портал правовой информации. Москва. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102101396&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 17.03.2021)

Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2001 года № 815 «О Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002-2010 годы)» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации Консорциума «Кодекс». Санкт-Петербург. URL: http://docs.cntd.ru/document/901807199 (дата обращения: 17.03.2021)

Приказ Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. N 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ: сайт. Москва. URL: https://base.garant.ru/199389/ (дата обращения: 17.03.2021)

Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 179 от 12.11.2012 // Официальный интернет портал правовой информации. Москва. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201211130012?index=1&rangeSize=1 (дата обращения: 18.03.2021)

Соседов Е. В России больше нет и может уже не быть исторических поселений? // Живой журнал. URL: https://nathalie-zh.livejournal.com/123462.html (дата обращения: 10.03.2021)

Шевченко Э. А. Об исторических поселениях, недвижимых объектах наследия и градостроительных проблемах охраны наследия. Санкт-Петербург : Зодчий, 2018. 368 с.

Stadt – Kultur – Landschaft: Dokumentation einer internationalen Tagung zur Gefährdung historischer urbaner Kulturlandschaften und zu den Möglichkeiten ihrer Bewahrung für die kommunale und regionale Entwicklung am 12. und 13. Februar 2009 in Osnabrück// DBU – Deutsche Bundesstiftung Umwelt. Berlin, 2009. 123 s. URL: https://www.dbu.de/phpTemplates/publikationen/pdf/01120903171413l2.pdf (дата обращения 29.11.2021)

Reference list

Anciferov N. P. Puti izuchenija goroda kak social'nogo organizma: opyt kompleksnogo podhoda = Ways of studying the city as a social organism: the experience of an integrated approach. Leningrad : «Sejatel'» E. V. Vysockogo, 1926. 151 s.

Baldandorzhiev Zh. B., Jejl'bart N. V. Tipologija i klassifikacija malyh gorodov Vostochnogo Zabajkal'ja: social'no-jekonomicheskij i kul'turno-istoricheskij aspekty = Typology and classification of small towns in Eastern Trans-Baikal territory: social-economic and cultural-historical aspects // Gumanitarnyj vektor. 2012. № 3 (31). S. 158–167. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17803703_19901101.pdf (data obrashhenija: 20.03.2021)

Veselova M. N. Problemy opredelenija ponjatija i sushhnosti istoricheskogo goroda = Problems of defining the concept and essence of a historic city // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2009. № 2. S. 117–124. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12937199 (data obrashhenija: 15.03.2021)

Zagraevskij S. V. Kul'turno-istoricheskaja sreda rossijskih gorodov = Cultural-historic environment of Russian cities // Territorija i planirovanie. 2011. № 2 (32). URL: http://terraplan.ru/arhiv/56-2-32-2011/975-658.html (data obrashhenija: 16.03.2021)

Deklaracija o sohranenii istoricheskih gorodskih landshaftov (Venskaja deklaracija, prinjata na 15-j sessii General'noj assamblej gosudarstv-storon Konvencii ob ohrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo nasledija; Vena, 2005) = Declaration on conservation of historic urban landscapes (Vienna Declaration, adopted by the 15th General Assembly of states parties to the Convention on the protection of the world cultural and natural heritage; Vienna, 2005) // Komitet po gosudarstvennomu kontrolju, ispol'zovaniju i ohrane pamjatnikov istorii i kul'tury Pravitel'stva Sankt-Peterburga. Sankt-Peterburg. URL: https://kgiop.gov.spb.ru/nasledie/vsemirnoe-

nasledie-mezhdunarodnye-dokumenty/ (data obrashhenija 29.11.2021)

Ivan Mihajlovich Grevs i peterburgskoe kraevedenie: sbornik ko 150-letiju so dnja rozhdenija = Ivan Mikhailovich Grevs and Petersburg regional studies: Collection for the 150th birth anniversary / sost. B. S. Kaganovich, A. V. Kobak. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Evropejskij dom», 2010. 116 s.

Istoricheskij gorod v aspekte nacional'noj mental'nosti: nauchnyj sitkom (sbornik nauchnyh trudov) = Historical city in the aspect of national mentality: a scientific sitcom (collection of scientific papers) / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, N. A. Didkovskoj. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. 173 s.

Istoricheskij gorod russkoj provincii – kul'turnyj universum: nauchnyj sitkom (sbornik nauchnyh trudov. Chast' 2) = Russian provincial historic city - cultural universum: a scientific sitcom (collection of scientific papers. Part 2) / nauch. red. T. S. Zlotnikova, N. A. Didkovskaja. Jaroslavl', 2009. 223 s.

Istoricheskij gorod russkoj provincii kak kul'turnyj universum = Russian provincial historic city as cultural universum:: uchebnoe posobie / nauch. red. T. S. Zlotnikova, M. V. Novikov, N. A. Didkovskaja, T. I. Erohina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. 536 s.

Kagan M. S. Grad Petrov v istorii russkoj kul'tury = Peter's city in the history of Russian culture: uchebnoe posobie dlja vuzov; 2-e izd., per. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt, 2018. 515 s.

Krogius V. R. Istoricheskie goroda Rossii kak fenomen ee kul'turnogo nasledija = Historic cities as a phenomenon of Russia's cultural heritage : monografija. Moskva : Progress-Tradicija, 2009. 312 c. // Jelektronno-bibliotechnaja sistema IPR BOOKS. URL: http://www.iprbookshop.ru/7194.html (data obrashhenija: 29.03.2021).

Kul'turnyj universum v predmetnom pole kul'turologii, istorii, filosofii, iskusstvovedenija, filologii: nauchnyj sitkom (sbornik nauchnyh trudov. Chast' 1) = Cultural universe in the subject field of cultural studies, history, philosophy, art studies, philology: a scientific sitcom (collection of scientific papers. Part 1) / nauch. red. T. S. Zlotnikova, N. A. Didkovskaja. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2009. 152 s.

Metodicheskie rekomendacii ocenki istoriko-kul'turnoj cennosti poselenija. Primenenie kriteriev istoriko-kul'turnoj cennosti poselenija v ocenke nedvizhimosti, raspolozhennoj v granicah istoricheskogo poselenija = Methodology for assessing the historical and cultural value of a settlement. Applying the criteria of historical and cultural value of a city in assessing the real estate located within the boundaries of a historical settlement / Je. A. Shevchenko, A. A. Nikiforov, A. V. Lukashev [i dr.] ; pod redakciej Je. A. Shevchenko. Sankt-Peterburg: Zodchij, 2014. 264 s. // Jelektronno-bibliotechnaja sistema IPR BOOKS. URL: http://www.iprbookshop.ru/35180.html (data obrashhenija: 22.03.2021).

Mogutova L. S. Istoricheskij gorod: problemy, poiski, reshenija = Historic city: problems, searches, solutions // Nasledie i sovremennost'. Vyp. 5. Moskva : Institut nasledija, 1997. S. 48–58.

Nekommercheskoe partnerstvo «Rossijskaja associacija restavratorov» = Non-profit partnership «Russian association of restorers. Sankt-Peterburg. URL: http://rosrest.com/istoricheskie-poselenija/ (data obrashhenija: 22.03.2021)

O metodicheskih rekomendacijah po kriterijam istoricheskih poselenij = On the methodological recommendations on the criteria of historical settlements // Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii. Moskva. URL: https://culture.gov.ru/documents/o-metodicheskikh-rekomendatsiyakh-po-kriteriyam-istoricheskikh-poseleniy/ (data obrashhenija: 23.03.2021)

Postanovlenie kollegii Ministerstva kul'tury RSFSR i Gosudarstvennogo komiteta Soveta Ministrov RSFSR po delam stroitel'stva ot 16 fevralja 1990 g. N 12 (162) «Ob utverzhdenii novogo spiska istoricheskih naselennyh mest RSFSR» = Resolution of the Board of the RSFSR Ministry of Culture and the State Committee of the RSFSR Council of Ministers on Construction dated February 16, 1990 N 12 (162) «On the approval of a new list of historical residential areas of the RSFSR» // Oficial'nyj internet portal pravovoj informacii. Moskva. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102101396&page=1&rdk=0#I0 (data obrashhenija: 17.03.2021)

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 nojabrja 2001 goda № 815 «O Federal'noj celevoj programme «Sohranenie i razvitie arhitektury istoricheskih gorodov (2002-2010 gody)» = Resolution of the RF Government of November 26, 2001 № 815 «On the Federal target program «Preservation and development of architecture of historic cities (2002-2010)»// Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoj informacii Konsorciuma «Kodeks». Sankt-Peterburg. URL: http://docs.cntd.ru/document/901807199 (data obrashhenija: 17.03.2021)

Prikaz Ministerstva kul'tury RF i Ministerstva regional'nogo razvitija RF ot 29 ijulja 2010 g. N 418/339 «Ob utverzhdenii perechnja istoricheskih poselenij» = Order of the RF Ministry of Culture and the Ministry of regional development of July 29, 2010 N 418/339 «On certification of the list of historic settlements» // Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU: sajt. Moskva. URL: https://base.garant.ru/199389/ (data obrashhenija: 17.03.2021)

Rossijskaja Federacija. Zakony. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob ob#ektah kul'turnogo nasledija (pamjatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii» i Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon № 179 ot 12.11.2012 = Russian Federation. Laws. On amendments to the Federal law «On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation» and the Urban Development Code of the Russian Federa-

tion: Federal Law No. 179 of 12.11.2012 // Oficial'nyj internet portal pravovoj informacii. Moskva. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201211130012?index=1&rangeSize=1 (data obrashhenija: 18.03.2021)

Sosedov E. V Rossii bol'she net i mozhet uzhe ne byt' istoricheskih poselenij? = There is no more Russia and there may no longer be any historic settlements? // Zhivoj zhurnal. URL: https://nathalie-zh.livejournal.com/123462.html (data obrashhenija: 10.03.2021)

Shevchenko Je. A. Ob istoricheskih poselenijah, nedvizhimyh ob#ektah nasledija i gradostroitel'nyh problemah ohrany nasledija = On historic settlements, immovable heritage objects and urban planning problems of heritage protection. Sankt-Peterburg : Zodchij, 2018. 368 c.

Stadt – Kultur – Landschaft: Dokumentation einer internationalen Tagung zur Gefährdung historischer urbaner Kulturlandschaften und zu den Möglichkeiten ihrer Bewahrung für die kommunale und regionale Entwicklung am 12. und 13. Februar 2009 in Osnabrück// DBU - Deutsche Bundesstiftung Umwelt. Berlin, 2009. 123 s. URL: https://www.dbu.de/phpTemplates/publikationen/pdf/01120903171413l2.pdf (data obrashhenija 29.11.2021)

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 05.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

Научная статья
УДК 348(470)«17»
doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-231-237

Коты на государевой службе в России XVIII века

Ирина Михайловна Чирскова
Старший преподаватель кафедры теории и истории культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
im-chir@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5810-8450

Аннотация. В русской традиции кошки всегда были любимы, символизировали благополучие и достаток. Они могли заходить в храмы, охраняли съестные припасы монастырей и приходов. Кот-мышелов ценился высоко.

XVIII век занимает особое место в истории государевой службы кошек в России. Именно тогда она была законодательно оформлена, что было и констатацией успешной «работы» котов в предшествующий период. Ключевое место в регламентации кошачьей «службы» принадлежит правлению Елизаветы Петровны, когда появилась серия указов о порядке набора, организации службы, вознаграждении усатых тружеников и специальном жилище для них при дворе. Проблема борьбы с грызунами в России была актуальна в течение всего XVIII века, как, впрочем, и в последующее время. Поскольку на службу определялись только «кладеные» коты, а набеги мышей и крыс следовали с досадной регулярностью, наборы на государеву службу проходили довольно часто. XVIII век стал и временем, когда образ кота, свободолюбивого и хитроумного существа, прочно вошел в русскую культуру и даже удостоился внимания зарождавшейся цензуры. К «должностным» обязанностям кошачьей службы добавилось украшение повседневной жизни, в том числе и придворного быта. Сам же кот стал любимцем человека на долгие годы. И в современном обществе кот остается помощником человека. Ему относительно редко приходится заниматься охотой, но само присутствие мохнатых «сотрудников» заставляет грызунов обходить стороной их «рабочие» места.

Ключевые слова: государева служба, «кладеные» коты, регламентация, обязанности, вознаграждение, кот в русской культуре

Для цитирования: Чирскова И. М. Коты на государевой службе в России XVIII века // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 231-237. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-231-237

Original article

Cats' state service in the 18th century Russia

Irina M. Chirskova
Senior lecturer, department of theory and history of culture, Russian state university for the humanities. 125047, GSP-3, Moscow, Miusskaya sq. 6
im-chir@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5810-8450

Abstract. In the Russian tradition, cats have always been loved, symbolizing well-being and prosperity. They could enter churches, guarded food supplies in monasteries and parishes. Cats that could catch mice were highly valued.

The 18th century holds a special place in the history of the cat's state service in Russia. It was then that the service became legal, which was also a recognition of the cat's successful «work» in the earlier years. The key place in the regulation of cat «service» belongs to the reign of Elizaveta Petrovna, when a series of decrees was issued on the order of recruitment, organization of service, rewarding and special housing for the cats at court. The problem of rodent control in Russia was acute throughout the XVIII century, as, indeed, in later years. Since only castrated cats were assigned to the service, and the raids of mice and rats followed with unfortunate regularity, recruiting for state service took place quite often. The 18th century was also the time when the image of a cat - a freedom-loving and cunning creature - firmly entered Russian culture and was even noticed by the nascent censorship. Apart from the «official» duties cats' service now included making everyday life of the court beautiful. The cat itself became the favorite of people for many years. And in today's society, the cat still helps people. It has to hunt rather rarely, but the very presence of furry «employees» makes rodents avoid their «work» places.

© Чирскова И. М., 2021

Key words: state service, cats, regulation, duties, reward, cat in Russian culture
For citation: Chirskova I. M. Cats' state service in the 18th century Russia. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2021;(4):231-237. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-231-237

Введение

Кошачья служба человеку началась еще в древности, о чем свидетельствует присутствие кошки в свите языческого бога Велеса. Она упоминается как хранительница очага и проводник в потусторонний мир.

В отличие от католической церкви, считавшей кошек адскими животными и спутниками ведьм, в православной традиции кошки были любимы. Как охранники съестных припасов в монастырях и приходах они, в отличие от собак, могли заходить в храмы, для чего существовали специально устроенные «входы». Изначально кошки на Руси были животными экзотическими и обитали, как правило, лишь в богатых домах. Профессионал-мышелов ценился высоко, и в патриархальной Москве кошка символизировала благополучие и достаток. Иногда кошками награждали, кража – каралась значительным штрафом, а за убийство – виновник, помимо штрафа, обязывался передать владельцу другое животное.

В этом контексте прозвище «кошка» имело позитивную коннотацию. Род Романовых в летописях иногда называли «кошкиным» в честь боярина Федора Андреевича Кошки, «собинного» друга князя Дмитрия Ивановича (Донского). От его внука Захария Ивановича берет начало род Захарьиных-Юрьевых. Из этого рода была взята первая, любимая, жена Ивана IV – Анастасия Захарьина, дочь Романова. Ее старший брат, Никита Романович, стал основателем династии Романовых.

Имеются свидетельства, не вполне подтвержденные документально, что при дворе первых Романовых проживали и коты, которые, несомненно, уже тогда начали свою государеву службу. Европейскую известность получил кот царя Алексея Михайловича. Есть предположение, что голландский художник Фредерик де Мушерон написал портрет царского любимца для книги Августина Мейерберга «Путешествие в Московию». Однако в издание изображение не вошло. Рисунки к этой книге выполнили И. Р. Шторн (или Сторн)[JohannRudolphStorn (Storno)] и И. Пюман [JohannPümann], которые входили в свиту Мейерберга во время его русского путешествия[Альбом Мейерберга, 1903]. Сомнение вызывает и тот факт, что Ф. де Мушерон, художник-пейзажист, вдруг решил обратиться к кошачьему портрету. На карте передвижения Фредерика де Мушерона, составленной голландскими историками искусства, отсутствует указание на пребывание его в Московии (см. сайт Нидерландского института истории искусства: RKD Netherlands institute for art history). Тем не менее, встречаются упоминания о наличии в Эрмитаже подлинного рисунка Мушерона. Одно из празднований дня эрмитажного кота (24 мая 2014 г.) сопровождалось демонстрацией в фойе Эрмитажного театра «Подлинного портрета кота великого князя Московии» 1661 г. В аннотации же выставки значилось: «гравюра второй половины XIX в., выполненная с оригинала Ф. де Мушерона» [Отчет Государственного Эрмитажа, 2015, с. 68]. Портрет царского кота искусствоведы считают самым ранним художественным образом домашнего животного на территории России, причем высказываются даже предположения, что под видом кота европейский мастер написал самого Алексея Михайловича.

Гравюры с изображением кота неоднократно упоминались в разном контексте в каталогах и исследованиях, как зарубежных, так и отечественных специалистов XIXв. Три –включены в каталог произведений Вацлава Холлара, составленный немецким историком искусства Густавом Фридрихом Партаем(номера: 2108, 2109, 2110) [Parthey, 1853]. Две из них отнесены к 1646 г., а гравюра под номером 2110 – к 1661 г. Разнятся размеры листов гравюр, а также надписи, их сопровождающие. На двух гравюрах № 2108, 2109 указано имя автора: «WHollarfecit. 1646». Гравюра № 2109 имеет две надписи на чешском и немецком языках: «Dobrá kočzka která nemlsá», «Dassistcinegutte Khatz, die nicht nascht» («Та кошка хороша, которая еду не ворует»). И только на гравюре 1661 г. обозначено: «Le Vray Portrait du chat du grand-duc de Moscouie» («Подлинный портрет кота великого князя Московии»). Однако именно на этом изображении отсутствует имя Вацлава Холлара [Parthey, 1853, p. 453].

Д. А. Ровинский признавал ценность и редкость гравюры, писал о наличии трех, известных ему, экземпляров, хранившихся в Дрезденской галерее, Петербургской Публичной библиотеке и его собственном собрании.

В исследовании И. М. Снегирева приведена версия Г. Чижова, что на дрезденском экземпля-

реизображен кот Ивана IV. Сам Снегирев с этой версией был не согласен и относил гравюру ко времени правления Алексея Михайловича, а ее персонажа называл «любимым котом» царя. Он же высказал гипотезу, что гравюра, созданная В. Холларом, легла в основу лубка «Погребение кота мышами», представлявшую, по его мнению, сатиру на Алексея Михайловича [Ровинский, 1884, с. 3; Ровинский, 1881, стб. 256–258; Снегирёв, 1861, с. 130].

Английский искусствовед Ричард Пеннингтон считал, что на гравюрах из каталога Г. Ф. Партая (№№ 2108 и 2109) изображен один и тот же кот [Pennington, 2002, p. 329]. Исследователя интересовали только два изображения, на которых было обозначено имя автора – Холлара. Гравюру же с указанием на принадлежность кота московскому князю Пенингтон не рассматривал. Однако нельзя не отметить, что все три изображения кота, особенно 2109 и 2110,очень похожи, и напрашивается предположение, что и более поздняя гравюра (2110) была сделана под влиянием двух предыдущих кошачьих портретов. Не случайно для иллюстрации текстов, связанных с историей кошек, в том числе, упоминающих любимца Алексея Михайловича, используются и изображения, где отсутствует прямое указание на принадлежность кота московскому князю.

Основная часть

«Служебные обязанности» котов были сформулированы в государственных документах Петра I. В литературе и на фелинологических сайтах, как правило, сообщаются две версии появления кота при дворе. По одной – царь собственноручно привез из Европы, по другой –взял из дома голландского купца в Вологде большого пушистого кота, который поселился в покоях государя. Существует предание, что звали этого царского любимца Василием. Ни одна из версий документально не подтверждена. Упоминание кота есть лишь в анекдоте о шуте Балакиреве.

Достоверно известно, что именно при Петре появился указ о кошачьей «службе», предписывавший «иметь при амбарах котов, для охраны таковых и мышей и крыс устрашения». Рацион «служилых» не оговаривался, питались они, скорее всего, по преимуществу плодами собственной охоты. Есть предположение, что подкармливали тех, кто охранял царские покои или состоятельные дома. Так, например, В. Наумов говорит, что «они жили в подвалах и на чердаках на самообеспечении и лишь по вечерам получали в качестве поощрения миску молока или подкормку из птичьего мяса» [Наумов, 2010, с. 418].

В XVII–XVIII вв. большое распространение в русской культуре получили лубочные картинки с надписями,одним из излюбленных персонажей которых были кошки. Именно на них были сатирические изображения царя в образе кота с текстами, намекавшими на мероприятия Петра I. Среди прочего и этот факт стал поводом к появлению указа, вводившего цензуру на продажу «листов разных изображений» и пр.

Документ «под страхом жестокого ответа и беспощадного штрафования» потребовал конфисковатьи собрать в Приказ церковных дел «самовольно писанныя» изображения, напечатанные людьми, «своевольно дерзающими без свидетельства и позволения». Виновников, продававших изображения и другую печатную продукцию, обязали допросить, «кем сочинены и писаны и печатаны» с «довольным всех обстоятельств показанием», чтобы впредь они «в такия непозволительных их действа самовольством весьма не вступали» (см. указ «О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов, изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный приказ» [ПСЗ I. Т. 6. № 3765 от 20 марта 1721 г.]).

Одна из самых известных и широко распространенных в России лубочных картинок посвящена сюжету о погребении кота мышами. Исследователи еще с началаXIXв. пытались установить «родословие» изображенного на ней кота. Его связывали с лютеранской традицией и чешскими картинками XVI в., изображениями котов в индийской и египетской культуре, печатными «кошачьими» сюжетами, хранившимися в Лондонском и Берлинском музеях, а также Парижской библиотеке [Макаров, 1821, с. 53–54; Снегирёв, 1861 и др.].

Д. А. Ровинский пришел к выводу, что, несмотря на наличие котов и мышей, лубок о похоронах кота –чисто русское произведение. Оно, по его мнению, изображает похороны ПетраI в образе кота. Сопроводительные надписи и фигуры персонажей перечисляют и пародируют мероприятия петровского царствования, акцентируя отрицательные стороны государственной «службы» кота (царя). Авторство приписывалось раскольникам. «Кот казанский, ум астраханский, разум сибирский, а ус-с-уса-стерский [то есть стоящий к верху, торчком – прим. И. М.]» был в разных вариантах весьма популярен в течение всего XVIII в., несмотря на то, что из цензурных

соображений некоторые элементы менялись. Так, было исключено не только указание дня кончины «кота» Алабрыса, но и вместо зимнего погребения появились варианты летнего и др. [Ровинский, 1900–1901, стб. 252–271].

О том, что именно кот казанский был самым известным представителем кошачьего семейства, уже имевшим служебные заслуги, свидетельствует и знаменитый указ Елизаветы Петровны. 2 ноября 1745 г. императрица велела «прислать в С.-Петербург ко двору», «сыскав в Казани здешних пород кладеных [то есть кастрированных – прим. И. М.] самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей». Порядок набора на государеву службу только таких котов сохранялся и впоследствии, что разрушает миф о появлении особой дворцовой, позднее названной эрмитажной, породы котов. За благополучным переездом новых «работников» должен был следить специальный сопровождающий, «который бы мог за ними ходить и кормить». Их должны были обеспечить транспортом и питанием. Приказали дать «под них подводы и на них прогоны и на корм сколько надлежит». Все должно было осуществиться в самые короткие сроки – «немедленно». Губернатору же Казанской губернии А. Г. Загряжскому «велено» было публично объявить, «ежели кто имеет у себя таковых кладеных котов», сообщить в губернскую канцелярию в течение трех дней с момента опубликования известия о сборе котов «для скорейшего отправления» их на государеву службу. «За необъявление» грозил штраф «по указам». Вальдмейстеры и администрация Казанской губернии, а также городские власти Уржума, согласно указу, обязывались через публикацию известить население и способствовать «сыску таковых же котов в самом скором времени» и отправку их в губернскую канцелярию [Указ о высылке ко двору котов, 1745 (выписан из указа свияжской провинциальной канцелярии в царевокошкайскую воеводскую канцелярию, от 4-го ноября 1745-го года за № 4050; в Полное собрание законов Российской Империи указ не вошел)]. Так на самом высшем уровне именными указами императрицы был произведен первый «рекрутский» набор котов на государеву службу.

Проблема охраны дворцов от грызунов сохранила свою актуальность и позже. Указы 1750-х гг. уточняли место службы, численный состав, условия пребывания и содержания отдельных служивых кошачьих команд. В 1750 г. для переселения в новый Летний дворец Елизавета Петровна предписала «в Новом Зимнем дворце в камер-юнферских и прочих покоях отобрать до тридцати кошек», а если не удастся набрать такое количество, «то хотя купить». На новом месте их следовало, «покормя неделю, или более времени, для переводу мышей впускать» в царские покои. Для обеспечения плодотворной деятельности усатых служителей и «по лучшему усмотрению» «от придворной конторы» предполагалось «приставить особливых людей».

Через три года ряды котов, находившихся на государственной службе, пополнились. Они получили даже собственные «квартиры». 27 октября 1753 г. появился указ Дворцовой канцелярии набрать «кошек до трехсот» «для посажения в новосделанные при Головинскомея императорскаго величества доме зимние покои», там их прикармливать, а затем «распустить, чтоб оныя по прокормлении разбежаться не могли», «и то число кошек содержать всегда при дворе». Для «прикормки» же и «содержания» котов постановили «сделать от гоф-интендантской конторы по близости Головинскаго дворца особливый покой».

На следующий год были внесены изменения в рацион питания придворных котов. Находившиеся в царских апартаментах животные должны были вместо говядины и баранины получать дичь. Офицерам, служившим «на кормовом погребу», приказали отпускать «в каждой день рябчиков и тетеревей по одному» [Именные указы, 1880, с. 444].

Столь детальной регламентации кошачьей службы в позднейшем Российском законодательстве XVIII в. не встречается. Можно предположить, что должностные обязанности осуществлялись в прежнем объеме, вознаграждение за службу коты получали и в последующее время. Пристальное внимание императрицы к кошкам стимулировало и интерес подданных.

Если при Елизавете Петровне о служилых котах упоминалось как о некоем едином сообществе, то при Екатерине II оформилась своеобразная кошачья иерархия. Императрица любительницей кошек не была, но понимала необходимость и значение их службы для спокойной жизни дворца. Известно, что и Москва и Петербург периодически подвергались нашествиям грызунов, что не могло не беспокоить власти. При Екатерине, в так называемые «мышиные» годы, в столицы завозили дополнительные партии пушистых борцов с этой напастью.

Кроме того, ко второй половине XVIII в. уже была оценена красота и грациозность этих животных. В знатных домах кошки из подвалов и чердаков переместились в жилые помещения. Произошло разделение придворных котов на надворных и комнатных. Характер государевой службы этих двух категорий животных несколько разнился. И те и другие по-своему боролись с грызунами, но, как правило, уже на разных территориях. Произведенные императрицей в «охранителей картинных галерей» комнатные животные, помимо охраны культурных ценностей, служили еще и своеобразным украшением повседневной жизни дворца. Среди них преобладали специально отобранные, особенно красивые представители кошачьих. Считается, что еще с елизаветинских времен появилась порода кошек, которую впоследствии стали именовать «русская голубая». Однако породистых кошек, как таковых тогда еще не было, селекционная работа началась только вXIX в., хотя уже в XVIII в. привозились животные из Персии, ценились и российские сибирские коты.

Выводы

Можно говорить о том, что именно в XVIII в. окончательно оформилась и была документально зафиксирована кошачья служба на пользу государства. Важность этой службы была по достоинству оценена. Кошки проживали в домах знатных особ и простых людей, охраняли торговые предприятия и склады, государственные гражданские и военные учреждения, церковное и монастырское имущество, культурные ценности, служили и при царском дворе.

В отличие от собаки, которая изначально символизировала преданность, дружбу и подчинение и сопровождала главное придворное развлечение – охоту, кошка оставалась животным несколько загадочным и не слишком послушным. Охоту же любили все Романовы. Страстным охотником был царь Алексей Михайлович. Не чужда эта забава была и ПетруI, который, однако, большую часть времени посвящал делам военным и государственным. Юный Петр II, напротив, увлекался охотой больше, чем государственными делами, что вполне устраивало его окружение. Страстной любительницей стрельбы слыла Анна Иоанновна, для которой даже устраивались специальные загоны животных, по которым императрица не чуралась стрелять из окошка. Она требовала от придворного дворянства обучать стрельбе даже дочерей [Вигор (Рондо), 2016, с. 162, 212].Псовой охоте отдавала дань и Елизавета Петровна.

Кошка же, гулявшая «сама по себе», олицетворяла хитрого, умного, состоявшегося, возможно знатного и богатого человека. Именно поэтому она, наряду с лисами и медведями, стала непременным героем устной и письменной культуры. СXVII в., времени расцвета лубка, кошка, войдя в круг его постоянных персонажей, подчас выступала здесь в роли трикстера.

Петр Iпрагматично относился к кошкам, но понимал необходимость и не умалял значение кошачьей службы. В Москве и строившемся Петербурге мыши и крысы нападали не только на склады и амбары, но портили церковное и монастырское имущество, жилища и домашнюю утварь, деревянные детали оружия и кораблей, военную амуницию и пр.

При Елизавете Петровне, которая, как гласит легенда, страдала мышефобией, вопрос оставался остро актуальным. Появилась серия специальных указов императрицы, посвященных кошачьей службе. Они закрепили «должностные обязанности» животных, определенных на государеву службу, установили вознаграждение за ее исполнение и порядок пополнения рядов кошачьей «гвардии».

Вплоть до конца XVIII в. грызуны были одной из главных угроз деревянной России. Периодические набеги мышей и крыс наносили значительный урон городам и поселениям. Бытовало даже выражение «мышиные годы» для обозначения времени особо интенсивных атак грызунов. Ряды «кошачьей стражи» для борьбы с этой напастью периодически пополнялись, причем распоряжения шли от верховной власти, что подчеркивало значение их государственной службы. При Екатерине IIбыла выстроена своеобразная кошачья иерархия с определенным ареалом проживания и разграничением служебных функций. Комнатные животные, помимо традиционных обязанностей, охраняли произведения искусства, музыкальные инструменты и другие культурные ценности.

Образ кота, свободолюбивого и хитромудрого существа, прочно вошел в русскую культуру. Ему удалось исполнить даже «роль» царя и удостоиться внимания цензуры, делавшей в XVIII в. первые шаги к своему институциональному оформлению. Именно в XVIII в. формируется и особая кошачья «должностная» обязанность – служить теплым и ласковым украшением повседневной жизни, урчать и мяукать на

радость человеку, периодически исполняя и повседневную работу.

Несмотря на современные методы дератизации, коты продолжают нести свою службу. Им редко приходится непосредственно заниматься охотой, но само присутствие мохнатых «сотрудников» заставляет грызунов обходить стороной их «рабочие» места. «Служилых» котов кормят, любят, берегут, устраивают в их честь праздники. Им посвящают стихи, песни, художественные произведения, телепередачи, интернет-сайты и пр. Особую касту составляют «работники» учреждений культуры. Так, например, «эрмики» приобрели международную известность и имеют спонсоров далеко за пределами России. Истоки человеческой привязанности к кошкам связаны, в первую очередь, с признанием эффективности их государевой службы и берут начало в веке XVIII.Тогда же котики получили и эстетическое признание, их полюбили за грациозность, ласку, мягкость и многие другие качества, которые человек увидел или приписал мохнатым существам.

Библиографический список

Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину с приложением карты пути цесарскаго посольства 1661–62 гг. Издание А. С. Суворина 1903 года.

Анисимов Е. В. Россия без Петра. Санкт-Петербург : Лениздат, 1994. 496 с.

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. Москва : Мысль, 1986. 239 с.

Бартон Д. Жизнь кошек. Москва : Кладезь, АСТ, Астрель, 2015. 605 с.

Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохи дворцовых переворотов / сост. Е. В. Анисимов. Москва : Художественная литература, 1991. 129 с.

Вигор (Рондо) Дж. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны / пер. с англ. Е. П. Карновича; ред., примеч. С. Н. Шубинского; предисл., примеч. А. В. Сазанова. Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 2016. 286 с.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. 802 с.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.

Именные указы императрицы Елисаветы Петровны от 12 марта 1750 г., 27 октября 1753 г., 16 октября 1754 г. // Исторический вестник. Т. 1. № 3. 1880. С. 444.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Москва : Эксмо, 2009. 1024 с.

Макаров М. О Московских Ведомостях, изданных в царствование Государя Императора Петра Великого // Вестник Европы. 1821. № 9. С. 53–54.

Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Москва : Текст, 1994. 300 с.

Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 51–72.

Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. Москва : Молодая гвардия, 2010. 443 с.

Отчет Государственного Эрмитажа. 2014 / Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 244 с.

Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии. Т. III. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1884. 121 с.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. 1 / собр. и описал Д. А. Ровинский; по смерт. труд печатан под наблюдением Н. П. Собко. Санкт-Петербург : Издание Р. Голике, 1900–1901. 370 стб.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. XXVI. Москва : Типография императорской Академии наук, 1881. 795 с.

Снегирёв И. М. Лубочные картинки русского народа в Московском мире. Москва : Университетская типография, 1861. 139 с.

«О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов, изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный приказ» // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VI. Указ № 3765 от 20 марта 1721 г. Санкт-Петербург : печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 373.

Указ о высылке ко двору котов. 1745 г. / сообщ. А. Г. Пупарев // Русская старина. Т. III. Выпуски 1–6. Санкт-Петербург : Печатня В. И. Головина, Владимирская, д. № 15, 1871. С. 642–643.

Parthey G. Wenzel Hollar: beschreibendesVerzeichniss seiner Kupferstiche. Berlin : Nicolai, 1853.

Pennington R. A descriptive catalogue of the etched works of WencelausHollar, 1607–1677. Cambridge : CambridgeUniversityPress, 2002.

Reference list

Al'bom Mejerberga. Vidy i bytovye kartiny Rossii XVII veka. Drezdenskogo al'boma, vosproizvedennye s podlinnika v natural'nuju velichinu s prilozheniem karty puti cesarskago posol'stva 1661–62 gg. = Meyerberg's Album. Views and everyday pictures of the XVII century Russia. The Dresden album, reproduced from the original in full size, with the map of the route of the Cesar's embassy in 1661-62. Izdanie A. S. Suvorina 1903 goda.

Anisimov E. V. Rossija bez Petra = Russia without Peter. Sankt-Peterburg : Lenizdat, 1994. 496 s.

Anisimov E. V. Rossija v seredine XVIII veka. Bor'ba za nasledie Petra = Russia in mid-XVII century. Fight for Peter's legacy. Moskva : Mysl', 1986. 239 s.

Barton D. Zhizn' koshek. = Cats' life. Moskva : Kladez', AST, Astrel', 2015. 605 s.

Bezvremen'e i vremenshhiki. Vospominanija ob jepohi dvorcovyh perevorotov = Timelessness and the temporaries. Memories of the palace coup era / sost. E. V. Anisimov. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1991. 129 s.

Vigor (Rondo) Dzh. Pis'ma ledi Rondo, zheny anglijskogo rezidenta pri russkom dvore v carstvovanie imperatricy Anny Ioannovny = Letters from Lady Rondeau, wife of the English resident at the Russian court during the reign of Empress Anna Ioannovna / per. s angl. E. P. Karnovicha; red., primech. S. N. Shubinskogo; predisl., primech. A. V. Sazanova. Moskva : Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2016. 286 s.

Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii = Power and reform. From autocratic to Soviet Russia. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 1996. 802 s.

Zhivov V. M. Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka = Language and culture in XVIII century Russia. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 591 s.

Imennye ukazy imperatricy Elisavety Petrovny ot 12 marta 1750 g., 27 oktjabrja 1753 g., 16 oktjabrja 1754 g. = Personal decrees of the Empress Elisaveta Petrovna on March 12, 1750, October 27, 1753, October 16, 1754. // Istoricheskij vestnik. T. 1. № 3. 1880. S. 444.

Kostomarov N. I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej = Russian history in the biographies of its most important figures. Moskva : Jeksmo, 2009. 1024 s.

Makarov M. O Moskovskih Vedomostjah, izdannyh v carstvovanie Gosudarja Imperatora Petra Velikogo = On the Moscow Gazette published during the reign of Emperor Peter the Great // Vestnik Evropy. 1821. № 9. S. 53–54.

Medushevskij A. N. Utverzhdenie absoljutizma v Rossii = Establishing absolutism in Russia. Moskva : Tekst, 1994. 300 s.

Naumov V. P. Elizaveta Petrovna = Elizaveta Petrovna // Voprosy istorii. 1993. № 5. S. 51–72.

Naumov V. P. Povsednevnaja zhizn' Petra Velikogo i ego spodvizhnikov. = Everyday life of Peter the Great and his allies. Moskva : Molodaja gvardija, 2010. 443 s.

Otchet Gosudarstvennogo Jermitazha. 2014 = The State Hermitage report. 2014 / Gosudarstvennyj Jermitazh. Sankt-Peterburg : Izd-vo Gos. Jermitazha, 2015. 244 s.

Rovinskij D. A. Materialy dlja russkoj ikonografii. T. III = Materials for Russian iconography. V.III. Sankt-Peterburg : Jekspedicija zagotovlenija gosudarstvennyh bumag, 1884. 121 s.

Rovinskij D. A. Russkie narodnye kartinki. T. 1 = Russian folk pictures. V.I / sobr. i opisal D. A. Rovinskij; po smert. trud pechatan pod nabljudeniem N. P. Sobko. Sankt-Peterburg : Izdanie R. Golike, 1900–1901. 370 stb.

Rovinskij D. A. Russkie narodnye kartinki. T. XXVI = Russian folk pictures. V.XXVI. Moskva : Tipografija imperatorskoj Akademii nauk, 1881. 795 s.

Snegirjov I. M. Lubochnye kartinki russkogo naroda v Moskovskom mire = Popular pictures of the Russian people in the Moscow world. Moskva : Universitetskaja tipografija, 1861. 139 s.

«O neprodazhe listov raznyh izobrazhenij, sluzhebnikov i kanonov, izdannyh bez dozvolenija Sinoda, i ob otbiranii onyh v Cerkovnyj prikaz» = «On the non-sale of sheets with various images, office books, and canons published without the permission of the Synod, and on their confiscation to the Clerical Order» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem gosudarja imperatora Nikolaja Pavlovicha sostavlennoe. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrja 1825 goda. T. VI. Ukaz № 3765 ot 20 marta 1721 g. Sankt-Peterburg : pechatano v Tipografii II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. S. 373.

Ukaz o vysylke ko dvoru kotov. 1745 g. = Decree on sending cats to court. 1745 g. / soobshh. A. G. Puparev // Russkaja starina. T. III. Vypuski 1–6. Sankt-Peterburg : Pechatnja V. I. Golovina, Vladimirskaja, d. № 15, 1871. S. 642–643.

Parthey G. Wenzel Hollar: beschreibendesVerzeichniss seiner Kupferstiche. Berlin : Nicolai, 1853.

Pennington R. A descriptive catalogue of the etched works of WencelausHollar, 1607–1677. Cambridge : CambridgeUniversityPress, 2002.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.
The article was submitted on 11.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 29,75 п. л., 25,2 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 241. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.12.2021
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69